

РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ

ГИПЕРИОН

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ

RUSSIAN JEWRY ABROAD

Vol. 22

RUSSIAN JEWS IN AMERICA

Book 6

Compiled and edited by
Ernst Zaltsberg

**Jerusalem – Toronto – Saint-Petersburg
2012**

РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ

Том 22

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ

Книга 6

Редактор-составитель:

Эрнст Зальцберг

**Иерусалим – Торонто – Санкт-Петербург
2012**

Научно-исследовательский центр
РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ
Науч. руководитель *Михаил Пархомовский*

Том 22

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ. Кн. 6

Редактор-составитель:

Эрнст Зальцберг

Редакционный совет:

Ирина Обухова-Зелиньска, Дан Харув

Иерусалим—Торонто—Санкт-Петербург, 2012

Research Center for RUSSIAN JEWRY ABROAD
Director for Scholarly Works *Mikhail Parkhomovsky*

Vol. 22

RUSSIAN JEWS IN AMERICA. Book 6

Compiled and edited by *Ernst Zaltsberg*

Editorial Board:

Irina Obukhova-Zelin'ska, Dan Kharuv,

Jerusalem—Toronto—Saint-Petersburg, 2012

ISBN 978-5-89332-191-3

© Э. А. Зальцберг, редактор-составитель тома, 2012

© Авторы статей, 2012

© Издательство «Гиперион», оформление, 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Серия книг «Русские евреи в Америке» началась с выхода в свет первого тома в 2005 г.; в последующие годы были изданы тома со второго по пятый¹.

Принцип составления настоящего тома остается тем же, что и пяти предшествующих. Это — собрание статей, эссе и документов об отдельных персоналиях и группах лиц. Все материалы сгруппированы по разделам «История», «Литература и библиография», «Искусство», «Наука» и «Военное дело». Таким образом, тематика и жанры шестого тома сохраняют преемственность с предыдущими томами. Так, в продолжение темы «Русские евреи в американском кино», начатой покойным Р. Янгировым, в настоящем томе публикуется статья Е. Цымбала о кинооператоре Б. Кауфмане (брате Д. Вертова), успешно работавшем в Голливуде. Мы продолжаем также жанр автобиографических очерков. В шестом томе вниманию читателей предлагаются автобиографии профессоров Монреальского университета Макгилл Я. Рабкина и Калифорнийского университета С. Арони.

Значительное место уделено документам. В частности, впервые публикуются письма О. Дымова А. Бурову (И. Обухова-Зелиньска), которые дополняют переписку О. Дымова и А. Руманова, помещенную в пятом томе. В шестом томе печатаются также письма Д. Ресто, многолетней компаньонки и ассистентки клавишницы В. Ландовской, проливающие свет на некоторые моменты биографии последней.

Многие авторы использовали малоизвестные или малодоступные источники и архивы. Так, в упоминавшейся статье Е. Цымбала «Борис

¹ Русские евреи в Америке. Кн. 1 / Ред.-сост. Э. Зальцберг, М. Пархомовский. Иерусалим; Торонто; М., 2005.

Евреи из России в Америке. Кн. 2 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2007.

Русские евреи в Америке. Кн. 3 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2009.

Русские евреи в Америке. Кн. 4 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2010.

Русские евреи в Америке. Кн. 5 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2011.

Кауфман и его старшие братья», автор привлекает материалы из своего обширного личного архива. А. Шило в эссе о жизни и творчестве художника С. Сорина в Америке цитирует неопубликованную переписку художника с А. Н. Бенуа.

В разделе «История» приводятся очерки К. Финкельштейна о Г. Виленкине, В. Телицына — о К. Зайцеве и И. Жижко Браун — о С. Алинском. Герой первого очерка интересен тем, что, состоя на государственной службе в царской России и не отказываясь от еврейства, занимал высокие посты и сыграл важную роль в русско-японских переговорах о мире в 1905 г. в Портсмуте (США). К. Зайцев, будучи крупным ученым и впоследствии став монахом, пытался критически осмыслить опыт русской революции и ее влияние на историческое развитие России. С. Алинский, которого называли «американским Макиавелли», разрабатывал политтехнологии захвата власти и мирного перераспределения собственности в пользу малоимущих. Его методы широко использовал во время предвыборной кампании нынешний президент США Б. Обама, который считает С. Алинского одним из своих духовных наставников.

В шестом томе приняли участие журналисты и ученые из США, Канады, России, Украины и Польши, которым я приношу глубокую благодарность за их бескорыстный труд. Считаю также своей приятной обязанностью выразить признательность М. Пархомовскому и И. Обуховой-Зелиньска за помощь в составлении и редактировании тома, а также Маделин Ахад (Mrs. Madeline Ahad, England) — за неизменный интерес к изданию и поддержку в трудные минуты и Е. Чабан — за помощь в форматировании иллюстраций.

Э. Зальцберг

РУССКИЕ ЕВРЕИ
В АМЕРИКЕ

ИСТОРИЯ

Григорий Абрамович Виленкин (1864–1930)

Кирилл Финкельштейн (Бостон)

...ту победу, которой тщетно добивалась Россия на полях сражений в Маньчжурии, Витте блестяще одержал в Портсмуте. Витте, благодаря Виленкину и его связям, удалось сделать так, что японцы не получили больше денег на дальнейшее ведение войны.

А. В. Давыдов

В этой статье мы расскажем о российском дипломате Григории Абрамовиче Виленкине, занимавшем в 1904–1906 и 1910–12 гг. пост агента Министерства финансов России в США. Его судьба отличается от судеб большинства соотечественников-евреев, эмигрировавших на американский континент в поисках лучшей жизни.

Виленкин сделал блестящую карьеру, служа царскому правительству, получил от него ордена, награды и чин действительного статского советника, приравненный к генеральскому на военной службе. Нахождение еврея у вершин российской власти вызывало озлобление многих антисемитов на родине, но Григорий Абрамович оставался верен как долгу службы перед отечеством, так и вере своих предков. Годы пребывания в США стали наиболее яркими в жизни Виленкина; он многое сделал для сближения позиций России и Америки, сыграл немалую роль в достижении мира между Россией и Японией на проходивших в американском городе Портсмуте переговорах.

Григорий был старшим ребенком в семье царскосельского купца 1-й гильдии Абрама Марковича (1840–1924) и Рэчел (урожд. Бэйли, 1845–1921) Виленкиных. Вместе с ним в семье росли пять сестер и два брата: Яков (инженер, 1870–1943) и Александр (юрист, 1883–1918). Дети были окружены вниманием и заботой родителей, многочисленных нянек и гувернанток, лето проводили в имениях семьи: Волгово (Поволжье)

*Г. А. Виленкин в мундире
Министерства народного
образования, ок. 1895*

и Остроговицы (ныне Волосовский район Ленинградской области). В Царском Селе, в доме Абрама Виленкина (Велиовская ул., 24, ныне ул. Радищева) размещалась еврейская молельня. Учились братья в знаменитой Императорской Николаевской Царскосельской гимназии, славившейся высоким уровнем классического образования и давшей России много прославленных имен¹.

Окончив гимназию в 1882 г. с серебряной медалью, Григорий Виленкин поступил на юридический факультет Дерптского (ныне Тартуского, Эстония) университета, затем перевелся в Санкт-Петербургский университет, после окончания которого в 1887 г. служил в Министерстве народного просвещения. Был командирован в Англию для изучения поста-

новки высшего образования в университетах Оксфорда и Кембриджа, затем во Францию, для изучения системы начального образования. Французское правительство высоко оценило работу Виленкина, присвоив ему звание *Officier d'Académie*².

В 1895 г., после возвращения Виленкина в Петербург, министр финансов России С. Ю. Витте пригласил Григория Абрамовича на работу в свое ведомство, где он вскоре занял должность помощника финансового агента российского правительства в Лондоне. Созданное в 1836 г. для сбора сведений «об улучшениях в фабричной, заводской и ремесленной промышленности Англии», агентство в конце XIX в. превратилось в центр по сбору данных для министра финансов С. Ю. Витте о торгово-промышленной жизни в Великобритании. Дело было поставлено таким образом, что Витте получал информацию не только от финансового агента Татищева, но и напрямую от Виленкина, причем Татищев не знал сведений, сообщаемых его помощником³. В 1901 г., в результате распри в агенстве, Виленкин был отозван в Петербург, но уже в 1904 г. назначен агентом Министерства финансов России в Вашингтоне. В его задачи входило установление торговых отношений и непосредственных связей между деловыми кругами двух стран, способствование размещению российских займов и создание в США благоприятного образа России.

Назначению на эту престижную и ответственную должность (финансовые агенты пользовались всеми правами сотрудников посольств и дипломатическим иммунитетом) помогли родственные связи Григория Абрамовича. В 1895 г. он женился на дочери видного лондонского банкира Зелигмана — Ирме Зелигман (1871–1958). Ее дяди (банкир и профессор) жили в Нью-Йорке и были, в свою очередь, родственниками могущественного еврейского финансиста США Джейкоба Шиффа⁴. Входившие в американскую финансовую элиту Шифф и Зелигман были противниками расширения торгово-финансовых контактов с Россией из-за политики царского правительства по отношению к евреям. А одной из задач финансового агента было противодействие распространению неблагоприятной для России информации и антироссийской агитации, которую вели в начале XX в. американские евреи⁵.

Газета *Вашингтон пост* откликнулась на прибытие нового финансового агента российского правительства заметкой, в которой говорилось, что «*г-н и г-жа Виленкины прибыли в Вашингтон с двумя маленькими детьми*⁶. Они поселились в доме на 18-й улице, где г-жа Виленкина будет принимать по вторникам. Их прибытие является важным событием в открывающемся сезоне». Отмечались приятные манеры четы, гостеприимство г-жи Виленкиной и то, что ее состояние составляет несколько миллионов долларов. В короткое время Виленкины обзавелись многочисленными знакомствами в американской столице: г-жа Виленкина вместе с женами дипломатов российского посольства собирала посылки для раненых в Маньчжурию, а Григорий Абрамович налаживал связи в американских финансовых кругах. В первую очередь он встретился со своим родственником — финансистом Джейкобом Шиффом. В воспоминаниях А. В. Давыдова (правнука декабриста) приводится рассказ директора Кредитной канцелярии Министерства финансов России Л. Ф. Давыдова о том, что в начале 1900-х гг. через Шиффа в Россию шли деньги для финансирования революции, и главной задачей Виленкина было вступить в переговоры с Шиффом от имени министра финансов России С. Ю. Витте. «*Благодаря своим родственным связям Г. А. Виленкину не надо было подготавливать почву для разговора, и таковой состоялся очень скоро после его прибытия в Америку. <...> Но на предложение Г. А. Виленкина пойти на соглашение с Русским Правительством по еврейскому вопросу и, в случае успеха переговоров, прекратить денежную поддержку революции Шифф ответил, что дело зашло слишком далеко и предложение Виленкина запоздало и, кроме того, с Романовыми мир не может быть заключен*⁷.

Несмотря на первую неудачу, налаженные через Г. А. Виленкина контакты российского правительства с Шиффом и другими финансистами пригодились во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. За первые

15 месяцев войны Россия потерпела чувствительные поражения на суше и на море. Военные неудачи и начавшееся революционное брожение заставили царское правительство отказаться от мечты о создании «Желтороссии» и подтолкнули на поиски путей к миру. Несмотря на военные успехи, противник также не был заинтересован в продолжении войны — его военные, людские и финансовые ресурсы находились на грани истощения. Поэтому в мае 1905 г. Япония обратилась за содействием в достижении мира к американскому президенту Теодору Рузвельту, которому вскоре удалось заручиться согласием Николая II на проведение переговоров.

Главой российской делегации был назначен Сергей Юльевич Витте (1849–1915) — выдающийся политический деятель, реформатор и знаток дальневосточной политики, предупреждавший о гибельности войны с Японией задолго до ее начала. 2 августа 1905 г. Витте в сопровождении других членов делегации прибыл в Америку, имея строгий наказ царя: добиться почетного мира, не отдав «хотя бы одной копейки контрибуции, ни одной пяди земли». В нью-йоркском порту делегацию встречали члены российского посольства, включая финансового агента Виленкина. С первых шагов на американской земле он сопровождал С. Ю. Витте, не владевшего английским, в качестве личного секретаря и переводчика.

Исполняя роль гида, Григорий Абрамович совершил вместе с Витте автомобильную поездку по Нью-Йорку, во время которой они проехали по Бродвею, полюбовались видом города с крыши небоскреба, посетили знаменитую товарную биржу на Wall Street, где Виленкин представил Витте американским деловым кругам, и кварталы Бруклина, в которых селились евреи — выходцы из России. Сам Сергей Юльевич записал по этому поводу в дневнике:

«По приезде моем в Нью-Йорк меня предупредили, чтобы я не ездил в еврейские кварталы. В это время в Нью-Йорке уже было евреев до 500 тысяч человек, большинство покинувшие Россию главным образом по случаю трудности заработка и отчасти еврейских погромов. Вероятно, ожидали покушения оттуда.

Я взял по приезде автомобиль и поехал на нем с одним из чиновников посольства (Г. А. Виленкиным. — К. Ф.) по всем еврейским кварталам. Евреи скоро узнали меня. Сначала смотрели косо, потом равнодушно, когда я с несколькими сказал несколько слов по-русски и поздоровался с ними, то относились ко мне большею частью добродушно и благожелательно»⁸.

После встречи с президентом Рузвельтом и членами японской делегации на борту президентской яхты «May Flower» (на встрече присутствовал и Г. А. Виленкин) российская миссия отбыла на ней в Портсмут,

выбранный местом проведения переговоров. Не любивший морских путешествий Витте вдвоем с Виленкиным вскоре высадились на берег и продолжили путь по железной дороге. Во время остановки в Бостоне они осмотрели старую часть города, сделали короткий визит в Гарвардский университет и летнюю резиденцию российского посольства в расположенном неподалеку живописном городке Магнолия.

Неожиданный приезд российских парламентариев вызвал огромный интерес: толпы бостонцев, ожидая выхода русских, окружили гостиницу, в которой поселились Витте и Виленкин. На следующий день местные газеты вышли с репортажами, освещавшими поминутно визит важных гостей. Репортеры писали, что выбор Виленкина в качестве личного секретаря главы русской делегации был на редкость удачным не только благодаря тому, что он свободно говорил по-английски, но и потому, что он хорошо изучил характер, нравы и обычаи американцев. Отмечалась профессиональная выучка Виленкина, его способность пространно говорить о дипломатических коллизиях, не раскрывая ничего по сути.

После недолгого визита в Бостон Витте и Виленкин в сопровождении агентов американских спецслужб отправились на вокзал, чтобы проследовать в Портсмут. На вокзале их встретила большая толпа горожан, многие из которых были выходцами из России. Из дневника Витте:

«Ко мне подошло много евреев и начали со мною говорить по-русски. Они мне сказали, что сравнительно недавно покинули Россию, так как не под силу им было более терпеть стеснения. Я расспрашивал некоторых из них, как они устроились. Они мне ответили, что сравнительно хорошо, во всяком случае имеют более средств, чем имели в России. Я им сказал, что, значит, они довольны своей судьбой. На это я получил ответ: “Нет, не вполне, мы теперь американские граждане, а все-таки не можем и никогда не забудем Россию, так как в ее земле хранится прах наших отцов и предков. Мы не питаем любви к российским порядкам, но все-таки любим более всего Россию, а потому не верьте, если вам будут говорить, что мы желаем на конференции успеха японцам, мы все желаем вам успеха, как представителю русского народа, и будем молить о том Бога”. Я простился с ними, и поезд тронулся. Прозвучал громогласный гул “ура!”».

На следующий день местные газеты вышли с сенсационным сообщением, что Витте пожал руки всей поездной прислуге, а машиниста даже поцеловал. Случай, невиданный даже для свободолюбивой Америки, сразу же был разнесен телеграфом по миру, но на самом деле все было прозаичнее. *«По словам Виленкина, дело было не совсем так. <...> по прибытии в Портсмут [они] подошли к паровозу, чтобы дать на чай машинисту и кочегару. Последние сами подали руки Витте, который их пожал,*

чем все и ограничилось. Как бы то ни было, эта легенда сделала больше для популяризации Витте и вообще русской миссии, чем наши дипломатические ухищрения», — записал в дневнике секретарь переговоров в Портсмуте И. Я. Коростовец⁹.

Начало переговоров в Портсмуте было отмечено пышным приемом, устроенным американцами для членов обеих делегаций. Торжественный кортеж японских и русских уполномоченных в сопровождении свиты проследовал по улицам Портсмута, заполненным многочисленной публикой и шпалерами войск, из рядов которых послышались возгласы: «Здравия желаем Вашему Превосходительству!» Обернувшись в сторону крика, Витте «увидел солдат, отдававших честь. Это были евреи в рядах американского войска» (из дневника С. Ю. Витте).

В течение трех недель мир с напряженным вниманием следил за ходом дипломатической битвы, в которой японская сторона, считавшая себя победительницей, выдвинула поначалу неприемлемые для России требования. Конференция неоднократно находилась под угрозой срыва, газеты писали, что члены делегаций уже пакуют чемоданы и продолжение войны неизбежно. В конце концов стороны пошли на взаимные уступки, главными из которых были отказ Японии от военной контрибуции и уступка Россией южной части Сахалина. 29 августа, после встречи глав делегаций один на один, улыбающийся Витте вышел из зала совещаний и провозгласил: «Ну, господа, мир, поздравляю».

Не последнюю роль в достижении мира сыграл финансовый агент Григорий Абрамович Виленкин, явившийся одной из «тайных пружин» успешного завершения переговоров...

Обеспокоенные положением евреев в России, Я. Шифф и другие финансовые тузы препятствовали займам российского правительства в американских банках и давали займы Японии. Всколыхнувший весь мир кишиневский погром привел к тому, что, когда России понадобились для ведения войны деньги, все банкирские дома, возглавляемые евреями, оказались для нее закрыты. В ответ на обращение за займом нью-йоркские банкиры ответили: «До тех пор, пока Россия будет относиться к евреям по-особенному, вы не получите от нас ни одного доллара»¹⁰. Для истощенной войной Японии денежные вопросы также приобрели существенное значение, без новых денежных вливаний продолжение войны грозило стране финансовой катастрофой. Поэтому Г. А. Виленкин приложил немало усилий для того, чтобы японцы не смогли получить новых займов в Америке, а Россия получила кредит. Он пытался убедить Шиффа, предоставившего в мае 1904 г. большой заем Японии, «взять на себя инициативу открытия американского и

английского рынков для русских ценностей». В сентябре 1904 г. Виленкин выступил инициатором приглашения в Россию крупных американских и английских банкиров «под предлогом обсуждения предпринятых мер к улучшению быта еврейского пролетариата в связи с его эмиграцией в Англию и Соединенные Штаты». Но этой инициативе не удалось осуществиться¹¹.

Большое значение на пути изменения этой невыгодной для России ситуации приобрела организованная Виленкиным встреча Витте с американскими еврейскими финансистами, состоявшаяся в Портсмуте 14 августа, в разгар мирных переговоров с Японией. Располагавшие огромными капиталами «банкиры Японии», как называл их Витте, специально прибыли из Нью-Йорка для обсуждения положения евреев в России. Помимо Витте и Виленкина, на встрече присутствовали посол России в США барон Роман Романович Розен и банкиры Якоб Шифф, Исаак Зелигман, Оскар Штраус, Адольф Левинсон и Адольф Краус.

Во время встречи Сергей Юльевич выступал как сторонник постепенной отмены исключительного законодательства о евреях, но утверждал, что предоставление полного равноправия евреям в России *«может принести им более вреда, нежели пользы»*, что этот акт может вызвать беспорядки в России. В ответ Я. Шифф резко возражал, говоря, что *«миллион с лишним российских евреев поселились в Америке, обрели политическую свободу и гражданские права, и это не отразилось на них пагубным образом, они стали образцовыми гражданами»*, что *«общественное мнение в Соединенных Штатах под впечатлением таких ужасных событий, как кишиневский погром, настроено далеко не в пользу России, а изменить положение может только радикальное разрешение российским правительством еврейского вопроса»*¹². Один из участников встречи, руководитель влиятельной еврейской организации «Бней Брит» А. Краус, сообщал в послании Конституционному собранию масонской Великой Ложи, что на встрече Шифф спросил Витте: *«Пожалуйста, объясните, почему вы имеете в своей стране все права, а этот человек (и указал на Виленкина) не имеет их? Это потому, что вы лучше, чем он?»*¹³ Однако Сергею Юльевичу удалось произвести на банкиров благоприятное впечатление, убедив их в том, что Россия собирается предпринять шаги по улучшению положения евреев. Участники длившейся до полуночи встречи разошлись *«весьма довольные беседой»*.

Через три дня после встречи в Портсмуте Краус получил письмо от Виленкина, в котором тот сообщал, что Его Превосходительство министр Витте официально поручил ему проинформировать участников встречи о том, что права евреев избирать и быть избранными в Национальную Ассамблею (Думу. — К. Ф.) включены в проект, который уже одобрен

императором России и скоро будет опубликован¹⁴. Далее Краус указывал в своем послании Ложе, что это письмо выглядело весьма многообещающе, и мирный договор между Японией и Россией был подписан. Возможно, именно эта организованная Виленкиным встреча способствовала изменению политики американских финансовых тузов, и Япония не получила новых займов. Упомянувшийся выше А. В. Давыдов писал по этому поводу в письме к Марку Алданову: *«Немецкий известный финансист Гелферих в своей книге “Деньги в Русско-Японской Войне” говорит в заключении, что ту победу, которой тщетно добивалась Россия на полях сражений в Маньчжурии, Витте блестяще одержал в Портсмуте. Витте, благодаря Виленкину и его связям, удалось сделать так, что японцы не получили больше денег на дальнейшее ведение войны»*.

В воспоминаниях С. Ю. Витте, многочисленных статьях и книгах, посвященных портсмутскому договору, о роли Г. А. Виленкина в достижении мира ничего не говорится, но она, безусловно, достойна пристального внимания.

С 1906 г. Григорий Абрамович Виленкин служил торговым представителем России в Японии, где способствовал налаживанию мирных отношений с недавним врагом. Положение мужа и состояние жены позволяло чете Виленкиных свободно путешествовать по миру. Они неоднократно посещали Европу, проводя время на родине Ирмы в Англии, отдыхали с детьми на южном побережье Франции, Григорий Абрамович совершал деловые поездки в Петербург.

В середине января 1909 г. чета Виленкиных прибыла в Нью-Йорк из Европы и, по сообщениям газет, в течение недели вела интенсивную светскую жизнь в городе небоскребов. 22 января они отбыли в Сан-Франциско, откуда должны были возвратиться на пароходе в Токио. На следующий день мир облетела весть о крупнейшей морской катастрофе — отплывший в Европу океанский лайнер «Республика» затонул недалеко от побережья между Нью-Йорком и Бостоном, столкнувшись в тумане с другим кораблем. Большинство пассажиров удалось спасти, но груз был потерян безвозвратно. По одной из неподтвержденных документально версий следует, что на борту корабля находился груз золотых монет на сумму три миллиона долларов по курсу 1909 г. (около пяти миллиардов долларов в современном исчислении), которые предназначались для российского правительства в качестве тайного займа, а чело- веком, осуществлявшим приемку золота в Нью-Йорке и отправку его на пароходе «Республика» в Европу, был не кто иной, как финансовый агент России в Японии Г. А. Виленкин¹⁵, являвшийся идеальным кандидатом для исполнения этой секретной миссии. В 1981 г. были найдены облом-

ки лайнера, но ни эта, ни последующие экспедиции следов затонувшего золота так и не нашли. Так что, скорее всего, в январе 1909 г. Г. А. Виленкин занимался не тайными операциями по отправке мифического золота, а предавался светским развлечениям в Нью-Йорке.

В 1910 г. Г. А. Виленкин возвратился в Вашингтон и вновь занял должность торгового представителя России в США: способствовал привлечению американских капиталов к развитию российской промышленности. В 1911 г. ему удалось создать синдикат американских производителей для экспорта товаров и постройки заводов в России.

В Библиотеке Конгресса США хранятся две фотографии Григория Виленкина, сделанные фотокорреспондентом газеты *Chicago Daily News* 15 марта 1915 г. на улицах Чикаго. На них он изображен в глубоко надвинутой на глаза шляпе, с поднятым воротником зимнего пальто, как будто дипломат специально скрывает лицо, выполняя одну из тайных миссий российского правительства. Подпись под ними гласит: «Григорий Виленкин — посол России в Англии». Однако эта высокая должность является газетным преувеличением, на самом деле в 1913–1918 гг. он занимал должность почетного финансового советника посольства России в Лондоне.

Деятельность Виленкина на дипломатическом поприще вызывала на родине яростное озлобление разного рода антисемитов, включая широко известного журналиста газеты *Новое время* М. О. Меньшикова. В своих ксенофобских статьях «Из писем к русской нации» (1912) он писал, что *«имеющий от русского правительства ордена, чин действительного статского советника, представительную должность и жалование больше члена Государственного совета»* еврей Виленкин не может не способствовать *«агитации американских евреев против нашего государства»* и все *«евреи, произведенные в русские “генералы”, хотя бы штатские, осыпанные орденами и окладами, являются агентами воюющего с Россией родного племени...»* Со слов правнучки Г. А. Виленкина известно, что ему предлагали дворянский титул, если он примет православие, но Григорий Абрамович отказался¹⁶. Несмотря на это, царское правительство высоко оценило его заслуги перед отечеством — Виленкин был награжден орденами Св. Владимира и Св. Анны, имел чин действительного статского советника.

Революция 1917 г. застала Г. А. Виленкина в Лондоне. Вряд ли он помышлял о возвращении в Россию, в особенности после того, как сотрудник посольства Англии в России Роджер Симмонс поведал ему об обстоятельствах расстрела чекистами его младшего брата Александра¹⁷. Вскоре после этого трагического события, благодаря хлопотам Григория

Абрамовича, многие из его родственников, включая отца, переехали из России на берега туманного Альбиона.

Г. А. Виленкин является автором книг «Обесценение серебра и его последствия» (1894), «Финансовый и экономический строй современной Англии» (1902) и «Государственный и экономический строй современной Японии» (1908). Племянница Григория Абрамовича вспоминала, что в его лондонском доме она встречала Рабиндраната Тагора¹⁸.

¹ В 1896–1906 гг. директором гимназии был выдающийся поэт И. Ф. Анненский. Ее выпускниками были поэты Н. Гумилев, Дм. Кленовский, Н. Оцуп; искусствовед Н. Пунин, ученые Ф. Щербатской, В. Визе и др. См.: Императорская Николаевская Царскосельская гимназия / Сост. К. И. Финкельштейн. СПб.: Серебряный век, 2008; *Финкельштейн К. И.* Императорская Николаевская Царскосельская гимназия. Ученики. СПб.: Серебряный век, 2009.

² G. Wilenkin // www.jewishencyclopedia.com

³ *Смирнов А. Е.* Агенты Министерства финансов Российской империи за границей (С. С. Татищев в Лондоне). Дисс. канд. ист. наук. М.: РГБ, 2003.

⁴ *Cohen Naomi Wiener.* Jacob H. Schiff: A Study in American Jewish Leadership. Published by UPNE, 1999.

⁵ *Семенов А. Ю.* Российско-американские отношения на рубеже XIX и XX вв. в материалах российских финансовых агентов в Вашингтоне // Материалы шестой конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Мир в новое время». СПб., 2004.

⁶ Дети Виленкиных: сын Кларенс (1898–1973) и дочь Ольга (в замужестве Waley, 1899–1979).

⁷ *Давыдов А.* Воспоминания 1881–1955. Париж, 1982. С. 223.

⁸ *Витте С. Ю.* Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М.: Мысль, 1991. С. 477.

⁹ *Коростовец И. Я.* Страница из истории русской дипломатии. Рус.-япон. переговоры в Портсмуте в 1905 г. Пекин, 1923. С. 34.

¹⁰ Boston Daily Globe. 1905. 15 August. P. 4.

¹¹ *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.; Изд-во «Дмитрий Буланин», 1998. С. 192–193.

¹² Там же. С. 194.

¹³ Message of Adolf Kraus to the Constitution Grand Lodge Convention at Washington DC. April 1910. www.archive.org

¹⁴ 17 октября 1905 г. был провозглашен царский манифест, закреплявший основные конституционные права и свободы граждан России. 26 апреля 1906 г. была открыта Первая Государственная дума, в которую были избраны и представители еврейского населения.

¹⁵ Официальный сайт корабля «RMS Republic»: <http://www.rms-republic.com>

¹⁶ *Talbot Rice Tamara.* Tamara. Memoirs of St. Petersburg, Paris, Oxford and Byzantium / Edited by Talbot Rice Elizabeth. London, 1996. P. 3.

¹⁷ Александр Абрамович Виленкин был блестящим юристом, советником британского консульства в Москве, видным деятелем кадетской партии. С началом Первой мировой войны служил добровольцем в гусарском полку, за отвагу и находчивость награжден полным Георгиевским бантом. После Февральской революции был избран председателем Всероссийского Союза евреев-воинов, участвовал в I Всероссийском съезде Советов. Сначала 1918 г. стал членом штаба Союза Защиты Родины и Свободы Бориса Савинкова, арестован чекистами и расстрелян. Свидетелем последних часов жизни А. А. Виленкина был его сокамерник по Бутырской тюрьме — сотрудник посольства Англии в России Р. Симмонс. Об исключительном мужестве А. Виленкина, не выдавшего своих товарищей по Союзу в течение четырехмесячных допросов, Симмонс рассказал на слушаниях о событиях русской революции в Сенате США в 1919 г.

¹⁸ *Talbot Rice Tamara*. Op. cit. P. 84.

Двадцать пять лет и вся жизнь

В. Л. Телицын (Москва)

26 ноября 1975 г., в день памяти святителя Иоанна Златоуста, в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле (США) скончался о. Константин (в миру — Константин Иосифович Зайцев). В США он прожил последние 25 лет, и эта страна, ставшая пятым по счету пристанищем для эмигранта из далекой России, дала ему все, что он так долго искал, — покой, возможность трудиться, пестовать учеников и познавать мир. За что он всегда был благодарен — и стране, и ее народу...

Но до этого спокойствия пришлось пройти нелегкий путь...

Кирилл Иосифович Зайцев родился 28 марта 1887 г. в Петербурге. Его отец был крещеный еврей, самого Кирилла крестили, по-видимому, в раннем детстве. Экономист Иосиф Зайцев был известен трудами в области железнодорожного транспорта¹.

После окончания в 1912 г. экономического отделения Петербургского политехнического института и юридического факультета Петербургского университета (последний — экстерном в том же году.) К. Зайцев в течение двух семестров стажировался на кафедре административного права, был оставлен при кафедре государственного права университета для подготовки к профессорскому званию, занимался изучением крестьянской реформы 1861 г. В том же году отправлен в двухгодичную зарубежную командировку (по инициативе видного деятеля Петербургского городского самоуправления М. М. Федорова²), прослушал ряд курсов по правоведению и экономико-финансовым проблемам в Гейдельбергском университете (Германия), посещал семинар знаменитого профессора Г. Еллинека³ и успел «опознать и оценить все значение личной свободы как основы западной культуры»⁴.

Своими учителями считал экономиста П. Б. Струве⁵, юристов В. М. Гессена⁶ и М. А. Дьяконова⁷. Еще до революционных потрясений зарекомендовал себя как серьезный специалист в области экономической истории (исследовал крестьянское самоуправление в первой трети XIX в., управление крестьянами централизованным государством, взи-

мание сборов, соотношение общины и сельского общества), современного хозяйственного положения России и прочего⁸.

С 1913 г. состоял на государственной службе в 3-й экспедиции (ведавшей делами земских и городских самоуправлений) департамента Правительствующего сената, в канцелярии Комитета по землеустроительным делам. Во время Первой мировой войны принимал участие в работе Особого совещания по продовольственному делу (в должности управляющего делами)⁹. При Временном правительстве Зайцев занимал пост начальника городского отдела главного управления по делам местного хозяйства. В октябре 1917 г. оказался в Москве, будучи участником съезда «городских голов». Здесь, в Москве, его и застало известие об октябрьских событиях в Петрограде.

Осенью 1917 г. принял деятельное участие в борьбе против советской власти. Весной следующего года бежал на юг России, проживал в Ростове-на-Дону, Новороссийске, Севастополе. Участвовал в Белом движении, отвечая за снабжение белогвардейских формирований и за организацию внешней торговли на территориях, свободных от большевистской диктатуры. Был Зайцев и начальником продовольственного отдела Южной армии. Сотрудничал в антибольшевистской газете *Свободная Россия*, где весной 1919-го опубликовал серию статей «Как ликвидировать земельную революцию». В ноябре 1920 г. эмигрировал из России вместе с остатками армии генерала П. Н. Врангеля.

Подводя итоги печального для России четырехлетия (1917–1920), Зайцев писал: *«Как явление мировое, русская революция есть осуществление социализма, отрицание всего культурного строя современного человека и реальный опыт создания такого... Материальная и духовная подпочва современного социализма не ограничивается пределами России, которая ничего нового не выдумала, а только в дерзком порыве применила к жизни то, что под названием социализма, на разных видоизменениях, проповедовалось в течение многих десятилетий в целом мире и что является предметом постоянной, всеобщей и напряженной агитации и сейчас»¹⁰.*

До лета 1921 г. Зайцев проживал в Константинополе, влача, как и тысячи российских изгнанников, жалкое существование. Но, по воспоминаниям эмигрантов, живших в 1950-х гг. в США, К. Зайцев *«выделялся <...> недюжинными способностями, быстрой сообразительностью, умением излагать в письменной и устной форме свои деловые соображения и заключения. Все эти качества и в послереволюционное время выдвинули его в первые ряды беженских интеллектуальных сил»¹¹.*

В августе того же года он уже в Софии, сотрудничает в журнале *Русская мысль*. По всей видимости, Зайцева «извлек» из константинопольского приюта его учитель Струве, который был редактором этого изда-

ния. В 1921 г. из-под пера К. Зайцева выходит серия статей, посвященных вопросам экономики, политики, культуры, «белого дела» и проч.¹² Но самое главное — он пытался постичь причины русской революции: *«Русский народ — Сфинкс не только для Европы, но и породнившейся с нею русской интеллигенции. Без ответа остаются обращенные к нему вопросы: народ молчит. Жуть охватывает от этого молчания...»*¹³

Недостаток средств вынудил редакцию *Русской мысли* свернуть издание журнала. Струве перебрался в Прагу. В это время чешское правительство объявило о начале так называемой «русской акции» — поддержке русских эмигрантов, в первую очередь творческой и научной интеллигенции. Кирилл Иосифович потянулся вслед за своим учителем и в июле 1922 г. был уже в Чехословакии. Три года, проведенные в Праге, прошли незаметно. Преподавание на Русском юридическом факультете, сотрудничество в экономическом семинаре Струве, в Обществе правоведения и общественных знаний, руководство (совместно с Г. Вернадским) сводным семинаром, изучавшим историю русского и административного права, эволюцию условий в дореформенной России и правовых учреждений XVIII и XIX вв., публикации в русскоязычной прессе поглощали все время исследователя.

25 февраля 1924 г. в Экономическом семинаре профессора П. Б. Струве К. Зайцев сделал доклад о советском крестьянском законодательстве: *«Решительное и бесповоротное признание факта совершившегося черного передела в закреплении земли за ее фактическими владельцами и развития на этой основе нового права собственности. Вопрос о вознаграждении пострадавших должен быть совершенно отделен от этого кардинального вопроса. Из побужденного экономического характера в первое время придется допустить свободный оборот земли. Желательно, чтобы земля попала в сильные хозяйственные руки, нужно, чтобы земля нашла своего хозяина»*¹⁴.

*«Отсюда начался период, — вспоминал он, — когда я “принимал” революцию, считая, что надо, — в частности, в земельном вопросе, — уступить революции, чтобы, возвратясь к нормальной жизни, умеренной революцией погасить большевицкую. Революционное продолжение Столыпинской реформы — вот, в сущности, к чему сводилась эта идеология. Духовная сущность бунта временно утаилась от меня. Померкло во мне даже знание священной сущности Самодержавия»*¹⁵. В лекции «Кризис правового государства» Зайцев подчеркивал, что *«во имя повышения уровня материального благосостояния приносятся в жертву принципы личной свободы. Свобода распоряжения своей личностью приносится в жертву экономическим позициям»*¹⁶.

По всей видимости, в конце 1925 г. Зайцев последовал за своим учителем — Петром Бернгардовичем Струве — в Париж. Здесь Струве воз-

главил редакцию газеты *Возрождение*, а Зайцев стал его заместителем¹⁷, но долго в редакции газеты не задержался. Вместе со Струве и десятком других сотрудников он, в знак протеста против ксенофобской политики издателя, покинул *Возрождение*. Впрочем, без работы Кирилл Иосифович не остался: в Русском коммерческом институте он читал курс законоведения, во Франко-русском институте — эпизодически — лекции по аграрной истории России, в Институте русского права и экономики вел семинары по советскому хозяйственному праву, там же читал лекции по истории русского права, состоял редактором ежедневной газеты *Россия и славянство* (первый номер вышел 1 декабря 1928 г.). Находился в юрисдикции Русской православной церкви за рубежом, был прихожанином Знаменской церкви в Париже.

Сохранились воспоминания философа и публициста В. Зеньковско-го: «...Пришлось мне познакомиться с Кириллом Иосифовичем Зайцевым <...> В писаниях у него есть опасный дар хлесткости, но его литературный талант я всегда ощущал. ...Был период <...> когда мы работали вместе. Собирались мы в моей темной комнате в отеле на rue Bertrand <...> задумали издание (в помощь семье и школе) небольших брошюр (с программами по родиноведению) <...> Он по типу фанатик, в нем исключительно ярки «страсти ума», по выражению Достоевского, это не максимализм мысли, а максимализм воли, нетерпимость беспощадная и <...> умелая. Странный человек!»¹⁸

В 1934 г. Зайцев покидает Европу. Тот же В. Зеньковский вспоминал: «...Он уехал в Харбин (откуда прислал литографический курс, читаемый им в университете, — *Этика*¹⁹, солидная, недурная книга), женился²⁰, очевидно подобрел...»²¹

Так в жизни Зайцева настал новый период — «китайский»²².

В 1935 г. он был приглашен преподавать на юридический факультет Харбинского университета, который тогда покинули профессора, имевшие советское гражданство. В 1935–1936 гг. Зайцев — ректор Харбинского педагогического института, в 1936–1938 гг. — профессор политэкономии юридического факультета Харбинского университета, публиковал в местной периодике отдельные части своей работы о земельном строе. В этот период, по собственным воспоминаниям, «впервые приблизился к церкви», был профессором Харбинского Свято-Владимировского богословского института.

Маньчжурия была оккупирована Японией в 1932–1945 гг. Зайцев сотрудничал с японским дипломатическим ведомством в качестве аналитика, однако за протест против принуждения японскими властями русских эмигрантов к поклонению богине Аматерасу был выслан в Русскую духовную миссию в Китае — «Бэй-Гуань» («Северный приют»).

С 1944 г. К. Зайцев — диакон, с 28 августа 1945 г. — иерей, рукоположен владыкой Иоанном (Максимовичем), был священнослужителем в Циндао и Шанхае.

Успехи коммунистических армий Мао Цзэдуна заставили его уехать в мае 1949 г. в США, в Сан-Франциско. В начале августа этого же года Зайцев переехал в Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле (штат Нью-Йорк), где 31 декабря 1949 г. был пострижен в монашество с именем Константин. Он «ушел» от мира... Но «ушел» ли?..

Архимандрит Нектарий (Чернобыль) отмечал: *«По характеру о. Константин был сдержан, молчалив, всегда углублен в себя, любил одиночество. Каждый день совершал одинокие прогулки по монастырским дорожкам. В храме служил также весьма сосредоточенно и часто говорил проповеди. Все относились к нему с большим уважением. У него было немало духовных детей и среди иноков, и среди мирян, более же всего любили исповедоваться ему семинаристы. Вся келлия его была завалена письмами от читателей из разных стран русского зарубежья, и он едва успевал отвечать на эти письма»²³.*

В США К. Зайцев прожил чуть более 25 лет, до самой своей смерти. Это были самые спокойные его годы, и самые плодотворные с точки зрения раздумий о судьбе России, русского народа, мировой цивилизации и будущем русской культуры.

Он много публиковался, редактировал в 1949–1975 гг. журнал *Православная Русь*, а также ежемесячное приложение к журналу — *Православная жизнь*, его англоязычный вариант *The Orthodox Life* и ежегодник *Православный путь*.

О чем же размышлял на страницах изданий отец Константин?

Вот основные направления его *научных* (теологические — отдельный разговор) исследований:

— аграрный сектор: эволюция или революция;

— экономика России: прошлое и настоящее;

— элементы либерализма или диктатуры: история и перспективы; и

— российское общество и воздействие на него революционных потрясений.

Для России первоочередную роль играет аграрный сектор — исходная клеточка экономики государства; от того, насколько «удобно» будет себя чувствовать крестьянское хозяйство, крестьянин и его семья, зависит «здоровье» всего хозяйства страны. Любое насильственное вмешательство приведет лишь к болезненным явлениям в экономике. Именно поэтому, считал Зайцев, с таким трудом и медлительностью продвигались реформы П. А. Столыпина, буксовала военно-коммунистическая политика советской власти и коллективизация и более или менее спокойно раз-

вивался в деревне нэп. Однако новая экономическая политика была основана на легализации наемного труда, аренды земли, свободы торговли, возобновления земского самоуправления и проч. Это приводило к тому, что позиции советской власти и идеологии в сельской местности стали ослабевать, чего большевистская диктатура допустить не могла. Она должна была либо переломить и ликвидировать либеральные тенденции, либо расстаться с претензией на власть. Принять решение (при наличии силы и беспрепятственного ее применения) было очень просто, но советскую власть интересовала реакция общества на возможность ликвидации даже ограниченных свобод. Большая часть населения России, привыкшего в первые годы к патерналистской форме сосуществования с властью, без особых проблем восприняла ликвидацию нэповских свобод и их носителей. О мессианстве русского человека рассуждали лишь эмигрантские философы и публицисты, сам же пролетарий, крестьянин или интеллигент больше интересовались насущными проблемами, чем размышляли о своей роли в окружающем мире или евроазиатской цивилизации.

Зайцев писал об этом практически в каждой статье, посвященной истории, экономике и общественно-политической мысли. Однако он не был сторонником «отката назад» — к монархии (хотя судьбы русского самодержавия постоянно обсуждались в его работах). Кирилл Иосифович, как нам думается, прекрасно понимал, что революция — процесс объективный, порожденный не только (и, может, не столько) «шатанием умов» народных масс, сколько интегральным кризисом Российской империи, охватившим все стороны социально-политической и экономической жизни. Зайцев хорошо знал историю русских смут, побуждающие их общие и частные причины, поэтому смотрел на происходящее в России как на вполне закономерный процесс, как на болезнь государства и масс, ментальности, быта и проч. Для того чтобы утихомирить страсти и вернуть жизнь среднестатистического россиянина в размеренную колею, необходимо было время и трезвое осмысление того, что произошло с государством и народом. Именно эти мысли представлены практически в каждой статье, докладе, книге и даже рецензии Кирилла Зайцева.

А вот — совсем другое: *«"Историческая Россия"! Это словосочетание зачастую употребляется теперь, — едва ли, с пониманием нарочитой его заостренности... Я этим хотел сказать, что Историческая Россия оборвалась, пресеклась. Если от лица России сейчас говорят захватчики России, это — фальсификация. Чтобы говорить от лица России, она должна быть реставрирована. Это слово в своем нарочито-точном иностранном наряде особенно отталкивает своей "реакционностью". Огорчим так судящих. О чем-то "худшем", чем "реакционность", идет речь. О реакционности можно говорить пока течет история. Но как можно говорить*

о “реакции”, то есть о противодействии “прогрессу” или даже о “регрессе”, если перестали развертываться события в их исторической преемственности, а началась эра завершительного истребления жизни! Тут не о “реакции” надо говорить, а именно о “реставрации” — не в смысле, конечно, признания чьих-то личных прав, нарушенных революцией, а в смысле восстановления опрокинутого строя жизни.

Отдаленная аналогия есть с тем, чем была и как ликвидирована была наша старая Смута. Распадалась Россия, утрачивая и церковное, и национальное, и государственное лицо. В чем найден был выход? В недвусмысленном возвращении в покинутый Отчий Дом, восстанавливаемый в своем былом облике — с новой только Династией, в ее преемственности с прежней — вымершей. В тысячу раз отчетливее стоит вопрос сейчас. Ни “реакция”, ни “эволюция” дела не поправит. Сметена должна быть “Великая революция” — и на освобожденном от революционной нечисти месте восстановлена “Историческая Россия”. Поскольку этого не произошло, наименования не изменяют существа дела. Если бы Сигизмунд стал Русским Царем — что осталось бы от “Исторической России”? Восстановлена ли Императорская Российская Армия, сохранявшая облик Христоролюбивого Воинства, тем, что восстановлены в СССР чины и ордена? Восстановлены ли будут русское земство, русское служилое сословие, русская бюрократия, русский суд, если своим ставленникам дадут коммунисты соответствующие имена и соорудят соответствующие внешние признаки? А ведь сейчас ширится тенденция внешнюю аналогию принимать всерьез! В силу этого не так уж редко чуть не знак равенства готовы уже сейчас проводить и эмигрантские круги между Императорской Россией и советским “монстром”, в полном созвучии с царящей ныне в свободном мире ложью.

Далеко не всех, конечно, задевает эта злостная тенденция, но уже действительно, массовый характер носит полное отождествление “Императорской России” с “Исторической Россией”, без учета того, что Императорская Россия есть лишь последний период Русской истории, то есть тот, который и повлек катастрофу за собою, почему восстановлена должна быть не Императорская Россия как таковая, а именно Историческая Россия, долженствующая получить, в некоторых отношениях новый облик.

В каком отношении — новый? Не только в зависимости от того, как многое благое, входившее в состав Императорской России — фактически невозстановимо. Не только в зависимости от того, что новые обстоятельства и нашей и мировой жизни способны потребовать и неких новых общественных форм. Новой она будет и в том смысле, что поскольку речь идет о восстановлении Исторической России, дело идет о такой России, которая меняется во времени. Россия являла, как мы знаем, большое разнообразие в своем историческом течении. Дело не в том, чтобы

преходящее не становилось иным. Дело в том, чтобы уяснить себе, в чем заключалась непреходящая сущность России. Другими словами, не все, что образовывало облик Императорской России, подлежит реставрации, а должно быть восстановлено то, что составляло сущность России как исторического Целого.

Можно совершенно точно обозначить эту сущность. Истинное ядро Исторической России, в ней нашедшее свое осуществление, это — Русское Православное Царство. Вот что должно быть восстановлено, чтобы восстановилась история России. Пока этого нет, можно говорить о каких-либо внутренних процессах, потаенных или в какой-то мере себя обнаруживающих, как о симптомах сохранения или возрождения жизни. Но Русского Целого в составе Вселенной — нет.

Способно ли оно возвратиться?

Надо прежде всего ясно понять, что мы потеряли, чтобы вразумительно говорить о том, что должно быть восстановлено. Вот к какого рода размышлениям над нашим прошлым зовут нас, прежде всего, юбилей истекшего года»²⁴.

Удивительно, как в одном человеке уживался религиозный мыслитель и либерал... А может, это результат влияния на Зайцева той атмосферы, которая существовала в США, где идеи и мысли не превращались в повод для преследований...

С 1950 г. Зайцев был профессором духовной семинарии Русской православной церкви за рубежом, читал курсы догматического богословия, истории русской словесности и пастырского богословия. С 21 ноября 1954 г. — архимандрит.

«Будучи глубочайшим и тонким мыслителем, — писал о нем его духовный сын протопресвитер Валерий Лукьянов (живший в США), — наделенным истинной культурностью, знанием языков и недюжинным умом, о Константин обладал способностью проникать вглубь вещей и событий, вывести логическое и жизненное заключение в духе святого Евангелия и святых отцов Церкви. Это был совершенно самостоятельный, истинный и выдающийся ученый монах. Его писания не были отрывочными или разбросанными, а, напротив, были целостные, целеустремленные и оригинальные. Он был на голову выше своих современников, но эти последние часто его не понимали, обвиняли его в сужении красок в оценке состояния мира. Конечно, теперь мы видим, к чему привела мир та самая “сатанократия”, о действиях которой он так пророчески вещал... Слог его писаний несколько тяжелый, но его читать нужно. Когда-то приснопамятный первоиерарх Русской православной церкви за границей митрополит Филарет увещевал молодых священников прочесть капитальный труд о. архимандрита “Пастырское богословие”. Он говорил: “Прочти, изучи, применяй”»²⁵.

А вот еще из американских размышлений отца Константина: «Человек создан Богом свободным! Для чего дана человеку Богом свобода? Это — искра Духа, в него вложенная Богом, в отличие от всего другого, Богом созданного. Именно этим человек делается сродным Богу: он создан по образу Божию и подобию. Печать приобщения к Божеству на него наложена — и снять ее он не может. Человек не может превратить себя в животное. Он может принять свою причастность Богу — и тогда целью своего бытия счесть задание, в него вложенное: уподобляться Богу. Он может отвергнуть свою причастность Божеству — тем самым став актом своей свободной воли, участником того изначального бунтарства, которое породило зло в Мире.

Третьего не дано. Созданный для того, чтобы стать “сыном Божиим”, человек, в силу данной ему свободы, волен стать, напротив того, “сыном противления”. Актом своей свободной воли он сам определяет свою судьбу в Вечности. В плане домостроительства Господня, вся жизнь человека есть не что иное, вся, в ее целом, как некий ответ на открытую ему Богом возможность сделать выбор: между свободным всецелым обращением к Богу, открывающим путь к обожению человека, и таким же всецелым от Него отвращением, открывающим путь в бездну сатанинскую.

Эта “свобода” ни при каком “режиме” не упраздняется. Человеческое же общество может быть построено на разных началах, в смысле служения или расширения возможности для человека свободно распоряжаться своей земной судьбой и своим земным имуществом. Господь в своих притчах часто исходил из режима свободного распоряжения человека собою и своим имуществом, как это было, в законченной форме, установлено т. н. римским правом. Но тут же Господь, сплошь и рядом, применял в своих притчах и опыт режима рабства. Чем больше человек получает свободы, тем большая на него ложится ответственность: кому больше дано, с того больше и спросится. Апостол не отрицает преимуществ свободы, почему допускает, как нечто нормальное, устремление человеческих пожеланий в сторону свободы. При всех условиях, однако, как мы видели, вглубь отношений человека к человеку не проникает окрашенность человека “социальная”. Основное задание человека, созданного Богом свободным, ни в какой зависимости не находится от того, в каких общественных условиях он находится. То план бытия, обращенный к Вечности. Все же временное — только материал, под углом зрения Божией Правды подлежащий использованию человеком: во спасение или в гибель»²⁶.

Отец Константин был скромнен в оценках собственной персоны:

«Мы люди из другого мира. Этот мир ушел, его больше нет... Мы не скрываем того, что мы принадлежим к этому ушедшему миру: мы живем его чувствами и мыслями. На нас могут смотреть как на чудачков... Мы своего чудачества не скрываем. Мы его и не навязываем. Те, кто с нами

общаются, одно только должны знать твердо: от своего "чуждачества" отказаться мы не можем. Кто с нами хочет иметь дело, должен это признать... Наша особенность в том, что все это мы осуществляем с оглядкой не на современную Россию, коммунизмом захваченную, а на Россию ушедшую — с ее языком (орфографией), с ее мировоззрением, с ее бытом, с ее Церковью. В этом наше чуждачество...»²⁷

О России, однако, он помнил всегда: «Чтобы понять то, что произошло с Россией, надо увидеть две вещи, которые, несмотря на их очевидность, не только не усвоены сознанием европейско-американским, но остаются чуждыми и русскому сознанию, даже, казалось бы, квалифицированному:

Катастрофа постигла Россию не как результат разрушительных явлений, присущих русской действительности и достигших своего предела, обуславливающего крушение всего исторического строя России, а, как раз наоборот, она возникла в условиях беспримерного в истории России успеха во всех областях жизни — кроме одной: духовной.

Россия же не имела, как Целое, ничего, способного ее объединить в одно Целое — кроме, именно, духовного начала, ее целостность, в конечном счете, определявшего, как промыслительно хранящего весь мир Русского Православного Царства.

Белое движение было попыткой русского общества сохранить в революции, их усовершенствовавши, разные положительные свойства ее быта — но совершенно вне всякого учета этого промыслительного задания, вложенного Богом в Историческую Россию. Тем самым все получало утилитарный характер, и это в условиях, когда охранительное начало не могло не пасовать пред лицом мечтательного устремления к лучшему, какое не могло не принимать характера, весьма далекого от идеалов Исторической России. Тем самым Белое движение естественно и неотменимо оказывалось раздвоенным, сочетая в себе, с одной стороны, живые остатки былого государственного и общественного строя, а с другой — устремленность к радикальной смене всего, чисто революционной, и воплощение получавшей в некоем мифическом "Учредительном собрании", которое призвано будет сказать человечеству некое новое слово.

Что это практически означало, если не превращение всего жизнеспособного в плане устройства общественно-государственного в составе Белого движения в исполнительный подсобный аппарат, терпимый лишь в его служилой работе, но имеющий самоугодиться пред лицом тех фантазий, которыми насыщено было сознание "передового" общества, не приемлющего коммунистического террора. Тем самым Белое движение становилось доживанием остатков старого режима, как в буквальном смысле — сохранения жизни этими остатками, так и в переносном — готовностью жертвовать жизнью идеалистически за такое будущее, которое тут же обращалось во внутреннее соперничество отдельных

элементов этого будущего, бесконечно и безнадежно далеких от того, чем жила Историческая Россия.

Не предreshало ли это победу того элемента, предельно крайнего, который уже “палку взял”? Не определяло ли все это то, на первый взгляд парадоксальное, утверждение, которое, однако, остается неопровержимым, поскольку и сейчас остается в силе вопрос о русском будущем, а именно: бесценным достижением Белого движения, единственным, но потому долженствующим быть особенно ценным, является массовая эмиграция способного к борьбе русского народа, позволившая возникнуть на заграничной почве, на которой господствовала гражданская свобода, некоей Зарубежной России, способной продолжать борьбу с воцарившейся на Русской почве сатанократией.

В сущности, объективная значимость Русской эмиграции может быть исчерпывающе определена как продолжение Белого дела, не в смысле, конечно, преемственности всецелой его всяческой сущности, а в смысле свободного раскрытия промыслительных путей Русского будущего и самоотверженного служения делу их осуществления.

Как далеко ни продвинулось овладение миром апостасией, антихрист еще не пришел — значит, на весу еще жизнь мира! Пусть судьба мира решается внутренней Россией. Процессы там идут, отчасти и во вне получающие некоторое отображение — спасительные. Но в какой еще мгле духовной протекают они!.. Этим нам указывается поле деятельности, промыслительно именно нам предназначенное: идеологическое просвещение! Стена, отделяющая эмиграцию от России, имеет щели, и никто не знает, как и что проникает во внутрь. Но надо, чтобы было на виду то, что раскрывает Правду, адекватную действительности апостасийной. И кто нарочито к этому призван, если не все то же Белое движение, соответственно созревшее в своем свободном развитии?

*Помоги Бог!*²⁸

Весной 1974 г., почувствовав сильное недомогание, архимандрит Константин отошел от научной и общественной деятельности; он скончался в конце следующего года.

Кирилл Иосифович, отец Константин... Он очень хотел вернуться в Россию...

¹ См.: Зайцев И. П. Материалы к пересмотру общего тарифа железных дорог 1 и 2 групп. СПб., 1898–1899.

² Федоров Михаил Михайлович (1859–1949) — российский государственный и общественный деятель, управляющий Министерством торговли и промышленности.

³ Еллинек Георг (1851–1911) — немецкий юрист, представитель юридического позитивизма.

⁴ *Архим. Константин (Зайцев)*. Чудо Русской истории. Джорданвилль, 1970. С. 127.

⁵ Струве Петр Бернгардович (1870–1944) — политический и общественный деятель, экономист, академик Российской академии наук. Эмигрант.

⁶ Гессен Владимир Матвеевич (1868–1920) — юрист, общественный и политический деятель.

⁷ Дьяконов Михаил Александрович (1855–1919) — историк, публицист и педагог.

⁸ *Зайцев К. И.* К вопросу о платежных книгах и платежницах. СПб., 1912.

⁹ *Зайцев К. И.* Дороговизна мяса. Политика городов Западной Европы в борьбе с дороговизной мяса. Пг., 1914; *Его же.* Современное положение таксировки предметов продовольствия в России и меры к ее упорядочению. Пг., 1915.

¹⁰ *Зайцев К.* Буржуазная Европа и Советская Россия // *Русская мысль*. София, 1921. Кн. 5–7. С. 116–117.

¹¹ *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк, 1955. Т. 2. С. 390.

¹² См., например: *Зайцев К. И.* В сумерках культуры // *Русская мысль*. София, 1921. Кн. 1–2. С. 99–118; *Он же.* К познанию революции // *Русская мысль*. София, 1921. Кн. 3. С. 128–157; *Он же.* Буржуазная Европа и Советская Россия // *Русская мысль*. София, 1921. Кн. 5–7. С. 115–130; *Он же.* Памяти Гюстава Флобера (1821–1921) // *Русская мысль*. София, 1921. Кн. 8–9. С. 265–272; *Он же.* Земельная революция в России // *Русская мысль*. София, 1921. Кн. 10–12. С. 263–273.

¹³ *Зайцев К.* В сумерках культуры // *Русская мысль*. София, 1921. Кн. 1–2. С. 103.

¹⁴ Студенческие годы. Прага, 1924. № 5. С. 27.

¹⁵ *Архим. Константин (Зайцев)*. Чудо Русской истории. С. 135.

¹⁶ Студенческие годы. Прага, 1924. № 5. С. 27–28.

¹⁷ См.: Из переписки И. С. Шмелева с П. Б. Струве и К. И. Зайцевым // *Мосты (Мюнхен)*. 1958. Вып. 1. С. 399–415.

¹⁸ *Зеньковский В.* Мои встречи с выдающимися людьми // *Записки Русской академической группы в США*. Нью-Йорк, 1996–1997. Т. 28. С. 10–11.

¹⁹ *Зайцев К. И.* Основы этики: Пособие к лекциям. Вып. 1. Античная Греция; Вып. 2. Мироззрение христианского Средневековья. Харбин, 1937–1938.

²⁰ Жена К. И. Зайцева, Софья Артемьевна — автор книг «Детскими глазами на мир» (Харбин, 1937) и «Путь через мир» (Шанхай, 1946). Скончалась в 1945 г. *Зеньковский В.* Указ. соч. С. 10–11.

²² См.: *Телицын В. Л.* Кирилл Зайцев — ученый и просветитель русского Харбина // *Годы. Люди. Судьбы. История российской эмиграции в Китае*. М., 1998.

²³ *Православная Русь*. Джорданвилль, 1998. № 22. С. 12.

²⁴ *Православный путь*. Джорданвилль, 1962. С. 8.

²⁵ *Православная Русь*. Джорданвилль, 1998. № 18. С. 7.

²⁶ *Православный путь*. Джорданвилль, 1962. С. 20.

²⁷ Цит. по: *Фомин С. В.* Джорданвилльский отшельник // *Архимандрит Константин*. Чудо Русской истории. М., 2000. С. 3.

²⁸ *Православная Русь*. Джорданвилль. 1970. № 4. С. 3.

Сол Алинский — профессиональный мятежник

Ирина Жежко Браун (Бостон)

Пусть они зовут меня мятежником, меня это не беспокоит, однако меня замучают угрызения совести, если я продам свою душу...

Томас Пэйн¹

Сол Алинский (Saul Alinsky, 1909–1972), которого часто называют «американским Макиавелли», сейчас намного более известен, чем при жизни. Новая волна популярности этой противоречивой личности связана не столько с его собственными достижениями, о которых мы будем говорить ниже, сколько с именами его знаменитых последователей президента США Барака Обамы и госсекретаря Хиллари Клинтон. Еще большую известность принесла Алинскому организация ACORN (The Association of Community Organizations for Reform Now, Ассоциация общинных организаций за немедленную реформу), а точнее, целая сеть подобных организаций, созданных по всей стране. Все этапы избирательной кампании 2008 г., которые превратили малоизвестного местного политика Обаму в серьезного кандидата в президенты, были организованы в соответствии с технологиями Алинского: тысячные скандирующие аудитории на стадионах, военные оркестры, мистерии в духе Вагнера, пышные декорации, специальные программы по регистрации избирателей среди национальных меньшинств. ACORN и ее союзники привели к власти своего президента и сформировали его программу (реформа систем здравоохранения, образования и др.); они же причастны к созданию кризиса в жилищном секторе, который затем перерос во всеамериканский экономический кризис.

Алинский не создал оригинального учения или идеологии — его основной вклад состоит в создании новых эффективных социальных технологий, т. е. своей школы социальной организации, коллективной самоорганизации и лидерства.

Многое известно о влиянии Алинского на представителей левого движения в Америке, но, как показал опыт, его технологии и подход

к социальному (политическому) действию универсальны и используются активистами всех направлений [9].

Многочисленные критики Алинского рисуют его в крайне неприглядном свете, одной черной краской, и считают идеологом современного наступления на фундаментальные основы американского общества. Между тем драма жизни Алинского есть, по сути, драма самой Америки.

История семьи

Бенжамин Алинский приехал в Америку в 1897 г., в самый пик массового исхода евреев из России и Восточной Европы. Вторым браком он женился на восемнадцатилетней девушке из Белоруссии Сарре Танненбаум. Сол Давид был их первенцем. Впоследствии он любил повторять друзьям, что был дитя трущоб. Это не совсем так ни в тогдашнем, ни в сегодняшнем понимании этого слова. Он родился в старом еврейском гетто в Чикаго, где первые этажи домов были заняты лавчонками и мелкими мастерскими, так называемыми sweatshops. Одну из них держал его отец, промышленявший портняжным ремеслом. Когда Солу было шесть лет, семья переехала в другой, более престижный район Чикаго — Douglas Park, где отец приобрел девятиквартирный дом.

Во времена Сола в Douglas Park шла непрерывная война между детьми из польских и еврейских семей. Он нередко приходил домой в синяках.

Сарра была намного моложе своего мужа, и они плохо ладили друг с другом. Когда Солу было 13 лет, родители развелись. С отцом у Сола отношения не сложились, и он вспоминал о нем как об очень ограниченном человеке. После развода Сарра три раза выходила замуж, прошла еще через один развод и пережила двух последних мужей. У нее был, по-видимому, тяжелый и властный характер, в отношении же своего единственного выжившего сына Сарра была заботливой матерью и даже нередко приходила ему на помощь в драках с соседскими детьми. Их родители сходились в едином мнении относительно Сарры: она была стойким нарушителем спокойствия. Ее сын превратил это качество в свою профессию.

В возрасте 14 лет Сол, играя в футбол, получил травму, которая приковала его к постели на год. В это время он пристрастился к чтению, и эта привычка осталась у него на всю жизнь.

Алинский поступил в Чикагский университет в 1926 г., его обучение было оплачено отцом. Всемирная слава придет к этому учебному заведению несколько позже, но уже в этом году факультет социологии, возглавляемый Гербертом Мидом (Herbert Mead), приобрел широкую известность. Несколько социологов университета изучали проблемы городов,

в частности трущоб и детской преступности. Работая в связанных с этим исследовательских проектах, Алинский проявлял удивительную способность к мимикрии в роли включенного наблюдателя²: попадая в криминальную среду, будь то уличная банда или мафия, он быстро становился там своим, усваивал определенные правила поведения, привычки, стиль одежды и речи. Эти навыки мимикрии будут потом многократно использованы и доведены до совершенства во время его работы в качестве community organizer³.

В университете он познакомился с Хелен Симон, которая впоследствии стала его женой. Она происходила из очень зажиточной семьи немецких евреев. Блондинка с голубыми глазами, Хелен закончила частную школу и была хорошо образованна. Будучи полной противоположностью Солу, она сумела увидеть в нем внимательного к людям, интересного и талантливого человека.

Антисемитизм оставался широко распространен во всех университетских кампусах в 1920-х, включая чикагский. Евреи жили отдельно от студентов других национальностей и не принимались в престижные клубы. Внутри еврейской общины за пределами кампуса тоже была своя социальная иерархия: немецкие евреи находились на ее верхних ступенях, а недавние эмигранты из Восточной Европы — на нижних. Когда молодые люди решили пожениться, родители Хелен были недовольны ее выбором. Манеры и жаргон Сола были, мягко говоря, необычными в их уважаемом кругу. Несмотря на это, молодые вступили в брак в 1932 г. и были счастливы до самой смерти Хелен в результате странного несчастного случая: будучи спортсменкой-пловчихой, она утонула, оставив двух приемных детей на попечении мужа.

В детстве Сол любил аэропланы и проводил много времени на летном поле. Позже он увлекся археологией, которую изучал на младших курсах Чикагского университета. Начавшаяся депрессия положила конец его мечтам об археологии, так как финансирование научных исследований резко сократилось.

Солу, практически чудом, удалось получить целевую стипендию для получения степени мастера в области криминологии, так как, по его словам, он даже не подавал для этого документов. Новая профессия, связанная с изучением криминального мира, натолкнула его на размышления о различных источниках власти в обществе и стратегиях ее захвата.

В 1929 г. Алинский прослушал курс «Исследования организованной преступности» профессора Бёрджесса (Burgess). Последние два года в университете он активно участвовал в полевых исследованиях, связанных с этой темой. Сол даже сдал несколько экзаменов для получения докторской степени, но в конце концов отказался от этой идеи. Во время

полевых исследований он близко соприкоснулся с местной мафией и, в частности, с ее главой Аль Капоне, а после ареста последнего в 1931 г. — с его преемником Франком Нитти. В течение всей последующей жизни Алинский рассказывал о своих знакомствах в мире чикагской мафии; близкое знание их жизни оказало существенное влияние на его собственную работу в качестве community organizer.

На последнем курсе он начал работать под руководством Клиффорда Шоу (Show) в Институте исследований подростковой преступности. Одним из его первых заданий было установить связь с бандой итальянских подростков. Алинский блестяще справился с этим и позже написал про них курсовую работу, основанную на собственных данных, собранных методом включенного наблюдения и интервью с подростками. Сол также попросил каждого из них описать свою жизнь. Эти истории должны были войти в книгу «Companions in Crime», которую Шоу и Алинский собирались написать вместе.

Продолжая сотрудничать с Шоу, Сол проработал три года (1932–1935) в иллинойской тюрьме в качестве социолога и члена комиссии по изменению меры наказаний. На материалах тюремных интервью он написал свою первую академическую статью.

Как и многие сограждане, Алинский в годы Великой депрессии заинтересовался политикой, что нашло отражение в его научной деятельности. В 1932 г., по предложению профессора К. Шоу, он включился в исследовательский проект в одном из районов Чикаго, известном самым высоким уровнем преступности среди молодежи, а также самыми высокими показателями бедности, заболеваемости туберкулезом и детской смертности. Это был первый проект, где целью было не просто исследовать ситуацию, а воздействовать на нее. Шоу намеревался проверить гипотезу, которая в будущем стала аксиомой организационной теории: участие людей в создании организованного сообщества улучшает жизнь самого сообщества, позволяет ему успешнее осуществлять нововведения, усиливает контроль внутри сообщества над отклоняющимся поведением⁴ его членов, его способность отражать угрозы извне и достигать цели, выходящие за рамки сообщества. Перед Алинским была поставлена задача вовлечь взрослых и подростков данного района в действия, направленные на улучшение жизни и усиление контроля общины над выходящим за рамки закона поведением молодежи [7, р. 47–55]. На заключительной стадии проекта Алинский был направлен в чикагский район Back of the Yards (BYNC). Здесь закончилась его студенческая жизнь и началась профессиональная карьера; здесь к нему впервые пришло понимание того, что он хочет делать в жизни.

Back of the Yards

Back of the Yards располагался на задворках скотобойни; здесь же производились разделка и расфасовка мяса. Жизнь в подобных трущобах описана в известном романе американского писателя Эптона Синклера «Джунгли» [22]. Безработица в этом районе достигала 20 % в 1938 г., названном экономистами годом Второй депрессии. Среди занятых на бойне были в основном эмигранты из Европы: поляки (наиболее многочисленная группа), ирландцы, литовцы, словаки, немцы и другие. Подавляющее большинство работников с семьями жили в антисанитарных условиях, за чертой бедности. Многие из них плохо говорили по-английски. Все основные этнические группы привезли с собой из Европы взаимную антипатию, открыто враждовали друг с другом, ходили только в собственные церкви и клубы и практически не соприкасались в быту [7, р. 55–87].

Алинский отошел от рецептов и подхода, предложенных Шоу. Организация, которую он создал со своим местным единомышленником Джоозефом Миганом (Joseph Meegan), больше напоминала территориальный профсоюз, объединяющий лидеров первичных ячеек, клубов и церковных общин, а не ассоциацию индивидуумов, как предлагал Шоу. Более ста местных организаций послали представителей в созданный Совет ВУНС. По чистому совпадению первое заседание Совета состоялось 14 июля 1939 г., в канун национальной забастовки профсоюзов, и вновь созданный Совет совершенно не случайно, а по предложению Алинского, поддержал эту забастовку. Так демократическое движение на местном уровне с момента своего зарождения оказалось вовлеченным в профсоюзное движение, со всеми присущими ему достоинствами и недостатками.

На пике организаторской деятельности в ВУНС Алинский познакомился с лидером Комитета промышленных организаций (The Committee for Industrial Organizations), легендарной личностью в профсоюзном движении — Джоном Льюисом (John L. Lewis). Только в одном 1937 г. Льюис привлек в профсоюзы 3,4 миллиона членов и превратился в одного из самых влиятельных людей в Америке. Встреча с Льюисом во многом изменила жизнь Алинского. Он находился под сильным личным и профессиональным влиянием этой харизматической личности и позже опубликовал его биографию [3]. Алинский многому научился у своего старшего друга, в частности, взгляду на всех, кто обладал властью в обществе, как на противников, а также неортодоксальным методам и технике борьбы, манипулирования и контроля над событиями и людьми. Эти методы были использованы и усовершенствованы Алинским в практике создания соседских сообществ⁵.

Может показаться странным, но успех проекта не объединил, а скорее отдалил Алинского от Шоу. После 1938 г. в публикациях последнего нет ни одного упоминания об Алинском. И хотя Сол уволился из исследовательской группы только в середине 1940 г., можно с уверенностью сказать, что в 1938 г. закончился академический период карьеры Алинского и начался период накопления опыта в соседней с социологией области социальной инженерии. Этот опыт был им впоследствии осмыслен, описан и превращен в образцы и заповеди организационной деятельности. Он будет продолжать использовать научные термины «гипотеза», «эксперимент», однако они будут иметь новое наполнение в его практической деятельности.

Накануне первого собрания Совета BYNC Алинский написал декларацию организации:

«Эта организация основана с целью улучшения благосостояния жителей района независимо от их расы, цвета кожи и происхождения путем демократических преобразований их образа жизни».

Именно в этот момент скучное словосочетание «community organizing» превратилось в противоречивую, важную и даже романтическую деятельность по возрождению демократического образа жизни на местном уровне. «Мы, люди, сами создадим свое будущее» — стало лозунгом BYNC⁶.

Официальный статус Алинского в Совете был очень неопределенным: социолог? криминолог? консультант? представитель профсоюза? Эта неопределенность была запрограммирована Алинским и поддерживалась им сознательно. Она давала ему возможности, не ограниченные никакой специфической должностью, и возводила в ранг демиурга. Хотя все организации, включая данный Совет, которые создавал Алинский, были демократическими по форме, он сохранял над ними полный контроль (заметим, те же отношения организатора с коллективом, даже еще в более явной форме, будут практиковаться и в ACORN). Сол шутил по этому поводу: организация, конечно, демократическая, но мой голос весит больше всех остальных вместе взятых [6, р. 69]. Его статус целиком базировался на собственном авторитете и способности предвидеть и контролировать ситуацию в ее развитии. Тот факт, что Алинский был евреем, не мешал, а скорее помогал ему в работе с преимущественно католическим населением; он стоял как бы вне и над этой группой. Подобно многим еврейским интеллектуалам, он всюду чувствовал себя аутсайдером, однако был одним из первых, кто осознанно превратил эту позицию в профессиональную: он работал с группами людей, далекими от него этнически и культурно, с целью их преобразования и развития. Алинский считал, что люди, живущие в замкнутом сообществе, нуждаются в свежих идеях и импульсе извне. Его деятельность по организации разобщенных людей

по месту жительства хотя и носила пионерский характер, не была абсолютно нова. Сол считал своими предшественниками Моисея и святого Павла, а также выдающихся революционеров всех времен, включая деятелей Великой американской революции.

Почти пятьдесят лет спустя, в 1983 г., когда Обама решил стать community organizer, он повторит основные вехи пути Алинского: из академической среды — на улицу, в гетто, а затем — в политику [11; 12]. Однако в начале пути у них была разная мотивация. Алинский стремился помочь людям организовать для решения своих проблем с опорой на собственные силы. Обама с самого начала был нацелен на создание движения, которое внесет кардинальные изменения в американскую политическую систему [5, p. 133].

Следующим экспериментом Алинского было создание Организации общинной службы (Community Service Organization, CSO) в Калифорнии. Двое его учеников помогли создать сеть организаций среди мексиканского населения в конце 1940-х. CSO подготовила тысячи мексиканцев к сдаче экзаменов на гражданство, зарегистрировала новых избирателей и способствовала избранию первого с 1879 г. конгрессмена-мексиканца [7, p. 147]. CSO стала также новым этапом в развитии технологии организации соседских сообществ. Если YUNC (Чикаго) была организацией в районе, где люди уже были объединены в клубы, ассоциации, принадлежали к определенной церкви, то у мексиканцев такой опыт практически отсутствовал. У них также не было признанных неформальных лидеров и интереса к демократическим формам жизни. В данном случае надо было создавать заново культуру и навыки существования людей в организациях и, шире, в основанном на них обществе. Оказалось, что в неассоциированных сообществах легче всего возникают объединения криминального или революционного типа, с жесткой вертикалью и контролем над их членами. Работа с мексиканцами показала невозможность прямого переноса успешного чикагского опыта в другую культурную среду и социальные условия. Забегая вперед, скажу, что эта проблема повторилась и в других этнических общинах (пуэрториканцы, негры и т. д.).

Если YUNC удалось найти постоянный источник доходов, чтобы поддерживать свое независимое существование, то организации людей с невысоким уровнем занятости и низкими доходами оказывались неспособными существовать на членские взносы и собственные благотворительные акции. Они становились зависимыми от внешних доноров, добровольных или принужденных к пожертвованиям. Большинство организаций, созданных в этих общинах, добывали деньги путем публичного шантажа и вымогательства. Это оружие позднее стало основным и в арсенале ACORN.

В 1944 г., на волне успеха Back of the Yards, Алинский организовал собственный Фонд индустриальных территорий (Industrial Areas Foundation, IAF) на деньги спонсоров, среди которых ведущими на протяжении многих лет были католические организации. Этот фонд платил Алинскому зарплату и профессиональные расходы до конца его дней. Он был в нем единственным постоянным платным сотрудником и снимал офис в одном из наиболее престижных районов Чикаго.

Успех BYNC, а также уроки, извлеченные в этой работе, описаны Алинским в книге «Reveille for Radicals» [1].

«Reveille for Radicals» — «Побудка для радикалов»

Книга «Reveille for Radicals» писалась долго. Вступление США во Вторую мировую войну на время приостановило социальные эксперименты Алинского; большинство его добровольных помощников были призваны в армию, сам Алинский также работал «на победу».

После признания прессой эксперимента в BYNC успешным Алинский сделал многое для того, чтобы описать свой опыт в виде правил и методов, создать его модель и организовать ее распространение в другую среду, тем самым превратив отдельный эксперимент в движение. Для многих организаторов «Reveille for Radicals» стала настольной книгой. Она была замечена широкой публикой, получила много положительных отзывов и скоро «разошлась» на афоризмы и лозунги. Алинский сознательно использовал в ней многие клише, как это делал до него его герой, мыслитель эпохи Великой американской революции Томас Пэйн.

Хотя книгу заказало издательство University of Chicago Press, каждая стадия ее прохождения вызывала конфликт: рецензенты считали ее слишком радикальной и опасной. По этой же причине, после того как она была издана, магазин издательства долго отказывался ее рекламировать.

Книга могла быть напечатана в другом, не академическом, издательстве, но для Алинского связь с alma mater была крайне важна в смысле личного престижа как социолога и консультанта. Однако публикация скорее отдалила его от университетских кругов, чем сблизила с ними. Через несколько лет Алинский даже станет публично выступать против своего университета, в частности одного из планов расширения его территории.

Объясняя смысл проделанного эксперимента, Алинский писал, что в современном городе большинство людей обречено на анонимность, что люди не знают имен соседей и не интересуются их судьбами. Городская анонимность есть своего рода уход от социальной жизни и разрушение самых основ демократического общества [8]. Выходом из этого

положения является создание первичных организаций и выстраивание общественной системы снизу вверх. Первичные организации призваны совместно решать собственные вопросы и участвовать в решении проблем общества в целом. Эти соображения могут показаться очевидными для многих читателей, однако они не были таковыми для недавних эмигрантов и других жителей трущоб. Алинский привнес новую идеологию и систему взглядов в жизнь этих людей, которая включает такие понятия, как гражданин, участие, демократия, американский образ жизни. Этот язык и образ действий были предназначены для того, чтобы помочь людям организовывать свою жизнь и жизнь соседей.

Woodlawn – Смена парадигмы: от организации сообществ – к политическому действию

После окончания войны Алинский снова вернулся к социальным экспериментам. На этот раз он задался целью преодолеть расовую сегрегацию в своем городе во имя достижения экономической и социальной справедливости.

Начиная с конца 1950-х в его работе по организации соседских сообществ акцент сместился с опоры на собственные силы на получение специальных привилегий (хотя никто не использовал это слово) для бедных, т. е. перераспределение средств города, штата, а в дальнейшем и государства в пользу его клиентов.

Официально проект Woodlawn (название еще одного района Чикаго) начался в январе 1961 г., хотя подготовка к нему развернулась на полгода раньше. Созданная с большой помпой организация в Woodlawn ставила своей целью формирование сообщества, основанного на «самоопределении, которое приносит людям самоуважение», опоре на собственные силы, а не на государство.

Хотя риторика об опоре на свои силы была записана в ее уставе, фактически все средства поступали в организацию из внешних источников. Она все меньше и меньше занималась интеграцией своей общины, как это было в первом и самом успешном эксперименте Алинского, и все больше становилась еще одним движением за гражданские права черного меньшинства.

В этой связи необходимо вспомнить те «стилистические» и профессиональные расхождения, которые имелись у школы Алинского с движением, возглавляемым Мартином Лютером Кингом, известным борцом за права негритянского меньшинства, лауреатом Нобелевской премии мира.

М. Л. Кинг переехал в Чикаго, где осуществлялись основные проекты Алинского по десегрегации афроамериканских кварталов, в 1966 г.

Несмотря на схожесть целей, им не удалось объединить свои усилия. Алинский вообще никогда полностью не объединялся с потенциальными союзниками и всегда шел своим собственным путем. Помимо причин личного характера, между двумя лидерами были существенные, хотя и не декларируемые, различия в философии, тактике и методах организации социальных акций.

Алинский неоднократно критиковал негритянских лидеров за то, что их движения были несамостоятельными в финансовом отношении и существовали на деньги белых доноров [7, р. 416].

Кинг, по мнению Алинского, не имел почти никакого контроля над созданной им организацией The Southern Christian Leadership Conference, особенно ее денежными потоками. Для сравнения, никто из сотрудников IAF не имел права потратить деньги фонда даже на кофе с булочкой без документирования этой покупки. Алинский всегда был готов официально подтвердить все денежные фонды организации и способы их расходования. К его чести надо сказать, что таким же образом он фиксировал и свои расходы, сделанные за счет этой организации [6, р. 74]. Его бухгалтерские книги всегда были в идеальном порядке и готовы для проверки.

Другое существенное различие между двумя типами организаций касалось численности штата. Алинский всегда имел очень немного хорошо тренированных и дееспособных сотрудников. Кинг, напротив, был окружен множеством людей, которые часто не могли трансформировать свой энтузиазм в области гражданских прав в адекватное, эффективно выстроенное, организационное действие [6, р. 71–73].

Хоффман⁷ сравнивает процесс организации с нанизыванием бус, которое требует не только исходного материала, но также терпения, настойчивости и определенной концепции. У Кинга и его окружения, по мнению Хоффмана, не было в достаточной степени ни одного из этих качеств.

В Woodlawn Алинский начал эксперимент по введению расовой квоты как способа преодоления сегрегации, убеждая допустить в район с белым населением определенное число афроамериканцев. Идея такого рода возникла у него двумя годами ранее и была впервые сформулирована на слушаниях о гражданских правах в Конгрессе в 1959 г. Она получила поддержку американского истеблишмента и позднее была доработана и оформлена как Affirmative Action сначала в одном, а потом и во всех остальных штатах (1969 и последующие годы). Предполагалось, что конечной целью эксперимента станет отсутствие на карте Чикаго «белых» и «черных» районов. Начатый во имя преодоления расовой сегрегации,

опыт завершился, однако, прямо противоположным результатом. Если в начале эксперимента соотношение белых и черных в Woodlawn было примерно 9:1, то в конце 1960-х его население стало в подавляющем большинстве черным [7, р. 431].

50 лет, прошедшие со времени первого эксперимента, показали, что даже при наличии последовательной государственной политики, направленной на поддержку меньшинств в решении жилищного вопроса, сегрегация населения в городах Америки не уменьшилась, а увеличилась. Одна из причин, по которой «квоты», а затем и программа «дешевого жилья для бедных» не достигли поставленной цели, была политика, проводимая организациями, защищающими интересы «бедных». Люди, заселявшие эти районы, редко вставали на собственные ноги, в своем большинстве они продолжали зависеть от государственной помощи и бороться за все новые и новые привилегии; многолетние программы продажи домов людям, неспособным за них платить, в конце концов закончились обрушением жилищного рынка в Америке в 2008–2010 гг.

В эксперименте Woodlawn идеология демократии американского образца была заменена на идеологию выигрывания частных сражений против враждебного окружения. В технологии организации соседских сообществ акцент сместился в пользу агрессивных действий, атакующих методов ведения войны, где все средства хороши, если они ведут к победе. Эти методы включали уличные протесты, пикеты против негодных лиц по месту их жительства, срывы заседаний местных выборных органов, вываливание мусора перед жилищем официальных лиц и их публичное высмеивание и унижение, бойкот и шантажирование бизнесов, театральные инсценировки и буффонады и другие нарушения неписаных правил поведения.

Лозунгами нового движения стали Better Housing, Jobs, Schools, Vote (лучшие жилищные условия, работа, школы, право голоса). Решение этих проблем участники эксперимента ожидали от большого бизнеса, городской администрации и общества. В результате пикетирования и действий а la Alinsky многие бизнесы были принуждены принимать на работу обитателей Woodlawn.

Организаторы проекта Woodlawn впервые в американской истории привели людей автобусами к зданию городской администрации, чтобы зарегистрировать их в качестве избирателей, демонстрируя политический потенциал района в предстоящих выборах мэра города. В начале 1960-х это движение еще не определилось за какую партию — демократов или республиканцев — будут голосовать его члены. Начиная с 1970-го, все движения, организованные Алинским, были связаны только с демократической партией; они приводили к власти своих кандидатов на всех

уровнях власти, используя арсенал методов Алинского, изученный в тренировочных центрах.

Несмотря на очевидные провалы нескольких экспериментов в 1960-х, звезда Алинского не только не закатилась, а, наоборот, еще ярче засияла на американском политическом небосклоне. Неудачные проекты незаметно исчезали из его резюме. Имя Алинского было раскручено многочисленными публикациями в прессе и книгами. Даже эксперимент в Woodlawn многие рассматривали как очень удачный в том смысле, что он дал пример помощи бедным, альтернативный тому, который предлагала социальная служба, превратившаяся к тому времени в отрасль, обслуживающую свои собственные интересы. Известный журналист, редактор журнала *Fortune*, Чарльз Силберман (Charles Silberman) посвятил эксперименту в Woodlawn статью в журнале (1962) [16], где высказал опасение, что расовая проблема настолько серьезна, что грозит социальным взрывом. Как и Алинский, Силберман считал, что проблема современных городов — это проблема расовых отношений. Америка была напугана беспорядками на расовой почве в Чикаго и других городах в начале 1960-х. Триста тысяч людей прошли маршем в Вашингтоне летом 1963 г. под лозунгами «Свободу сейчас! Работу сейчас!». Силберман также посвятил эксперименту Алинского целую главу в своей книге [15, р. 320–355]. Он писал:

«Существенная разница между Алинским и его врагами состоит в том, что Алинский действительно верит в демократию: он действительно верит, что беспомощные, бедные, плохо образованные люди могут решить свои собственные проблемы, если им дать шанс и средства» [15, р. 323].

Силберман высказал одно предостережение, которое вряд ли кто-то услышал в то время: *«Алинский — уникальная фигура в смысле его приверженности к демократическим идеалам, и нам еще предстоит увидеть, смогут ли последователи успешно использовать его теорию и тактику»* [15, р. 348].

Трудно сказать, был ли автор дезинформирован относительно демократических достижений в Woodlawn, или он искренне заблуждался.

Такая высокая оценка Алинского как профессионала превратила его в фигуру национального масштаба. Книга Силбермана сделала больше для популярности Алинского, чем его собственная книга, изданная за 20 лет до этого. Спрос на эксперименты и выступления Алинского резко возрос. Он ездил по всей стране с лекциями и выступлениями перед религиозными лидерами, социальными работниками, бизнесменами, участниками конференций и студентами колледжей. Начавшиеся во многих местах эксперименты нуждались в community organizers и сформировали спрос на эту профессию. В ответ на это возникло несколько

тренировочных центров по подготовке таких специалистов. Один из них, под эгидой собственного фонда, возглавил сам Алинский, другие создавались его учениками.

Алинский и ACORN

По своей генеалогии ACORN, созданная в 1970 г., восходит к фонду Алинского. ACORN организовалась путем отделения от Национальной организации за права получения государственной помощи (National Welfare Rights Organization, NWRO). NWRO, в свою очередь, возникла путем слияния фонда Алинского (IAF) и организаций по гражданским правам, возглавляемых его учениками. Как видно из названия, к этому времени право на получение государственной помощи (welfare) было уже юридически и практически оформлено как гражданское право в Америке. NWRO штурмовало офисы, занимающиеся оформлением государственной помощи, чтобы увеличить число ее получателей и добиться ее максимального размера в каждом отдельном случае. Возникла целая индустрия, заинтересованная в увеличении армии получателей велфэра. Одной из ведущих организаций в этой области стала ACORN.

Хотя Алинский не имел прямого отношения к созданию ACORN и не успел увидеть эволюцию этой организации, он неоднократно повторял, что она вызвана к жизни его идеями. Об ACORN уже написано много книг и журнальных публикаций [4; 5; 18; 19]. Нас она будет интересовать только в смысле ее преемственности с опытами Алинского.

Алинский в конце 1960-х уже сильно отличался от себя самого времени BYNC. Это видно при рассмотрении целей и методов борьбы, которыми пользовалась созданная им организация в городе Рочестер (штат Нью-Йорк) в 1966–1967 гг.

Одной из задач вновь созданной организации с красноречивым названием FIGHT (Freedom, Integration, God, Honor Today; Свобода, интеграция, Бог, уважение сегодня) было обеспечить работу для черного населения. Представители FIGHT начали переговоры с несколькими бизнесами города, включая местный филиал всемирно известной фирмы «Кодак», на предмет подготовки кадров из числа черного населения с последующим их трудоустройством. На переговорах с «Кодак» организаторы FIGHT выдвинули требование создать программу продолжительностью 18 месяцев по подготовке 600 жителей гетто с обязательством трудоустроить их после обучения, не предъявляя к ним обычные при найме требования [7, р. 488–505]. Большинство из предлагаемых кандидатов не имели никакого образования и опыта работы. Более того, представи-

тели FIGHT поставили условием, что только они будут рекомендовать людей для обучения, т. е. «Кодак» не имел права включать в программу людей без согласия этой организации. Если бы FIGHT удалось закрепить за собой такую функцию, она увеличила бы свою власть в общине и городе. Это требование стало центральным пунктом переговоров и насторожило руководство «Кодак», которое усмотрело в этом проявление профсоюзной идеологии. «Кодак» был готов помочь общине и, кстати, делал это и раньше, однако на своих условиях и не в таких непосильных для него размерах. Переговоры, с поощрения Алинского, очень быстро переросли в «вооруженный» конфликт, к которому были подключены не только население и администрация города, но и центральная пресса. Лидеры многих черных гетто в Америке напряженно следили за ходом противостояния, которое длилось несколько месяцев. Члены FIGHT и их сторонники купили акции «Кодак», чтобы попытаться повлиять на социальную политику компании изнутри. В день собрания акционеров FIGHT вывел на площадь перед зданием, где шло заседание, около 700 своих членов с лозунгами против «Кодак». Алинский был готов выступить на собрании, однако понял, что победа будет коваться не в зале заседания, а на улице, перед телевизионными камерами:

«Мы готовы продолжить нашу борьбу (с “Кодак”. — И. Ж.) в масштабе всей страны, наша организация FIGHT будет началом возрождения движения за гражданские права».

Эта акция стала первой ласточкой в движении, позже названном «социальной ответственностью» бизнеса, которая, в частности, обязывала его принимать участие в решении проблем бедности и дискриминации. Как и всякий крупный бизнес, «Кодак» опасался, что начатая против него публичная кампания не только подорвет его репутацию, но, возможно, повлечет за собой вмешательство государства. Роберт Кеннеди, бывший в то время сенатором от штата Нью-Йорк, согласился начать слушание в Конгрессе, если Алинскому удастся привлечь на свою сторону основные конфессии. До вмешательства Конгресса дело не дошло, так как, во-первых, не так много церковью поддержали Алинского, и, во-вторых, несколько крупных компаний города Рочестер, включая «Кодак», создали отдельную корпорацию Rochester Jobs, которая гарантировала 1500 рабочих мест для черного населения.

Эта история положила начало многолетней борьбе организаций типа FIGHT против крупного и среднего бизнеса. Если Алинский при этом руководствовался интересами черного населения и добивался для него рабочих мест, то те, кто пришли ему на смену, боролись, главным образом, за финансовую поддержку собственных организаций и фактически занимались экспроприацией.

Лидеры ACORN, официально отрицая социалистическую ориентацию своей программы, по существу, всегда занимались перераспределением государственных дотаций (грантов) и выжатых из бизнеса денег.

Первый крупный скандал в ACORN возник в 2007 г., когда выяснилось, что один из ее создателей, Дэйл Ратке (Dale Rathke), присвоил и потратил на собственные нужды около миллиона долларов, а его старший брат Вэйд в течение восьми лет замалчивал этот факт.

Вэйд Ратке был бессменным руководителем ACORN на протяжении сорока лет, однако после разразившегося скандала оставил свой пост в 2008 г.

Журналистские разоблачения других противозаконных действий ACORN в 2008–2009 гг. привели к тому, что Конгресс начал расследование и публичные слушания деятельности этой организации. Расследование выявило много поразительных фактов в истории ACORN. В момент создания она была зарегистрирована не как общественная организация (non-profit), а как бизнес. Статус общественной организации сделал бы ее открытой для проверок извне, что не входило в планы ее создателей. Кроме того, как общественная организация, получающая деньги от налогоплательщиков, ACORN была бы не в состоянии вести политическую борьбу. Статус деловой организации делал ее бизнес, денежные потоки и организационную структуру закрытой от общественного контроля.

Расследование также обнаружило, что организация распоряжается сотнями миллионов долларов (это очень осторожная оценка, но более точных данных пока не установлено из-за ее весьма запутанной бухгалтерии), включает порядка 300 официально независимых организаций с разными названиями, в том числе за рубежом, связанных между собой единым руководством и финансовыми потоками. Как и ACORN, большинство дочерних и ассоциированных организаций были зарегистрированы for-profit, чтобы избежать контроля за их целями и использованием средств, полученных от государства и других доноров.

Будучи создана как организация помощи бедным, ACORN учила бедных опоре не на собственные силы, а на государство, создавая фактически хроническую зависимость получателей от государственной помощи.

Была доказана причастность ACORN к многочисленным нарушениям во время выборов: среди избирателей, зарегистрированных этой организацией, оказалось много «мертвых душ» и фиктивных лиц, а также людей, не имевших права голоса. Более 60 сотрудников ACORN из разных штатов были пойманы за руку и осуждены местными судами за нарушение закона о выборах в 1998–2009 гг. [7, р. 287–289]. Когда вступил в действие закон об ограничении пожертвований кандидатам в президенты, ACORN превратилась в параллельный штаб по избранию

Обамы и собирала пожертвования для его предвыборной кампании без ограничений.

ACORN никогда не делала секрета из того, что работает только на одну партию — демократов, и собирает голоса только для этой партии. Нарушение закона состояло в том, что вся ее политическая активность финансировалась налогоплательщиками. Кроме того, в этой деятельности использовались криминальные методы, доходившие порой до прямого террора.

Среди других прегрешений ACORN было незаконное взламывание помещений, изъятых банками из-за неуплаты жильцами квартирной платы, шантаж бизнесов и т. д. Известно много случаев, когда ACORN получала заказы от профсоюзов и других общественных объединений на организацию протестов и пикетов и поставляла им наемных демонстрантов.

В 2010 г. Конгресс и президент запретили государственным организациям финансировать деятельность ACORN, однако ее лидеры еще раз продемонстрировали свою способность обходить негодные законы. Несмотря на официальное заявление о банкротстве, ACORN быстро перегруппировалась, поменяла названия входящих в нее организаций, сохранив своих генералов и офицеров и пожертвовав лишь несколькими солдатами. Эти новые организации сидят в тех же зданиях, где находилась ACORN, пользуются тем же оборудованием и снова перешли на довольствие государства и доноров: католической церкви, Джорджа Сороса и др. [7, р. 300]. «Слухи о смерти ACORN оказались сильно преувеличенными».

Хотя Алинский наверняка не одобрил бы их способ обращения с денежными фондами (растраты, присвоение денег и т. д.), ему было бы трудно откреститься от своего детища. Оказалось, что вся тактика и стратегия политического действия, используемые ACORN, полностью вписываются в его систему взглядов и правил.

Алинский — нетрадиционный либерал

Если бы кто-то назвал Алинского либералом, это вызвало бы его крайнее возмущение. Более того, в своих работах и интервью он не раз и не два противопоставлял себя либералам, считая их людьми, которые предпочитают разговоры действиям.

Собственной философии как таковой у него не было, хотя он был вдохновлен идеями «демократии с маленькой буквы», имея в виду демократию на местном уровне: в общине, районе, городе. Его кредо может быть определено как «участие в принятии решений». Он был теоретик

и тактик революционного (или инновационного) социального действия. Алинский был вне какой-либо идеологии, кроме той, которую создал для своего движения (он намеренно избегал вставать под чьи-либо знамена, будь то коммунисты, демократы, либералы, националисты и т. п.). Он никогда не состоял ни в какой партии, включая коммунистическую, хотя ему долго приклеивали ярлык «коммуниста». Алинский действительно занимал членов этой партии для своих проектов, считая их очень способными организаторами, однако никогда полностью не солидаризировался с коммунистическим движением и его целями [6, р. 97]. Если до Второй мировой войны он, как и многие американские либералы, еще в какой-то мере симпатизировал коммунистам, то после войны его отношение к ним резко изменилось. Столь же активно он отрекся и от тех, кто преследовал коммунистов, так называемых «охотников за красными».

Называя себя «радикалом», Алинский противопоставлял себя в основном тем, кто призывает к изменениям, но не действуют. Алинский называл людей действия радикалами. Его книги написаны не в качестве лекарства для существующих социальных болезней, а в качестве призыва к действию как средству их лечения. В интервью журналу *Harper's* Алинский еще раз подчеркнул свое отличие от либералов:

«Я не приукрашиваю бедных в отличие от многих либералов и крестоносцев, воюющих за права человека... Проблема моих либеральных друзей состоит в том, что их моральное возмущение и готовность участвовать (в поддержке бедных. — И. Ж.) тем больше, чем дальше они находятся от зоны конфликта» [13].

Он отзывался более почтительно, но все же достаточно критически, о движении за гражданские права:

«Ахиллесовой пятой этого движения является то, что оно не сформировало стабильную, многочисленную и сильную организацию... Наиболее существенные победы этого движения были выиграны за них общественным мнением в Америке и за рубежом или же результат вопиющих фактов неравноправия и сегрегации на юге Америки» [13].

К чести Алинского надо сказать, что, когда национальный шовинизм движения Сила Черных (Black Power) стал очевидным, он отошел от работы в афроамериканских гетто. Один из лидеров черного движения Вокер (Walker), директор Interfaith Foundation for Community Organization, заявил:

«...черные есть особая страна, и если вы поддерживаете Америку, то тем самым выступаете против нашей общины» [10].

Алинский ответил ему в личном письме:

«Я целиком отвергаю это высказывание и нахожу его неприемлемым и отвратительным... Я и мои сотрудники не признаем своей вины в под-

держке Америки, более того, мы с удовольствием признаемся в любви к этой стране» [7, р. 509].

Заявлять подобное в самый пик черного националистического движения мог позволить себе только очень смелый человек. Неприятие Алинским националистической риторики было настолько полным и последовательным, что он отказался от большого гранта Interfaith Foundation for Community Organization, который предназначался для центра обучения организаторов при фонде Алинского.

Еще одно принципиальное отличие между либералами и Алинским состоит в их отношении к государству и государственной помощи. Алинский никогда не был сторонником «большого государства», т. е. проникновения его во все сферы общественной жизни [7, р. 480–481]. Согласно свидетельству Хоффмана, в связи со знаменитым Законом об экономических возможностях (Economic Opportunity Act), подписанным президентом Л. Джонсоном в 1964 г., Алинский любил повторять, что участие государства в «войне с бедностью» равносильно раздаче стодолларовых купюр на углу в гетто. Он называл программу борьбы с бедностью «политической порнографией» [13]. Кроме того, вовлечение государства в социальную работу означает усиление контроля над независимой гражданской жизнью общества и делает ее практически невозможной. Для Алинского, в отличие от ACORN, такой подход к решению социальных проблем был всегда последним и далеко не идеальным выбором. По своему мировоззрению он был ближе к Д. Орвеллу и Х. Ортеге, чем к современным левым: он ставил личные свободы и право на частную жизнь выше других демократических свобод, однако не верил, что государство может и должно вставать на их защиту [6, р. 150–151].

Последняя книга

Когда Алинский закончил свою главную работу «Rules for Radicals: A Pragmatic Primer for Realistic Radicals»⁸ (1971), он надеялся, что у него впереди еще минимум десять лет активной жизни. Сравнивая Rules for Radicals с книгой Макиавелли «Государь», Алинский писал, что книга Макиавелли о том, как власть имущим удержать ее, тогда как его книга о том, как отобрать власть у тех, кто ее имеет [2, р. 3]. Неслучайно рабочее название книги какое-то время было Rules for Revolution. В еще большей степени, чем «Reveille for Radicals», его последняя книга была посвящена правилам, инструментарию, методам и технике работы организатора социальных изменений. Книгу Алинского «Rules for Radicals» нередко сравнивают с другим шедевром подобного рода, работой Sun Tzu Art of War (Сунь Цзы. Искусство войны) [14].

У него были планы поработать с другой социальной стратегией — средним классом Америки, которому близки ценности демократического образа жизни, однако им не удалось осуществиться из-за преждевременной смерти Алинского.

За прошедшие сорок лет многое изменилось в американской политике. Отстранение рядовых американцев от политической жизни стало еще более явным и массовым, чем в 1960-е гг. В заметной степени снизилась роль в демократическом процессе организаций, таких как профсоюзы, политические партии, добровольные объединения. Демократический способ самоуправления еще в большей степени находится сейчас под угрозой и нуждается в срочных мерах по его спасению. Предлагаемая Алинским модель вовлечения граждан в решение своей судьбы через организации и формула демократии как «организации организаций» оказались не способными решить эту задачу. Одна из причин непригодности этих идей состоит в том, что члены организаций быстро теряют контроль над ними и превращаются в их марионеток. Наследие Алинского оказалось присвоенным, в основном, теми, кто направил его против демократических устоев общества, кто не был заражен его горячей любовью к идеалам американской революции и ценностям, описанным Алексисом де Токвилем в его знаменитой книге «Демократия в Америке» [17]. Проблема постоянного обновления общественной системы и вовлечения людей в этот процесс для их собственного блага, которой Алинский посвятил свою жизнь, остается актуальной и открытой.

Идеи и технологии Алинского продолжают жить и работать не только в США, но и во многих других странах мира. Его последователи пересмысливают опыт организации общин и экспериментируют с ними в России [19; 20; 21], Аргентине, Канаде, Индии, Кении, Мексике и других странах.

Литература

1. *Alinsky Saul*. Reveille for Radicals. Chicago University Press, 1945.
2. *Alinsky Saul*. Rules for Radicals: A Pragmatic Primer for Realistic Radicals. New York: Vintage Books, 1971.
3. *Alinsky Saul*. John L. Lewis. An Authorized Biography. New York: G. P. Putnam's Sons, 1949.
4. *Delgado Gary*. Organizing the Movement: The Roots and Growth of ACORN. Philadelphia: Temple University Press, 1986.
5. *Doering Bernard*. Maritain in America — Friendships // Understanding Maritain: Philosopher and Friend. Ed. by Hudson Deal W. and Mancini Mathew J. Macon: Mercer University Press, 1987. P. 42.
6. *Hoffman Nicholas von*. Radical: A Portrait of Saul Alinsky. New York: Nation Books, 2010.

7. *Horwitt Sanford D.* Let Them Call Me Rebel: Saul Alinsky, His Life and Legacy. New York: Knopf, 1989.
8. *Jacobs Jane.* The Death and Life of Great American Cities. New York: Random House, 1961.
9. *Kahane David.* Rules for Radical Conservatives: Beating the Left at its Own Game to Take Back America. N. Y.: Ballantine Books, 2010.
10. *Karenga Maulana Ron.* Believing in Full Equality // Los Angeles Times. July 7, 1968.
11. *Obama Barack.* Why Organize? Problems and Promise in the Inner City // After Alinsky, Saul: Community Organizing in Illinois / Ed. by Knoepfle Peg. Illinois Issues. Springfield: University of Illinois, 1990.
12. *Obama Barack.* Dreams from my Father: A Story of Race and Inheritance. New York: Three Rivers Press, 2004.
13. *Sanders Marion K.* Professional Radical. Conversations with Saul Alinsky. New York, Harper & Row, 1965. P. 46.
14. *Sun Tzu.* The Art of War. N. Y. : Delacorte Press, 1983.
15. *Silberman Charles E.* Crisis in Black and White. New York: A Vintage Book, 1964.
16. *Silberman Charles E.* The City and the Negro // Fortune. March 1962.
17. *Tocqueville Alexis de.* Democracy in America. New York: Harper Perennial, 1988.
18. *Vadum Matthew.* Subversion Inc. : How Obama's ACORN Red Shirts Are Still Terrorizing and Ripping off American Taxpayers. Washington (D. C.): WND Books, 2011.
19. Transforming the City: Community Organizing and the Challenge of Political Change / Ed. by Ott Marion. University Press of Kansas, 2007.
20. *Глазычев Вячеслав.* Глубинная Россия: 2000–2002. М.: Новое изд-во, 2004.
21. *Кокарев И. Е.* На пути к гражданскому обществу. М.: Мир, 2005.
22. *Синклер Энтон.* Джунгли. М.: Госиздат, 1956.

¹ Эти слова Т. Пэйна взяты С. Алинским эпиграфом к его книгам «Reveille for Radicals» («Побудка для радикалов») и «Rules for Radicals» («Правила для радикалов»).

² Включенное наблюдение — форма полевых исследований в реальных условиях, которые, в отличие от эксперимента, никем не контролируются и не структурируются. — *Примеч. ред.-сост.*

³ Community organizer (*англ.*) — человек, который организует группу людей, компактно проживающих на одной территории (дом, квартал, микрорайон, поселок), для решения их проблем. — *Примеч. ред.-сост.*

⁴ Отклоняющееся (девиантное) поведение — социальное поведение, несоответствующее имеющейся норме или набору норм, принятых значительной частью людей в группе или сообществе. Основными формами девиантного поведения являются: пьянство, наркомания, преступность, проституция, самоубийство. — *Примеч. ред.-сост.*

⁵ Соседские сообщества — объединения граждан по месту жительства. Целями создания такого сообщества являются: 1) популяризация новых форм совместного проживания людей; 2) реализация проектов создания и развития объединений граждан по месту жительства; 3) расширение и развитие деятельности таких объединений; 4) вовлечение новых групп и оказание им содержательной и организационной поддержки; 5) обмен опытом и поиск путей взаимовыгодного сотрудничества. — *Примеч. ред.-сост.*

⁶ «*We the People of the United States, in order to form a more perfect Union...*» — слова Конституции США, которые перефразирует лозунг BYNC. — *Примеч. ред.-сост.*

⁷ Николас фон Хоффман (Nicolas von Hoffman) (р. 1929) — амер. журналист, писатель, радио- и телекомментатор. В 1953–1963 гг. работал в качестве community organizer для С. Алинского. — *Примеч. ред.-сост.*

⁸ Правила для радикалов: начальное пособие для практических радикалов. — *Примеч. ред.-сост.*

ЛИТЕРАТУРА И БИБЛИОГРАФИЯ

Фрейдус, человек книги

Эрнст Зальцберг (Торонто)

Одна из крупнейших в США и в мире Нью-Йоркская публичная библиотека на 5-й авеню и 42-й улице играет важную роль в культурной жизни города и страны на протяжении уже более ста лет. Существенный вклад в ее становление и развитие внесли российские евреи. В разное время директорами отделов библиотеки были Г. Розенталь¹, А. Ярмолинский² и А. Фрейдус, о котором и пойдет речь в нашей статье.

Абрахам Соломон Фрейдус родился в Риге 1 мая 1867 г. в семье, происходившей из местечка Жагоры в Литве. Прекрасная память в сочетании с живым интересом ко многим предметам помогли Абрахаму преодолеть рамки традиционного «хедерского» образования: помимо идиш и иврита он овладел в совершенстве русским и немецким языками.

Юность Абрахама была типична для тысяч молодых людей его поколения, стремящихся приобщиться к новым знаниям и полным идеалистических надежд и мечтаний. Так же как и они, Фрейдус жаждал познать мир западной цивилизации и в 1886 г. уехал из родной Риги в Париж. Он не добился здесь никаких успехов, за исключением того, что быстро овладел французским языком.

Все свободное время Абрахам проводил в Национальной библиотеке, усиленно занимаясь самообразованием. Но его будущее в Париже оставалось неопределенным. Возможно, что под влиянием идей Ховевей Цион³, которое приобретало все большую популярность в России и среди русско-еврейских эмигрантов, или после чтения исторических романов Мапу⁴, описывавших в идиллических тонах сельскую жизнь в Иудейском царстве, Фрейдус в 1887 г. уехал в Палестину, в колонию Зихрон-Яаков. Здесь он вместе с другими поселенцами занимался тяжелым сельскохозяйственным трудом, однако палестинский опыт оказался недолговечным —

после нескольких месяцев жизни на Святой Земле Фрейдус заболел малярией, и это вынудило его вернуться в Париж. Случилось так, что Абрахаму не привелось побывать в Иерусалиме, о чем он впоследствии глубоко сожалел.

Жизнь в Париже по-прежнему не сулила ему ничего хорошего, и в 1888 г. он уехал в Лондон и оттуда, в начале 1889 г., — в Нью-Йорк. Поначалу Абрахам работал на ферме в Коннектикуте, но вскоре получил травму, которая навсегда отвадила его от дальнейших занятий сельским хозяйством. Возвратившись в Нью-Йорк, Фрейдус давал уроки французского и иврита, иногда печатался в газетах на иврите, идиш и, позднее, английском. После нескольких лет неопределенности он поступил в библиотечную школу Института Пратта в Бруклине и успешно окончил ее в 1894 г. Проработав в течение следующих трех лет библиотекарем в библиотеке Calumet Club и составителем каталогов Библий в Теологической семинарии, Фрейдус в феврале 1897 г. начал работать библиографом ивритских книг в библиотеке Астор и вскоре стал организатором и директором ее еврейского отдела, открывшегося в ноябре 1897 г.

Незадолго до этого две библиотеки, Астор и Ленокс, и фонд Тилдека были преобразованы в Нью-Йоркскую публичную библиотеку, с которой отныне была связана вся деятельность Фрейдуса.

С начала работы перед ним стояла задача собрать вместе все книги на иврите, а также книги о евреях и иудаизме на других языках, рассеянные по разным секциям и отделам библиотеки. Преодолев сопротивление части администрации и некоторых коллег, Фрейдус выполнил эту задачу. Вскоре стало известно, что в библиотеке Астор создан еврейский отдел, во главе которого стоит исключительно знающий и ответственный человек, готовый помочь сориентироваться в море литературы по гебраистике и иудаике и найти нужные источники любому обратившемуся к нему исследователю или просто читателю.

Вновь созданная коллекция еврейских книг и манускриптов начала пополняться новыми приобретениями. Одним из них была покупка обширной библиотеки российского гебраиста Л. Мандельштама⁵, ставшая возможной благодаря щедрости Д. Шиффа⁶, который в течение многих лет был спонсором отдела.

Комната 217 нового здания библиотеки⁷, в которой разместился еврейский отдел, стала местом паломничества гебраистов со всех уголков Америки.

Важность нового отдела и талант его руководителя ярко проявились во время работы над Еврейской энциклопедией⁸. В течение нескольких лет многие участники этого уникального проекта регулярно встречались с Фрейдусом в его отделе и обсуждали с ним свои будущие публикации.

В то, что эта энциклопедия стала наиболее исчерпывающим, информативным и точным для своего времени изданием, Фрейдус внес существенный вклад.

Готовность помочь, безошибочный инстинкт, с которым он угадывал то, что нужно просителю, личный интерес к пришедшему за помощью, стремление снабдить просителя даже крупными объемами информации, почерпнутой из газетных вырезок, — все эти качества сделали его незаменимым советником и консультантом для многих исследователей иудаики, которые в своих трудах выражали ему благодарность за оказанную помощь. Полный список этих ученых, который включает несколько сотен фамилий, приведен в мемориальном томе, посвященном памяти Фрейдуса⁹.

Научная репутация Фрейдуса была столь высока, что еще при жизни его имя было занесено в несколько солидных справочников и энциклопедий¹⁰.

Пожалуй, его наиболее значительным достижением было создание классификации еврейской литературы, включавшей более 500 подразделений. По существу это был первый современный и всеобъемлющий опыт такого рода. Классификация должна была служить практическим нуждам Нью-Йоркской публичной библиотеки, т. е. обеспечивать быстрый поиск и доступ к нужным книгам библиотекарям и читателям и быть научным инструментом, помогающим ученым в исследованиях и решениях научных проблем.

Классификация Фрейдуса была логичной, исчерпывающей и в то же время сравнительно простой в использовании. Она давала читателям четкое и наглядное представление о содержимом еврейского отдела, экономила время и энергию при поисках литературы и была принята за основу многими другими американскими библиотеками, обладавшими собраниями еврейских книг.

Помимо классификации Фрейдус составил библиографическую картотеку на 12000 книг из своего отдела, который в начале XX в. насчитывал уже около 25000 единиц хранения¹¹.

Он подготовил также несколько специальных каталогов, таких как каталог еврейской периодики, антисемитской литературы и некоторые другие.

Хотя его библиографические труды вызывали значительный интерес¹², наибольшую ценность представлял он сам как источник неисчерпаемой информации, генератор новых исследовательских идей и человек, способный направить исследование в нужное русло, уяснить его цель и средства для ее достижения.

Библиография была для Фрейдуса не только необходимой составляющей библиотечного дела, она была его страстью. Благодаря усилиям

Фрейдуса многие впервые познали мир еврейской письменности, другие существенно расширили для себя его границы.

Преданность Фрейдуса избранному делу была безграничной, и он проводил в библиотеке большую часть своего времени, включая вечерние часы после ее закрытия. Его досуг тоже в той или иной степени был связан с библиотечными делами: он встречался в неофициальной обстановке с людьми, которым требовалась библиографическая информация, обсуждал с ними возможные и наиболее эффективные варианты помощи. Он же давал им советы о том, что и как можно найти в его отделе и в других американских и европейских библиотеках. Напомним, что все это происходило в докомпьютерную эру, и Фрейдус хранил всю эту гигантскую информацию в памяти, охотно делясь ею со всеми «страждущими». Он занимался также сбором книг, которые жертвовали библиотеке владельцы частных коллекций, не гнушался поиском средств для составления новых каталогов.

С годами Фрейдус обнаруживал все больший интерес к еврейской жизни в различных ее проявлениях: он посещал еврейские собрания, интересовался идеями политического сионизма.

Отпуска он проводил на океанском побережье в окрестностях Нью-Йорка. Фрейдус считал их удачными только в том случае, если удавалось найти интересного собеседника на темы, связанные с еврейской библиографией.

По воспоминаниям коллеги, у Фрейдуса *«было много странностей. Так, он имел свои представления об одежде и был совершенно безразличен к тому, как одевались окружающие... Он не был администратором и не имел понятия о том, как организовать работу других и довести ее до завершения... Но Фрейдус был человеком книги. Он получал истинное наслаждение от того, что вводил книгу в обращение, извлекал ее из пыльных глубин хранилища для того, чтобы помочь тому, кто не обладал его познаниями в библиографии»*¹³.

Фрейдус скоропостижно скончался ранним утром 2 октября 1923 г. по пути на работу — он рухнул замертво неподалеку от здания публичной библиотеки.

На эту безвременную смерть откликнулись многие американские газеты на английском, идиш и иврите. Его имя до сих пор часто цитируется в трудах по иудаике и гебраистике.

Колоритная фигура Фрейдуса послужила прообразом для одного из героев романа А. Кахана¹⁴; посвященные ему статьи и воспоминания появлялись в различных американских периодических изданиях в течение многих лет после его смерти.

«Гиппопотам»: портрет замечательного библиотекаря¹⁵

Натан Аусубел¹⁶

При встрече с покойным А. С. Фрейдусом, директором еврейского отдела Нью-Йоркской публичной библиотеки, люди с чувством юмора не могли удержаться от улыбки. Он был такой забавный! В лицо все называли его Фрейдусом, просто Фрейдусом, без добавления мистера, а за глаза — «гиппопотамом».

Фрейдус был невысокого роста и очень полным. При ходьбе он сильно раскачивался, его дыхание было прерывистым, затрудненным и слышным издалека. Его лицо с мясистым носом и застывшей улыбкой напоминало маску и не выражало никаких эмоций, подобно лику Будды.

Круглая голова, похожая на пушечное ядро, была почти лишена волос. У него не было шеи, зато было много подбородков — два спереди и один у самого кадыка, и все они колыхались, когда он говорил с некоторым возбуждением.

Библиотекарь был совершенно безразличен к своему внешнему виду и носил всегда один и тот же черный костюм, лоснившийся от долгого употребления.

Казалось, что Фрейдус должен иметь четкое представление о времени, но он никогда не смотрел на часы (своих у него не было) и всегда опаздывал на встречи. Он любил поговорку на идиш, выражавшую состояние апатии и усталости: «Если я не приду сегодня, то приду завтра». Однажды, на упреки за опоздание на встречу, он возразил с железной логикой: «Я что — машина?»

Он работал в соответствии со своими правилами и представлениями — мог отправить директору библиотеки отчет за 1907 г. в 1909 г. На недоуменные вопросы Фрейдус отвечал блуждающей детской улыбкой, как бы желая спросить: «Из-за чего весь этот сыр-бор?»

Главным в его жизни была библиотека. Входя в читальный зал, Фрейдус преображался — становился внимательным, благожелательно улыбался всем и никому персонально, подчеркивая своим видом важность и нужность выполняемой им работы. В 10 часов вечера, когда библиотека закрывалась, он сразу сникал и казался полнее и неповоротливее, чем был на самом деле. Удрученный, он своей раскачивающейся походкой последним покидал зал и направлялся к выходу. Но Фрейдус не спешил возвращаться домой, в мрачную дыру в многоквартирном доме на East Side. Вместо этого он садился на 2-й авеню в трамвай и ехал в кафе «Ройаль», где обедал в одиночестве, но чувствовал хоть какое-то человеческое присутствие.

Странный человек был Фрейдус! У него не было никаких амбиций — его вполне устраивала роль сиделки и повитухи при рождении чьих-то открытий и находок. Будучи сам блестящим ученым и неутомимым исследователем, он, подобно щедрому архангелу, бескорыстно делился своими познаниями с коллегами, которые слетались к нему, как мухи на мед. Он снабжал их идеями и вывозил на своей широкой спине к славе. Фрейдус выполнял для них тяжелую черновую работу — откапывал факты и цитаты, засыпал именами авторитетных авторов, которых нужно было прочитать. С настойчивостью муравья или детектива он исследовал все мельчайшие детали, которые могли помочь в решении научной проблемы. Тысячи идей и догадок, высказанных «гиппопотамом» с необычайной легкостью, анонимно присутствуют в двенадцати увесистых томах Еврейской энциклопедии и в сотнях других работ еврейских ученых.

Фрейдус был лишен тщеславия, свойственного заурядным ученым. Ему было безразлично, появится ли его имя в печати, и его скромность была сродни той, которой обладали анонимные мастера-скульпторы Древнего Египта.

Фрейдус никогда не испытывал усталости, во всяком случае, не показывал этого. Он всегда предпочитал сам достать книгу с полки, а не поручать это помощнику. Затем он бережно листал ее своими короткими и толстыми пальцами, как будто она была живым существом, способным откликнуться на его любовное прикосновение. У людей это вызывало улыбки, но он их не видел или делал вид, что не замечает.

У Фрейдуса была феноменальная память, он знал об этом и, как ребенок, любил поражать этим людей. Хотя он создал классификационную систему для книг, памфлетов, журналов и газет своего отдела, его отношение к ней было несколько пренебрежительным. С бесстрастным выражением, напускным или действительным, Фрейдус легкой походкой направлялся к полкам и, полагаясь исключительно на свою память, находил нужную книгу. Предположения или намек, высказанные читателем, вызывали неожиданную реакцию: Фрейдус возвращался, нагруженный литературой как верблюд. Он не только знал названия множества книг, но, как ни странно, еще и читал их и, обладая фотографической памятью, помнил прочитанное. Для посетителей читального зала Фрейдус был не библиотекарем, а преданным учителем и, более того, целым университетом, который советовал, помогал и руководил их чтением.

Один посетитель писал о памяти Фрейдуса, что она была подобна «непрерывному Дню Воскресения», прерывая смерть и забвение многих книг и воскрешая их к жизни.

Фрейдус составил библиографию литературы на такие разнообразные темы, как еврейские женщины, еврейская свадьба и развод, анти-

семитская периодика и периодика, связанная с отказом от иудаизма, еврейские народные песни, история еврейской музыки, ивритская грамматика и словари и др.

Некоторые, особенно не очень любознательные, читатели находили Фрейдуса слишком назойливым: он появлялся перед ними как обвинитель, донимая книгами и статьями, о которых они и не подразумевали. «Вы не должны читать Занца, посмотрите лучше Штейншнейдера. и у него найдете то, что ищете!»

Мещанство было совершенно чуждо Фрейдусу — положение человека или его репутация не имели для него значения. Он смотрел на доктора Биллингса, директора библиотеки, такими же безличными «рыбьими» глазами, какими наблюдал за закутанным в тряпки бродягой, случайно зашедшим в читальный зал. Фрейдус и обслуживал их совершенно на равных, с той же точностью и сдержанной любезностью, со смесью отчужденности и теплоты. Будда источал отрешенную и в то же время добрую улыбку, предназначенную всем.

Многие считали Фрейдуса чудачком, но это никак не отражалось на жизни «гиппопотама», в центре которой была работа и сознание того, что он нужен другим. Какой была бы для него жизнь без читального зала? День за днем, год за годом библиотека заменяла ему всю вселенную. Она не оставляла его и вечером в кафе «Ройаль», где, сидя за обеденным столом, он с помощью миниатюрных ножниц вырезал статьи из газет и журналов. Фрейдус был буквально справочным бюро по этой части. Делал он это не из-за любви к обрывочной и дешевой газетной информации, а из-за своей всеобъемлющей доброты. По натуре он был застенчив и, не зная, как выразить доброту иным способом, снабжал своих читателей и друзей обильными вырезками статей из газет и журналов, которые те могли и не заметить. Подобно фокуснику, достающему зайца из шляпы, он извлекал из топорщащихся карманов скомканные вырезки и вручал их постоянным «клиентам». Многие из них нашли свое место под солнцем, грелись в сияющих лучах славы, лоснились от «жирных» зарплат. Фрейдусу же казалось, что он, с его энергией, обширными познаниями, удивительной памятью и талантом исследователя, не создал ничего значительного. Достигнув зрелого возраста, у него не было ни денег, ни друзей, ни семьи, и это угнетало его. Улыбка Фрейдуса становилась с привкусом горечи, взгляд — более мрачным, и было замечено, что он стал превышать свою обычную норму вздохов, хрипов и пыхтений.

Доктора установили, что Фрейдус страдает атеросклерозом. Они советовали вести более легкий образ жизни, не перетруждаться и не волноваться. Кто бы мог подумать, что есть вещи, способные волновать «гиппопотама»! Никто не слышал, чтобы он обсуждал какие-то спорные

проблемы. Во всем мире для него не существовало ничего, кроме еврейской литературы, библиографии, любимого супа с клёцками и газетных вырезок о раскопках в Палестине и Месопотамии. На вопрос, кто он — сионист или социалист, он ответил с обычной загадочной улыбкой: «Я — библиотекарь!»

Советы докторов остались без внимания: он работал днем и ночью, и немногие свободные часы проводил в кафе «Ройаль», делая бесконечные газетные вырезки.

Утром 2 октября 1923 г., по дороге в «рабство» (так он шутивно называл работу) Фрейдус упал недалеко от входа в библиотеку — смерть была мгновенной. Многолюдные похороны состоялись на следующий день. Во многих газетах на идиш и английском появились некрологи, видные ученые и писатели выражали глубокое сожаление по поводу безвременной кончины Фрейдуса.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Фрейдус — личные воспоминания¹⁷

*Ребека Кохут (Нью-Йорк)*¹⁸

Пройдет много лет, прежде чем упоминание о еврейском отделе Нью-Йоркской публичной библиотеки не будет ассоциироваться с розовощеким человеком с широкой улыбкой, который был настолько молчалив и флегматичен, что даже землетрясение не смогло бы вывести его из равновесия.

Мне казалось, что в еврейском отделе царил полный беспорядок, но, несмотря на это, любую заказанную книгу можно было получить почти мгновенно. Неразговорчивый человек с отсутствующим выражением на круглом луноподобном лице был нужен седобородым талмудистам, молодым студентам-теологам, раввинам и писателям, научные интересы которых привели их в еврейский отдел публичной библиотеки. Чем больше сведений было им нужно, тем шире улыбался Фрейдус. «Вы уверены, что это все по интересующему меня предмету?» В ответ — широкая, на все лицо улыбка, которая была высшей гарантией того, что просящий получил самую исчерпывающую информацию.

Тот факт, что Фрейдуса всегда называли не мистер Фрейдус и не Абрахам Фрейдус, а просто Фрейдус, был знаком глубокого доверия ко всему, что он сообщал. Добавлять к его имени слово мистер было столь же неуместно, как и к имени Маймонида. Он, просто Фрейдус, был сим-

волом того, что сообщаемая им информация точна и надежна. Были, возможно, две причины, которые убеждали каждого в его компетентности. Первая — почерк: он все писал без наклона и только печатными буквами, как это делалось в старинных манускриптах. Другая причина — газетные вырезки, которыми были полны его карманы. При встрече со мной он неизменно извлекал вырезки с пометками «Кохут», «Арух» или «Ребека». Поначалу я думала, что он уделяет исключительное внимание нашей семье, но потом убедилась в том, что вырезки были припасены у него для всех знакомых.

Впервые я встретила его в 1899 г., когда он гостил в нашем доме в Арверне на Лонг-Айленде. Тогда это было пустынное место, и пляж подступал к самому дому, хотя до воды было довольно далеко. Должна признаться, что Фрейдус поначалу нагонял на меня скуку. Он много ел, много улыбался, мало говорил, часто бегал окунуться в океан, а возвратившись, читал или спал. В один из дней, насчитав 20 его походов в воду, мы спросили его, почему он делает это так часто. «Потому — ответил он, — что, оставаясь в океане долгое время, вы как бы купаетесь в стоячей воде; входя же в него по несколько раз, вы каждый раз ступаете в свежую воду».

Позднее он часто навещал нас в Нью-Йорке, и мы полюбили многие его черты, которые поначалу вызывали неприятие: молчаливость, улыбку, монотонный гнусавый голос. Помимо книг и справочников, только одна тема вызывала его на разговоры — кареглазые девушки. Когда я спросила его, почему он даже не задумывается о женитьбе, он ответил, что, будучи библиотекарем и зарабатывая 50 долларов в месяц, не может позволить себе иметь семью.

«Но, — продолжал он, — если я когда-то женюсь, то только на девушке с коричневыми глазами». «Почему?» — спросила я. «Потому, что когда-то я любил девушку с голубыми глазами, но она меня отвергла».

Нам было жаль, что в быту Фрейдус вынужден во многом ограничивать себя и не испытывал счастья семейной жизни. На все наши попытки устроить ее Абрахам неизменно отвечал, что он всего лишь библиотекарь, как будто это навсегда определяло его зарплату в 50 долларов и ни центом больше. Его постоянным стремлением было давать, а не брать, и когда, после нашего ходатайства, Д. Шифф, покровитель еврейского отдела библиотеки, добился прибавки зарплаты для Фрейдуса, тот не захотел ее принять.

Несмотря на флегматичность, он был легко ранимым человеком. Однажды кто-то из сотрудников попытался «подсидеть» его, и было очевидно, что если он, воплощение совершенства в своей профессии, потеряет работу, то не сможет без нее существовать. К счастью, в это вмешался

Д. Шифф, который в письме заверил Фрейдуса, что тот может не беспокоиться о своем будущем до тех пор, пока жив отправитель этого письма.

Накануне 50-летия Фрейдуса мы решили преподнести ему сюрприз. По всей стране были разосланы письма тем, кто знал и уважал Абрахама, с просьбой прислать несколько приветственных слов по случаю юбилея. День рождения отмечался в нашем доме, среди присутствовавших были Ф. де Сола Мендес¹⁹, Питер Верник²⁰, Реубен Брайнин²¹, Филип Коэн²², доктор Маурис Фишберг²³ и другие.

Утром этого дня мы очень беспокоились, так как Фрейдус, хотя и обещал отобедать с нами, но его обещаниям такого рода никогда нельзя было верить. Нас охватывала паника при одной мысли о том, что все приготовления могут пойти насмарку, если «новорожденный» не явится на торжество.

Мы также волновались, что он может прийти в рабочем костюме, который был весьма неприглядного вида. Ему сказали, что на обеде будет кареглазая девушка, и попросили надеть субботний костюм.

В этот вечер разразилась сильная гроза с громом и молниями. Гости прибыли вовремя и спрятались в одной из дальних комнат. В самый последний момент появился промокший до нитки Фрейдус — он забыл дома зонтик, ему пришлось пробежать два квартала под дождем и он тяжело дышал. Мы проводили его в комнату, где собрались друзья, среди которых были его сотрудники по Еврейской энциклопедии и видные посетители публичной библиотеки. По дороге ему объяснили, что сегодня — его день рождения, который мы хотим отпраздновать вместе с его почитателями.

Среди подарков, преподнесенных Фрейдусу, была фотокопия титульного листа старинной библиографии ивритской литературы, на обратной стороне которой оставили подписи все присутствующие. Другим необычным подарком был роскошно переплетенный том, предназначенный для адресов Фрейдусу, состоящий из нескольких сотен чистых листов бумаги дорогого ручного производства.

Этот вечер остался ярким событием нашей жизни; фотография его участников впоследствии часто воспроизводилась в разных изданиях.

¹ Розенталь Герман (1843, Курляндская губ., Россия — 1917, США) — поэт, писатель, журналист, переводчик. Директор Славянского отдела Нью-Йоркской публ. библиотеки (1898–1917).

² Ярмолинский Авраам (1890, Гайсин, Украина — 1975, Нью-Йорк) — библиограф, литературовед, переводчик. В США — с 1913 г. В 1918–1955 гг. — директор Славянского отдела Нью-Йоркской публ. библиотеки.

³ Ховевей Цион — общ. движение в Европе (в основном, в России и Румынии) и в США за возвращение евреев в Эрец-Исраэль и создание там сельскохоз. поселений. Среди его глашатаев были Л. Пинскер, П. Смоленский, М. Лиленблюм и др.

⁴ Мапу Аврахам (1808, Литва — 1867, Кенигсберг, ныне Калининград) — ивритский писатель, сторонник идей еврейского Просвещения.

⁵ Мандельштам Леон Иосифович (Арье Лейб, 1819–1899) — общ. деятель, гебраист, переводчик, публицист, поэт. Автор евр.-русского и русско-евр. словарей, перевел на русский Пятикнижие.

⁶ Шифф Джейкоб Генри (Schiff Jacob Henry, 1847–1920) — амер. банкир, филантроп и общ. деятель.

⁷ Для публичной библиотеки было построено прекрасное здание на 5 авеню и 42-й улице. Его торжественное открытие состоялось 23 мая 1911 г. На следующий день стал работать читальный зал, первым посетителем которого был Д. Шуб — он заказал книгу Н. Я. Грота «Нравственные идеалы нашего времени» и через несколько минут получил ее. О Д. Шубе см.: *Пархомовский М.* «Союз Русских Евреев приглашает Вас на доклад известного писателя и общественного деятеля...». Русские евреи в Америке. Кн. 2 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2007. С. 28–46.

⁸ *Jewish Encyclopedia in 12 volumes.* Funk and Wagnalls, New York, 1901–1906.

⁹ *Studies in Jewish bibliography and related subjects, in memory of Abraham Solomon Freidus (1867–1923).* New York: The Alexander Kohut Memorial Foundation, 1929.

¹⁰ *The American Jewish Year Book 5665.* Philadelphia, 1904. P. 96; *The Jewish Encyclopedia.* Vol. 5. New York, 1903. P. 507; Еврейская энциклопедия / Под общ. ред. д-ра Л. Кацнельсона. Т. 15. Изд-во О-ва для научных евр. изданий и Изд-ва Брокгауз—Ефрон, СПб., 1906–1913. С. 425.

¹¹ В настоящее время в еврейском отделе собрано более четверти миллиона книг, манускриптов, микрофильмов, газет и журналов со всего мира.

¹² Полный список работ Фрейдуса приведен в: *Studies in Jewish bibliography and related subjects, in memory of Abraham Solomon Freidus (1867–1923).* New York: The Alexander Kohut Memorial Foundation, 1929.

¹³ *Lydenberg H. M.* Freidus the Bookman // *Studies in Jewish bibliography and related subjects, in memory of Abraham Solomon Freidus (1867–1923).* New York: The Alexander Kohut Memorial Foundation, 1929.

¹⁴ *Cohan A.* The Rise of David Levinsky. New York: Harper & Brothers, 1917.

¹⁵ *Ausubel Nathan.* «Hippopotamus»: Profile of a Great Custodian // *Morning Freiheit Magazine Section.* Oct. 28, 1944. Сокр. авториз. пер. с англ. и примеч. — Э. Зальцберга.

¹⁶ Натан Аусубел (Nathan Ausubel, 1898, Польша — 1986, США) — амер. историк, фольклорист, юморист.

¹⁷ *Kohut Rebekah.* Freidus A Personal Reminiscence // *Studies in Jewish bibliography and related subjects, in memory of Abraham Solomon Freidus (1867–1923).* New York: The Alexander Kohut Memorial Foundation, 1929. Сокр. авториз. пер. с англ. и примеч. — Э. Зальцберга.

¹⁸ Кохут Ребека — жена Кохута Александра (Kohut Alexander, 1842, Венгрия — 1894, Нью-Йорк) — известного амер. раввина и ориенталиста.

¹⁹ Де Сола Мендес Ф. (De Sola Mendes F., 1850–1927) — амер. рабби, автор и редактор, один из основателей *American Hebrew*, участник Евр. энциклопедии.

²⁰ Питер Верник (Peter Wiernik, 1865–1936) — историк, журналист, автор «Истории евреев в Америке» (1912).

²¹ Реубен Брайнин (Reuben Brainin, 1962–1939) — писатель, журналист, литературный критик, издатель. Автор биографий Т. Герцля, И. Зангвилла, М. Нордау и др. видных евр. деятелей.

²² Филип Коэн (Philip Cowen, 1853–1943) — издатель, журналист, редактор *American Hebrew*.

²³ Маурис Фишберг (Maurice Fishberg, 1872–1934) — врач, антрополог-любитель, автор «Сравнительной патологии евреев» (1890), «Физической антропологии евреев» (1902–1903) и др. работ.

Осип Дымов: путешествие сквозь социокультурные пространства

Ирина Обухова-Зелиньска (Варшава)

Биография чрезвычайно модного, в свое время известного на нескольких континентах писателя Осипа Дымова изучена слабо. Правда, его положение в литературной иерархии разных стран (вернее сказать — социумов) претерпело изменения, связанные не столько с капризно меняющимися вкусами читательской публики и театральных зрителей, сколько с социальными метаморфозами самой публики.

Между тем Дымов в течение всей активной творческой жизни находился в самой гуще литературной и общественной жизни Америки и Европы. Представляется интересным проследить извилистые тропинки судьбы и жизненную стратегию этого неунывающего человека, не раз доказавшего свои незаурядные креативные возможности в искусстве. Биографии русских евреев за рубежом (в том числе в Америке) иногда дают примеры почти фантастических поворотов судеб как личных, так и творческих. Дымов с этой точки зрения представляет иллюстрацию действия не только осознанной воли, находчивости, неизменного оптимизма и трудолюбия, но также известной доли мистического везения. Быть может, права народная мудрость, считающая, что Судьба помогает настойчивым в достижении цели. Биография Дымова интересна не только сама по себе, она бросает неожиданный свет на давно погрузившиеся в тень Истории факты и события, что позволяет и нам взглянуть на них по-новому.

Начатая нами в предыдущем выпуске альманаха публикация личных писем Дымова вводит в научный оборот его переписку с не самыми известными деятелями прошлого, но она содержит много интересных высказываний писателя и позволяет проследить некоторые сюжеты истории и культуры, вызывающие в настоящее время острый интерес читающей публики и исследователей. Переписка Дымова с другом юности Аркадием Румановым, влиятельнейшим представителем дореволюционной российской журналистики и владельцем богатейшего собрания произведе-

ний искусства¹, позволила более детально проследить события ранней молодости обоих — то время, когда юный Иосиф Перельман приезжает из Белостока в Петербург, поступает в Лесной институт, живет в доме дяди (философа и музыканта Я. И. Эрлиха), знакомится с поэтами-символистами и вскоре сам вступает в литературу². Здесь уже начинается биография журналиста и писателя Осипа Дымова, занявшего видное место не только в России, но и начавшего с 1907 г. успешно внедряться в немецкоязычную европейскую среду. В 1913 г. Дымов уехал в Америку, но не терял связи ни с Россией (куда он даже подумывал вернуться после революции), ни с Германией, где Макс Рейнхардт во второй половине 1920-х готовил к постановке в своем Камерном театре его пьесы.

Осенью 1927 г. Дымов, разочаровавшись в перспективах американско-еврейского театра, возвращается в Германию. До начала 1930-х он близко общался с М. Рейнхардтом и установил контакты с руководителями других театров. Именно этот европейский период 1927–1937 гг. (с полугодовым пребыванием в США с октября 1932 г. до начала 1934 г.) — самый загадочный. Правда, авторов, писавших в наше время о Дымове, вообще не так уж много. Информация о нем рассеяна в периодических изданиях и неопубликованных архивах, исследование этих разнородных и разноязычных источников — процесс трудоемкий, поэтому наличие лагун в биографии писателя понятно. О 1930-х гг. кто-то пишет, что Дымов прожил эти годы в Америке, кто-то удивляется, как он сумел выжить в фашистской Германии... Даже самая вдумчивая и информативная биография Дымова, изложенная на основании материалов американского архива В. Щедриным, не касается этих лет: автор перечисляет пьесы, опубликованные тогда Дымовым в Нью-Йорке и поставленные в американских театрах, и цитирует журналиста Мукдойни: «...Дымов покинул Америку, позднее он вернулся, и сейчас этот талантливый писатель работает в еврейской журналистике»³. В целом, создается впечатление, что Дымов так и остался в США. В действительности это не так. По письмам к А. Бурову, которые приходится как раз на 1930–1937 гг., можно уточнить передвижения Дымова по странам и континентам иногда с точностью до дня и часа. Выехав 19 октября 1932 г. из Германии в Нью-Йорк, Дымов пробыл там до весны 1934 г. Следующее письмо Бурову (от 13.08.1934) он отправляет из Лондона — причем из текста письма ясно, что лето он провел в Париже, где вновь мог встречаться и созваниваться с поселившимся там Буровым. В одном из писем он удивляется цепи случайностей, которая привела его в английский кинематограф: случайный разговор в кафе с уже добившимся успеха и известности в Голливуде Григорием Ратовым, вызов в Париж и поездка в Лондон, где и начался его счастливый «английский» период, связанный с работой в кино.

Одна из задач данной публикации — знакомство с этим «таинственным» периодом жизни О. Дымова (1930-е гг.), которое позволяет отчасти узнать круг его общения и приблизиться к ответу на вопрос о том, как путешествия сквозь социокультурные пространства формировали его творческий путь и личность. Само по себе «исчезновение» Дымова на много лет из поля зрения российской публики является скорее нормой — подобная судьба, в разной степени, постигла многих творцов его поколения, ушедших во внешнюю (физическую) или внутреннюю (виртуальную) эмиграцию. Но Дымов, завоевав имя и признание публики в иной социокультурной среде, чаще всего «исчезал» из нее почти с такой же бесследностью, каким-то странным образом «забывался» и в течение многих лет был «невостребованным». Между тем он оставил по себе не только богатое творческое наследие, но и немалое количество сохранившихся в архивах разных стран личных документов, из которых несомненный интерес представляет хотя бы переписка с крупнейшими деятелями культуры XX в. Как ни странно, до самого последнего времени этот факт не привлекал должного внимания исследователей. Одним из первых проявлений интереса к корреспонденции Дымова была публикация К. Азадовского и А. Лаврова⁴, которая со всей очевидностью показала, что Дымов играл немаловажную роль в целом ряде ключевых эпизодов бурно развивавшейся культуры Серебряного века. Однако дальнейших публикаций значительных корпусов личных писем Дымова не последовало. С. Шумихин, обращавшийся к переписке второго героя нашей публикации, писателя А. Бурова (точнее, к письмам его корреспондентов), процитировал лишь отдельные фрагменты писем Дымова, которые отмечены нами в примечаниях к письмам.

Обратимся еще раз к траектории жизненного путешествия О. Дымова на фоне общественных катаклизмов XX в. В 1913 г. Дымов, известный петербургский журналист и писатель модернистского толка, свой человек в элитных литературных кругах обеих столиц, успевший сделать себе имя в Германии и Австрии, где был знаком с самыми видными писателями-современниками и стал постоянным драматургом «Великого Макса» (Рейнхардта), по приглашению американского импресарио Б. Томашевского выезжает в Нью-Йорк, чтобы посвятить себя еврейскому театру. Первые его пьесы переводятся с русского на идиш, далее он сам, овладев в достаточной степени этим языком (который тогда называли «жаргоном»), пишет пьесы из жизни еврейской диаспоры Нью-Йорка или Чикаго. Этот особый социум сложился в результате массовой эмиграции еврейской бедноты с западных окраин Российской империи. Дымов стал его певцом и, отчасти, быто-

писателем. Он овладел идиш не только для того, чтобы писать на нем пьесы, но и потому, что иначе не смог бы погрузиться в языковую стихию, подсмотреть и понять драматизм и комические стороны жизни этих людей, проходивших стремительную адаптацию к совершенно новым для себя условиям — из окраинных местечек империи они попадали в горнило современной цивилизации, которая требовала от них смены языка, образа жизни и мировоззрения. Они становились частью иной нации, сохраняя лишь в первом поколении память о своей былой идентичности.

Погрузившись в дела и будни еврейского театра в Нью-Йорке, Дымов почти исчез из поля зрения большинства своих петербургских друзей, знакомых, коллег. Правда, он еще не исчез из русской литературы и журналистики. В первое время жизни в Нью-Йорке он высылал статьи и очерки в российские газеты, поддерживал переписку, следил за событиями в России и Европе. Америка была отдельным миром — для того чтобы обрести здесь свое место, требовалось немало сил, и прошлое постепенно уплывало вдаль, становясь всего лишь воспоминанием. 5 октября 1916 г. Дымов пишет в письме Леониду Андрееву:

«Конечно, издали, насколько мог, следил за русской литературой. О Вас знал почти все — внешнее, “для печати”. Между строк угадывал о многом. <...> Изменился во многом — верно, больше Вашего, что естественно, ибо я в совершенно новой среде. Многому я здесь научился, а верно, и много потерял. Русскую современную литературу (с расстояния) стал не любить. Перечитываю внимательно Достоевского, Гоголя, Пушкина — даже Чернышев[ского]. Многое в себе стал не любить, изменившись. <...> Второе же — второй нерв моего существования — моя мысль (убеждение) в том, что я еще не окончил своей дороги, что еще светел для меня мир, что еще есть чем мне питаться и что́ принять, удивляясь. Эта мысль была сызмальства главная в моей душе. Теперь точно окрепла. В Петрограде в последние годы стала тускнеть, отчего, верно, уехал сюда.

За эти три года я увидел и почувствовал столько нового, точно не 3, а 33 года прожил. Совсем, совсем особый мир Америка! Точно попал я неожиданно в XXI век, каким будет этот век для моей родины»⁵.

Как видим, Великая (мировая) война не отделила Дымова совсем от России. Он не только следил за происходившими в ней литературными событиями, но и чувствовал свою принадлежность к ней. Более того, Февральская революция, всколыхнувшая не только русское общество, но и русское зарубежье, вызвала и в Дымове взрыв радости. Во втором из сохранившихся писем к Леониду Андрееву (от 29 марта 1917 г.) он красочно описывает то, что происходило тогда в Нью-Йорке:

«...Не знаю, с чего начать. Мысли теснятся, чувства мешают говорить. Какая радость! Надо быть отрезанным от России, как я, чтобы почувствовать всю силу любви к ней, всю радость за ее свободу. Милый, дорогой, дорогой Леонид Николаевич, скажите всем, как радуемся мы здесь, как завидуем вам, очевидцам!

Вся колония всколыхнулась, гул стоит от радостных голосов. Митинги, собрания, беседы, речи без конца. Вся Америка заговорила по-русски. Мне звонят по телефону незнакомые люди, и я упиваюсь их русским языком.
<...>

Живется мне здесь хорошо, работаю много — в пять раз больше, чем в России. <...> Помните, однажды гуляли в январе по Черной речке, затянутой льдом. Вы сказали мне:

— Надо отказаться от старых тем и забыть в них осиновый кол. Вам надо новые темы.

Ну вот, теперь у меня все новое. Америка — как операция»⁶.

В этом письме Дымов предлагает (через Андреева) газете *Русская воля*⁷ сотрудничество в одной из своих излюбленных ролей — корреспондента-путешественника, объезжающего послевоенную Европу и беседующего с выдающимися личностями, чтобы опубликовать их впечатления о происходящем. Иллюзиям по поводу возможностей сотрудничества с журналами обновленной России вскоре пришел конец, Андреев умер в 1919 г. Кровавая Гражданская война и борьба всех со всеми в процессе установления новой, безжалостной власти полностью изменили структуру российского общества и породили как новое социокультурное пространство в самой России (условно его можно назвать раннесоветским), так и вне ее границ — русское зарубежье, в которое влились существовавшие до того русские колонии в разных странах. Выжившие в этой борьбе стали иными людьми, где бы они ни находились. В метрополии ключевые места во власти и обществе заняла экстремально настроенная молодежь, оттеснившая «бывших» с их литературными вкусами, пристрастиями и проблемами. Ко всему теперь предлагалось относиться иначе — и к «проблеме пола», и к проблемам жизни в большом городе (основные темы дымовских произведений и очерков), а литературные авторитеты прошлого оценивались с точки зрения их применимости в настоящем (не говоря уже об их — *sine qua non* — политической и идеологической лояльности).

У Дымова был шанс приобщиться к раннесоветскому социокультурному пространству. На излете первой фазы своей американской жизни, в переломный момент переезда в Европу, он какое-то время флиртовал с советской печатью, высылая в 1926–1928 гг. статьи на разные темы в ленинградскую *Красную газету*. Знакомый Дымова по прошлым временам

А. Луначарский, судя по всему, хотел увлечь писателя новыми идеями коммунистического жизнестроительства, предлагая поле деятельности в Советской России, где писателей с дореволюционными именами осталось не так уж много. Впрочем, вскоре надобность в них отпала, потому что удалось рекордными темпами построить новый литературный пантеон советской литературы, где основой стали так называемые «попутчики» — талантливые литераторы дореволюционной выучки, но изначально настроенные на сотрудничество с новой властью. Позднее многие из них были расстреляны, посажены или, в лучшем случае, отсечены в литературное небытие в процессе массовых репрессий 1930-х гг.

Дымов же, начиная с 1917 г. (после успешного излечения от тяжелой болезни), с новой страстью и увлечением погружается в театральное творчество, связанное с нью-йоркскими сценами. Укажем пунктирно, чем он конкретно занимался, на основании данных, приведенных в очерке В. Щедрина⁸. В начале 1920-х Дымов принял участие в организационной работе, направленной на развитие художественного (в противовес коммерческому) театра. В ноябре 1923 г. он участвовал в конгрессе «Куда ведет путь еврейского театра», где было учреждено Еврейское театральное общество во главе с Менделем Элькиным. Согласно выработанной обществом программе, предполагалось создание театральных школ, теоретическая работа в театре, присоединение к общеамериканской ассоциации некоммерческих театров. В штат Драматической школы, созданной по этой программе в 1924 г., вошел известный балетмейстер Михаил Фокин, преподававший сценическое движение и танцы. Дымов некоторое время возглавлял Драматическую студию при Еврейском художественном театре Мориса Шварца в Нью-Йорке. Однако вскоре они разошлись в связи с различным пониманием постановочных методов и организации спектаклей. Дымов не разделял любви Шварца к дорогостоящим зрелищным постановкам с разнообразными техническими эффектами и пышными массовыми сценами. Он стремился к постановке «простых, душевных еврейских пьес», ориентированных «на простых людей». Они могли идти в небольших, камерных залах, где внимание зрителя сосредотачивалось на драматических перипетиях действия и психологическом рисунке образов.

В 1926 г. Дымов предпринял попытку реализовать свои установки в совместной работе с известным актером Рудольфом Шильдкраутом. В созданном ими театре прошли премьеры лучших пьес Дымова тех лет (попавших позже на американские и европейские сцены): «Бронкс экспресс» и «Последняя любовь» («Ди летцте гелибте»). В 1927 г. театр Шильдкраута закрылся, а осенью того же года Дымов выехал в Европу. Закат идишской культуры, театра и литературы казался ему очевидным

и неизбежным, хотя это затухание, связанное с естественной ассимиляцией носителей языка в окружающей англоговорящей среде, было более медленным, чем он предполагал и прочил. Отъезд в Европу был для Дымова не столько уходом от обреченного, по его мнению, дела и общества, сколько стремлением реализовать в европейской (немецкой) культуре, к которой он теперь мог приобщиться. Недаром он поддерживал связь с Рейнхардтом, теперь Дымов ехал, имея в виду вполне определенные творческие планы. Это было время культурного расцвета Веймарской республики, преодолевшей послевоенную разруху и инфляцию. Время все еще тяжелое, но веселое и озорное, связанное со стремительными изменениями в моде, доминирующих стилях, образе жизни. К тому же в Европе теперь везде были русские эмигранты. Дымовский Петербург переместился в Германию, Францию, Англию, там теперь жили его знакомые прошлых лет.

С Буровым Дымов познакомился именно в Германии, где-то в 1929–1930 гг. В Берлине они жили по соседству, вместе ходили на прогулки, часто созванивались по телефону. Их сблизило это приятельство, общие интересы в литературе, размышления над мировоззренческими проблемами, сходный подход к интерпретации волновавших бывших петербуржцев событий в политике и в эмигрантской жизни.

О друге и корреспонденте Дымова, с которым он переписывался на протяжении семи лет, следует сказать особо. Плодовитый прозаик и страстный моралист, обеспокоенный мыслями о прошлом и будущем России, Буров не отличался литературным талантом, хотя считал себя классиком на уровне Льва Толстого и с этой уверенностью строил свою творческую и жизненную стратегию. В своем петербургском прошлом он был инженером и одновременно занимался литературными переводами, благодаря которым в репертуар столичных и провинциальных театров вошло множество кассовых пьес европейских авторов. В эмиграции Буров начал писать прозу проблемно-бытового характера. Будучи человеком весьма состоятельным, он публиковал рассказы в престижных эмигрантских журналах (оплачивая эту любезность «благотворительными» дотациями), издавал за свой счет сборники на русском и немецком языках. Дымов оказался полезен для Бурова тем, что мог организовать хороший перевод рассказов на немецкий язык и проследить за его качеством. Делал он это отнюдь не бесплатно, но с душой — в письмах подробно отчитывался, кто привлечен к работе и как идут дела.

Большинство современников оценивало литературное творчество Бурова как графоманство. Помимо очевидной художественной беспомощности, лишавшей убедительности многие сюжетные построения, бросалась в глаза безграмотность автора на стилистическом уровне. Даже

*А. Буров с дочерью Ириной.
Санкт-Петербург, 1906–1907*

был инженером в крупной фирме) и умелый менеджер, Буров понимал значение пиара и не только писал прозу, но и прилагал много сил для ее продвижения к читателю: он не упускал случая выцыганить рецензию, подписанную значимым (хотя бы в эмигрантской среде) именем и даже издал книгу (параллельный текст по-русски и по-немецки) с отзывами на свои произведения. Все это приносило не слишком желаемые результаты, хотя с Буровым обходились по возможности осторожно — он не только меценатствовал (иногда бескорыстно, но чаще с условием публикации собственных вещей), но и просто помогал небольшими суммами, что для нищих соотечественников имело немалое значение. И все-таки Бурову меньше чем кому-либо иному было дано предугадать «как наше слово отзовется» — за его спиной над ним посмеивались, он стал почти нарицательным примером бездарности, и ничто не указывает на то, что взгляд из нашего прекрасного далёка изменит это отношение. А вот архив Бурова оказался чрезвычайно интересным⁹. До сего времени уже были предприняты публикации писем Г. Адамовича¹⁰, В. Деспотули¹¹ и общий обзор писем разных корреспондентов¹². В силу этого обстоятельства исследователи заинтересовались личностью и биографией самого Бурова. С. Шумихину удалось найти документы, позволяющие реконструировать по крайней мере основные жизненные вехи этого человека¹³.

доброжелательный к нему Дымов тактично указывал на необходимость изменений текста и подсказывал какие-то приемы. Охваченный творческим пылом Буров, видимо, не совсем понимал суть этих дружеских наставлений, хотя очень ценил дымовские замечания — в письмах именно эту часть, судя по энергичным подчеркиваниям красным карандашом и различным NB на полях и в тексте, он считал самой главной, извлекая определенные уроки мастерства, но также полагая, вероятно, что тучи исследователей будут когда-то изучать его творческий метод и заложенное в текстах послание. Переписка с известными в литературном мире людьми отчасти служила той же задаче. Как успешный профессионал в своей области (он

Александр Павлович Бурд родился в 1876 г. в Подольской губ. (черта оседлости) в бедной еврейской семье (сведения почерпнуты из текста биографии, посланной Буровым в 1953 г. С. К. Маковскому)¹⁴. Августа Даманская, в эмиграции получавшая иногда «по бедности» и в силу старинного знакомства скромные суммы от Бурова, вспоминала: «Он мой земляк, когда-то давно, когда он был оборванный, вечно голодный гимназист, а я избалованная девочка, дочка состоятельных родителей, — он мне давал уроки алгебры и геометрии. И тогда трудно было предположить, что он разовьется в такого хама...»¹⁵ Став на ноги, бывший нищий студент постепенно стал прилично зарабатывать (и как инженер, и переводами пьес немецких авторов). Он пишет Маковскому, что в Петербурге поселился на Жуковской ул., 31, в собственном семизэтажном доме, недалеко от дома, где размещалась редакция газеты *Речь*. В 1919 г. он вместе с женой и дочерью перешел пешком польско-германскую границу (при этом его «жена заболела и умерла, не вынеся путешествия на крестьянской подводе в 23-градусный мороз из Вильно до Ковно»¹⁶) и поселился в Берлине. В отличие от многих других эмигрантов, профессиональная жизнь Бурова сложилась великолепно, судя по всему, благодаря его инженерному таланту и жилке настоящего бизнесмена. В течение 15 лет он консультировал Королевскую верфь Амстердама, получив по окончании этой службы в знак благодарности булавку с цифрой «15», усыпанную бриллиантами¹⁷. Его литературные труды, напротив, теперь не приносили дохода, а только поглощали средства — Буров оплачивал переводы своих рассказов, издавал сборники за свой счет, финансировал печатавшие его опусы журналы. В письмах Дымова не раз упоминается журнал *Числа*, где, начиная с 1931 г., публиковались рассказы Бурова и отрывки из его романа «Была земля». Дымов, видимо искренне, считал содержание журнала «убогим» по сравнению с текстами Бурова. Несмотря на то что к *Числам* у многих парижских литераторов-современников тоже было отрицательное отношение, заочные высказывания с высокой оценкой прозы Бурова практически не встречаются — его хвалили, в основном, те, кто получал от него «благотворительные» суммы. По-видимому, материальными причинами объяснялось и появление в *Числах* хотя и сдержанных, но все же положительных рецензий Г. Адамовича. Позже его упрекал за это В. Ходасевич:

«Что же получилось? Журнал [Числа] был предназначен для “свежих сил” эмигрантской словесности. Но Сирина, который как раз в ту пору вернулся и заставил о себе говорить, в Числах не печатали. Зато печатали г. Бурова из номера в номер. Того же Сирина в самом настоящем смысле травили — а о писаниях Бурова помещали весьма благосклонные отзывы.

<...> И вдруг сразу все кончилось. Как ножом отрезало. Старшие перестали интересоваться г. Буровым за отсутствием его собственного журнала, а младшие — потому что кончилось существование Чисел. Г. Буров вернулся в небытие. <...> С ним поступили невеликодушно, а может быть, и жестоко. Потому что жесток не тот, кто человеку, природой и знаниями не предназначенному для писательства, говорит о его литературных недостатках или даже советует своевременно оставить литературное поприще. Жесток тот, кто в таком человеке пробуждает или тешит несбыточные надежды. А тот, кто такого человека еще и обхаживает, льстя ему, поступает не только зло, но и цинично»¹⁸.

Мнение Дымова о творчестве Бурова, как видно из переписки, было иным. Хотя он и давал Бурову советы с позиции литературного мэтра, но безнадежным его отнюдь не считал. Впрочем, это было задолго до того, как эволюция взглядов привела Бурова к таким литературным делам, как послевоенные романы «Царское Село — Сталинград. Роман-летопись поколений последних императоров» (3750 страниц фолио), или «Три баллады: песнь торжествующей Славы Спасителю России Генералиссимусу Сталину»¹⁹.

Дымов и Буров жили в Берлине последние годы перед началом эры Третьего рейха, когда коричневая чума уже давала себя знать весьма ощутимо. Дымов стал одной из жертв атаки нацистов еще до того, как Гитлер пришел к власти. Состоявшаяся 18 октября 1930 г. премьера пьесы Дымова «Тени над Гарлемом» стала причиной политического скандала. Собравшиеся возле театра толпы гитлеровцев орали и угрожали расправой участникам спектакля (см. примеч. 1 к письму № 8 от 17.10.1930). Сейчас, не имея текста пьесы, мы не можем точно сказать, что именно вызвало антисемитскую ярость штурмовиков — пьесу сам Дымов называл «негритянской», но не исключено, что в ней присутствовала и еврейская тема. Тогда об этом происшествии писали многие немецкие газеты, но впоследствии его заслонили другие события. Этот эпизод заслуживает специального исследования, поскольку представляет собой яркую иллюстрацию жизни тех лет.

Через каких-нибудь 2–3 года многие коллеги, знакомые и друзья Дымова окажутся по разные стороны немецкого «железного занавеса» — одних ждала гибель или бегство в другие страны Европы, а затем и далее, в США²⁰, другие делают блестящую карьеру в Третьем рейхе. Это хорошо видно по тем кратким биографиям, которые приведены в комментариях к упоминающимся в письмах именам. Оставшиеся вплоть до начала Второй мировой войны вне германского влияния страны (Швейцария, Франция, Бельгия, Великобритания) пополнились немецкими и новыми

русскими беженцами. Это были не только послереволюционные эмигранты — в течение 1920-х и до начала 1930-х гг. из Советской России выезжали под разнообразными предлогами люди разных профессий, в том числе и связанные с театром и кино. Чаще всего они пользовались гастролями или совместными съемками, чтобы просто не вернуться. За границей оставались не только отдельные артисты и режиссеры драматического театра, оперы, балета, эстрады, но и целые труппы (или часть их). С приходом фашизма в Германии многие из них должны были бежать и нередко опять начинать с нуля. Не случайно во второй половине 1930-х Дымов знакомится с Алексеем Грановским, оставшимся в 1928 г. в Германии — гастролировавший там ГОСЕТ вернулся 2 декабря 1929 г. в Москву без него²¹. Он также стал повторным эмигрантом, снял уже во Франции несколько ярких фильмов и умер в 1937 г., еще до оккупации. Тем, кто дожил до нее, пришлось прятаться или бежать дальше — в США.

Положение самого Дымова было несравненно легче, поскольку ему не надо было просить и дожидаться визы и вызова в США — он смог отбыть туда еще до начала грозных событий. Ему не надо было задумываться о том, как организовать свой отъезд и вызволить семью — его вторая родина обеспечивала безопасные тылы. Для него это было не бегство, а возвращение. В письме от 29.11.1933 он пишет:

«...Попал я, разумеется, первым делом, к “своим”, т. е. к еврейству. Это здесь огромная сила — два миллиона — а то и больше. Через две недели мне устраивают парадный спектакль с Шалапиным, Изой Кремер, Назимовой, John Drinkwater’ом — знаменитым английск[им] поэтом, и другими светилами. А на прошлой неделе меня чествовала банкетом труппа Художественного театра, где договорились до того, что сравнили с Шекспиром. В три часа ночи это, впрочем, протительно» (письмо № 30 от 29.11.1933).

Нетрудно заметить, что «свои» теперь состояли не только из евреев как таковых — после революции гастролирующие по всему земному шару артисты из Российской империи находили в еврейско-американской среде самый теплый прием и заинтересованность. Дымов вновь начинает работать в идишском театре, который, вопреки его прогнозам и опасениям, продолжал существовать. Если бы не случайная встреча в кафе с Ратовым и последовавший затем от него вызов в Париж, Дымов, пожалуй, так и остался бы в Америке. Ведь «его» Германии больше не было, путь туда был заказан, а в другие страны ехать без конкретного дела он не собирался.

Второй страной пребывания Дымова в Европе, после краткого периода в Париже, стала Англия. Обратим внимание на еще одно бытовое обстоятельство путешествий Дымова. Америка дала ему не только гарантию безопасности и избавляющий от многих хлопот американский паспорт. Она дала ему безбедную и даже довольно обеспеченную жизнь. Мало кто из русских эмигрантов мог себе позволить 1–2 раза в год бывать на самых фешенебельных европейских курортах: по адресам писем Дымова мы убеждаемся, что ему было вполне по средствам по несколько недель жить вместе с женой (а иногда и с дочерью) то в Теплиц-Шёнау, то в Мариенбаде, то в Бад Киссингене²². Не успев приехать в Лондон в 1934 г., Дымов отправляется с Ратовым в Виши. Да и в европейских столицах он, как правило, поселяется в самых лучших районах. В Берлине ему прекрасно знаком Грюневальд, в Париже он жил в отеле *Мажестик*, в Лондоне сразу же поселился в *The May Fair Hotel*²³.

В Лондоне Дымов оказывается в самой гуще кинематографической жизни. На страницах писем мелькают имена тогдашних кинозвезд, режиссеров, известных писателей, чьи повести и романы служили основой для экранизаций. Об английских фильмах, в съемках которых принимал участие Дымов, информации в электронных базах данных нет. Возможно, что содержащиеся в публикуемых письмах упоминания позволят исследователям их идентифицировать.

Список киноработ Дымова отчасти известен по базе данных (www.imdb.com) и по публикации Р. Янгирова²⁴. Первый фильм по пьесе Дымова «Ню» («Nju»), обошедшей до того сцены многих европейских стран, был снят в Германии режиссером Паулем Циннером с очаровательной Элизабет Бергнер в главной роли еще в 1924 г. Во время съемок Дымов жил в США, видимо, поэтому ему вовремя не выплатили гонорар. 19 февраля 1932 г. в Берлине прошла премьера фильма режиссера Адольфа Трота (Adolf Trott) «Распутин, демон женщин» (Дымов — один из трех сценаристов), в главной роли — звезда немецкого кино Конрад Вейдт. Костюмы для фильма создал художник из России Александр Арнштам. Позже он писал в воспоминаниях: «...*Да, писатель Осип Дымов со своей дочерью, приехавшей из Америки. Я сделал портрет молодой Изы — масло на холсте*»²⁵.

В октябре 1932 г. на немецкие экраны вышел еще один фильм по сценарию Дымова — «Жилец Шульце против всех» «Mieter Schulze gegen alle», режиссер Карл Фрелих.

Возможно, в прокате они шли и под иными названиями. Самым большим триумфом режиссера Григория Ратова стал американский фильм по сценарию Дымова «Грехи человеческие» «Sins of Man», вышедший на экраны США 19 июня 1936 г.

*А. Арнштам. Портрет Изы Дымовой.
Германия, 1930-е гг. (из собр. К. Арнштама)*

После возвращения Дымов в США он продолжал работать в кино. В 1938 г. был снят музыкальный фильм «The Singing Blacksmith» — кинопостановка по пьесе Давида Пинского «Янкель-кузнец» («Jankl der Smid», 1906). Дымов не только принимал участие в адаптации пьесы, но был одним из режиссеров фильма. Фильм 1939 г. «Миреле Эфрос» — киноадаптация популярной пьесы классика идишского театра Якова Гордина «Мирра Эфрос». Режиссер фильма Джозеф Берн — это Иосиф Бернштейн, родившийся в 1904 г. в Киеве, в США снимал преимущественно короткометражные фильмы. Наконец, в 1940 г. был снят фильм о канторе виленской синагоги «Увертюра к славе» «Overture to Glogu» — помимо участия в создании сценария, Дымов сыграл в нем эпизодическую роль графа. Главную роль в фильме исполнял известный кантор и актер идишского театра Мойше Ойшер (Moishe Oysher, 1906, Бессарабия — 1958, США).

Представленные в нашей публикации письма, конечно, не могут дать исчерпывающей информации о жизни двух писателей, благодаря их переписке мы узнаем детали, которые порождают новые вопросы и задают направление поисков. Ответы на них — вероятно, дело будущего.

Письмо как документ личного свойства позволяет выработать представление о характере человека. «Случай Дымова» интересен не только с исторической, но и с психологической точки зрения. Мы убеждаемся, что, перемещаясь по странам и континентам и попадая в разные социокультурные пространства, Дымов везде чувствует себя «как дома». Он меняет язык, партнеров, читателей, но при этом всегда остается собой. Его неизменно увлекает творческий процесс, он готов работать не покладая рук. Разумеется, столь быстрая смена языков общения и, прежде всего, языков, на которых создавались тексты, не предполагала овладения ими в совершенстве. Дымов и не стремился к тому, чтобы стать в литературе изысканным стилистом. Самой сильной стороной его дарования, вовремя распознанной Максом Рейнхардтом, была способность выстроить сюжет повествования так, чтобы показать столкновение характеров и сопутствующую этому человеческую драму. Работа над сценарием художественного фильма по американской схеме обычно предполагает участие 3–4 авторов: один выстраивает сюжет — *story*, другой пишет диалоги и т. д. Многих крупных писателей это раздражало, и они так и не смогли приспособиться к голливудским меркам. Дымова, как видно, этот коллективистский подход не смущал, как не смущало и несовершенное знание языка. Он прекрасно делал свое дело, и оно ему нравилось. Его путешествия по социокультурным пространствам давали ему много жизненного материала. Погружаясь в новую среду, он воспринимал ее особенности и становился ее частью, а потом снова оказывался в другом месте. Но покинутую на время среду он нес с собой, она как бы становилась частью его личности. Этот палимпсест по мере нарастания новых слоев становился все сложнее.

Что влекло Дымова в новые пространства? Только ли любопытство и стремление открыть новые грани культуры? В маршрутах его путешествий просматривается вектор, который сам Дымов, быть может, в явном виде не осознавал.

Обратимся к началу его жизни (как сделал это сам писатель, вернувшись в 1937 г. в Америку и начав спустя несколько лет писать воспоминания). Литературно и художественно одаренный юноша из провинциального (хотя и не маленького) города едет в Петербург, чтобы получить образование. За какие-нибудь 15 лет он становится известным столичным писателем-модернистом, но параллельно успевает также сделать вклад в свою европейскую — наверное, не стоит говорить *славу*, выразимся мягче — *репутацию*. Еще не слишком хорошо зная немецкий, он бесстрашно завязывает знакомства с известнейшими драматургами и прозаиками в Вене и Берлине и позиционирует себя как связующее звено между журналом *Аполлон* в лице С. Маковского

и современной немецкой литературой. Знали ли в то время, к примеру, Шницлер или Рейнхардт уже пользовавшегося в России широкой известностью Ф. Сологуба? А Дымова знали. Позднее эта его известность в мире немецкоязычной литературы только укрепилась. Поселившись на 14 лет в Нью-Йорке, он переписывался не только с петербургскими, но и с берлинскими друзьями. И в 1927 г. он поехал в Европу не потому, что в Америке что-то не удалось — напротив, все удалось, однако он сам почувствовал даже не столько исчерпанность программы, сколько ее маргинальность. Да, еврейство представляло в Америке большую силу, их было «2 миллиона, а то и больше», но для Дымова (и в то время — не только для него) центр культурной жизни находился в старой Европе. Дымов чувствовал себя гражданином мира и хотел быть в самом центре его культуры — там, где происходит самое главное, где рождаются новые моды и направления.

Обратим внимание на еще одну особенность его путешествий. Он не путешествовал так, как Бальмонт или Андрей Белый, которые бывали в странах, где зарождалась европейская цивилизация, или в экзотических уголках мира. Дымов приезжал в другую страну, чтобы в ней поселиться. В 1934 г., по первому сигналу Ратова, он едет в Европу, где в Германии у власти уже Гитлер. Это было бы похоже на авантюру, но вспомним — даже в самой Германии, когда многих кинематографистов по приказу Геббельса в одночасье уволили с киностудии УФА, большинству из них казалось, что все это не может долго продолжаться, что еще несколько месяцев... Дымов едет в Париж, где в то время было полно немецких кинематографистов, бежавших из Германии. Новую потенциальную родину он находит в Англии, наезжая иногда в Париж. Он чувствует себя и европейцем, и русским эмигрантом — пишет письма Бурову, интересуется жизнью соотечественников, эмоционально реагирует на связанные с ними события (хорошим примером служит его гневно-ироническое высказывание о пушкинских торжествах в Англии в письме № 48 от 26.02.1937 — по перечислению не приглашенных на это мероприятие людей видно, что у него есть совершенно четкое представление об эмигрантском «пантеоне» в Англии, который включает также и «писателя Дымова»). В этом «русском комплексе» есть и еврейская тема — но она уже не та, что в первые годы XX в. В отличие от Бурова (и многих других эмигрантов их поколения) Дымов живет не только памятью о пережитом в «бывшей» России, хотя он тоже задумывается о причинах происшедшей социальной катастрофы и подвергает ревизии свои былые установки. Но в 1920–1930-е гг. он — вовсе не «обломок империи», он живет полной жизнью и постоянно видит новые творческие перспективы. Правда, английский кинематограф тоже иссяк. Что ж, эта

работа оказывается трамплином для работы в американском кино. К началу войны Дымов уже не только сценарист, но и режиссер. Последний его фильм снят в 1940 г., в Европе уже идет война.

Реальные перемещения по социокультурным пространствам для Дымова закончились. Начинаются виртуальные перемещения по ним, причем с несколько странным языковым сдвигом: Дымов садится за мемуары о России своей молодости, которые он пишет на идиш. Далее, после операции в 1944 г. и нескольких лет потери памяти, он в 1948 г. начинает делать записи в дневнике — вспоминает эпизоды своей жизни в Европе 1920–1930-х гг., но уже по-русски. «Страницы воспоминаний Дымова [...] проникнуты щемящей ностальгией, — комментирует эти записи В. Щедрин²⁶. — Это не только ностальгия человека 1940-х годов, знавшего трагическую участь европейской культуры в годы Второй мировой войны. Это не ностальгия стороннего наблюдателя, а боль человека, в душе принадлежавшего к европейской культуре, возможно, в большей степени, чем американской или еврейской культуре». К какой культуре в большей степени принадлежал Дымов, вероятно, решить не просто. Андре Жид считал, что даже прогулка под пальмами никому не проходит «безнаказанно», оставляя свой след. Тем более — путешествие по социокультурным пространствам. Особенно — такого человека, как Дымов.

¹ См. о нем: *Яковлева Е.* «Общий друг» художников и поэтов. А. В. Руманов // Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Т. 2. СПб., 2003. См. также: *Обухова-Зелиньска И.* Забытые классики: случай О. Дымова (переписка О. Дымова и А. Руманова, 1902–1914) // Русские евреи в Америке. Кн. 5 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2011. С. 72–114.

² Знания об этом периоде писателя вскоре можно будет углубить и расширить в связи с изданием В. Хазаном двухтомника: *Дымов О.* «Вспомнилось, захотелось рассказать...» (Из мемуарного и эпистолярного наследия). Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 2011.

³ Цит. по: *Щедрин В.* Жизнь и дневник Осипа Дымова. URL: <http://www.judaica.kiev.ua/Eg13/03-07.htm>

⁴ *Азадовский К., Лавров А.* К истории издания «Аполлона»: неосуществленный «немецкий» выпуск // Россия, Запад, Восток: встречные течения. К 100-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева. СПб., 1996. С. 198–218. В ней приведены тексты двух писем Германа Гессе к Дымову, а заявленная в заглавии тема прослеживается на основании анализа переписки Дымова с Маковским.

⁵ РО ИРЛИ. Ф. 9. Оп. 3. Ед. хр. 20. Л. 1–4. Цит. по: *Хазан В.* Печальный весельчак Осип Дымов (штрихи к портрету) // Параллели: русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. М., 2005. № 6–7. С. 193.

⁶ РО ИРЛИ. Ф. 9. Оп. 3. Ед. хр. 20. Л. 5–9 об. Цит. по: *Хазан В.* Указ. соч. С. 194–195.

⁷ С августа 1916 г. Л. Андреев заведывал в этой газете отделом беллетристики, критики и театра, с 13 апреля 1917 г. стал ее главным редактором.

⁸ *Щедрин В.* Указ. соч.

⁹ В 1938 г. Буров передал свой личный архив в эмигрантский Русский культурно-исторический музей (под Прагой). В 1945 г. все материалы музея были перевезены в СССР. Архив Бурува был передан в РГАЛИ, а в 1990 г. переведен из спецхрана на общее хранение (Ф. 2274), став доступным для изучения российским исследователям.

¹⁰ «Мы с Вами очень разные люди». Письма Г. В. Адамовича А. П. Буруву (1933–1938) / Публ. О. А. Коростелева // Диаспора IX. Париж; СПб., 2007. С. 325–354.

¹¹ «Другой газеты сегодня в Германии быть не может...» Письма Владимира Деспотули к Александру Буруву (1934–1938) / Публ. С. В. Шумихина // Диаспора VIII. Париж; СПб., 2007. С. 301–338.

¹² «Чудак, дурак, писатель, богатей...» (Александр Буров и его корреспонденты) / Обзор С. В. Шумихина // Встречи с прошлым. Вып. 10. М., 2004. С. 551–644.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 553.

¹⁵ Письмо А. Ф. Даманской Е. Кусковой-Прокопович от 1 августа 1932(?) г. // ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Ед. хр. 154.

¹⁶ «Чудак, дурак...» С. 554.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Ходасевич В.* Книги и люди. «Певец зарубежной печали» // Возрождение. 1939, 10 марта. С. 3.

¹⁹ См. об этом: *Обухова-Зелинская И.* Газета «Советский патриот» — сладкоголосая сирена возвращенчества или дудка Гаммельнского крысолова // Нансеновские чтения 2009. СПб., 2010. С. 287.

²⁰ Великий Макс Рейнхардт был для наци всего лишь австрийским евреем Голдманом; при Гитлере он потерял все свои театры и бежал из Германии. В Голливуде основал театральную школу, где преподавал до своей смерти в 1943 г. В целом в предвоенный и военный период в Голливуде осело около 2000 кинематографистов из Европы. Именно под влиянием немецкого экспрессионизма и режиссеров-эмигрантов в 1940-х гг. появился, например, такой типично американский киножанр, как «черный» детектив. Что касается голливудской деятельности эмигрантов из России, то их количество и влияние на судьбы американского киноискусства до сих пор полностью не исследованы.

²¹ Эта драматическая история подробно описана в: *Иванов В.* ГОСЕТ: политика и искусство 1919–1928. М., 2007.

²² В примечаниях к письмам не случайно даны описания этих курортов.

²³ Живший в 1904 г. в Лондоне молодой русский дипломат Д. Абрикосов писал позже в своих воспоминаниях: «В Лондоне правильный выбор места жительства имеет огромное значение. Если вы хотите быть замеченным, необходимо жить в той части города, которая считается аристократической. В мое время таким местом был район Мэйфер, расположенный недалеко от Гайд-парка» (Абрикосов Д. Судьба русского дипломата. М., 2008. С. 137). Через 30 лет приоритеты городской топографии не слишком изменились.

²⁴ Янгиров Р. От Бродвея до Голливуда: российские евреи в американском кино 1929–1930 гг. Хроника // Русские евреи в Америке. Кн. 3 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2009. С. 121–162.

²⁵ Арнштам А. Воспоминания // Диаспора IX. Париж; СПб., 2007. С. 113.

²⁶ Щедрин В. Указ. соч.

ПИСЬМА О. ДЫМОВА К А. БУРОВУ (24.08.1930 – 01.12.1937)

Все публикуемые впервые письма Осипа Дымова Александру Бурову находятся в архиве последнего, который он в 1938 г. передал в Русский культурно-исторический музей в Збраславе (под Прагой). После окончания войны в составе других документов фонд Булова был передан в РГАЛИ и был закрыт до 1991 г. Письма публикуются по оригиналам (РГАЛИ. Ф. 2274 (А. П. Буров). Оп. 1. Ед. хр. 43). В данной публикации они расположены в хронологическом порядке (не совпадающем с нумерацией листов в папке). Письма датируются по указаниям обоих корреспондентов: Дымов, как правило, проставлял в начале письма день и месяц, иногда и год его написания, но чаще всего год вписывал Буров, возможно, при упорядочении писем перед передачей их в музей. При нумерации листов в РГАЛИ была допущена ошибка (пропущен № 49), а даты писем не проверялись.

На первых страницах писем, начиная с листа 33 до листа 81 (нумерация РГАЛИ), проставлена круглая печать с надписью: Русский культурно-исторический музей. В начале письма нередко стоит пометка Булова: «От Дымова», либо большая буква «Д» поверх текста, проставленная синим или красным карандашом. В публикации надписи и комментарии Булова приводятся только в том случае, если они содержат какую-либо дополнительную информацию. Мелкие описки и ошибки Дымова исправлены без комментария. В некоторых случаях сохранено характерное написание слов. Номера листов указаны в квадратных скобках.

Автор публикации и редактор-составитель выражают благодарность Г. Кратцу (Мюнстер, Германия) за консультации и помощь при подготовке публикации.

1930

№ 1, 24 августа 1930 [л. 1, 2]

Dr. Ossip Dymow, «Goldener Berg»
Teplitz-Schönau¹
24/8

Дорогой Александр Павлович,

Я очень смеялся Вашему рассказу — давно так человечески не смеялся — а жена² (она Вам просит сердечно кланяться) вместе со мною. Что-то Диккенсовское было в Вашем поступке — посещение Рощиной³ и Плещеева⁴. Такой смех — (это не «грех») — вроде смеха «Сверчка на печи»⁵! Не думал я, что в Вас есть столько напряжения смехового, такой большой заряд. Это показывает большую (очень даже) жизненную силу — и уж, конечно, доброе сердце. Молодец! Браво!

Видели ли Вы Руманова⁶ в Париже? Или его жену⁷ (мою кузину)? Вы ничего не пишете об этом. Отсюда заключаю, что не видели. Почему? Не вышло? А ведь они ждали Вас, я им писал, предупредил их.

Радузнять, что дела идут (или пойдут) гладко. W. K.⁸ очень энергичен, и Вы, конечно, найдете способ держать его дальше [?], чтобы не [нрзб]. К тому же — я знаю — что он очень ценит Вас и относится внимательно к Вашим словам.

Ваш рассказ уже готов больше чем наполовину. Завтра думаю взяться за него сильнее. Название, полагаю — основываясь на последней сцене (о том же говорил в Berlin'e), оставить: «Blut an der Sonne»⁹. В этом ведь смысл и та Точка, которую Вы так охотно пишете (именно «пишете») в письмах (вроде как я говорю «чудесно»). Полагаю, что через неделю рассказ в немецкой одежде уже будет у Вас на столе.

А Вы разве никуда не уедете теперь? Вам бы нужно было после операций куда-нибудь съездить на природу. Это уж я даю вам, г. профессор Schulze-Krause¹⁰, совет.

Неожиданно для себя начал писать новую пьесу под названием «Симфония»¹¹. Не удивляйтесь, если скажу, что это новый вид — или разновидность искусства. Вдруг нахлестнуло, захватило и в 4 дня я написал половину пьесы. Подробнее об этом в другом письме, которое скоро последует.

[Сбоку рукой Бурова, карандашом]: Новая пьеса его
Обнимаю Вас крепко, дружески, по-старинному.

Ваш Осип.

Вообразите, что Bergner¹² или лучше Czinner¹³ до сих пор мне не уплатили. Разве это не дико? Обещали [не] позже 30-го августа. Посмотрим.

¹ Teplice-Schönau (с 1948 г. — Teplice-Šanov) — бальнеологический курорт в Чешской Богемии, второй по величине и значению после Карловых Вар. В межвоенный период был многолюдным и оживленным городом с сервисом высокого уровня, куда нередко приезжали европейские знаменитости. В 1938 г. вместе с Судетами был аннексирован Третьим рейхом на основании Мюнхенского соглашения. С 1945 г. входил в Чехословакию, в настоящее время — на территории Чехии.

² Жена Дымова — Дымова (ур. Смирнова) Анна Николаевна (1888–?). В первом браке была замужем за В. А. Амфитеатовым-Кудашевым. Его отец, известный журналист и писатель А. А. Амфитеатов, в письме Горькому от 11 июня 1913 г. упоминает о ней как об образце «современного декадентства» (Горький и русская журналистика XX в. Неизданная переписка // Лит. наследство. М., 1988. Т. 95. С. 430 — источник указан С. Шумихиным). Выйдя в Берлине в 1913 [?] замуж за Дымова, она в корне изменила свой образ жизни.

³ Рощина-Инсарова Екатерина Николаевна (1883–1970) — драматическая артистка. На сцене с 1897 г. Вначале играла в провинциальных театрах, затем получила ангажементы в Петербурге и прославилась как актриса Александринского театра. Зимой 1905 г. провела в Самаре, вернулась в Петербург в 1906 г. Старинная знакомая О. Дымова, в которую он в молодости был страстно влюблен. С А. Буровым также была знакома еще в Петербурге. С 1918 г. в эмиграции, с 1925 — в Париже, где играла в театре и работала в кино.

⁴ Плещеев Александр Алексеевич (1858–1944) — журналист, драматург, театральный критик, историк балета. Сын поэта А. М. Плещеева. Выступал как драматический актер на сценах Малого театра (Москва) и Александринского театра (Санкт-Петербург). Автор более 30 пьес, из которых пять были поставлены в Александринском театре, а остальные в основном в театре Литературно-художественного общества. Печататься начал в 1876 г. Сотрудничал с петербургскими и московскими периодическими изданиями (*Петербургский листок*, *Биржевые ведомости*, *Столица и усадьба*, *Московский листок* и др.). С 1919 г. в эмиграции, жил в Париже, где продолжал деятельность театрального критика. Публиковал также рассказы (чаще всего о русских актерах и писателях) и путевые очерки. Автор мемуарной книги «Что вспомнилось» (Париж, 1931).

⁵ «Сверчок на печи» — один из самых ярких спектаклей 1-й Студии МХТ, поставленный в 1914 г. по рассказу Ч. Диккенса (реж. Б. Сушкевич, под руководством Л. Сулержицкого). Образ злого фабриканта Текльтона в исполнении Е. Вахтангова вошел в историю театра как блестящий образец театрального гротеска.

⁶ Руманов Аркадий Вениаминович (Абрам-Исаак Бениамин) (1878–1960) — друг юности Дымова, впоследствии влиятельный журналист. С 1905 г. — сотрудник *Биржевых новостей*, где занимал должность помощника редактора вечернего выпуска. Параллельно сотрудничал с московским издательством И. Д. Сытина, возглавлял петербургское отделение газеты *Русское слово* — одной из самых распространенных и богатых в России газет. С 1918 г. в эмиграции. См. о нем также в: *Обухова-Зелиньска И.* Забытые классики: случай О. Дымова (переписка О. Дымова и А. Руманова, 1902–1914 // *Русские евреи в Америке*. Кн. 5. Иерусалим; Торонто; СПб., 2011. С. 72–114.

⁷ Штембер Евгения (Женни) Лазаревна (Львовна) (1893–1939) — родственница (кузина) Дымова, с которой он познакомился, приехав в Петербург в 1897 г.

(в то время она училась в Петербургской консерватории по классу рояля, впоследствии — известная пианистка). С 1905 г. — жена А. В. Руманова, с 1918 г. жила вместе с ним в Париже.

⁸ W. K. — неустановленное лицо. Возможно, он же упоминается далее под инициалами В. З. К. Как можно понять из текста писем, выполнял по поручению Бурова какие-то функции литературного агента.

⁹ «Blut an der Sonne» — рассказ вошел в сборник: *Burov A. Unter deutschem Himmel*. Berlin: Verlag Neue Literatur, 1931; в русском издании (*Буров А. Под небом Германии*. Берлин: Изд-во «Новая литература», 1930) озаглавлен «Солнце на крови». В русскоязычный сборник (*Буров А. Земля в алмазах*. Берлин: Параболла, 1934) этот рассказ включен под названием «Пономаренков путь».

¹⁰ Профессор Schulze-Krause — персонаж из рассказа А. Бурова «Русские орхидеи», включенного в сборник «Под небом Германии» (Берлин, 1930).

¹¹ «Симфония» — в дальнейшем Дымов изменил название пьесы (см. ниже).

¹² Бергнер Элизабет (Bergner Elisabeth) (1897–1986), настоящее имя Elisabeth Ettl; актриса театра, кино и телевидения; родилась в Австрии, дебютировала в театре в 1915 г.; в 1921 г. переехала в Берлин. В 1924 г. режиссер Пауль Циннер (см. ниже) пригласил ее на главную роль в фильме по пьесе Дымова «Ню». Это положило начало творческому и личному союзу актрисы и режиссера, до начала Второй мировой войны снимавшему Э. Бергнер во всех своих фильмах. В 1933 г. они оба бежали в Вену, затем в Лондон, там вступили в законный брак. В 1934 г. Циннер снял фильм «Возвышение Екатерины Великой» (The Rise of Catherine the Great) с Бергнер и Дугласом Фербенксом в главных ролях. Фильм пользовался большим успехом, но в Германии был запрещен. За роль в следующем фильме Циннера «Escape Me Never» Бергнер была номинирована в 1936 г. на премию «Оскар» за лучшее исполнение главной женской роли. В 1940 г. Циннер и Бергнер уехали в США, работали главным образом в театрах на Бродвее, после войны вернулись в Лондон. Бергнер в 1954 г. переехала в Германию, играла в театре и снималась в телевизионных фильмах почти до конца жизни.

¹³ Пауль Циннер (Paul Czinner) (1890–1972) — режиссер кино и театра, сценарист, продюсер. Родился в Будапеште. После окончания университета в Вене начал работать в кино, в 1924 г. снял фильм «Ню» (см. выше). Упоминание о неуплате денег, по всей вероятности, относится к неуплате гонорара за использование пьесы Дымова для этого фильма, поскольку в 1924 г. Дымов находился в США и не мог лично урегулировать этот вопрос.

№ 2, 31 августа 1930 [л. 3,4]

Ossip Dymow, Kurhaus «Goldener Berg»
Teplitz-Schönau
31/8

Дорогой мой, милый Александр Павлович,

Спасибо за то, что так живо помните и понимаете меня. Я это очень ценю, поверьте. После стольких бурных лет, что имеешь, в конце-то

концов? Только друзей, только «человека». Его-то ведь и ищем — хотя кажется, что ищем часть другого.

Не беспокойтесь за Ваш рассказ: я очень тщательно оберегаю невинность его немецкого языка. Я уже сговорился со здешним немецким журналистом (здесь пять газет! немецких); он просмотрит мой перевод с большим тщанием. Затем этот же просмотренный перевод пойдет в Berlin к моему учителю, который опять все просмотрит, а затем это пере-пере-смотренное пойдет к моей переписчице, которая (она уже знает из прежнего опыта) должна не только переписывать, но и следить за ошибками кот[орые] могли бы все же как-либо прокрасться. За это она экстренно оплачена, ибо Вы, дорогой друг, так щедро оплачиваете труд переводчика, что всем четырем цензорам хватит. Спасибо за присыл денег (верно, завтра придут) и за обещанную сумму, очень это кстати.

От Bergner получил на днях манускрипт «Арианы»¹. Это я должен просмотреть его и по возможности ошлифовать и сократить диалог. Но насчет денег — ни-ни. Уж я много раз говорил и писал об этом Czinner. И мой поверенный тоже это делал. Кажется, как ни горько — но придется прибегнуть к резким мерам. Телеграммы и мягкость — увы! — не помогли и не помогут. Возможно, что Czinner все скрывает от нее. Черт их там знает.

Спасибо за то, что указали на Бара². Не знал, что у него есть «Симфония». Не «Концерт» ли это [?] Во всяком случае, мне никак не легче отказаться от моего названия, ибо именно в том, что это симфония — суть. Придется назвать «Симфонический концерт», но все же — кажется, у Негман Ваг'а (Bahr'a?) «Концерт». Пожалуйста, не забудьте сообщить.

То, что заинтересовались комедией, очень интересно. Но боюсь, что Вы что-то медлите — с пьесами. Рассказы у вас быстро оформляются. Пожалуй — простите! — несколько слишком быстро.

Рощиной напишу. Нелегко это сделать после стольких лет. Ведь я был в Озерках в 1904 году, когда мы вместе праздновали 20-летие ее рождения. Вот, значит, сколько ей лет. И я первый заговорил о ней в печати и привел к ней в Озерки на спектакль Евтихия Карпова³ — и через несколько недель она была уже на Императ[орской] сцене.

Все работаю без усталы, и одновременно проделяваю курс лечения. Сегодня получил приятное известие о том, что моя новая пьеса «Glatteis»⁴ (Вы ее не знаете) принята для Uraufführung⁵ в Mährisch-Ostrau⁶ (где это, впрочем?). Соль известия в том, что, значит, провинция откликнулась, реагирует. 15-го октября в Stuttgart'e Uraufführung моей другой — негри-танской пьесы «Schatten über Harlem»⁷. Буду там на репетициях.

Сейчас усиленной же работаю над «Симфонией». Это совсем своеобразный стиль. Полное соединение серьезной музыки (котор[ая] не

прекращается ни на секунду) со сценой, драмой. Окончена симфония, окончена — драма. Место действия — летний курорт.

Вчера я был в Dresden'e: два часа отсюда. Видел Сикстинскую Madonn'у. Не гипноз это, и не воображение — она в самом деле боже-ственна. Совершенство все[го] того, что краски дают о красоте.

Обнимаю Вас крепко — жду Ваших благостных строк. Жена просит кланяться.

Ваш всегда — Осип.

¹ Ариана — 20 февраля 1931 в Германии состоялась премьера фильма «Ариана» («Ariana», реж. П. Циннер), где Э. Бергнер исполняла главную роль Арианы Кузнецовой. Помощь Дымова в «шлифовании» диалогов была, очевидно, неформальной, поскольку среди сценаристов его фамилия не указана.

² Hermann Anastas Bahg (1863–1934) — известный австрийский прозаик, драматург, литературный и театральный критик. Пьеса «Концерт» («Das Konzert») была им написана и издана в 1909 г.

³ Карпов Евтихий Павлович (1857–1926) — режиссер, драматург. В 1895–1900 гг. — главный режиссер Александринского театра, затем — режиссер Театра Литературно-Художественного общества (до 1908). Неоднократно ставил пьесы А. Островского, А. Чехова, М. Горького. Автор пьес, шедших на столичных и провинциальных сценах.

⁴ «Glatteis» — «Гололед» (нем.). Пьеса вышла в Германии на немецком языке, но издание было предназначено только для театральной постановки и в продажу не поступало: *Dymow O. Glatteis: Komödie in 6 Bildern. Als [unverkäuf.] Bühnen-Ms. gedr. Berlin: F. Bloch, 1930. 110 S.*

⁵ Uraufführung — премьера (нем.).

⁶ Mährisch-Ostrau — немецкое название города Моравская Острава (чеш. Moravská Ostrava), который в начале XX в. слился с Силезской Оставой. До Второй мировой войны его населяли чехи, поляки, немцы и евреи. В настоящее время Острава — город на северо-востоке Чешской Республики, центр металлургической промышленности, третий по населению в Чехии, административный центр Моравско-силезского края.

⁷ «Schatten über Harlem» — «Тени над Гарлемом» (нем.).

№ 3, 7 сентября 1930 г. [л. 5, 6]

Kurhaus «Goldener Berg»
Teplitz-Schönau
7/9

Дорогой мой друг,

Был в отсутствии, в окрестностях [нрзб] (Moldau), вернулся, нашел Вашу рукопись. Тотчас прочел ее. Пономаренко¹ теперь у Вас в самом

деле строже — хотя и злее! И умнее — инстинктом. Ум, который пришел потом, с течением событий. Противоположность тому тяпу-ляпу прежних времен, который задним умом был крепок. Это-то и хорошо, и свежо. Вот не знаю насчет Горского? Надо ли его так ругнем ругать? В стиле ли это Пономаренко?

А вот что нехорошо: очень небрежно составлена тетрадь: не хватает страниц 28 и 46. Просто — нет их, вот тебе и все, и вместо того, как бы в награду — никчемную — излишние страницы 37, 42, 43. По два раза были. Посылаю их обратно в обмен на недостающие 28 и 46, которые у Вас в двойном (или больше) количестве.

Только что получил прекрасное письмо от очаровательнейшей Bergner. Высылает мне 500 марок и вышлет еще. «Nicht Sie allein haben warten müssen, Ossip»².

Пьеса моя идет к концу. В четверг закончу ее уже во втором списке. Посылаю Вам предисловие к ней. Но симфонический оркестр? Как быть с ним? Придется снизойти до обычного садового, хорошего.

Пробуду здесь еще две недели. Потом в Штутгарт. А Вы? Буду ждать Вашего письма, хочю — да и поря! — взяться за работу и сдать ее Вам.

Ваш всегда

Осип

D. Ossip

Жена просит сердечно Вам кланяться.

Предисловие

Оркестр, исполняющий симфонию, является здесь равноправным, а не подчиненным или второстепенным элементом. Музыка длится непрерывно, исполняется вся симфония целиком. Она слышна — порою слабее, порою явственнее, но слышна всегда. Она сопровождает действие, она сливается с ним, а иногда в паузе (которые, к слову сказать, могут здесь быть значительно увеличены) заменяет его.

Экспозиция действующих лиц начинается несколько ранее самой симфонии и совпадает с настройкой и пробой инструментов. Само же действие вступает в силу с первым аккордом оркестра. С первым взмахом дирижерской палочки. Последний аккорд оркестра — и драма кончается.

Да и была ли она? Не есть ли сама Драма только игра теней, сплетение образов, порожденных волшебством музыки? Замерла, онемела волшебная палочка, и умерли, развеялись тени. А ведь казались они такими реальными, живыми, пропитанными силой бытия.

Какая симфония должна исполняться? Автору данная пьеса почти в полном ее объеме пришла в голову, когда он слушал симфонию

Brucknera № 3, D-moll, (R. Wagner gewidmet)³. Возможно, однако (и это было бы желательно), что необходимо создать особую музыку, которая находилась бы в полном соответствии с тем, что здесь пытается изобразить драматическое слово.

О. Д.

¹ Пономаренко — персонаж рассказа Бурова «Солнце на крови», в более позднем сборнике озаглавленного «Пономаренков путь» (см. примеч. 9 к письму № 1).

² Nicht Sie allein haben warten müssen, Ossip — Не вам одному пришлось ждать, Осип (*нем.*).

³ R. Wagner gewidmet — посвященная Р. Вагнеру (*нем.*).

№ 4, 20 сентября 1930 [л. 7]

Goldener Berg
Teplitz-Schönau
20.09

Дорогой милый мой Александр Павлович,

Многое набежало за это время — не писал Вам. Дурное было известие от моей дочери: она едва не сломала себе ногу. Теперь все прошло, работает по-прежнему, танцует даже. Скрыла от меня. Упала, оступилась, пришлось X-гау снимать, рентген, лечение, лежание...

В «Joint»^{e1} (она служит в «Joint») финансовые затруднения, боится, что она потеряет службу — но, прошу очень, между нами. Я думаю, это преувеличение.

Выборы и их результат меня буквально ошеломили². Жаль, что не могу лично побеседовать с Вами. Вы в этом ведь лучше разбираетесь.

Работал (и продолжаю) усердно над Вашим рассказом. Почти заканчиваю. Все вставки хороши, со вкусом. Пожалуй, Кускову³ убрал бы: кто ее, собственно, из немцев знает? И еще: Пономаренко должен знать Лена — его имя и отчество, не путать. Как полагаете?

Большая сила, большое внутреннее напряжение в рассказе. Я почувствовал это при переводе. Большое внутреннее напряжение в авторе. Много жизненных крепких соков. Я Вам предсказываю долгую жизнь — я это серьезно. Ведь это сказывается. Я всегда говорю: «Человек знает свою будущность». Но не осознает этого. Не знает — что знает. А со стороны иногда видит. Не смейтесь.

Где же, однако, недостающие страницы? Я перевожу по старому русскому тексту эти две недостающие страницы. Если нужно, вставим потом.

Получил письмо от Bergner: фильм окончательно не состоится. То есть: он не будет крутиться в Англии и на английские деньги. Возможно, однако, что в Berlin'e и только в немецкой редакции. Об этом узнаю еще. Денег не выдать пока (500 м[арок] все же получил — вместо 3000). Чувствую по тону письма, что ей очень больно. Думаю, уверен: это результат выборов: английский капитал боится риска.

Получил совершенно неожиданно приглашение от извест[ного] фелетониста и поэта ред[актора] Weltbühne Kurt Tucholsky⁴ (Theobald Tiger, Peter Panter и др. псевдонимы) приехать к нему в Швецию, где у него собственный дом, погостить и вместе обдумать театральную работу, кот[орая] ему пришла в голову. А ведь я этого Tucholsky'ого никогда в глаза не видал. Почему не поехать? Думаю, что приму приглашение. Vollmoeller⁵ тоже написал мне — приехать к нему в Венецию. Далеко. Не поеду. Не до того теперь. Свою пьесу в отделанном виде почти закончил.

Спасибо за обещание 100 марок. Будут совсем кстаи. Пока я все еще здесь — неделю наверное побуду. Лечение сегодня [прошел?] и закончил.

Напишите мне о себе, о Ваших планах, о ВЗК⁶. Новое учреждение: ВЗК! Крепко обнимаю Вас.

Ваш всегда
Осип

Жена просит не забывать ее.

[Ссбоку на полях]: Получил вчера письмо от моей кузины в Париже, Румановой⁷. Она в Швейцарии с мужем все время. Оттого не видела Вас.

¹ «Joint» — «American Jewish Joint Distribution Committee» («Американский еврейский объединенный распределительный комитет»). Основан в 1914 г. в результате объединения нескольких организаций; до 1931 г. существовал под названием «Объединенный распределительный комитет американских фондов помощи евреям, пострадавшим от войны». Крупнейшая еврейская благотворительная организация со штаб-квартирой в Нью-Йорке, действующая во многих странах.

² В результате выборов 14 сентября 1930 г. партия НСДАП (Национал-социалистическая немецкая рабочая партия) собрала 18,3 % голосов избирателей и стала второй по численности фракцией в Рейхстаге (после социал-демократов). На открытие новой сессии депутаты от НСДАП явились в униформе штурмовиков (коричневых рубашках).

³ Кускова Екатерина Дмитриевна (1869–1958) — общественная деятельница, публицистка. От народовольчества перешла к марксизму и социал-демократии, затем, в 1905 г., отказавшись стать членом партии КД, организовала партию «Без заглавия»; видная фигура русского масонства. С энтузиазмом приняла Февральскую революцию, была против Октябрьского переворота, но по принципиальным соображениям осталась в России. Активно работала в Помголе, в 1921 г.,

как и другие его члены, была выслана вместе в мужем в Вологду, затем, в 1922 г. — за границу, где и пребывала до конца жизни.

⁴ Kurt Tucholsky (Курт Тухольский, 1890–1935) — один из самых известных журналистов времен Веймарской республики, убежденный пацифист и демократ. Помимо политической журналистики автор романов, стихов, сатирических произведений, сочинял песенки и тексты для кабаре, много внимания уделял художественной критике. Чаще всего публиковался под псевдонимами Theobald Tiger, Peter Panter, Kaspar Hauser, Ignaz Wrobel, создав для каждого из них характерный литературно-психологический образ. В декабре 1926 г. стал соиздателем и членом редколлегии берлинского еженедельника *Die Weltbühne* (*Всемирная трибуна*). В 1929 г., после выхода в свет сатирической книги «Deutschland, Deutschland über alles» («Германия, Германия превыше всего») с многочисленными фотоиллюстрациями, эмигрировал в Швецию. Покончил с собой 21 декабря 1935 г.

Сцена из второго действия пьесы Дымова «Тени над Гарлемом» была опубликована в переводе Сони Окунь в: *Die Weltbühne*. 25. November 1930, Nr. 48. S. 788–792.

⁵ Карл Фольмёллер (Karl Vollmoeller, 1878–1948) — немецкий драматург и сценарист, автор пьесы «Чудо» («Das Mirakel»), написанной в соавторстве с Максом Рейнхардтом, спектакль поставлен в 1911 г., в главной роли выступала жена автора Мария Карми (Maria Carmi). Самая известная работа в кино — сценарий к фильму «Голубой ангел» (1930), с которого началась мировая слава Марлен Дитрих.

⁶ В. З. К. — см. примеч. 8 к письму № 1.

⁷ Руманова — см. примеч. 7 к письму № 1.

№ 5, 27 [?] сентября 1930 г. [л. 8]

[В углу рукой Бурова]: *получил я это письмо от Ос. Дымова
28 сент[ября] 1930 г. в Берлине.*

Дорогой мой милый Александр Павлович,

Искреннее спасибо — уже в который раз! — за Ваш присыл, за дружбу, за ласковость! Перевод Вашего рассказа почти готов, но — как уговариваемся — он останется у меня до поры до времени.

Завтра уезжаю в Stuttgart! Пьеса идет 18-го октября, мой композитор Dr. Bela Reinitz¹ уже там, получил специальное приглашение. Я же получил приглашение от Stuttgart'овского Rundfunk [нрзб]² читать 17 окт[ября] вечером свои наброски, рассказы и пр. Чтение должно длиться 30 минут. Дают 100 марок — так что дорога оплачена. Кроме того, чехословацкие железные дороги делают здешним гостям скидку у себя 50%. Проведу день в Праге, оттуда в Stuttgart, в Berlin не заеду пока. Была опасность, что Staatstheater³ в Stuttgart побоится поставить теперь — при правом уклоне, мою пьесу.

В. З. К. Вы, я вижу, совсем распустили. Слов нет, он очень энергичен, но столь же энергично атакует Вас, ежели не получит отпора. Он пробовал заключить со мной договор: 25% ему с моих литературных и театральных и всяких других дел... За что? А он даст мне 25% со своих. Называл он это взаимной страховкой. Нет, советов мне Вам давать уже не полагается. Вы лучше знаете, как осадить его. А то, что Вы ждете около 10-го октября получки в 4000, уж совсем хорошо. Спасибо за то, что обещаете удержать с В. З. К. мою долю, ведь мне никогда не получить с него лично. Вот за этот-то отказ взаимного страхования он дуется (кажется) на меня.

Дочка⁴ моя, разумеется, будет очень рада, ежели ей протелефонируете или проведете с нею часок. С нею можно говорить как со взрослою: она знает, понимает жизнь — откуда, не знаю. Телефон ее служебный (American Joint Distribution Committee) Steinplatz 7657. Там она от 9–1 и 2 ½–5 ½. По субботам нет присутствия, по воскресеньям от 10–1. А домашний ее Steinpl 3120.

Пьесу свою закончил — переписал в 3-й раз, по-русски название придумал хорошее:

«Abends, von 8 bis 10»⁵.

Ибо действие, а также связанная с ним музыка — концерт — ведь длится именно von 8 bis 10. Правда, удачно?

Чувствую себя хорошо, починился, поправился.

Bergner я написал вчера письмо, не упоминая о деньгах (это ведь Dr. Szinner, о чем уж мой адвокат позаботится). Чтобы утешить ее с «Арианой» — неудачей, я ей сказал: не оглядывайтесь. Не смотрите назад. Только прошедшее реально, а жизнь, достижение — иллюзия. Надо жить великими иллюзиями, которые, свершившись, становятся реальностью, от чего... надо отвернуться.

Ну, до свидания, дорогой мой. Дай Бог всяких благ и бодрости, и здоровья. Жена просит Вам очень сердечно кланяться.

Ваш всегда
Осип

Мой адрес: Staatstheater, Stuttgart.

Буду рад там получить от Вас весточку.

О.Д.

¹ Bela Reinitz (Бела Рейниц) (1878–1943) — венгерский композитор, музыкальный критик и общественный деятель. В Венгерской Советской Республике был помощником народного комиссара Д. Лукача и правительственным комиссаром Музыкальной дирекции. После разгрома Коммуны был осужден, с 1920 г. в эмиграции (концертировал в Австрии, Германии, Швейцарии). В 1931 г. воз-

вратился в Венгрию. Автор ок. 450 песен и нескольких оперетт. В 1920–30-х гг. песни Рейница пользовались большой популярностью. В СССР были известны «Марш венгерских шахтеров» (рус. текст А. Кочеткова) и (на ту же мелодию) «Марш ударников» (рус. текст А. Ромма).

² Rundfunk — программа радиостанции.

³ Staatstheater — Штаатстеатр, Государственный театр в Штутгарте.

⁴ Дочка — Изадора Дымова (1908?–?), дочь Осипа Дымова от первого брака.

⁵ «Abends, von 8 bis 10» — «Вечером, с 8 до 10». Первоначально Дымов предполагал дать пьесе название «Симфония» или «Концерт», но предпочел назвать ее иначе, поскольку оказалось, что уже есть довольно известная пьеса «Концерт» австрийского писателя Г. Бара.

№ 6, 8 октября 1930 г. [л. 9]

Messe Hotel, Stuttgart
8 Okt[ober]

Дорогой милый Александр Павлович,

Жду Вашей книги и заранее поздравляю с ее выходом. Если мой приезд и мое появление на Вашем горизонте способствовали принуждению Вашего живейшего интереса к работе, — то рад этому.

Спасибо за обещание 400 мар[ок]. Они мне, разумеется, очень пригодятся. Значит, не зря все же «навязал» Вам милейшего В. З. К. Вы пишете, что хотите прислать мне деньги около 15-го. Я здесь пробуду до 19–20-го. Было бы всего удобнее — если уж милость Ваша будет — внести Вам эти 200 марок на мой банк, Dresdner Bank, Kurfürstendamm 216. Там у меня текущий счет в... 150 марок — на случай [если] дочке нужны деньги.

Пришлось мне третьего дня ночью пережить землетрясение. Улегся уже — и вдруг заходила кровать, дважды, точно в океане. Очень неудобное ощущение.

Идут мои «черные» репетиции довольно хорошо. Прекрасный и вдумчивый режиссер — и очаровательнейший театр. Возможно, что будет и неплохо. Пьеса идет 18-го окт[ября]. В тот же день читаю в Rundfunk¹ свои рассказы. Потом, после Stuttgart в Berlin. Хочу надеяться, что еще увижу Вас там до Вашей поездки в Италию. Получил я повторное письмо от Tucholsk'ого приехать к нему в Швецию, но не уеду, пока не закончу свою новую, только что начатую комедию «Hospital für Eheglück» («Бракоразводный суд»)². Очень забавная вещь, которую я пишу вместе с Vollmoeller'ом.

Видались ли Вы с моей дочкой? Она мне об этом ничего не пишет.

В Германии называют события. Они будут суровы, но жизненны.

Рожиной еще не написал — это нелегко для меня. Но напишу. Жена моя все мечтает о поездке в Париж, где хочет работать... От Dr. Czinner я денег так до сих пор не получил.

Крепко обнимаю Вас.

Ваш всегда Осип.

Жена очень ласково приветствует Вас.

¹ В Rundfunk — здесь: по радио.

² «Hospital für Eheglück» — буквально: больница для семейного счастья; Дымов дает по-русски авторское название пьесы. В немецких каталогах пьеса с таким названием не фигурирует.

№ 7, 12 октября 1930 [л. 10]

Messe Hotel, Stuttgart
12/10

Дорогой мой милый друг,

Вы, наверное, уже устали в каждом моем письме читать слова благодарности и чувствовать их. Но ведь Вы в том сами виноваты. Вы их стягиваете Вашей безудержной добротой ко мне. Спасибо, спасибо, дорогой! Если успеете до 16-го, то лучше переведите деньги сюда, в Stuttgart, а то в банк, как Вам удобнее.

Будучи в Праге — две недели назад — я вспомнил Ваш, весной мне поставленный вопрос «Были на могиле Аверченко¹?» Вот я и отправился туда: могила возле русской церкви. Крест. Надпись: писатель Аркадий Тимофеевич Аверченко. Год рождения и смерти. 42 года!! Герань. Деревянный крест. Трава колышется. Рядом еврейское кладбище. Положил принесенные цветы и тут же — право — Вас вспомнил. В крест вделана под стеклом небольшая фотография Аверченко. Далее могила Льва Урванцова².

То, что уединились и захотели писать, хорошо. Верно, теперь, когда мое письмо получите, уже закончили рассказ. Книгу Вашу очень жду. В Берлине буду не позже 22-го, возможно, раньше.

Со всех сторон слышу, что в Берлине будет спокойно. Говорят мне это люди знакомые и незнакомые. Заговаривают в ресторанах, в Brauerei³, с соседями. Да, «es wird hageln»⁴. О том же пишет мне К. Tucholsky; все же думается, что возьмет верх и крепко — середина.

Lolo⁵ я напишу письмо, поздравлю, спасибо на том, что напомнили.

Репетиции идут ладно, и я все дни провожу в театре. Ждут, что будет ладно. Приезжают к постановке гости: Ваг. Хотваны⁶ из Budapest'a (который был осужден на семь лет тюрьмы), театр[альные] директора, мой издатель. Вот жаль, что Вас нет! Как славно было бы!

Устаю очень, потому что во все вмешиваюсь. И позволяют.

[сбоку]: Больше я не землетрясся.

Крепчайше жму Вашу руку. При встрече поговорим о Ваших дальнейших работах. Почему всегда еврей?

[Сбоку карандашом рукой Бурова]: *В самом деле, почему?*

Искренно Ваш всегда

Осип

Анна Николаевна сердечно приветствует Вас.

¹ Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881–1925) — писатель-сатирик, театральный критик. Начал печататься в Харькове, в 1908 г. приехал в Петербург, где стал основным автором и главным редактором журнала *Сатирикон*, который, благодаря его сотрудникам (писатели Тэффи, О. Дымов, Саша Черный, П. Потемкин, В. Маяковский, художники Ре-ми и А. Радаков и др.) и редактору, вскоре стал самым популярным сатирическим журналом. В 1913–18 гг. редактировал журнал *Новый Сатирикон*, после его закрытия пробрался в Крым, в ноябре 1920 г. отбыл в Константинополь. Жил в Белграде, Софии, затем до конца жизни — в Праге. После смерти Аверченко Дымов поместил в нью-йоркском *Русском гоlose* статью-некролог памяти давнего друга.

² Урванцов Лев Николаевич (1865–1929) — драматург и режиссер; автор многих пьес, поставленных в Троицком театре и в «Кривом зеркале» (оба в Петербурге). Самая известная его пьеса «Вера Мирцева» шла в театрах по всей России. После эмиграции жил в Праге, работал режиссером в Первом Пражском Русском театре.

³ Brauerei — *здесь: пивная (нем.)*.

⁴ Es wird hageln — *здесь: будет драка (нем.)*.

⁵ Lolo (псевдоним), Мунштейн Леонид Григорьевич (Леон Гершкович) (1867–1947) — поэт-сатирик, журналист, переводчик, издатель. С 1908 г. постоянный автор театра Н. Балиева «Летучая мышь», в 1909–1918 гг. — редактор московского журнала *Рампа и жизнь*. В 1920 г. через Константинополь выехал в Париж. В 1923 г. вместе с И. Зоном организовал в Риме театр миниатюр «Маски». С 1926 г. жил в Ницце, публиковался в парижских эмигрантских газетах, выпустил несколько книг. В 1931 г. вместе с М. Корнфельдом возобновил издание журнала *Сатирикон*.

⁶ Барон Людвиг Лайош Хатвани (Baron Ludwig-Lajos Hatvany, 1880–1961) — венгерский писатель еврейского происхождения, драматург и прозаик; владелец большого имения, общественный деятель, лидер либеральной оппозиции, приговоренный к семи годам тюремного заключения за статьи, направленные против режима Хорти.

[На полях рукой Бурова]: *примечание: получил я это письмо накануне постан[овки] его пьесы «Schatten über Harlem» — со скандалом, озорники мешали спектаклю*¹.

Дорогой мой друг, Александр Павлович, сегодня получил высланные Вами 200 мар[ок] — большое спасибо. Очень уж кстати пришлось.

Почему «еврей»? А вот потому что я убежден — Вы справитесь — и, пожалуй, лучше — с другими «нациями». Ведь Ваше посещение Рошинной, этот горький гротеск — чем не рассказ. Свяжем, сфантазируем его с Днепровой... Я (рассказчик), предположим, во дни молодости, во дни царизма, был влюблен в большую актрису. Его восторги, ее достижения. Театр... Газета... Критика... Кугель² (..) — и 25 лет спустя — Müller-Schultze³, его рецепт — чем не рассказ, спрашиваю я Вас и себя, и будущего критика. А Вам он удастся — Вы его испытали. Ведь из эмиграционной жизни так мало пишут — особенно в иностранной прессе. Этот рассказ был бы и нужен, и человечен, и трогателен.

[Сбоку, на полях, рукой Бурова]: *Спасибо Дымову, воспользуюсь его толчком, напишу роман.*

...Приеду в Berlin, верно, 21-го и тотчас позвоню Вам, поговорим о многом.

Завтра моя премьера, сегодня была генеральная репетиция, сошла хорошо. Директор рассчитывает на многое. Интерес к спектаклю большой. Приехал к премьере из Будапешта с женой, с сестрой мой старый приятель Ваг. Ludwig Natvanу который — помните? — был осужден на семь лет тюрьмы в Венгрии. Как странно! Он был на генеральной репетиции Nju⁴ и... сегодня 22 года спустя опять — в Штутгарте.

Обнимаю Вас крепко — оба мы с Вами — предпремьерные.

Ваш всегда

Осип

Жена крепко кланяется Вам.

Получил открытку от В. З. К. Я писал ему «[пропуск]» желая выздоровления.

[л. 11. Театральная афиша с программой спектаклей в Малом зале Штутгартского театра на период 11–18 июня. Последняя строчка, касающаяся пьесы Дымова, обведена Буровым красным карандашом]:

Samstag 18.10	7 ½ bis 10 Uhr	Schatten über Harlem (Uraufführung) Komödie von Ossip Dymow. Musik von Bela Reinitz RM 6.– (Brandenburg — Swarowsky)	Ausser Miete
--------------------------	-------------------	---	-------------------------

перевод с нем.: Штутгарский театр (Малый зал). [...] Суббота, 18.10 / с 7½ до 10 час. / Тени над Гарлемом (премьера); комедия Осипа Дымова, музыка Бела Райниц; [билет] — 6 рейхсмарок. Бранденбург⁵ — Сваровски⁶. Спектакль дается вне абонеента.

¹ Премьера «негритянской пьесы» Дымова «Тени над Гарлемом» состоялась в Штутгарте в субботу, 18 октября 1930 г. Для гитлеровцев, почувствовавших свою силу после прошедших незадолго до того выборов (см. примеч. 2 к письму № 4), она послужила поводом, чтобы затеять один из самых громких политических скандалов, связанных с театральной жизнью Германии первой половины XX в. В зале непрерывно звучали свист и крики гитлеровцев. В это же время на площади перед театром собралась толпа из нескольких сотен агрессивно настроенных гитлеровцев с транспарантами «Германия, проснись!» и др. Там стоял крик, участникам спектакля угрожали физической расправой. Это вынудило автора и композитора покинуть театр через запасной выход. Скандал нашел отклик в печати, от местных немецких газет до *New York Times* и *Jewish Telegraphic Agency*.

² Кугель Александр Рафаилович (1864–1928) — театральный критик (псевдоним Ното Новус), в 1908 г. основал (вместе с женой — актрисой Зинаидой Холмской) театр пародий «Кривое зеркало». Убежденный сторонник актерского театра, непримиримый борец с «режиссерским засильем». Тем не менее, именно в его театре с 1908 до 1916 г. работал выдающийся режиссер Н. Евреинов. В 1897–1918 гг. Кугель был владельцем и главным редактором журнала *Teamp и искусство*, где состоялся дебют Дымова в качестве журналиста. В этом же журнале публиковались литературные переводы Бурова.

³ Müller-Schultze — Дымов, видимо, немного перепутал фамилию героя рассказа Бурова «Русские орхидеи» Schulze-Krause (см. примеч. 10 к письму № 1), что довольно естественно (в обоих случаях они состоят из самых популярных немецких фамилий, что-то вроде Иванов-Петров или Петров-Сидоров).

⁴ «Nju — Eine unverstandene Frau» — пьеса Дымова «Ню. Трагедия каждого дня» впервые была поставлена М. Рейнхардтом на сцене Берлинского Камерного театра в 1908 г.

⁵ Фридрих Бранденбург (Friedrich Brandenburg, 1892–1989) — главный режиссер Штутгартского театра и этой постановки пьесы Дымова.

⁶ Ганс Сваровски (Hans Swarowsky, 1899–1975) — дирижер Штутгартского театра и музыки к этой постановке.

1931

№ 9, 5 апреля 1931 г. [л. 13, 14]

Ossip Dymow,
Uhlandstr. 84 W.
Berlin
5/IV

Дорогой милый друг,

Ваш рассказ будит боль — во мне или в тех близких, которые Вас знают. Может быть, и не автобиография, ибо не совпадают многие внешние детали, но тон, но подход, но нечто междустрочное, чувствуется близкое...

Вот что-то междустрочное, неуловимое словами, но ими накрытое как сеткой — и есть самое ценное, что угадывается в рассказе Вашем. Я его уловил, уловит ли читатель? В этом вопрос. Думаю, однако, что уловит. Другой вопрос: уловит ли редактор, тот посредник, который стоит (поставил себя) между автором и читателем. Это вопрос практический. Немного пугает, что, верно (а может, и больше, чем немного) то, что герой еврей — лицо, не любимое в газете немецкой, в журнале не меньше — в книге уже допускаемое (?!?)

Я дал перевести Ваш рассказ Dr. G. Boehme¹ — который более 70 RM не возьмет, вероятно, менее (60 RM), что, думаю, немного. К Вашему приезду перевод будет закончен. Я попросил его сделать копии — так что с оригиналом (немецким) в Вашем распоряжении будет четыре экземпляра.

Как у Вас налаживаются дела в Париже? Когда думаете приехать?

Жму крепко Вашу руку. Я рад случаю, который опять столкнул нас вместе.

Ваш дружески и искренно —

Осип Дымов

¹ Dr. G. Boehme — в адресной книге по Берлину за 1931 г. (<http://adressbuch.zlb.de/>) отмечен Gustav Boehme, russ. Rechtsanwalt (Густав Бёме, русский адвокат). Не исключено, что был в родстве с известным литературным переводчиком Эрихом Бёме (Erich Boehme), переведившим в 1926 г. пьесу Дымова «Die letzte Geliebte».

Дорогой Александр Павлович,

Посылаю Вам *Das Vorwort*¹. Все сделано и изменено — как Вы того хотели. Кое-где, как Вы увидите — и другое тронуту. Словом, — все в порядке.

Готово. Желаю успеха Вашей книге, большого и повторного.
Всего доброго
Ваш всегда

Осип

[Сбоку]: Когда же увидимся и прочтем Ваш новый рассказ = повесть?

Д.

¹ *Das Vorwort* — предисловие (нем.). Судя по всему, речь идет о предисловии Дымова к сборнику рассказов А. Букова: *Вигон А. Unter deutschem Himmel*. — Berlin: Verlag Neue Literatur, 1931. В вышедшем годом ранее русскоязычном сборнике рассказов Букова с одноименным названием этого предисловия не было.

№ 11, 3 мая[1931?]¹ [л. 82]

[Открытка с видом озера Альтерзее и замка на его берегу]:
Salzkammergut: Schloss Kammer am Altersee²

[С обратной стороны слева]:

3/V

Дорогой, милый, славный друг, мой Александр Павлович,

Шлю Вам сердечнейший привет из прекрасной, сказочной местности (коя на обороте)!

Упомяните с дружбой мое имя Вашей супруге. Крепко обнимаю.

О. ДЫМОВ

[Справа рукой Букова]: *От Ос. Дымова, гостящего у Fr[au] Bergner*.

[ниже]: Dr. A.P. Bourdt³

Berlin,
Stülerstr. 2

¹ Открытка датируется 1931 г. предположительно, для более точной датировки нет сведений.

² Salzkammergut: Schloss Kammer am Altersee — Зальцкаммергут (соляные копи): Замок Каммер-на-Альтерзее (нем.).

³ Данные адресной книги Берлина (<http://adressbuch.zlb.de/>) подтверждают, что в 1931 г. А. Буров (настоящая фамилия Bourdt) действительно проживал по адресу Stülerstr., 2.

№ 12, 20 мая 1931 г. [л. 16, 17]

[На полях красным карандашом запись Бурова]: NB касательно «Была земля»

20/V

Дорогой мой милый Александр Павлович,

Мне хочется поговорить и — пояснить, пожалуй, то, что я говорил Вам по телефону о Вашей новой работе «Была земля»¹. Если она была — а она была, страна наша, то Вы свежесть ее уловили, подслушали, передали не только в (т[ак] н[азванном] Вами) Прологе. Здесь это яснее, пожалуй. Но в IV и VI главах, когда Вы подошли к людям, Вы сохраняете все тот же подход. В самом деле — а это, я знаю, чрезвычайно трудно — Вам удалось отобразить то, о чем много раз трактовалось и писалось и что за частым употреблением сделалось уже стертою монетой и шаблоном. Это ценно. Это нужно. При искренности писателя происходит переоценка ценностей. И только так может произойти эта оценка — как же иначе? То, с чем мы свыклись и что когда-то, во дни наши петербургские, было почти аксиомой — благодаря искренности Вашего подхода — приобретает в моих глазах (и я уверен, не только в моих) совершенно новые очертания. Рождаются и устанавливаются все крепче сомнения. Так ли это все? Нужно ли было ругать, отрицать Родину? Правы ли были наши учителя-профессора? Это пересмотр не университетского устава, а устава о Земле, «которая была».

Искренность всегда связана со свежестью и, уж конечно, с неустрашимостью. В прежних Ваших работах этого не было (ибо темы были не те и подход иной: эмоциональный). Рад за Вас, искренно жму руку.

Если бы разрешили и мне быть «неустрашимым», то сказал бы кое о каких промахах, которые легко устранимы. Но это уж лично.

Ваш душевно

Осип Дымов

P. S. А как же наша воскресная прогулка? Готовы? Двигаемся?

Д.

¹ «Была земля» — речь идет о романе, над которым тогда работал Буров. Он был издан в следующем году: Буров А. Была земля. Берлин: Парабола, 1932.

OSSIP Dymow, Uhlandstr. 84 W.
T. Uhland 4199
14/VII

Дорогой, милый, добрый Александр Павлович,

Сегодня утром позвонил и узнал, что в клинике, что видеть Вас нельзя — а писать можно. — Должно, — сказал я себе. Да, вот Вы как: тайком улизнули, скромнехонько, как обычно ушли, прошли. А вдгонку я посылаю Вам свои самые сердечные пожелания скорого, скорейшего, радикального исцеления.

Вы все же прочтете и, быть может, улыбнетесь этим строкам. А очень хочется навестить Вас, пожать Вашу руку. Вероятно, это скоро можно будет сделать. Буду рад, рад видеть Вас, дорогой, хороший друг мой.

Какие новости? Гессена¹ не вижу, мало об этом жалею; Гидони² видел, много об этом жалею. Что за грязный рот у этой бездарной завистливости! «Маяковский покончил самоубийством из-за того, что три женщины подряд ему не дали. Вот забыл спросить их имена». Это буквально!! Смердяков подлинный, бессмертный, сидит в этом Гидони.

Дочка уехала в Мариенбад³. Жена моя, которая просит сердечно Вам кланяться, должна, оказывается, лечь в санаториум, чтобы нагулять вес, поправить нервы. Я, верно, уеду в Мариенбад через неделю, потом к жене под Кельн (Köln). Работаю, пишу, бываю у Bergner и поклялся ей, что буду верен до последней капли... чернил. Ваш завет = приказ исполнил. Работаю над Вашими рукописями, хочу, чтобы были отменны.

Еще раз: дай Вам Бог здоровья, поскорее, покрепче. Дай[те] знать о себе. Жду свидания с Вами.

Крепко всегда Ваш

Осип

¹ Видимо, Гессен Иосиф Владимирович (1866–1948) — один из лидеров партии Народной свободы (кадетов), адвокат и публицист; один из редакторов газеты *Речь*, в эмиграции (с 1921 г.) издавал в Берлине газету *Руль*, а также много-томный «Архив русской революции». В 1920–1935 гг. — директор берлинского русского издательства «Слово», основанного как совместное предприятие «русской группы» (преимущественно кадетов) с концерном Ульштейнов.

² Гидони Александр Иосифович (1885–?) — по образованию юрист; публиковал прозу и критические статьи в *Аполлоне*, *Театре и искусстве* и других журналах. Поддерживал знакомство с символистами, посещал башню Вячеслава Иванова, «Бродячую собаку», «Привал комедиантов». Будучи страстным коллекционером, особенное внимание уделял творчеству Рериха, которому посвятил монографию (1915). Автор нескольких популярных пьес. Разработал законопроект об охране

художественных сокровищ. В 1917 г. по поручению Временного правительства работал в Поволжье. Был членом «Комиссии Горького» — Особого совещания по делам искусств. С 1921 г. жил в Ковно (ныне Каунас), где читал лекции, редактировал газеты. В 1923–1924 гг. помещал просоветские публикации в газете *Новый мир* (Нью-Йорк) и читал лекции в США. Летом 1924 г. — в Берлине, затем — лекции в Риге. В 1926 (?) г. вернулся в СССР, работал в театральной периодике в Москве. В конце 1929 г. снова эмигрировал. Именно в этот период и произошла его встреча с Дымовым в Берлине. В 1932 г. Гидони участвовал в литературных собраниях в Париже, затем его следы теряются (в справке использованы сведения Р. Тименчика и П. Лавринца).

³ Мариенбад (в настоящее время Марианске Лазне в Чехии) — до Первой мировой войны один из самых известных курортов Австро-Венгрии. Уже в XIX в. привлекал многочисленных желающих пройти курс лечения на водах (там побывали В.-И. Гёте, Ф. Шопен, Н. В. Гоголь, Р. Вагнер, И. С. Тургенев и др.). Расцвет Мариенбада начался в 1897 г., после его посещения английским королем Эдуардом VII, который впоследствии побывал там на лечении девять раз. За это время были возведены новые фешенебельные гостиницы и лечебницы, территория благоустроена и украшена декоративными парковыми растениями. С 1904 г. курорт не раз становился местом встреч монархов и дипломатов.

№ 14, 16 июля 1931 г. [л. 20, 21]

16/VII

Дорогой, добрый друг мой, каждый день телефонировал Вам и разговаривал с Вашей секретаршей, но она очень скупа на слова, и я мало что узнавал от нее. Сегодня утром позвонил Katz¹ — наш, Ваш, его — Katz и сообщил мне о Вас более подробные сведения. Очень обрадовался я известию о том, что к воскресенью уже будете дома.

Звонок... Принесли Ваше письмо. Читаю и думаю: да он меньше о себе заботится, чем я. Ну, слава Богу, все в порядке, теперь Вы будете здоровы, а ведь это — ну, как просто — самый, самый стержень жизни.

Разумеется, буду у Вас в пятницу между 4–6 и как рад буду пожать Вашу руку!

Ваш рассказ уже прошел «второе чтение» — т. е. поправку моего перевода (чернового) с учителем, и сейчас у моей переписчицы, которая заодно зорко следит за малейшей неправильностью. Так что за качество я спокоен: никакой контрабанды.

Писал ли я Вам, что деньги (200 RM в конверте) получил? Спасибо, родной мой, большое. Знаю, что не любите, когда Вас благодарят. Ну, буду молчать.

Дочка уехала в Marienbad не худеть, а просто развлекаться, но пишет сейчас, что скучает, нет знакомых. Мне обидно за нее. Я буду в Marienbade через неделю с женою, которая должна срочно лечиться: набавить в весе.

Работал много. Vergner прелестна. Она потянулась ко мне и так чудесно поцеловала меня в губы — за мою дружбу к ней, значит, были Вы правы!

Ваш всегда

Осип Дымов

¹ Katz — возможно, что это В. З. К., который упоминался в письмах № 1, 4 и др.

№ 15, 27 июля 1931 г. [л. 22, 23]

27/VII

Дорогой Александр Павлович,

Мне хочется повторить Вам письменно то, о чем я говорил Вам — быть может, сбивчиво — по телефону.

Герой Вашей повести = рассказа — Пономаренко, а не Вайсберг. Он (Поном[аренко]) у Вас выскочил помимо Вашего хотения и узды Вашей: он ярк, выпукл, он живет, он дышит — слышишь его — не совсем ароматное дыхание. Его я вижу и ощущаю — как будто встречал его — не то в Нью-Йорке, среди русских эмигрантов-землеробов, не то где-то еще. Очень хорош он у Вас получился — согласен или не согласен ли читатель с его «вздыбленной» речью — это уж другой вопрос, вне моей критики лежащий.

Вайсбергу — хоть Вы его любите (а может, именно поэтому) Вы уделили меньше внимания. Одели в костюм, уже бывший на плечах хотя бы Вашего же Шамеса из «Кпоск-out»². Но сопоставление этих двух столь различных фигур хорошо, жизненно задумано, выполнено и будит мысль читателя. Поэтому-то интересно и нужно каждое произведение искусства: если в нем две фигуры, то столкновение и взаимоотношение дает «третье», новый ингредиент. Значит, из «двух» искусство делает «три». Здесь уже начало тайны творчества.

...Думаю, что Вам больше лежат повести в размер большого или среднего типа, а не маленькие рассказы. Еще — хотелось бы отметить [фрагмент вырезан], что вкралось в Ваш рассказ (и не могло не вкратиться).

Как-то Вы смотрите на явление двойко: то издалека (что хорошо и ценно), то через секунду близко (сказал бы: близоруко). Это, быть может, результат той небрежности к самому себе, о которой мы с Вами уже говорили.

Желаю Вам добрых мыслей, крепкого здоровья.

Ваш дружески

[подпись на вырезанном фрагменте]

¹ Пономаренко, Вайсберг — персонажи рассказа Бурова «Пономаренков путь», о котором идет речь в письмах №3 и 5.

² Шамес из «Кнок-out» — персонаж рассказа Бурова «Кнок-эут» (так персонаж рассказа выговаривал слово «нокаут»), включенного в сборник: Буров А. Под небом Германии. Берлин, 1930.

№ 16, 10 августа 1931 г. [л. 24]

[Почтовый бланк гостиницы, типографская печать]:

[слева сверху]:

HOTEL VIER JAHRESZEITEN [подчеркнуто Дымовым]

VORNEHMES FAMILIENHOTEL

Lift — Zentralheizung — Fliessendes Wasser

[Справа сверху]:

BAD KISSINGEN², den 10 августа 1931

Bismarckstrasse 1-3

Мой дорогой Александр Павлович,

Уж второй день живу здесь, здесь очень хорошо. Нашел жену поправившейся, похорошевшей. Лечение пошло ей на пользу: прибавила в весе.

Пока ничего не делаю. Я слишком работал все это время. Но понемногу готовлюсь к дальнейшим трудам: роман, большой, длинный — листов в 12-15.

Контракт с Ullstein'ом³ заключен и весьма хороший: получил по 500 RM за печатный лист. А ежели выйдет повесть книгой — то и еще. Очень хорошо отнеслись ко мне.

Сильно задумываюсь о том, чтобы — хотя бы на 3-4 месяца — переселиться в Париж. Уже написал туда своим друзьям. Но до отъезда буду еще в Berlin'e — верно, через неделю-полторы. Повидаемся, поговорим.

А вот важно Вам знать: известие о Levinsonie-Levine⁴ оказалось чепухой: я говорил до отъезда с его братом и с сестрой жены Levinson'a: вздор, все в порядке. Откуда это мой Josef Melnik⁵ изобрел?

Пишите мне, прошу, сюда: Vier Jahreszeiten, Bad Kissingen.

Как называется повесть? (Poral)

Как настроение, дела, надежды?

Ваш сердечнейше
Осип Дымов

[Сбоку]: За Вашу ласку, добро и внимание еще и еще раз большое человеческое спасибо!

¹ Текст на бланке почтовой бумаги — гостиница «Фир яресцайтен» («Четыре времени года»), фешенебельная семейная гостиница — лифт, центральное отопление, водопровод. [Далее зачеркнуто]: Санаторий «Парк-вилла», холодная и горячая вода, центральное отопление, апартаменты с личным бассейном. Телефонный адрес: Jahreszeiten — Fernruf 2275 (нем.).

² Бад-Киссинген (Bad Kissingen) — один из самых известных бальнеологических курортов Баварии. В XIX в. сюда приезжали лечиться на водах коронованные особы и выдающиеся люди искусства: Елизавета Австрийская, Александр II, Людвиг II Баварский, Лев Толстой, Адольф Менцель. В Бад-Киссингене регулярно отдыхал Бисмарк (его бывший дом теперь музей), а в 1874 г. он здесь чудом избежал покушения. Импозантные постройки в стиле модерн утопают в зелени цветущих садов и парков. Гостиница-пансион «Четыре времени года» (Hotel-Pension Vier Jahreszeiten) существует до сих пор по адресу Altenbergweg, 6.

³ Ульштейн (Ullstein) — один из самых крупных издательских концернов в Германии конца XIX — нач. XX в. (основан Леопольдом Ульштейном в 1877 г.), издававший огромным тиражом популярные газеты (в частности, *Berliner Zeitung*). С 1903 г. выпускал также различные книги и многотомные иллюстрированные издания, а с 1919 г. — эксклюзивные издания под маркой «Propyläen Verlag». С 1920-х гг. Ульштейн стремился заключать длительные контракты с популярными писателями. По сообщению Архива издательства Ульштейн (Ullstein-Buchverlage) Г. Кратцу от 10.08.11, контракт с Дымовым в фондах архива не сохранился.

⁴ Левинсон-Левин Леон Осипович (1878–1933) — петербургский промышленник, директор-распорядитель правления Акционерного общества механических и жестяных заводов, занимал и другие должности (например, в Северном товариществе торговли металлами), муж сестры А. Руманова. Возможно, что его фамилия произносилась (по крайней мере, в родственном кругу) как Левинсон-Левинё. Дымов упоминает его в письме № 27 (где пишет фамилию как Левинсон-Левинэ) и в письме № 49, где выясняется истинная причина его смерти.

⁵ Josef Melnik (Осип (Иосиф) Соломонович Мельник, 1880?–1931) — журналист; в конце 1910 г. сотрудник ряда немецких газет и изданий. Родился в Белостоке в 1880 г. — эти сведения приведены в статье: *Азадовский К., Лавров А.* К истории издания *Аполлона*: неосуществленный «немецкий выпуск» // *Россия. Запад. Восток: встречные течения. К 100-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева.* СПб., 1996. С. 216. В некрологе О. Мельника (см. примеч. 2 к письму № 19) сообщается, что он умер в возрасте 48 лет.

[На той же почтовой бумаге, что № 16]

13 авг[уста]

Дорогой друг Александр,

Поздравляю с окончанием повести. Если все так искренно и душевно, как та, что я читал, то — все искренно и душевно. И Вы, и читатели, и критики должны быть довольны. Очень хотелось бы познакомиться ближе и прочесть все целиком.

Здесь дождь, некая скука, но о — т — д — ы — х. Отдых нервам. Читаю Розанова о Достоевском и восхищаюсь обоими.

Насчет Парижа еще окончательно не решил. Возможно, что отложу поездку на месяц-два. Из-за — ну, понятно: валюты. Да и не только из-за этого: я должен засесть за большой труд. А Париж — это не то — не «трудное место». Кроме того, полагаю, что Berlin успокоился — на полгода, во всяком случае.

Эту неделю почти ничего не делал. Беру какие-то ванны и пью утром воду. Теряю в весе и чувствую себя хорошо — даже отлично.

Augusta Adler — это секретарша Reinhardt'a. Она сестра Jacob Adler¹, который стрелял в Вене в — — в кого это из «лиц» он стрелял накануне войны? Известный с[оциал]-д[емократ].

Жму крепко Вашу руку. Жду добрых и бодрых вестей от Вас.
Ваш сердечно

Осип.

[Сбоку]: Жена просит приветствовать Вас. Охотно!

¹ Дымов, по всей видимости, запутался в многочисленных носителях фамилии Адлер.

Якоб Адлер (Jacob Adler, 1855–1926) — выдающийся артист еврейско-американского театра. Что касается упомянутого громкого политического убийства, то, судя по всему, имеется в виду убийство председателя Совета министров Австрии графа Карла фон Штюрка (Karl von Stürgkh, 1859–1916), застреленного 21 октября 1916 г. в одном из венских ресторанов. Убийцей был Фридрих Адлер (Friedrich Adler, 1879–1960) — сын основоположника австрийской социал-демократической партии и издателя ее главного органа *Arbeiter Zeitung* Виктора Адлера (Victor Adler, 1852–1918).

Августа Адлер (Augusta (Gusti) Adler, ум. после 1980) — двоюродная сестра Фридриха Адлера, опубликовала мемуары о своей работе у М. Рейнхардта: *Adler G. Aber vergessen Sie nicht die chinesischen Nachtigallen. Erinnerungen an Max Reinhardt. München: Langen-Müller, 1980.*

[Рукой Бурова красным карандашом поверх текста]: *по делу повести*
«Была земля»

Bad Kissingen, Vier Jahreszeiten
17/VIII

Дорогой друг Александр,

У Вас двойственное отношение к читателю: с одной стороны, Вы доверяете ему самые сокровенные и обжигающие душу мысли. Вы знаете твердо, что он поверит Вам, поймет Вас. С другой — Вы стараетесь ему разъяснить, втолковать, прямо сказать, вбить в мозг эти самые мысли. Чем проявляется второе? А тем, что Вы — боясь, что он не поймет — даете ему эти мысли больше через разъяснение, чем через непосредственную образность. Откуда такое недоверие к читателю, да еще русскому, зарубежному, прошедшему Достоевского и Толстого? Это неправильно по отношению к нему. Это и не нужно. Почему Вы также не доверяете Вашим героям? Почему Вы, автор, то и дело говорите за них, за своих героев, и обращаетесь помимо них, через их голову, к читателю? Отсюда — из-за этого приема и получаются два стиля в повести: один — стиль и тон и темы романа-повествования, и другой — критического разъяснительного разбора произведения «Была земля».

Быть может, таково и было Ваше намерение? Возможно, что сейчас иной подход к роману, чем тот, к какому мы привыкли? Все же упрекну Вас в пренебрежении к быту — к тому самому, земному, повседневному, маленькому и мелкому, который Вам удался и удается всюду. Вы рисуете картину — скажем, встречу трех поколений у Горбуна и уж сделали фон, в подробностях (а «подробность — это талант» — сказал Oscar Wilde), в мелочах и вдруг все бросаете, не даете картине, и сцене, и драме медленно расти, развиваться из себя; быстро сами входите в комнату — (а ведь автор, извините, и не приглашен), не даете героям разговориться, не дожидаетесь, пока три поколения (шутка ли: три!) высказались, поняли или — (конечно!) не поняли друг друга, говорите за них или в лучшем случае даете им свои думы; — не ждете, пока старик уйдет (как уйдет? когда? — ведь это важно). И уж бросили быт и подробности — Вами же учуянные — и вот уж: висит Горбун на перекладине. Это опять-таки Вы, автор, его повесили, а не он сам повесился. Дайте же ему срок и время, и земное, земное окружение — все эти (Ваши же!) подробности, и он, конечно, повесится сам, без авторской помощи.

Это серьезный упрек мой Вам, дорогой автор. Но основную мысль произведения пора было высказать. Давно пора. Она правильна, хотя

и жестока. «Не считаются с тысячелетними устоями», — это очень хорошо. Это правда. Были «кающиеся аваряне», но не было «кающихся профессоров». Может, и были, — да про себя, в молчании, в одиночку. [Весь абзац отчеркнут Буровым красным карандашом]

Ну вот. А теперь — в добрый час! — в печать!

...У нас дождь, дождь без конца. Учусь от нечего делать французскому, читаю Мопассана в оригинале и нахожу, что он «устарел» и в темах, и в своих приемах. Беру ванны, которые бодрят, слушаю музыку, которая усыпляет.

Крепко жму Вашу руку, дорогой друг, и желаю Вам от души успеха.
Ваш искренне

[подпись] Осип Д.

Р. С. Читали ли Вы мой роман «Бегущие креста» («Томление духа»)¹?
Д.

¹ «Бегущие креста» — роман Дымова, был издан в Берлине в 1911 г. под названием «Бегущие креста (Великий человек)»; в следующем, 1912 г. был издан в Петербурге в альманахе «Шиповник», кн. 17 — под названием «Томление духа». По-немецки роман вышел в переводе А. Лютера: *Dyrow O. Haschen nach dem Wind*. Leipzig, 1919.

№ 19, 21 августа 1931 [л. 29]

[На той же почтовой бумаге, что № 16 и 17]

21 авг[уста] 1931

Дорогой мой друг Александр, я рад, если мои дружеские советы могли Вам помочь! Я знаю по себе: как я благодарен своим критикам — ежели указывают мне: «гляди сюда, пятно!» — до выхода произведения в свет! Почти в той же мере внутренне рад, как не рад и смущен, когда мне на те же промахи указывают уже после опубликования вещи. Напрасно Вы полагаете, что я не оценил Боровской баронессы или эмиграции, [выезжавшей] «пачками, трюмами», или неожиданного выпада профессора [фраза подчеркнута Буровым красным карандашом]. Именно потому, что все это видел, понял, ценил — я и писал: почему не все остальное в том же стиле? Зачем двойственность? Почему уходите от своих же — Вами учуянных подробностей. Ведь косвенно — тем, что говорил: не уходите — я оценил и принял то, где Вы не уходите. Нет, это вовсе не называется «обходить молчанием», как Вы меня в том — и, право, неосновательно, упрекаете. Насчет наклейщика афиш маленькое замечание: слишком близко два горбуна сопоставлены, по месту близко.

Помню, я однажды высказался (устно) критически о новой драме Л. Андреева «Профессор Сторицын»¹. Она мне не нравилась, он читал ее нам. На другой же день я получил от него длинное письмо, упрекающее меня в двойственности. Точно я взял подряд все хвалить Андреевское. И напрасно он не внял моим словам: он услышал то же самое после постановки пьесы в рецензиях. И пьеса канула в Лету — по заслугам, я полагаю.

Работаю. Слышу, как идет дождь. Опять работаю. Купаюсь (особые ванны), пью [нрзб]. И жду Ваших писем. Жизнь здесь однотонна, но все же думаю, даст отдых. А он ведь нужен перед тяжелой зимой, нам, кажет-ся, предстоящей.

...Сейчас прочел в газете о смерти Josef Melnik'a². Я его знал несколько десятков лет, хотя и не дружил. Журналист немецкий. Друг Witte³ и Bang'a⁴. Из Белостока.

Обнимаю Вас крепко.

Ваш всегда Осип.

[Сбоку, на полях, рукой Бурова]: Думаю, что немецкая печать долж-на заинтересоваться перестановкой вех среди вождей русской эмигра-ции. [Карандашом, рукой Бурова]: (это касается перевода моей повести «Была земля» на немецкий язык).

¹ «Профессор Сторицын» — пьеса Л. Андреева (1912 г.). Из отзывов критики можно привести характерное высказывание Ю. Айхенвальда: «...вся пьеса целиком изборождена фальшью, когда, кроме двух-трех приемлемых и живых ре-плик, здесь все раздражает шумихой деланности и когда с головы до ног сочинена главная фигура...» (Силуэты русских писателей. Вып. 3. 2-е изд. М., 1910–1913).

² 21 августа 1931 г. в газете *Фоссисше Цайтунг* появилась заметка о том, что прошлой ночью в возрасте 48 лет умер «Publizist Josef Melnik, ein Russe, der seit einem Vierteljahrhundert geistig in Deutschland eingebuergert war» (журналист Иосиф Мельник, русский, четверть века назад ставший по духу гражданином Гер-мании). Далее упоминается, что он перевел на немецкий мемуары С. Ю. Витте (*Vossische Zeitung*, 21 August 1931, Nr. 393). В немецких каталогах не фигуриру-ют мемуары Витте в переводе Мельника, он упоминается только как переводчик «Конспекта лекции о народном и государственном хозяйстве» Витте, прочитан-ной 5 августа 1911 г. (перевод вышел в 1913 г.).

³ Витте Сергей Юльевич (1849–1915) — государственный деятель, министр финансов России (1892–1903), председатель Комитета министров, председатель Совета министров Российской империи (1905–1906). По его инициативе был составлен Манифест 17 октября, даровавший основные гражданские свободы и введший институт народного представительства — Государственную думу.

⁴ Герман Банг (Hermann Bang, 1857–1912) — датский писатель, театральный критик. Пробовал свои силы как театральный актер, режиссер, выступал с чте-

нием собственных произведений (в т. ч. в 1911 г. — в России). В 1907–1909 гг. был дружен с Дымовым, который встречал его в Петербурге и помогал в делах (*Азадовский К., Лавров А. К истории... С. 208*). Внезапно скончался во время путешествия в Америку.

№ 20, 26 августа 1931 г. [л. 31, 32]

[Рукой Бурова, красным карандашом]: NB

Vier Jahreszeiten, Kissingen 26.08.

Дорогой мой милый друг.

Радуюсь за Вас, что Вам удалось исправить рукопись. Радуюсь за Ваше юношеское горение. — «Снега перед солнцем литературы» — ведь таков писатель. Каждый. И как горестно и удивленно был[о] услышать мне в Америке от Юшкевича¹ (он посетил меня в Америке за год до смерти): «Как? Вы еще интересуетесь художественностью произведения?! Как вы еще молоды!» Обреченный, сидел передо мною, которому было уж все равно. Но тогда я не понял этого... Пока мы горим, пока мы сжигаем себя — мы живем.

Третьего дня на прогулке неожиданная встреча: редактор В[erliner] Z[eitung] Norbert Falk²! Мы провели очаровательные три дня вместе. Кстати, и Леонидов здесь.

Моя жена уезжает в Wiesbaden, а я остаюсь. Здесь так уютно и хорошо работается. А работать нужно много и интенсивно. Чего же мне зря мотаться? Потом, может быть.

В München'e пойдет мой ске[т]ч с Willi Schaeffers³, знаменитым комиком. Эта вещичка шла уже в Kabarett der Komiker⁴ с ним же и с Paul Morgan'em⁵.

Эту статейку С. Горного⁶ я уже читал прежде. Боже мой, как он цацкается со своими вещами! Можно подумать, что ему 14 лет, и он впервые напечатал в «Губернских Ведомостях» отзыв о трагике Громо-Дыханском.

«Лампы», впрочем, его мне понравились.

Читали ли Вы в «Voss» мои воспоминания⁷ об опере и балете?

А во Франции, видимо, договариваются. [На полях рукой Бурова]:
о кредитах?

Всего, всего доброго.

Пишите мне, дорогой друг.

Ваш всегда
Осип.

¹ Юшкевич Семён Соломонович (1868–1927) — прозаик, драматург, классик русско-еврейской литературы; дебютировал в 1897 г.; повести и рассказы постоянно публиковались в сборниках товарищества «Знание», печатался также во многих популярных журналах. В МХТ была поставлена его пьеса «Miserege» (1910, реж. В. Мейерхольд). Всероссийскую известность Юшкевичу принесла повесть «Распад» (опубликована в 1902 г.), в ней и в иных произведениях писатель впервые широко ввел в литературу тему разрушения и распада традиционной еврейской семьи, жизни и мировоззрения. После эмиграции в 1920 г. жил в Румынии, затем во Франции, в 1921 г. уехал в США, где сотрудничал с газетой *Дер Тог* и журналом *Ди цукунфт*, издавал книги в переводе на идиш. В еврейских театрах Нью-Йорка ставились пьесы Юшкевича (в переводе на идиш). В 1924 г. он вернулся в Париж, в 1926 г. посетил США.

² Norbert Falk (1872–1932) — австрийский журналист и писатель, известный киносценарист в эпоху Веймарской республики.

³ Willi Schaeffers (Вилли Шефферс) (1884–1962) — известный немецкий артист и руководитель кабаре, популярный конферансье. Начал свою карьеру в 1909 г. в Берлине, затем выступал в Гамбурге и Мюнхене. Во время Первой мировой войны был призван в армию. После войны снова выступал в берлинской оперетте и кабаре. В конце 1930-х — конферансье в «Kabarett der Komiker», с 1938 по 1944 г. — его директор. С 1913 по 1938 г. часто исполнял эпизодические, но заметные роли в различных фильмах, вернулся в кино в 1949–1957 гг.

⁴ Kabarett der Komiker — популярное берлинское кабаре в 1924–1944 гг., часто использовалось его краткое название-аббревиатура «KadeKo». Руководителем кабаре вначале был Ганс Шиндлер (Schindler), затем Вилли Шефферс.

⁵ Paul Morgan (1886–1938) — один из самых выдающихся артистов Веймарской республики. Родился в Вене, в Берлине поселился в 1917 г. В 1919–1933 гг. снялся в более чем 50 фильмах. В 1924 г. вместе с Куртом Робичеком (Kurt Robitschek) и Максом Хансеном (Max Hansen) основал KadeKo, в программе которого (1930) был скетч Дымова «Der Sprung ins Ungewisse» («Прыжок в неизвестность»), исполнявшийся им вместе с Вилли Шефферсом. Выехав из Германии в 1932 г., пытался выступать в Швейцарии, затем поселился в Вене, где был арестован в марте 1938 г. Погиб в Бухенвальде.

⁶ Сергей Горный (псевд.) — Оцуп Александр Авдевич (1882–1948) — поэт и прозаик; с 1906 г. печатался в периодике, сотрудничал с журналом *Сатирикон*. После окончания института стал директором Днепровского гвоздильного завода в Екатеринославе, занимаясь литературой лишь на досуге. В 1912–1917 гг. в Петербурге были изданы четыре его юмористические книги. В 1918 г. переехал в Киев, с приходом петлюровцев бежал в Одессу. В 1919 г. служил в армии Деникина, был ранен, побывал в плену у Махно. С помощью англичан в 1920 г. эвакуировался из Новороссийска на Кипр, через полтора года перебрался в Берлин, где уже обосновались мать и братья, позже к нему приехали жена с дочерью; работал инженером, занимался переводами, публиковал книги на русском и немецком языках, писал стихи, киносценарии и статьи для немецкой, французской, латышской и испанской периодики. После Второй мировой войны Горный работал переводчиком в британской зоне оккупации, одно время жил у дочери Людмилы

в Швейцарии. Умер в Мадриде, куда приехал к брату Сергею (в комментарии использованы данные К. Финкельштейна).

⁷ «Voss» — имеется в виду употребляемое в разговорном языке сокращенное название журнала *Vossische Zeitung*, где в 1931 г. (6 и 26 августа) были опубликованы в переводе с русского языка «Воспоминания» Осипа Дымова. В них он писал о русском драматическом театре, а также об опере и балете как о «лебединой песне царской России».

№ 21, 1 сентября 1931 г. [л. 30]

[На той же почтовой бумаге, что № 16, 17 и 19]

1 сен[тября] 1931

Дорогой мой друг Александр,

Давно от Вас не было весточки. Где Вы? Как Вы? Все ли у Вас благополучно?

Сейчас я один в Kissingen'e, жена уехала третьего дня в Wiesbaden. А я решил остаться здесь и хорошо поработать. Здесь такой комфорт и дешевизна. Хозяева отеля узнали, кто я, и чрезвычайно внимательны ко мне. Жизнь мне обходится здесь дешевле, чем в Berlin'e.

Norbert Falk, редактор «В. Z.», вместо двух дней пробыл здесь шесть, и мы очень сошлись с ним, не расставаясь почти. Милейший человек. Вчера уехал отсюда Леонидов¹ (импресарио) с женою, б. танцовщицей Ю. Бекеффи. Он снабжал меня ежедневно русск[ими] газетами «Руль», «Послед[ние] Нов[ости]», «Сегодня», «Сатирикон»². Когда я садился работать, то уносил «Сатирикон» вон из комнаты — буквально.

Пробуду здесь еще дней 10, а то и больше: Вы правы — торопиться некуда.

Что Ваш новый рассказ, о котором Вы вскользь писали мне?

Жду Ваших писем. Они всегда сердечны и теплы — хотя увыл — иногда пишете Вы (приходится) о холоде.

Крепко жму Вашу руку

Ваш искренно
Осип

¹ Леонидов Леонид Давидович (1885–1983) — театральный антрепренер, с 1920-х гг. жил в Германии, после войны — во Франции.

² Дымов называет самые популярные газеты русского зарубежья — парижские *Последние новости* (1920–1940), берлинский *Руль* (1920–1931), рижскую *Сегодня* (1919–1940), а также иллюстрированный еженедельный сатирический журнал *Сатирикон*, выходивший в Париже с 4 апреля до 1 октября 1931 г. Издатель М. Корнфельд собрал в редакции многих сотрудников — бывших петербургских «сатириконцев» (Дон Аминадо, Ю. Анненков, В. Горянский, В. Азов и др.).

Pension Dörnberg
Dörnbergstr. 7
Berlin W. 10
13/XII

Дорогой милый друг,

Работаю — ну да, как обычно, как то и полагается. Планы, надежды, множество замыслов, а в сутках только 24 часа — и на моих плечах — в дважды больше. Вот тут и вертись!

Насчет Вашей книги:

Поставил себе задачей непременно к Вашему приезду, т. е. к 17-му (так ведь?) закончить. Вот я (с моим учителем = секретарем) и работаем. И здорово. Оказывается, — и это для меня неприятная сторона, что мой, мною же хваленый Dr. Voehte — очень плохой переводчик. Путает, не знает русского языка, искажает, не соображает. Его перевод «Ротшильд, Ме[н]дель и Ш[неерсон]»¹ надо почти в каждой строчке поправлять, переделывать. Закончу в четыре дня.

Сейчас у меня уже совершенно готовы и отделаны:

- 1) «Русские орхидеи» (и заново переписано на машинке);
- 2) «Макс Рейнгардт» (всего две-три незначит[ельных] правки;
- 3) «Торговец воздухом», переведено, отделано, переписано;
- 4) «Размышления у чужого камина» (кончаю отделкой, послезавтра готово, как яблочко);
- 5) «Солнце на крови». Сдано Вам (правильнее: взято профессором Алекс., дай Бог ему здоровья).

Значит, осталось еще:

- 6) «Кнок-эут» и
- 7) Закончил «Ротшильд, М[ендель] и Ш[неерсон]»¹.

Могу без хвастовства сказать, что останетесь работой, отделкой, перепиской довольны.

Буду рад, ежели напишете о себе, о делах, о планах. Кубе² с Вами? Что с «Panteon»³ ом? Чем больше думаю на эту тему, тем больше убеждаюсь, что это дело — и интересное.

Виделся с В. З. К., поговорил и убедился, что не сладко ему живется. Крутится, вьется человек, вьюном извивается.

Думаю, к среде перебраться из пенсионера в уютные 2–3 комнаты. Kaiserin Augustastr. 53 b./v. Scholler [?]⁴. Т.: Berlin 5560.

Жены сейчас дома нет: уверен, что она захочет передать Вам привет — и делаю это.

Крепко, крепко

жму Вашу руку
Осип.

[Сбоку]: Был на днях у Reinhardt'a, когда он в час ночи чествовал «Comedie Française».

¹ «Ротшильд, Мендель и Шнеерсон» — рассказ А. Букова, входивший как в русскоязычный сборник «Под небом Германии», так и в немецкий сборник с идентичным названием («Unter deutschem Himmel»).

² Кубе — не установленное лицо.

³ «Пантеон» — петербургское издательство (1907–1912), основанное З. Гржебиным. С его немецким отделом сотрудничал и Дымов. Возможно, что обсуждались планы создания эмигрантского аналога.

⁴ Scholler [?] — в адресной книге Берлина эта фамилия по указанному адресу не зарегистрирована ни в 1931, ни в 1932 гг. Учитывая небрежность почерка Дымова в написании отдельных букв, можно предположить, что фамилия владельца сдававшихся комнат читалась как-то иначе.

№ 23, 25 декабря [1931] [л. 37, 38]

Königin Augustastr. 53
b./v. Scholler
T.: Barbarossa 5560
25/XII

Дорогой мой, добрый друг, Ваш последний визит ко мне перед отъездом оставил во мне — должен сказать — впечатление горечи — за Вас. Конечно, спешка, приготовления к отъезду, хлопоты. Но все же помимо этого что-то горькое, терпкое было у Вас — глубже, чем предотъездные хлопоты. Огорчился за Вас, задумался. Боюсь быть навязчивым, но все же решаюсь высказать это совсем, совсем дружески -----

----- Кроме того — и литературно. Потому что рассказ Ваш «Великоветская свадьба» ведь не носит в себе этой затаенной горечи. И это приятно и хорошо отметить. Рассказ написан почти накануне Вашего отъезда и продиктован другим настроением, чем тем, в каком Вы уехали. И чем тем, в каком находились — внутренне — когда писали горького Шнеерсона, скорбную Орхидею, злобного Пономаренко, мыкающегося Севрюгина. В последнем Вашем рассказе что-то новое: бодрое, оптимистическое, юмористически-беззаботное. Ибо в самом деле: не такая уж это трагедия для Воробейчика, ежели жених дорогой дочери оказался

евреем. С такой драмой он быстро справится. Не то что его «кузены» (литературные) — Шнеерсон, Кубрик, Вейсберг.

Рождество провожу совсем тихо, работаю, пишу комедию «Mutter Complex». Проводил дочку в Ригу, она отдохнет там, у нее друзья. Быть может, кое-что и найдет в смысле заработка.

Буду очень рад посидеть с Вами, поболтать — не в такой спешке, как последние разы. Книгу всю сдам Вам быстро.

Крепко обнимаю Вас

Ваш искренно — Осип.

1932

№ 24, 12 октября [1932] [л. 33]

Dr. Oss[ip] Dymow, Pariserstr. 62

T: Oliva 420

12.10.

Дорогой мой милый друг Доля,

Ушел от Вас, стало тоскливо и светло — одновременно. Думаю и хочу верить, что так и будет: через год под Парижем в собственном углу с курами и коровой и литературой. А при сем для порядка: обнимаю.

Осип

[В углу рукой Бурова]: *Заметка моя: через шесть дней уезжает мой друг на 1–2 года в Америку, а затем вновь вместе!*

№ 25, 19 октября 1932 г. [л. 34]

[Видовая открытка с подписью]: Hamburg, Uhlenhorster Fährhaus¹

[На лицевой стороне открытки рукой Дымова]:

Редактор «Hamburger Fremdenblatt»² устроил мне маленькую встречу. Было очень мило — и импровизированно.

Hamburg 19.10

[Почтовый штамп]: 20.10.1932.

[Обратная сторона открытки]:

<p>Hamburg 19.10, Дорогой милый, и опять милый Доля! Всего, всего Вам доброго! Спасибо за Вашу дружбу и ласку. Да пошлет Вам судьба, всего, всего добро- го — Вам и Вашей дочери. Осип Дымов.</p> <p>Тысячу лучших пожеланий — Вам А. Дымова</p>	<p>Herr Doct. Alexander Bourdt «Kaiserhof» Berlin, Mauerstr.</p>
--	--

[В углу открытки рукой Бурова]: *Прощальное из Гамбурга за час до от-
хода парохода!*

¹ Hamburg, Uhlenhorster Fahrhaus — Гамбург, причал Уленхорст (нем.).

² «Hamburger Fremdenblatt» — одна из самых крупных и влиятельных газет
в Германии конца XIX — первой половины XX в., издавалась с 1863 по 1944 г.

США

1933

№ 26¹, 25 марта 1933 г. [39]

Dr. Ossip Dymow, 116 W. 91th street, New York

[Рукой Бурова в правом верхнем углу]: от Дымова от 25 марта 1933.
25/III

Мой дорогой милый друг, мой Доля. Простите то, что молчал столько
времени. Все хотелось сообщить Вам кое-что и о деле Westinghouse², на
котором Вы «поставили крест». Напрасно, полагаю. Сегодня, наконец,
свиделся с Donald C Strachan, тот самый, к которому писал гр. Eckelman
и который ему писал о деле. Он мне сообщил:

Полтора года тому назад подано в суд на фирму Westing[house]. Пра-
восудие — его машина — действует медленно. Надо ждать еще два года,
пока дойдет очередь до разбора этого дела. Но сейчас адвокаты придума-
ли способ ускорить дело. Две недели назад сделано motion³ (движение),
взят — через суд — «testimony»⁴ с фирмы. То есть: фирма призвана к от-
вету; она должна дать полуофициально — показания. Если судебная

инстанция уважит это «testimony», то, значит, дело на мази, и фирма предложит мириться, settlement⁵. Надо ждать 3–4 недели, и тогда мы кое-что узнаем.

Вот как, значит, обстоит дело сейчас. Пожалуйста, сообщите гр. Eckelman об этом с приветом от Strachan и от меня.

Не знаю, где это письмо найдет Вас. Думаю, что не в Берлине. Думаю, что Berlin надолго закрыт для меня⁶. Давайте уж встретимся в другом месте, напр[имер], в Нью-Йорке. Сейчас у меня сильная забота: привезти сюда мою дочь. Я достал место, работу, но нужно добыть денег для покупки билета. А это нелегко. Нью-Йорк обеднел до чрезвычайности. Наличных денег ни у кого нет. Право, не знаю, как уж это я ухитрился прожить здесь столько месяцев. А все же, говорят: дела поправятся, Америка скоро оправится, хочется верить этому. О социализме и пр. здесь никто не думает. Рузвельт спасет!

С осени у меня определенное и хорошее место: главный режиссер в «Second Ave Theatre»⁷. С еженедельным очень хорошим окладом и широкими полномочиями. Это меня очень радует и бодрит. Ведь я, право, хороший и — даже совсем — режиссер. Мне это Reinhardt часто говорил. Недавно я поставил ряд своих ске[т]чей и имел успех. Кое-что заработал. Сейчас готовлю ревю на Пасху. Очень хочется знать о Вас. Крепко, крепко обнимаю. Жена просит приветствовать Вас. Если в Berlin'e — протелефонируйте, прошу, моей дочери.

Ваш всегда и искренно
Осип.

¹ Фрагмент письма опубликован в: «Другой газеты сегодня в Германии быть не может...». Письма Владимира Деспотули к Александру Бурову / Публикация С. Шумихина // Диаспора: новые материалы. Т. 8. Париж; СПб., 2007. С. 326.

² Дело Westinghouse — Буров в течение нескольких лет пытался получить от электротехнической компании «Вестингауз Электрик» причитавшиеся ему, как он считал, комиссионные за экономическое посредничество, и Дымов по его просьбе помогал ему в этом. Дело, по-видимому, так и не пришло к положительному для Бурова исходу.

³ motion — движение (англ.).

⁴ testimony — свидетельское показание (англ.).

⁵ settlement — соглашение (англ.).

⁶ За месяц до этого письма, 27 февраля, нацистами был подожжен Рейхстаг. В результате выборов 5 марта 1933 г. НСДАП оказалась самой сильной фракцией, хотя и не смогла набрать большинства. После того как Гитлер был назначен рейхсканцлером, а рейхстаг одобрил закон «О чрезвычайных полномочиях» для сформированного НСДАП правительства, приход национал-социалистов к власти завершился.

⁷ Second Ave Theatre — Театр на 2-й Авеню Давида Кесслера (David Kessler) открылся 14 сентября 1911 г., был лучшим для своего времени еврейским театром в Нью-Йорке. Кесслеру удалось поднять театр на высокий художественный уровень: он сам подбирал пьесы для репертуара, приглашая к сотрудничеству талантливых авторов, привлекал лучших артистов, игравших на идиш, среди них были Морис Шварц, Берта Герштейн, Селия Адлер. В 1924 г., за два года до смерти, Томас Адлер выступил в спектакле по пьесе Я. Гордина «Чужой» («The Stranger»). В 1953 г. в театре прошло празднование 75-летия драматурга, в котором участвовали Молли Пикон, Яков Калих, Селия Адлер, Аарон Лебедев и др. В 1958 г. здание театра было снесено и на его месте устроена автостоянка.

№ 27, 10 мая 1933 г. [л. 40]

Dr. Ossip Dymow, 116 W. 91th str. New York
[Буров]: от Дымова
10 мая

Дорогой милый старый друг Доля.

Не сетуйте на меня, не думайте, что я забыл Вас или время, проведенное с Вами, или Ваши добрые заботы обо мне и о моей дочери. Это не так. Я не писал Вам, пока не узнал подробностей о Вашем деле с Westing[house]. И сейчас, получив Ваши поручения от дочери (она со мною здесь), я уже через несколько часов был в офисе у Curtis и разговаривал с главным директором. Увы! Ничего не вышло. Я уже несколько лет в контакте с этими людьми, сказал мне глав[ный] директор: «И жду этого заказа. Мои люди как раз сегодня встречают этих спецов (он назвал имена Б. и Б. и Пог[нерзб]ский) на польской границе (аэропланом). Так что не знаю, что, собственно, тут нового?» То есть, другими словами: зачем мне платить Вам? Либо я не нашелся что ответить, либо отвечать нечего. Я был с Анной Николаевной, и изложили мы дело согласно Вашим инструкциям, точно и деловито. Но похоже было на то, что двое влюбленных уже давно нашли друг друга и неожиданно появляется «шадхен» (сват) и заявляет «ему», что он сведет его с «ней» — и еще просит комисионных. Well, пришлите мне еще дела — если полагаете, что во мне все-таки есть кое-что деловое. Буду рад помочь.

Моя дочь со мною. Мы ищем для нее работу, не так-то это легко. Не легко также было мне привезти ее сюда. Мои дела тоже неважны — а близится лето — и это еще труднее. Но с осени я на жаловании в большом театре «Second Ave Theatre». Я — главный режиссер и директор. Заканчиваю новую пьесу и, думаю, удачно. Понемножку идем с Roosevelt'ом¹ наверх — поправляемся, как можем. Говорят: поправимся.

Что у Вас в Париже? Удалось ли Вам кое-что? Видаете ли Руманова? Правда ли, что умер его beau frère² Левинсон-Левинэ?

Когда же мы увидимся? Я менее пессимистичен и думаю — уверен — что увидимся мы ровно через год в Париже... Вот помяните мое слово. Пришлите мне, прошу, «Числа» с Вашим рассказом.

Жена и дочь Вам сердечно кланяются, а я обнимаю Вас крепко. Ваш всегда

Осип.

¹ Франклин Делано Рузвельт (Franklin Delano Roosevelt, 1882–1945) — 32-й президент США (1933–1945 гг.), провел реформы «Нового курса».

² beau frère — муж сестры (*фр.*).

№ 28¹, 15 июля [1933 г.] [л. 41]

Dr. Ossip Dymow, 116 West. 91th street, New York

15 июля

Мой дорогой милый друг. События идут усиленным темпом, прыгают галопом. Я не полагал, что Вы остались в Германии или что вернетесь туда, — а вот Вы просите писать туда. Ну, ладно, коли так.

Лето мы проводим сейчас в окрестностях Нью-Йорка в Manhattan Beach. Здесь чудесно, купаемся, наслаждаемся природой. Изочка вблизи меня, но отдельно. Ей повезло: она получила хорошую службу с хорошей оплатой и уж ей обещана прибавка. Должна рано вставать, работы вдоволь, но она счастлива. Она благодарит Вас за привет и ласку и просит непременно Вам воз[в]ратить тем же.

Спасибо за «Числа»² — до чего убого почти все и жалостливо. Хотел было написать в «Нов[ое] Р[усское] Слово»³ о Вашей интересной маленькой повести, но опередил Пильский⁴. Посылаю Вам вырезку, если до сих пор не получили.

Когда увидимся?.. О, уж об этом совсем трудно говорить. Мечтаю будущей весной быть в Европе — в Германии — ой ли? Но в Париже буду. А то и в Лондоне. Я писал Вам о том, что получил прекрасное место глав[ного] режиссера «Second Ave[nue] Theatre». Кроме того, работаю сейчас в большой газете «The Day»⁵. А самое главное то, что я...

...что я написал пьесу⁶ на тему о событиях, касающихся меньшинства в некоей стране, нам обоим знакомой по моему недавнему пребыванию там. Эта пьеса уже куплена для постановки на Broadway и, верно, пойдет в начале сентября. Возможно, что она пойдет и в Вене, и в Париже. Вы скоро об этом услышите подробнее. Играет глав[ную] роль извест-

ный актер Maurice Moscovitch⁷, прославившийся в Лондоне исполнением Шейлока в присутствии англ[ийского] короля. Он в восторге от пьесы.

Работы много, а надежд еще больше. Не сетуйте поэтому, что пишу немного на этот раз. Но буду рад-радешенек услышать от Вас как можно более и подробнее.

Крепко обнимаю Вас за себя и за Анну Никол[аевну].

Ваш всегда, неизменно Осип.

[Сбоку] Крымовым⁸ я напишу скоро.

¹ Письмо впервые опубликовано в: *Шумихин С.* «Чудак, дурак, "писатель" богатей...» (Александр Буров и его корреспонденты) // *Встречи с прошлым.* М., 2004. С. 589–590.

² Спасибо за «Числа»... — Буров субсидировал издание журнала *Числа* (начиная с кн. 5, 1931 г.) и регулярно печатал там свои произведения.

³ «Нов[ое] Р[усское] Слово» — старейшая русскоязычная газета в зарубежье; выходила в Нью-Йорке с 1910 по 2010 г. Первые десять лет издавалась под названием *Русское слово*. В настоящее время ее выпуск приостановлен.

⁴ Пильский Петр Моисеевич (1879–1941) — известный в дореволюционной России литературный и театральный критик, фельетонист, писатель; с 1920 г. в эмиграции, жил в Латвии и Эстонии, публиковался в русскоязычных газетах и журналах; автор воспоминаний.

⁵ «The Day» — вероятно, Дымов имеет в виду издававшуюся на идиш в Нью-Йорке газету *Der Tog*, с которой он, выучив идиш, начал сотрудничать в первые годы пребывания в США.

⁷ Видимо, речь идет о пьесе «Daytshland brent» («Germany Aflame»), которая была поставлена на идиш в театре Second Ave Theatre (см. *The New York Times*, October 28, 1933; March 11, 1934). Судя по газетным сообщениям, пьеса успехом не пользовалась и была снята с репертуара уже через неделю после премьеры.

⁸ Maurice Moscovitch (наст. Morris Maaskov; 1871–1940) — ветеран нью-йоркского еврейского театра, родился в Одессе. Под конец жизни его пухлое лицо хорошо знали кинозрители — начиная с 1936 г., он снялся в 14 фильмах. Артист умер вскоре после начала съемок фильма «Dance, Girl, Dance», после чего роль темпераментного танцевального маэстро была переписана для Марии Успенской.

⁹ Крымов Владимир Пименович (1878–1968) — писатель, журналист, управляющий «Товарищества нового времени» (с 1910), с февраля 1917 г. в эмиграции, с 1921 г. в Германии, издавал газету *Голос России*, с 1933 г. во Франции. Будучи в России весьма состоятельным человеком, Крымов потерял состояние в результате революции, но после подписания Раппальского договора в 1922 г. быстро сколотил большой капитал на посредничестве между большевиками и разоренной репарациями послевоенной Германией. Не исключено, что тайные контакты с большевиками он продолжал и во Франции. Издал несколько романов за свой счет, оплатив также их издание в переводе на английский.

Ossip Dymow, 1069 Madison ave. New York.

[На полях, рукой Бурова] *Интересное письмо касательно Гитлера — Бунина!*?

20 ноября

Дорогой мой друг, милый Доля.

Не ответил Вам сразу, потому что был в Филадельфии, а письмо здесь ждало меня в Нью-Йорке. Приехал сюда обратно уже после признания СССР¹ и чуть было не встретился с земляком — Литвиновым² (белосточанин ведь).

Как Вам сказать и что посоветовать. Право, не знаю, ведь я так мало смыслю в этих делах. Кажется мне все же, что если приедете в U.S.A., то дела могут быть.

Заказы — полагают и пишут — будут. Учет «их» векселей — 15% вместо прежних 30%. Ну вот... А жизнь, разумеется, сильно подешевела. В отеле можно нанять комнату за \$ 3.50 в сутки уже хорошую и в хорошем отеле. Прежние цены исчезли.

Нечего и говорить, что я лично был бы счастлив, ежели бы мог обнять Вас здесь! О многом поболтали бы — тем ведь достаточно дает жизнь... От Гитлера до короны Бунина³ — все есть предметы горячего обсуждения. Ежели случится увидеть Вам Бунина — искренний привет мой ему — хотя я и «на 15 лет старше его». Но обрадовался я за него крепко и глубоко.

Нет, не везет мне пока здесь. Мои планы рухнули, театр, в кот[ором] я работал, накануне краха. Жду, однако, что поправятся дела. Вот единственно утешительное: моя дочь служит, у нее недурное место, она самостоятельна и довольна. Жена здорова, учится английскому и скоро будет гражданкой U.S.A. Я третьего дня продал для английск[ого] театра свою пьесу «Die letzte Geliebte»⁴ (шла у Reinhardt'a в Berlin'e и в Wien'e). Может быть, тут повезет... Жизнь тяжелая в Америке — людям не до театра и не до искусства.

Заметку о Вас сдал в «Новое Русское Слово» сам, п[отому] ч[то] Камышникова⁵ там уже нет давно: он теперь фотограф, а не журналист, и фамилия его Nikoff — «камыш» исчез.

Рад за Вас, что Вы бодро работаете. Не сердитесь, что долго не писал: не до писем, когда надо сообщать плохое о себе.

Приедете — вот славно-то будет! Ждать Вас? Сообщите заранее.

Крепко жму Вашу руку.

Анна Ник[олаевна] сердечно приветствует Вас.

Ваш всегда

Осип.

¹ Уже после признания СССР... — официальное признание СССР США и установление дипломатических отношений между этими странами произошло 16 ноября 1933 г.

² Литвинов Максим Максимович (Валлах Меер-Генох Моисеевич, 1871–1951) — так же, как и Дымов, родился в Белостоке. Член РСДРП с 1898 г., занимался распространением газеты *Искра*, участвовал в организации издания первой легальной большевистской газеты *Новая жизнь* в Петербурге. Во время революции 1905–1907 гг. Литвинов занимался закупкой и поставкой в Россию оружия для революционных организаций. С 1907 г. в эмиграции. В Советском правительстве с первых лет его существования занимал ответственные дипломатические посты, с 1921 по 1930 г. замнаркома по иностранным делам РСФСР (с 1923 г. — СССР), в 1930–1939 гг. нарком по иностранным делам СССР.

³ Корона Бунина — в 1933 г. И. А. Бунину была присуждена Нобелевская премия в области литературы.

⁴ «Die letzte Geliebte» — комедия Дымова: *Dymow O. Die letzte Geliebte, Schauspiel in 7 Bildern / Deutsch von Erich Boehme. Berlin: J. Ladyschnikow, 1926. 91 S.* Русское название пьесы в библиотечных каталогах — «Последняя любовь». Пьеса была написана в 1926 г., тогда же поставлена на сцене театра Б. Томашевского в Нью-Йорке. После громкого успеха М. Рейнхардт поставил ее в своем театре «Камершпиль» (1929) в переводе на немецкий, после чего она обошла ряд сцен Германии.

⁵ Камышников Л. — постоянный автор *Нового русского слова*. Автор очерка «Осип Дымов. Дружеские воспоминания» (Новое русское слово. № 13079, 15 февраля 1948. С. 3).

№ 30, 29 ноября [1933 г.] [л. 43 — 46]

Dr. Ossip Dymow, 116 W 91th street, New York
29 Nov[ember]

Мой дорогой, мой милый сердечный друг, Доля!

Спасибо за письмо, за книгу, за то, что помогли моей бедной дочери — громадное глубокое спасибо. Она написала мне об этом сегодня в трогательнейших выражениях. Никогда не забуду Вашей доброты...

О деле Вашем: позвонил, куда надо, уехать изволили в Boston, через неделю-полторы вернутся, значит, тогда и повидаемся и тотчас же сообщу Вам, что и как. Думаю, что все будет all right¹. Я еще хочу думать, что Вам придется приехать сюда. То-то славно было бы. И жена моя часто об этом говорит. А третьего дня говорили о Вас у Изы Кремер². Знает Вас. Говорили и о Горном, и о Крымове — ну, совсем точно «на родине»... в Берлине, im Hitlerland³.

Говорил я с главным заведующим славянским отделом знаменитой Carnegie-library⁴ (библиотеки) 42 St. 5 Ave. Хочу ему дать в библиотеку Вашу «Была земля». Он очень заинтересовался, просил непременно дать. Вы мне пришлете другой экземпляр. Все же честно: библиотека мировая, знатная.

...Ну вот я и опять в New York'e. Большая перемена. Не то, что обеднел: миллионы у миллионеров имеются. Но средние классы едва держатся, а рабочий люд — обнищал. Сурово стало. Скоро ли справятся? Сначала я думал, что оздоровление придет в несколько месяцев — теперь этого не думаю. Слишком глубоко это. Четверть населения в круглых долгах. Ведь это все уплатить и наладить нужно.

Попал я, разумеется, первым делом, к «своим», т. е. к еврейству. Это здесь огромная сила — два миллиона — а то и больше. Через две недели мне устраивают парадный спектакль с Шаляпиным, Изой Кремер, Назимовой⁵, John Drinkwater'ом⁶ — знаменитым английск[им] поэтом, и другими светилами. А на прошлой неделе меня чествовала банкетом труппа художественного театра⁷, где договорились до того, что сравнили с Шекспиром. В три часа ночи это, впрочем, простительно. Театр, однако — английск[ий] и еврейский в упадке: из 70 театров едва функционируют 30, да и то шатко-валко. Продал для еврейской газеты свой роман, принят к печати в... «Berliner Tageblatt»⁸. Несколько сот долларов — но придется делиться с переводчиком. Ничего не поделаешь. А 8-го января в Pennsylvania Hotel мне устраивают gala-банкет, где объединяются все разнообразные течения. Будет несколько сот человек. Цель его: меня хотят поставить во главе нового нарождающегося народного театра. Но это еще в будущем. Пока же пытаюсь пробраться в Hollywood. Был бы весьма рад, если бы мне удалось...

Мои старые друзья встретили меня с теплотой и сердечностью. Буквально каждый день приглашения, и обеды, и ужины... Моя жена учится прилежно английскому языку и сделала поразительные успехи: разговаривает и все понимает. Но когда она сидит на банкете, даваемом ее мужу еврейскими актерами, то не может толком разобрать: ругают его или хвалят. Впрочем, на «L'chaim»⁹ откликается: Prohibition¹⁰ слабеет и скоро закончится.

Что Вы надумали с Kagansky'm¹¹? Он очень милый человек и во всех отношениях порядочный. Рад, если Вы с ним что-нибудь для Вас доброе придумаете.

Пишите мне, прошу Вас, о себе подробнее. Не думаю, чтобы я раньше [нрзб] очутился в Европе. Это не так легко будет.

Ожидается новая эра, признание большевиков, разрешение пива. Думаю, что это разрядит атмосферу.

Что Вы пишете? Что думаете делать? Как проводите время — когда не проводите его? Все хочу знать.

Крепко обнимаю Вас, добрый мой, милый, добрый друг, нежная душа — как сегодня назвала Вас жена. Она крепко кланяется Вам.

Ваш всегда, всегда Осип.

[Сбоку]: вчера был с женою в церкви, простоял всю двухчасовую службу!

¹ all right — все хорошо (*англ.*).

² Кремер Иза Яковлевна (Лия Креймер; 1887–1956) — эстрадная певица; училась в Милане, дебютировала в 1914 г. в Одессе; славу ей принесли выступления с «песенками настроения» (сочиненными ею или переведенными с французского, немецкого, итальянского) в петербургском «Луна-парке». После эмиграции в 1920 г. гастролировала во многих странах, умерла в Аргентине.

³ Im Hitlerland — в Гитлерландии (*нем., шутл.*).

⁴ Carnegie-library — Нью-Йоркская публичная библиотека, центр сети библиотек, основанных известным американским бизнесменом и филантропом Э. Карнеги. Кроме книжного, хранит огромный исследовательский фонд, в настоящее время является достопримечательностью Нью-Йорка. В прошлом славились своим славянским отделом (закрыт в 2008 г.).

⁵ Назимова Алла (Nazimova Alla, 1879–1945) — актриса театра и кино, продюсер. Училась в школе МХТ у К. Станиславского, играла в провинциальных театрах, в 1904 г. вместе с театром выехала на гастроли в Европу, в 1905 — в США, где и осталась. Играла на Бродвее, в 1916 г. дебютировала в кино. Пик ее кинокарьеры приходится на начало 1920-х гг., после провала фильма «Саломея» (1923) в кино снималась реже, но продолжала с большим успехом играть в театре.

⁶ John Drinkwater (1882–1937) — английский поэт и драматург. Приобрел известность в 1918 г. благодаря пьесе «Авраам Линкольн», продолжил эту линию творчества пьесами «Мария Стюарт» и «Оливер Кромвель». В 1923 г. издал сборник избранных стихов. Занимался также литературной критикой и составлял антологии.

⁷ Труппа художественного театра — Дымов был дружен со многими актерами и режиссерами МХТ; весной 1923 г., во время гастролей МХТ в Чикаго, он пригласил большую группу актеров на пасхальный седер в еврейском ресторане (*Щедрин В. Жизнь и дневник Осипа Дымова*. URL: <http://www.judaica.kiev.ua/Eg13/03-07.htm>)

⁸ *Berliner Tageblatt* — ежедневная газета, выходившая с 1872 по 1939 г. в Берлине. В номерах газеты с 1 сентября 1933 до 31 декабря 1934 никаких романов под фамилией Дымова не публиковалось.

⁹ L'chaim — за жизнь! будем здоровы! (тост; *иврит, идиш*).

¹⁰ Prohibition — здесь — сухой закон (*англ.*).

¹¹ Kagansky — неустановленное лицо.

1934

№ 31, 25 марта [1934 г.] [л. 47, 48]]

Ossip Dymow, 1069 Madison Ave. New York. U.S.A.
25. III.

Дорогой мой, славный Доля. Я был рад получить от Вас письмо — столь подробное и обстоятельное — точно личная беседа где-либо в Trautenaustr. или в café ex-Берлина. Получил и Вашу книгу рассказов,

но не успел еще прочесть (вчера прибыла). Рад за «Сына Гренадера»¹ — это у Вас самый удачливый ребенок. Помните, я еще в ex-Berlin'e очень хвалил и ласкал этого ребенка. Разумеется, он должен был получить Премию. Очень хотелось мне написать о Вашей книге в «Нов[ом] Русск[ом] Слове» — да меня туда не пускают — и сам я туда не хожу. Ведь я грешен большевизмом, а в глазах правоверных «Русскословцев» — криминалист. Когда несколько месяцев назад умер Оскар Картожинский² (Норвежский), и я хотел поместить несколько слов о нем, то поместили, но без подписи. А я сделал это не ради подписи, а ради самого дела: считал печальным своим долгом. Впрочем, заметку о Вашей книге (как просили когда-то) поместил. Вот она, прилагаю. Замыленная, п[отому] ч[то] все ждал Вашего письма.

О Сергее Горном была в Н.Р.С. статья Лютера³. Ясно: этот пройдоха сам перевел и прислал. А Лютера я хорошо знаю — еще из Петербурга, лет 30 назад, а то и все 35 — встречались. Он был учителем немецкого языка в Петерб[ургской] гимназии. Он перевел мой роман «Бегущие креста» на немецкий — лет 12 назад. Человек хороший — да вот Горный-то уж больно смердит. Инстинктивно — да как видно основательно — избегал я его во все время моего берлинского пребывания.

О себе? Работаю-работаю, все по-прежнему. Тяжелое время американское, пожалуй (для меня), тяжелее немецкого. На днях отпраздновали здесь 30-летие моей литературной деятельности. Вечер был удачный, переполненный театр. Играли, конечно, произведения юбиляра. ** [звездочки поставлены Дымовым]

[Сбоку на полях]: ** На вечере моем выступил Балиев⁴, передал мне привет от Франции — русской Франции, конечно.

Очистилось несколько сот долларов. Сейчас готовлю к английской постановке свою драму «Die letzte Geliebte», шла у Reinhardt'a в Berlin'e (с Klöbfer'ом⁵) и в Вене (Густав Вальдау⁶). Жена моя уже американская гражданка полноправная. Говорит по-английски, хорошо себя чувствует. Вспоминаем Вас тепло часто, очень часто — так что запаздывать Вам с письмами не приходится. Дочь моя на службе, хорошее место, недурное жалование, она очень довольна. Она секретарша businessman'a, большой export — import С°.

Еврейская печать, еврейский театр, книга — все это умирает — или уже умерло. И, верно, окончательно. Неумолим процесс истории. Моя работа в этой области (а она здесь была очень обширна и богата) прекращается, прекращена. Я слишком много времени и энергии потерял на «еврейской улице». Впрочем, этому способствовали разные и трудноустраняемые препятствия. Сейчас я все свои устремления направляю

на английский (американский) театр. Надеюсь, мне удастся что-либо устроить в этом направлении — хотя это нелегко. Времена трудные — очень трудные. NRA⁷, правда, несколько помогло, но в меньшей степени, чем это ожидалось.

По-видимому, Вы не собираетесь приехать сюда. Интерес к СССР здесь большой. Симпатии тоже выросли. Коммунизм — модная «салонная» болезнь. Имеет ли эта болезнь корни? Не думаю. Но болеют многие.

Видите ли Вы Руманова, его жену? Если увидите, передайте обоим мой сердечнейший привет. Видимо, в Европу я так скоро не поеду. Слишком много я шатался. Надо осесть, пустить если не корни, то корешки хотя бы (не от чековых книжек). Пора.

Очень жду Ваших писем. Обрадуюсь, ежели не замедлите ответом. Мои дамы Вам сердечно кланяются.

Крепко обнимаю Вас.

Ваш искренно

Осип

Р. С. Совершенно ничего не знаю, что с моим берлинским братом⁸? Жив ли? На свободе ли? Что делает? Вообще, с Берлином у меня — разрыв, и окончательный.

О. Д.

¹ «Сын гренадера» — рассказ А. Бурова, получивший на конкурсе журнала *Иллюстрированная Россия* в 1933 г. вторую премию в 300 франков (фотографии трех победителей были опубликованы в: *Иллюстрированная Россия*. № 51 (449) от 16.12.1933. С. 10–11. В рассказе о поступлении Абрама Соловейчика из Житомира в петербургский Технологический институт довольно явственно чувствуется автобиографический элемент (не только преодоление героем процентной нормы, но и эпизоды его провинциального детства).

² Картожинский Оскар Моисеевич (1866–1924), псевдоним О. Норвежский — писатель и журналист, автор статьи о первой книге рассказов Дымова «Солнцеворот»: *Норвежский О. (Картожинский О. М.). «Солнцеворот» Дымова // Литературный календарь-альманах. СПб., 1908. С. 68–74.*

³ Лютер Артур Федорович (Arthur Luther; 1876–1955) — критик, переводчик на немецкий язык русской классики и произведений современных авторов. Родился в немецкой семье в Орле, закончил Московский университет; преподавал русский и немецкий языки в московской женской гимназии св. Елизаветы и реальном училище при евангелической церкви св. Михаила, с 1903 г. преподавал западноевропейскую литературу на Высших женских курсах, публиковал в русской и немецкой печати статьи на разные темы. Учителем в петербургской гимназии никогда не работал. В 1914 г. выехал с семьей на отдых в Германию, откуда после начала войны не смог выехать; вместе с Эрихом Бёме выпускал брошюры для русских пленных. В 1918–1944 гг. — научный сотрудник Немецкой книжной палаты в Лейпциге. Параллельно преподавал немецкую литературу, занимался

литературными переводами, публиковал статьи и книги: «История русской литературы» (1924), «Достоевский в Германии» и др., посвященные русско-немецким литературным связям.

Роман Дымова «Бегущие креста (Томление духа)» вышел в переводе Лютера в 1919 г.: *Dymow O. Haschen nach dem Wind. Roman. Leipzig : Wolff, 1919. 329 S.*

⁴ Балиев Никита Федорович (1877–1936) — режиссер, артист, конферансье. Начинал как артист МХТ. В 1908 г. основал ночной театр-кабаре «Летучая мышь». В 1919 г. эмигрировал вместе с частью своих артистов и выступал в разных странах до 1934 г.

⁵ Клопфер Эуген (Klopfer Eugen, 1886–1950) — немецкий театральный артист и режиссер. В театре Макса Рейнхардта с 1920 г.

⁶ Gustav Waldau (Густав Вальдау, 1871–1958) — известный немецкий артист театра и кино, дебютировал в 1897 г., в течение почти полувека выступал на сценах Мюнхена, Берлина и Вены. В 1930–40-х гг. много снимался в кино (более 20 ролей), был одним из ведущих артистов Третьего рейха.

⁷ NRA (National Recovery Administration) — одно из агентств, основанное в 1933 г. для проведения в жизнь «Нового курса» президента Ф. Д. Рузвельта.

⁸ Старший брат Дымова Герман Перельман после революции жил в Германии, в 1944 г. убит в концлагере (Дымов получил от него прощальную открытку через швейцарский Красный Крест).

LONDON

№ 32¹, 13 августа [1934 г.] [л. 50]

13 августа

[На почтовой бумаге, справа в верхнем углу типографская печать]:

The May Fair Hotel
Berkeley Square
London, 88.1

[Слева]: Telephone: Mayfair 7777

Telegrams: Mayfairtel, Piccy, London.

Мой дорогой друг Доля,

Похоже на то, что я останусь в Лондоне гораздо больше, чем я то предполагал. Я получил новую работу в фильме с очень хорошей оплатой и вряд ли вернусь в Paris раньше двух месяцев. Есть даже возможность того, что я вообще переселюсь из Америки сюда, но это пока еще впереди. Я лично был бы счастлив — ежели бы это случилось.

Что у Вас доброго? Я уже привык по утрам слышать Ваш голос в телефонной трубке, а тут этого нет... Говорил кое с кем относительно Буни-на². Все отвечают: не легко. Полагают, что Алданова³ устроить в фильме легче. Пожалуйста, поймайте его.

Очень прошу: дайте знать о себе. Писать можно мне по адресу, который в заголовке этого письма.

С крепким рукопожатием и приветом жене

Ваш Осип.

¹ Письмо впервые опубликовано в: *Шумихин С.* Указ. соч. С. 599–600; в публикации неверно указано название гостиницы (The May Star Hotel), нужно: The May Fair Hotel.

² Попытки Дымова заинтересовать английских кинематографистов творчеством Бунина не дали положительного результата, впрочем, и в других странах при жизни писателя его произведения ни разу не экранизировались.

³ Алданов (Ландау) Марк Александрович (1886–1957) — прозаик, эссеист, один из самых выдающихся литераторов русского зарубежья; его произведения пользовались успехом среди русскоязычных читателей и переводились на другие языки. Сам Алданов писал также и по-французски.

№ 33, 14 августа [1934] [л. 51]

[На бланке той же почтовой бумаги, что и № 32]

14 авг[уста]

Дорогой мой Доля,

А я решил — сделать все, чтобы остаться в Лондоне. Тут зарождается большая фильмовая индустрия. Тут множество моих немецких, и австр[ийских], и венгерских, и америк[анских] друзей. Я с ними буду работать. И какой чудесный город Лондон. Я в него влюблен. Пишу Вам, дорогой друг, чтобы сообщить Вам свой новый оседлый адрес:

Dr. Ossip Dymow

1 Vicarage Gate

Kensington W. 8

London

А на случай и телеграф:

Western 4779

Чудесная, недорогая комната, с butler'ом¹, с едой, кот[орая] вносит-ся в комнату, и даже... с автомобилем! Серьезно. Хозяин — 29-летний пол[ный] человек оказался... моим литературным давним поклонником.

Жму руку. Пишите.

Ваш Осип.

P. S. Если случится Вам проходить мимо Majestic², справьтесь, пожалуйста, переслали ли мне письма? Ведь они очень неаккуратны в Majestic. Спасибо.

О. Д.

[Сбоку, на полях]: Думаю вскорости выписать сюда жену.

¹ Butler — официант, подающий заказанную еду в комнату (англ.).

² «Majestic» — в межвоенные годы фешенебельная гостиница на авеню Клебер, неподалеку от Триумфальной арки, в начале 1920-х гг. нередко служила русскому зарубежью как конференц-зал для многолюдных мероприятий (совещаний, собраний).

№ 34, 2 сентября 1934 [л. 52]

[Фирменный бланк British International Pictures Ltd]

Elstree, 2 сент. 1934

Dr. Ossip Dymow

1 Vicarage Gate

Kensington

London W. 8

Мой дорогой друг Доля,

Давно уж не беседовал с Вами. Я целые дни занят в студио — даже в двух, вне Лондона. Каждое утро машина заезжает за мною, отвозит на работу, возвращаюсь иногда в десятом часу вечера. Я получил дополнительную работу, п[отому] ч[то] люди увидели, что я знаю «мастерство». И платят хорошо. Эта дополнительная работа займет у меня весь сентябрь, а затем опять новая работа (над романом «Job» = «Иов»¹) — переделать в фильм. Тут я получаю не понедельно, а сразу, хороший куш, с авансами, с дополнительной наградой (бонус) и пр.

Мой Ратов² оказался прелестным человек[ом]: простым, искренним, честнейшим, сердечным, прямым. Он умница и деловая голова. Он основал здесь кино-общество с крупным капиталом и сегодня мне сказал, что я всегда буду с ним. Когда окончу «Иов» — я опять получу работу — еще два фильма.

Моя жена уже на корабле и 10-го сентября будет в Лондоне. В начале октября мы — с Ратовым — поедем в Виши³, пить воды, а заодно работать. Поедем, верно, автомобилем. Конечно, будем в Париже и, конечно, увидимся — ежели — ежели, well, Вы не уедете в Америку. Что Вам известно о Вашей поездке туда? Когда Ваш судебный процесс состоится? Напишите обо всем.

Я получил письмо от Алданова и пишу ему. Поговорите и устройте уж Вы лично. Здесь в самом деле можно устроить многое. Вот жена этим займется, а я — слишком занят. Встаю порою в 6.30 утра и — в студию.

Потихоньку пишу драму. Возможно, что знаменитый поэт John Drinkwater будет работать со мною, обработает для английск[ой] сцены. У него огромное имя и связи — друг королев[ской] семьи.

А уж когда я буду в Америке — и сам не знаю. Возможно — на короткий срок около декабря.

Обнимаю Вас крепко.

Ваш всегда Осип

Привет супруге.

¹ Роман «Иов» был экранизирован под названием «Грехи человеческие» («Sins of man») в 1936 г. (см. примеч. 3 к письму № 51).

² Ратов Григорий (Gregory Ratoff, 1897–1960) — киноактер, режиссер, продюсер. Родился в Петербурге, учился в университете на юридическом факультете, параллельно занимался в театральной студии, дебютировал на сцене еще в России. Был призван в армию во время войны. Эмигрировал в 1917 г., в Берлине организовал передвижной театр, с которым ездил по разным городам Европы. В Париже познакомился с будущей женой Е. Леонтович и в 1922 г. вместе с ней уехал в США по приглашению бродвейского продюсера Ли Шуберта. В Голливуде исполнял эпизодические роли, в 1932 г. стал известен после успешной роли в фильме Д. Селзника «Симфония шести миллионов». Как актер играл в 49 фильмах (не считая эпизодов), 30 фильмов снял в качестве режиссера, из них в восьми был продюсером. Сотрудничал с самыми выдающимися кинематографистами, первым пригласил в Голливуд Ингрид Бергман (снималась в его фильме «Интермеццо», 1939). Во время войны выпустил пропагандистский фильм «Песнь о России». В 1947-м — продюсер фильма «Черная магия» (реж. Орсон Уэллс). Охотно привлекал для работы в своих съемочных группах русских эмигрантов.

³ Виши (Vichy) — всемирно известный курорт в центре Франции (390 км от Парижа), на берегу живописного озера и реки Алье, 15 минеральных источников. Медицинский центр с XVII в., при Наполеоне III город приобретает свой окончательный облик и титул «Королевы курортов».

№ 35¹, 25 сентября [1934] [л. 53]

[На бланке почтовой бумаги гостиницы «Дорчестер»]:

The Dorchester Hotel
Park Lane
London, W. 1
Telephone: Mayfair: 8888
Telegrams: Dorchotel.Audley.London

Dr. Ossip Dymow
1 Vicarage Gate W 8. London
25 сент[ября]

Дорогой мой друг Доля. Приехала моя жена, обосновались в Лондоне как следует. Работаю много, моей работой очень довольны. Я и сам подо-

зревал, что я «фильмовик» и притом стал упорный. В Нью-Йорке на прошлой неделе была премьера моей новой комедии (с музыкой). Не знаю, как прошла, но имею основания предполагать, что было хорошо. Ежели так, то в декабре поеду (с женой) в Нью-Йорк «на сотое представление». А заодно уж привезу с собою свою новую драму — которую рассчитываю закончить к тому времени.

Что у Вас, дорогой? Когда едете в Нью-Йорк? Получили ли какие-либо сведения о Вашем процессе? Правосудие движется в Америке очень медленно, это я знаю по опыту.

Очень хочу повидать Вашу дочь. Приехала ли она? Моя жена хочет дружить с нею.

Насчет «Bounin'a» я говорил с англичанами: не легко, хотя и Нобель. Получил письмо от Алданова, да переписка так и замерла. Я направил его к Вам, а он «не хочет Вас беспокоить». Как же быть.

Крепко обнимаю,
приветствую Л. Ал.²

Привет сердечный от моей жены.

Ваш Осип.

¹ Текст последнего абзаца письма впервые опубликован в: *Шумихин С.* Указ. соч. С. 600–601.

² Л[юдмила] Ал[ександровна?] — дама сердца Бурова.

№ 36, 4 октября 1934 [л. 54]

1 Vicarage Gate London W. 8.
4 okt[ober] 34

Дорогой мой милый Доля. Вчера мы были в гостях у Вашей дочери с мужем. Живут они за городом — вроде как бы в Грюневальд¹, но еще дальше. Новая местность, дорогая, строится. Мы провели — вчетвером — прекрасный вечер, говорили о Вас, после ужина (чудесный!) Ваш зять отвез нас автомобилем показывать его «flat»², т.е. ту небольшую квартиру, где они жили прежде и за которую они должны по контракту платить еще два года. Мы с женою решили снять эту чудесную квартиру, и таким образом вышло, что мы квартиранты Вашей дочери. Она — «суровая landlady» (домохозяйка). Переезжаем туда, верно, через неделю. Ваш зять мне очень понравился: живой, интересный, умный, деловой человек с запасом большой жизненной (веселой) силы. Живут они, видимо, счастливо и уж наверное не нуждаются. Прекрасный cottage.

Две премилые забавные собачки: черная постарше и беленькая, крошечная, молоденькая.

Очень интересует меня Ваш процесс. Пишите, если Вам известны новости. Думаю, что адвокаты Ваши вполне добросовестны и честны (в Америке редко, чтобы «нет»). Но, разумеется, лучше все выяснить заранее.

У меня сейчас идет пьеса в Нью-Йорке со знаменитой артисткой Molly Picon³, и мне сообщают, что это большой успех. «Times» (в N. Y.) очень похвалила меня. Вероятно, вскорости пойдет и моя другая пьеса «The last woman»⁴. Возможно — очень — что к концу ноября буду в N. Y.

Жена здесь, очень сошлась с Вашей дочерью. Они будут встречаться и помимо наших, т[ак] с[казать], общих встреч.

Крепко обнимаю Вас и приветствую за нас обоих.

Ваш всегда Осип.

P.S. Ни о чем «недозволенном» у Вашей дорогой дочери не было разговоров. Частным образом Kublin⁵ спросил меня о Люд. Ал. «Я не знаю» — был ответ.

Ваш еще раз

О. Д.

¹ Грюневальд — фешенебельный административный район на западе германской столицы в составе округа Шарлоттенбург-Вильмерсдорф.

² flat — квартира (англ.).

³ Молли Пикон (Molly Picon, 1898–1992) — начинала как актриса (на идиш) небольших еврейских театров на Второй авеню, где актера ценили главным образом за умение петь и танцевать. Быстро приобрела популярность. До 1920 г. играла в еврейской труппе Д. Кесслера (1860–1920), одной из лучших в те годы. В 1923–1924 гг. вместе с мужем Я. Калихом снялась в фильме с титрами на идиш, с 1935 г. выступала в еврейских водевилях, в 1936–1939 гг. сыграла главные роли в звуковых фильмах на идиш. В 1942 г. открыла собственный еврейский театр в Нью-Йорке. После Второй мировой войны посетила лагеря перемещенных лиц, совершила гастрольное турне по городам Австралии, Южной Африки и Европы. В 1960 г. выступила на английском языке в Лондоне в спектакле «Большинство в один голос», а также на телевидении и в кино. Большим успехом на Бродвее в 1961 г. пользовался мюзикл с ее участием «Молоко и мед», а в 1967 г. Пикон играла в спектакле «Как быть еврейской мамой». До конца жизни снималась в кино в ролях старушек «себе на уме».

⁴ «The last woman» — возможно, имеется в виду пьеса «Die letzte Geliebte» («Последняя любовь»).

⁵ Kublin — муж дочери Бурова, англичанин.

19 окт[ября]

Дорогой мой Доля.

Рад тому, что успешно работаете и притом в двух разных направлениях — уж не знаю, какое лучше? 1) по литературе 2) business. Жду № с «Возлюбленным»; уверен, что «первый» окажется у Вас совсем не тем, что ждешь и что представляешь себе. Не знаю, удастся ли выехать в середине ноября: я на работе, пишу новый фильм. Возможно, однако, что успею. Было бы славно.

В «Вашу», а теперь нашу квартиру переберемся, верно, во вторник. Так что уж пишите, прошу, туда. Адрес — на случай повторю:

Ossip Dymow
6 Swan Court
Manor str.
London S. W. 3

Я, конечно, напишу своей дочери о Вашем поручении «заказы Westinghouse»¹, но... Много «но». 1) она занята с 9 утра до 7–8 вечера, а иногда и позже. Ей будет физически невозможно это исполнить. 2) Поручить другим? Кому? Это очень нелегкое дело — достать такие сведения. Для этого требуются — серьезно! — усилия детективов, а не частные усилия. 3) Вам это не нужно. Если Вы хотите узнать это, то фирма скажет (обязана) в случае требования Вашего адвоката. Судья постановит или прикажет открыть книги, и это будет сделано без всяких усилий с Вашей стороны. Это я знаю точно.

Моя жена виделась уже три раза с Вашей дочерью, решили «дружить». Я присоединяюсь, когда разбуду [раздобуду?] больше времени, скоро случится.

Писал я два раза своим Румановым, нет ответа -- не знаю, что с ними. По-видимому, что-то случилось.

С крепким всегдашним приветом Ваш

Осип.

¹ По поводу дела с фирмой «Westinghouse» см. примеч. 2 к письму № 26. Судя по контексту, Буров просил через дочь Дымова достать какие-то сведения о заказах фирмы, чтобы использовать их для получения от нее комиссионных.

Dr. Ossip Dymow 6 Swan Court
Chelsea, London S.W. 3

[Сбоку рукой Бурова]: от Дымова 17 ноября 1934

Дорогой мой Доля, угнетающе подействовало на меня Ваше письмо². Очень, очень хотелось бы помочь Вам и думаю: смогу это сделать. Я уже говорил с одним лицом (не упоминая, разумеется, никаких имен и фамилий) о том, чтобы добиться для Вас разрешения на въезд в Англию². Это лицо очень влиятельно именно в этом учреждении, от которого зависят все разрешения подобного рода (Home office). Это мой друг, необыкновенно честный, корректный англичанин (разумеется). Я уверен, что он устроит Вам это, ежели, разумеется, Вас это интересует — в чем, я полагаю, я не должен сомневаться. Никаких денег он вперед с Вас брать и не думает. Но должен узнать предварительно все детали. Оставим, однако, это дело до того времени, когда Вы одолеете Вашего Голиафа — Вестинг[хауз].

Вчера вечером была у нас Ваша дочь с мужем. Пошли (послали ауто) в кино, проскучали там 1½ часа, неудачная картина, затем, накупив всякой снеди, поехали к нам и устроили импровизированный «пир». Был очень милый вечер, мы скоро опять встретимся. Они мне сказали, что собираются на Рождество в Париж «повидать папу». Ну что же, в добрый час!

Читаю Бунина — опять и опять «Елагин»³ — превосходный психологический этюд, глубокий, содержательный. Тип актрисы изумительно взят: не с Рожиной ли это списано? Она такова была в молодости. Да она ли одна. Все эти «Веры Холодные», которые вдруг кончали самоубийством — как типично это было для эпохи!

Превосходно! Прекрасно! Но [что] с этим поделаться для кино? Быть может, одна Бергнер могла бы сыграть и пречудесно! — такую фигуру. Да возьмется ли она? Уж очень это все мрачно и «светло» где-то по ту сторону. Соединить два-три рассказа вместе? Пока не вижу этого...

Будьте здоровы, мой дорогой Доля. Не впадайте в отчаянье — ни к чему это.

Ну да Вы сами все знаете.

Крепко обнимаю Вас. Ваш Осип.

¹ Фрагмент письма (начиная с «Читаю Бунина...» до «Пока не вижу этого...») был впервые опубликован в: *Шумихин С.* Указ. соч. С. 602.

² Буров хлопотал об английской визе, однако ранее ему уже было дважды в ней отказано. Министр внутренних дел Джон Клайнс (John Clynes) в ответ на запрос в парламенте 12 февраля 1931 г. о причине отказа Бурдту во въезде

в страну заявил: «...I went carefully into this case and was satisfied that the decision that Bourdt ought not to come to this country was in the public interest». («...Я внимательно ознакомился с этим делом и удовлетворен тем, что отказ Бурдту во въезде был в интересах страны», *англ.*) (http://hansard.millbanksystems.com/written_answers/1931/feb/12/aliens-alexander-bourdt).

Об этом же деле см. ниже письма № 39 и № 42, из текста которых выясняется, что и Дымов не смог помочь в этом вопросе.

³ Повесть И. А. Бунина «Дело корнета Елагина» (1925).

№ 39¹, 3 декабря [1934] [л. 64, 65]

Dr. Oss[ip] Dymow. 6 Swan Court
Chelsea, London S. W. 3
3 дек[абря]

Дорогой мой Доля,

Мой друг, о котором я говорил Вам как о будущем «спасителе» Вашем, весь в разбегах и поймать его трудно. Я передам ему на днях (он придет ко мне) все те данные, которые я получил от Вашей дочери. Я serioзнейше продолжаю думать, что дело уладится. Он влиятелен, потому что он в свое время оказал Англии огромные услуги, и его очень ценят в надлежащих инстанциях. Ко мне он прекрасно относится и постарается для меня все сделать, что в силах.

Поздравьте меня судачей, и с немалой, дорогой друг. Похоже на сказку рождественскую, а кстати и Диккенсовское (сказочное) Рождество близко. А вот в чем дело.

Здесь в Париже находится знаменитый film star² Conrad Weight³, мой старый друг. Я для него написал фильм «Распутин»⁴, он играл с Bergner и Jannings⁵ в моем фильме «Ню». Он здесь под контрактом (годовым) у Gaumont British⁶ — лучшая, самая богатая фирма Англии. И вот уже полгода не играет: нельзя ему найти манускрипта. Есть сюжет один — так не знают, как переделать. Я был у него к ужину (с шампанским), он предложил мне: «Подумай, Осип, потруди головку». Через три дня я звоню ему: «Есть!» — «Уверен в этом?» — «Вполне». Он созвал всех главных директоров Gaumont British, глав[ного] режиссера, глав[ного] драматурга и т. д. Я изложил свой план, говорил около часу, принес иллюстрации, диаграммы, и когда окончил, получил всеобщее: Wonderful?! Через 24 часа я получил заказ сделать эту работу!!! Не удивительно ли? Должен прибавить, что 12 exposés (проектов) было подано разными лицами на ту же тему, все они были плохи, не признаны. Еще интереснее, что ту книгу (роман), которую надлежит переделать в фильм, я читал более

25 лет тому назад, едва помню, и не прочел вновь... Может, это и лучше: сочинил свое.

Ну вот, Kublin мне говорит: «Your apartment will bring you more luck»⁸, т. е. тот апарт[амент], в котором он жил совместно со своею женою — дочерью моего милого тихого друга.

Крепчайшее обнимаю Вас

Ваш Осип.

Р. С. Потому и запоздал с ответом, что был всецело занят Gaumont British.

¹ Фрагмент текста письма (начиная с «Поздравьте меня...» до «сочинил свое») был впервые опубликован в: *Шумихин С.* Указ. соч. С. 602–603.

² film star — кинозвезда (*англ.*).

³ Конрад Фейдт (Вейдт) (Conrad Veidt, 1893–1943) — немецкий актер, дебютировал в кино в 1916 г.; в 1919 г. основал собственную производственную компанию «Фейдт-Фильм»; в 1920 г. сыграл роль сомнамбулы Чезаре в фильме «Кабинет доктора Калигари» («Das Cabinet des Dr. Caligari»), считающемся воплощением стилистики экспрессионизма в кино. После ролей в фильмах ужасов Ф. В. Мурнау, П. Лени, Р. Вине его стали называть «демоном немецкого немого кино». В 1926–1929 гг. снимался в Голливуде. С 1933 г. жил и работал преимущественно в Англии, но в Германии снялся в 1934 г. в одиозном фильме «Еврей Зюсс». С 1939 г. гражданин Великобритании. С 1940 г. в Голливуде, снимался, главным образом, в ролях нацистов.

⁴ «Распутин» — фильм по сценарию Дымова «Распутин, идол женщин» («Rasputin, Dämon der Frauen») вышел на экраны в Германии 19 февраля 1932 г.

⁵ Эмиль Яннингс (Emil Jannings, 1884–1950) — наряду с К. Фейдтом, самый высокооплачиваемый немецкий киноактер своего времени. С 1914 г. играл в театре М. Рейнхардта. В 1916 г. — первая самостоятельная постановка в Немецком театре. С 1916 г. снимается в кино, после фильма «Мадам Дюбарри» (1919) становится кинозвездой. Успешно снимался в фильмах Ф. В. Мурнау. В 1926–1929 гг. в Голливуде. В 1930 г. снимается в ставшем культовым фильме «Голубой ангел», давшем толчок голливудской карьере Марлен Дитрих. В мае 1934 г. получает назначение в труппу Государственного театра в Берлине. Период нацизма — время расцвета карьеры Яннингса как актера и продюсера, занимавшего руководящие должности в кинематографии. В 1946 г. проходит процесс денацификации. В 1947 г. получает австрийское гражданство.

⁶ Gaumont-British Picture Corporation — английский филиал французской кинокомпании «Гомон» («Gaumont»), отделился и стал самостоятельным предприятием в 1922 г.

⁷ Wonderful — чудесно (*англ.*).

⁸ Your apartment will bring you more luck — ваша квартира принесет вам еще больше удачи (*англ.*).

1935

№ 40, 17 января 1935 г. [л. 58, 59]

[Сбоку, на полях, красным карандашом приписка Бурова]: *о самоубийстве Мих[аила] Руманова*

London 1935, 17 янв[аря]

Дорогой друг. Спасибо за поздравления, выраженные Вами столь сердечно и искренно по поводу свадьбы моей дочери. Дай ей Бог счастья. Несчастлива была ее юность.

Вы, верно, знаете уже о самоубийстве Михаила Руманова, брата нашего [Аркадия]. Он выбросился из окна, с 21 этажа в Los Angeles'e. Несколько лет тому назад он пытался покончить с собою, его спасли. Ар[кадию] Руманову это стоило его теперешней нищеты, а Вам несколько сот марок, мне же — пока ничего (за исключением пустяков). Но до сих пор не могу я оправиться от отвращения, кот[орое] я испытывал, когда Аркадий на другой же день после моего приезда в Париж явился с твердым намерением обокрасть меня, лгал, льстил — старый, им испытанный прием. Несчастные гроши, которые я после 35 лет (!!!!) работы честно получил, заслужил, он пытался выманить — он, просадивший миллионы буквально и ни разу за 30 лет не подумавший обо мне.

Заметили ли Вы: вот такие люди, с улыбкой хапавшие-цапавшие чужие деньги, бросаются из окна на мостовую, кончают собою! Недавно это сделал мой издатель, глава «Felix Bloch Erben» — Fritz Wreede¹. Сейчас Миша Руманов, слабое эхо Аркадия. Живешь чужой кровью (ведь деньги тоже кровь сконцентрированная), пьешь ее, как паразит — это убивает волю. Это не развивает силу сопротивления, как делает труд. Нет особых волевых антитоксинов. «Одолжите до вторника...» «Перехватить», «апритреп»² — и так всю жизнь — это сильная, страшная болезнь, убивающая человека.

Миша Р[уманов] забрал в Los Angeles'e 10 000 долл[аров] у быв[шего] артиста М[осковского] Худ[ожественного] т[еатра] Бертенсона³. И у других — более 100 000. Бертенсон теперь пишит — самому, пожалуй, прыгнуть вниз!

...А мне пишут: есть мысль перевезти прах Миши из Los Angeles'a в... Царское Село. Какая психологическая пустота! Я написал: верните Бертенсону хоть часть денег, это будет более достойно памяти покойного.

Убил Мишу — его брат Аркадий. Своим примером: как жил. Миша (моложе, слабовольнее) обожал старшего. Подражал — и спрыгнул!

Жму крепко Вашу добрую руку

Осип.

¹ Фриц Вреде (Fritz Wreede) — с 1923 г. глава основанного в 1849 г. театрального бюро «Felix Bloch Erben» (существует по сегодняшний день), которое со временем начало издавать драматические и музыкальные произведения. Именно здесь были отпечатаны театральные экземпляры пьесы Дымова «Тени над Гарлемом».

² априштреп — перехватить (денег взаймы), одолжить ненадолго (*нем. разг.*).

³ Бертенсон Сергей Львович (1885–1962) — библиограф, историк русской литературы, историк театра, переводчик. В 1920-е гг. работал в Московском Художественном театре, во время гастролей МХТ в США в 1923 г. остался за границей и в дальнейшем участвовал в создании сценариев для Голливуда.

№ 41, 30 января 1935 г. [л. 60, 61]

Dr. Ossip Dymow. 6 Swan Court, Chelsea
London S. W. 3
30 янв[аря]

Дорогой мой друг, спасибо за поздравления к Новому году. Возвращаю их в удвоенном пожелании. И да — будет!

С кн. Барятинским¹ я когда-то дружил, впрочем, не слишком тесно и не слишком долго. Но [он] всегда был мне симпатичен — гораздо более, чем его (покойная уже) супруга — Яворская² — которая, впрочем, была *personality*³.

А у меня прекрасная и радостная новость: получил телеграмму (*cable*) от моей дочери из Нью-Йорка: «Вышла замуж. Очень счастлива». Кто ее муж — Jack Muldawin — я понятия не имею. Но, зная рассудительный характер моей Изы, уверен, что ее выбор правилен. Теперь жду письма с разъяснением.

Письмо было прервано на несколько дней, п[отому] ч[то] минутки свободной не было поговорить с Вами. А вот в чем дело: я подписал очень интересный (во всех и самых практических отношениях) контракт со знаменитым лондонским кинообществом «Gaumont British» — писать фильм для Conrad Veidt. Тема «Туннель» по известному роману В. Kellermann'a⁴. Это — туннель под Атлантическим океаном между Англией и Америкой. Получил я эту работу почти чудом. 22 манускрипта (сценарии) были поданы дирекции и все неудовлетворительные. Сидя у Veidt'a в гостях, я весь вечер отговаривал его бросить «Туннель». Ну что уж можно выдумать? Где тут роль? Великий инженер — да ведь не будет же он стоять с лопатой под водой и рыть. Почти уговорил. А той же ночью неожиданно пришла мне вся идея фильма. Через несколько дней

я Conr[ad] Veidt'у протелефонировал: «Все у меня готово — в голове». Он поверил, созвал шесть директоров Gaumont British, самых главнейших. Я пришел к ним в офис, вооруженный рисунками, диаграммами, чертежами подводного туннеля — мною в красках выполненные. Целый час я рассказывал свою «историю» туннеля будущего и когда окончил — получил всеобщее единодушное одобрение и — контракт — дай Бог всем еврейским детям страны Израиля такой контракт!⁵

Ну, вот, теперь я работаю над этим. Торопят и велют писать... Тем лучше! Само собою понятно, какой большой важности для меня это завоевание! И все это — подумать только! — последствие одной слу-у-учайной встречи моей в café с милым Ратовым и его скоропалительный вызов меня в Париж и затем поездка в Лондон!

...Грустно мне было читать Ваше сообщение о Крымове. Не знаю, как Вам, — мне он как-то любезен — своим умом, что ли? Евреи его одолели, еврейская семья, быть может, слишком тесно обступившая его.

Будьте здоровы, скоро напишу Бунину.

Я прочел недавно «Арсеньева»⁶ и эти свои впечатления о книге хочу изложить ему — да не знаю: интересно ли ему?

Крепко обнимаю Вас.

Ваш Осип.

¹ Кн. Бярятинский Владимир Владимирович (1874–1941) — драматург, журналист. Воспитывался вместе с детьми Александра III, окончил Петербургский морской кадетский корпус, служил в Гвардейском морском экипаже. В 1904 г. вышел в отставку. В 1894–1917 гг. женат на Л. Яворской, которая после закрытия собственного «Нового театра» играла в домашнем театре в доме Бярятинских. В начале войны уехал за границу, после революции активно публиковался в эмигрантской прессе — чаще всего в *Последних новостях*.

² Яворская Лидия Борисовна (1871–1921) — драматическая актриса; с 1893 г. играла в московском театре Корша, с 1896 г. — в Малом суворинском театре (впоследствии Театр Литературно-художественного общества), откуда ушла, разойдясь с дирекцией во взглядах на репертуар (в связи с антисемитской пьесой В. Крылова «Контрабандисты»), и открыла «Новый театр», в репертуаре которого были пьесы М. Горького, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, Г. Ибсена. С 1907 г. гастролировала в Европе — играла на сценах Парижа, Лондона. С 1909 г. с успехом играла и ставила пьесы в лондонских театрах. С 1894 г. была замужем за кн. В. Бярятинским, автором пьес, входивших и в репертуар Яворской. В Англии ее постоянным коллегой и сподвижником был Джон Поллок, за которого она вышла замуж в 1920 (после официального развода с князем в 1917 г.).

³ personality — личность (англ.).

⁴ Бернгард Келлерман (Bernhard Kellermann, 1879–1951) — немецкий писатель, его пятый роман «Туннель» вышел в свет в 1913 г.

⁵ Несмотря на то что контракт, по словам Дымова, был подписан, в вышедшем в ноябре 1935 г. на английский экран фильме «Туннель» по роману Б. Келлермана (реж. М. Элвей) в титрах среди четырех авторов сценария фамилия Дымова не указана. К. Вейдт в фильме не был занят.

⁶ «Арсеньев» — повесть И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева».

№ 42, 11 мая [1935 г.] [л. 62]

[Рукой Бурова]: от Дымова из Лондона
Dr. Ossip Dymow. 6 Swan Court. Chelsea
London S. W. 3
11 мая

Дорогой мой, милый друг. Вот о чем: встретился я с тем самым человеком, англичанином, о котором я писал Вам, что-де «мог бы визу Вам устроить». Он опять в Лондоне, а был (верно) в Индии. Неясно. Но не в том суть, а в том, что ему доверяться нельзя. Это вымогатель, о чем я точно знаю: 1) по отзывам компетентных здешних альбионов и 2) — увы! — по личному опыту: наказал меня на несколько фунтов. Дал чек — дескать 1-го получите обратно, а накануне сообщил: нету денег, хочу еще. Я ему категорически отказал. Не называя имени, разумеется, сказал ту-манно о Вашем деле. Ответ: 400 фунтов на стол сейчас же — и без всяких гарантий. Ну это ведь совсем наглость. Просто: шантажист. Я рад, что отшил его. Он вечно бы тянул деньги и, полагаю, еще более напортил бы — если бы отказал ему потом. А жаль: я ведь искренно хотел помочь Вам, дорогой мой Доля. [весь предыдущий текст перечеркнут Буровым красным карандашом и помечен: не интересно]. [Внизу]: см. на обор[оте].

Четыре недели почти ничего не делал — приходил в себя от моей автоаварии. Шок. По ночам снилось — летит на меня машина... Сейчас почти все прошло, хотя боль в боку от страшнейшего удара все еще временами сверлит... Застрахован ведь я от смерти, а не от авто-неприятностей. Но кое-что от «противной» стороны, верно, получу, т. к. застрахован был [от] поездок в машине. Если бы Аркадий Руманов узнал — сейчас же потребовал своей (?) доли. Это просто гадина, этот Арк[адий] Вен[иаминович] Р-ъ! Он «своего» великого покойного князя¹ обобрал и обсосал, чем ускорил его смерть. Я это знаю совершенно точно со слов певца Димитрия Смирнова, которому на днях сказала это сестра Николая II — Ксения Алек[сандровна]². Единственная заслуга Ар[кадия] В[ениаминовича]: — он кормит ряд совершенно беспомощных ртов. Но имея — несколько лет тому назад — большие капиталы, не постеснялся выбросить их на шампанское и икру. Забирая у беспомощных ртов дома. Придет на него управа — должна же быть!

Пишу сейчас роман «Любовь и хлеб»³. Давно уже вынашиваю. К осе-
ни закончу. Подзаголовок: A romance of two countries⁴.

Рад, что работаете плодотворно.

Моя жена часто навещает Вашу Ирину. Там все хорошо.

Обнимаю Вас крепчайше.

Осип.

¹ Великий князь — великий князь Александр Михайлович (1866–1933), го-
сударственный и военный деятель, сын вел. кн. Михаила Николаевича и Ольги
Федоровны, внук Николая I. В 1902–1905 гг. был руководителем Главного управ-
ления торгового мореплавания и портов. Был одним из первых руководителей
русской авиации, однако вскоре после Февральской революции был уволен со
службы. В эмиграции (с 1918 г.) жил во Франции, состоял почетным председа-
телем Союза русских военных летчиков; участвовал в деятельности РОВС, покро-
вительствовал Обществу помощи детям русской эмиграции и др. Вместе с А. Ру-
мановым ездил в 1927 г. в Аддис-Абебу, чтобы передать эфиопскому императору
«Ключи от Гроба Господня» (грамота, которая по традиции хранилась у россий-
ского императора). В конце 1920-х гг. великий князь и А. Руманов совершили
лекционную поездку в США. См.: Мемуары вел. кн. Александра Михайловича:
Книга воспоминаний. Париж, 1933.

² Великая княгиня Ксения Александровна (1875–1960) — старшая сестра Ни-
колая II; с 1894 г. замужем за вел. кн. Александром Михайловичем. В эмиграции
вначале жила в Дании вместе с матерью, затем — в Англии.

³ «Любовь и хлеб» — выходных данных фильма обнаружить не удалось.

⁴ A romance of two countries — Повесть о двух странах (*англ.*).

№ 43, 8 ноября [1935 г.] [л. 63]

Dr. Ossip Dymow. 6 Swan Court Chelsea
London S. W. 3
8 ноября

Дорогой мой Доля, простите за то, что молчал: был очень занят, при-
шлось экстренно поработать... Живем мы, как видите, уже у «Вас». Очень
уютно, спокойно. На днях были у нас (у себя?) Ваша дочь с мужем. Ей
хочется уже обратно сюда — так мило, приветливо. Я предложил пере-
дать ей квартиру, но буду считать с большой надбавкой — так что невы-
годно ей. Рад за Вас, что работаете и находите удовлетворение в своей
работе. Это ведь значит очень, очень много, почти 80% писательского
(артистического) труда. «Слава побежденным» — прелестное, чудесное
название!

[Заметка Бурова]: Это я писал ему новое заглавие для моей нов[ой]
повести.

А бедный мой Собинов¹ умер. Мой — потому, что мы были очень дружны — еще со времен моего студенчества. Мы были уже тогда на ты, и он звал меня «Дымок». Был он прекрасный человек, не только певец — чего нельзя сказать о моем другом приятеле более «низкого регистра» — Ф. И. Шаляпине.

Ратов уехал в Нью Йорк на неделю, вернется скоро. И Вы скоро туда уедете — очень, очень прошу Вас: возвращайтесь нагруженным... А то ведь не стоит и ехать. Уверен, что так и будет.

Непреренно передайте от меня дружественнейший привет Брешко-Брешковскому². Так я вижу его перед собою — с сигарой, с мягкими манерами «русского лорда из «Бирж[евых] в[едомостей».

Перед тем как пуститься в плавание — непременно напишите: я Вам дам несколько адресов. Вам пригодятся. Ведь я в Нью-Йорке — дома.

Обнимаю Вас крепко.

Ваш искренно —
Осип.

Р. S. Моя пьеса в Нью-Йорке идет очень хорошо. У меня уже просят драгую. А времени нет.

¹ Собинов Леонид Витальевич (1872–1934) — один из крупнейших представителей русской классической вокальной школы, лирический тенор. В юности пел в студенческом хоре и на любительской сцене, в 1897 г. дебютировал на сцене Большого театра, далее выступал в оперных театрах Петербурга и Западной Европы (в Милане), завоевав мировую известность. Умер 14 октября в Риге, похоронен в Москве.

² Брешко-Брешковский Николай Николаевич (1874–1943) — прозаик, журналист (сын «бабушки русской революции» Е. К. Брешковской). Дебютировал в печати в 1896 г. как прозаик-бытописатель. С 1900-х гг. публиковал статьи о моде, спорте, художественных выставках и т. д. в столичных газетах и журналах. Его многочисленные авантюрные и «исторические» романы, повести и рассказы, печатавшиеся в газетах и тонких журналах, были предназначены массовому читателю с невзыскательным вкусом. В эмиграции после 1920 г., в Варшаве сотрудничал в периодике, написал несколько политических романов (на польском языке в межвоенный период вышло ок. 30 романов). В 1927 г. по требованию властей покинул страну, в Париже сотрудничал с эмигрантской печатью. Во время войны служил в геббельсовском министерстве пропаганды, печатался в газете *Новое слово* (ее редактор В. Деспотули до войны переписывался с А. Буровым). Погиб при бомбежке в Берлине в 1943 г.

6 Swan Court, Chelsea. London S. W. 3

[Рукой Бурова]: Счастлив и я узнать, что Дымову, наконец, очень хорошо. Получил 9 дек[абря] 1935 г.

7 декабря

Дорогой мой Доля! Как? Где? Что? Почему? Отчего? Ну, конечно, Вы откликнетесь! Прошу очень, очень.

О себе — с того места, когда расстались в Париже, а Вы уехали или должны были уехать в царство Hitler'a с другими разбойниками.

Я тоже уехал из Парижа (улетел) в Лондон, поссорившись с режиссером Otzer'ом² и с фирмой (NB. Сейчас Otzer тоже поссорился с фирмой и его заменил муж Anna Sten³, Frenke⁴). Вернулся в Лондон — и сразу удача. Я написал экспозе моего будущего романа (тогда, в июле, он был «будущий»). И сутки спустя это экспозе было продано: т. е. фильмовые права будущего романа были куплены у меня на корню, деньги на стол, контракт и пр[очие] блага. Лето провел на юге Англии, где растут подлинны пальмы. Все время, по сей день, писал этот роман, на днях закончил, он одновременно переведен уже на английский. Теперь, значит, это уже не будущий роман. Вчера сдал. Одобрено и пр. Перевел сын художника Билибина⁵.

А вчера заключил уже новый контракт. На этот раз не на роман, а на пьесу. Опять деньги и пр. А кроме того, я участник в прибылях, во всех: театральных, фильмовых и т. д. Это большое достижение для меня. Главная роль для одной из самых извест[ных] актрис Англии (английская star, не приезжая).

Сейчас, значит: писание драмы (купленной на корню) и подготовка к фильмованию моего романа, что произойдет в марте.

А в конце декабря буду с женою в Париже встречать Новый год.

Вот о себе. О дочери моей? Она вполне оправилась от операции. Работает, довольна.

Очень жду, милый, добрых вестей от Вас.

Всегда Ваш дружески

Осип.

[Сбоку]: Получил (через cable) предложение из Hoolywood: 40 недель гарантированного высокого жалования. Не еду.

¹ Текст письма (не полностью) впервые опубликован в: Шумихин С. Указ. соч. С. 612–613.

² Оцеп Федор Александрович (Fyodor Otzer, 1895–1949) — начинал как журналист, кинокритик, сценарист («Аэлита», 1925). Режиссерский дебют — фильм

«Мисс Менд» (1926), где небольшую роль сыграла 18-летняя Анна Стен, вскоре ставшая его женой. В 1928 г. они уехали в Германию, где Оцеп по договору с «Межрабпом-Русью» снял фильм по пьесе Л. Толстого «Живой труп» («Der lebende Leichnam») с В. Пудовкиным и Анной Стен в главных ролях. Оставшись в Германии, Оцеп в 1931 г. снял фильм «Убийца Дмитрий Карамазов» («Der Mörder Dmitri Karamasoff») по роману Ф. Достоевского «Братья Карамазовы». Главную женскую роль в немецко- и франкоязычной версии исполнила Анна Стен. С 1932 г. Оцеп работал во Франции и др. странах.

³ Анна Стен (Anna Sten, 1908–1993) — начинала как актриса советского немого кино, быстро стала кинозвездой, сыграв в фильмах «Девушка с коробкой» (реж. Б. Барнет) и «Земля в плену» (реж. Ф. Оцеп) и др. В 1928 г. выехала вместе с мужем Ф. Оцепом на съемки в Германию, где ее карьера была также весьма успешной. С 1932 г. по приглашению С. Голдвина снималась в Голливуде. В письме Дымова речь идет о съемках фильма «Одинокая женщина» («A Woman Alone»), реж. Ю. Френке (E. Frenke), который вышел на экраны Лондона 20 мая 1936 г., в Нью-Йорке премьера состоялась 8 мая 1937 г. Среди авторов сценария фигурирует Ф. Оцеп.

⁴ Евгений Френке (Eugene Frenke, 1895–1984) — сценарист и продюсер (русский немец из Москвы), с 1932 г. муж Анны Стен. В качестве режиссера в 1935–1936 гг. снял три художественных фильма, в одном из которых («Одинокая женщина») главную роль сыграла Анна Стен.

⁵ Билибин Александр Иванович (1903–1972) — сын художника И. Я. Билибина от первого брака с художницей М. Я. Чемберс. В 1914 г. с матерью и младшим братом выехал в Швейцарию на лечение. Из-за начавшейся войны не смогли вернуться в Россию, жили в Италии, в Париже, затем приехали в Лондон, чтобы морем вернуться в Петербург, но в связи с начавшейся революцией остались в Англии, где Билибин получил художественное образование и работал как художник театра и кино.

1936

№ 45, 24 мая [1936 г.] [л. 79]

[Рукой Бурова в левом верхнем углу]:

Получено от Дымова из Лондона 26 мая 1936 г.

24 мая

Дорогой мой друг Доля,

Спасибо за то, что вспомнили меня, прислав книжечку¹ А. Воигов. Прочел эти отзывы, собранные воедино, они производят впечатление импозантное. И искренно рад за вас. А ведь признайте: это я — до Адамовича, Пильского, даже Бунина — упорно толкал Вас в Берлине в до Hitler'овское время писать, работать, писать, писать... И то, что я написал в предисловии — опять-таки опередив других критиков, теперь ими

повторяется, варьируется. В этом — говоря уже отвлеченно — акт дружбы: угадать, напомнить человеку о его собственных силах, не давать ему стареть. Бунин прав: истинные успехи приходят позже.

Где Вы? Что с Вами? Где и когда появятся [нрзб] Ваши работы? — Как видите, я все еще в Лондоне. Сейчас работаю над фильмованием своего романа «Пшеница» («Wheat»). Главную роль, верно, будет играть Robert Donat². Сделанный мною фильм «Иов» для Ратова пользуется огромным успехом в Hollywood'е под названием «Грехи человека»³. Верно, скоро увидите его в Париже.

Я в переписке с Рощиной. Ей ужасно плохо — особенно сейчас: отравилась (через рану) рыбьим ядом. Адрес: 110, Rue Thiers Boulogne S/S.

Напишите о себе — подробно, пожалуйста. Что с общими нашими друзьями: Бунин, Руманов, Крымов... Милюков..?

Крепко жму руку
Ваш искреннейше

Осип.

Сейчас веду со скандинавской фирмой переговоры о продаже моей «Ню»⁴ в говорящий фильм. Я запросил 15000 долларов.

О. Д.

¹ Речь идет о сборнике критических отзывов о творчестве Бурова, которые он сам собрал и издал на свои средства отдельной книгой: *Bourov A. / Буров А. Под небом Германии; Земля в алмазах; Была земля.* Берлин: Парабола, 1935. Отзывы опубликованы не только на русском языке, их сопровождают переводы на французский и английский. Буров тщательно следил за отзывами о своих книгах и нередко сам их инспирировал. В книге приведены фрагменты статей О. Дымова, Г. Адамовича, П. Балакшина, П. Пильского и др.

² Роберт Донат (Robert Donat, 1905–1958) — английский киноактер; на театральной сцене с 16 лет, в кино дебютировал в 1932 г., успех ему принесла роль Т. Кальперера в фильме «Частная жизнь Генриха VIII». О его участии в каком-либо фильме по сценарию Дымова никаких данных нет.

³ Фильм «Грехи человеческие» («Sins of man») вышел на американские экраны 19 июня 1936 г. Реж. О. Брауэр, (O. Brower), Г. Ратов (G. Ratoff), роли исполняют: Jean Hersholt, Don Ameche и др. Во Франции поступил в прокат 14 августа того же года.

⁴ Никаких данных о скандинавской экранизации «Ню» не удалось обнаружить, видимо, она не состоялась.

1937

№ 46, 13 января [1937 г.] [67, 68]

[Именная почтовая бумага О. Дымова, типографская печать]:

OSSIP DYMOV
Kensington 7645 87 GRANMER COURT
LONDON S. W. 3.
13 января

Дорогой мой друг Доля,

Совершенно так же и в такой же мере, как я был больно обескуражен, опечален Вашим S.O.S. письмом несколько недель тому назад, я был теперь — к Новому году — обрадован Вашим теперешним «Д. З. Ж» — посланием (Да здравствует жизнь). Действительно и непременно Высшая Сила хранит и оберегает Вас. Я счастлив, что могу написать это с полной искренностью.

От души поздравляю Вас со всеми этими «поцелуями» судьбы! Денежными — дедушкиными — и литературными.

Все время думал о Вас и грыз судьбу, себя (?), обстоятельства. Так хотелось мне помочь Вам, но... Вот уже 7-й месяц без всякой работы!!! Никакой! Кризис английской фильмовой индустрии сильнейший. Разумеется, он отразился на мне, как и на других. Не скоро он и пройдет. Задумываюсь серьезно о том, чтобы ехать обратно в Америку. Даже думал о России и писал в Ленинград брату. Деньги от 3-го пришли с сильным запозданием, на них живу теперь... Как тут поможешь — тут и сам попросишь в долг!

Поздравляю с двойным дедушкинством¹ от души. Вот, думаю, когда же Вы повидаете этих близнецов?

Очень хотел бы прочесть Вашу новую работу. В рукописи она? Не переписана на машинке? А может, пришлете? Я всегда был искренен к Вам — как и вообще стараюсь быть, и никто не обижался на меня, ибо это не было моим намерением. Ведь обижает и сердит и гневит намерение — только.

Кто такой Ридель? При чем Руманов? От него и от его семьи давно ничего не слышал, хотя написал недавно.

Получил ласковое письмо от Крымова.

Грановский² — типичный продукт Востока, гражданск[ой] распри и революции. Основная для него опасность: отсутствие всяких этически-моральных основ. Ведь это первое, что исчезает в период войны и революции.

Еще раз: сердечно поздравляю и обнимаю, как всегда; нет — крепче. Анна Никол[аевна] шлет Вам сердечный привет.

Ваш всегда Осип.

[Сбоку на первой странице]: Если не трудно, пришлите мне рукопись
[Сбоку на странице 3]: От нечего делать пишу пьесу «Ave Maria»

¹ У дочери Бурова Ирины Александровны Кублин родились сыновья-близнецы.

² Грановский Алексей Михайлович (1890–1937) — режиссер театра и кино; основатель Государственного еврейского театра (ГОСЕТ) в Москве (1920–1949), с которым выехал в 1928 г. на гастроли в Германию, где постановки театра пользовались огромным успехом. Оставшись в Германии, Грановский поставил на сцене театра Макса Рейнхардта несколько пьес. Затем снял в Германии три фильма. В 1936 г. Грановский узнал, что тяжело болен (см. письмо Дымова № 47). Он скончался в Берлине 14 марта 1937 г.

№ 47, 23 января [1937 г.] [69, 70]

[Именная почтовая бумага О. Дымова]:

23 января

Дорогой мой друг Доля,

Вижу, что Вы очень продуктивны — прекрасно, и радуюсь за Вас. Это большая радость — быть творчески занятым — на жалованьи или нет. Лучше для самочувствия, ежели без. Но для удобств жизни — с...

«Певец зарубежной печали»¹ — прекрасное заглавие. Я люблю это (приблизительное) сочетание слов. Есть даже пьеса в «подобном стиле»: «Певец своей печали». Но не в том дело. Узнал, что у Румановых случилось несчастье: племянница их, молодая женщина, внезапно потеряла в Египте своего мужа, молодого инженера-кормильца. Осталась бедная Ира с двумя детьми — мальчиками. Трудная ей будет жизнь. И она, и муж Мишель нищенствовали в Париже, едва только устроились — смерть пришла: осложнение инфлуэнцы. Эта инфлуэнца что-то весьма подозрительна: миллион убитых в Испании — не оттуда ли эти проклятые микробы разносятся по всему свету. Род чумы, которая начиналась после (или во время) великой войны — помните.

У меня, кажется, дела пойдут скоро на улучшение. Говорил сегодня с лучшим фильмовиком. Обещал. В понедельник окончательно решится. Обнимаю Вас крепко.

Ваш всегда и неизменно

Осип.

¹ Книга вышла спустя год: Буров А. Певец зарубежной печали. Книга священного гнева: Роман-летопись. Париж, 1938. Название романа явно перекликается с названием первой пьесы Дымова, написанной им в США в 1914 г., — «Певец своей печали». Она пользовалась большим успехом: была (в переводе на идиш) поставлена не только в Америке, но и виленской труппой Цемаха, в варшавском «Скале-театр», переведена на иврит, немецкий, польский языки.

№ 48, 26 февраля [1937 г.] [л. 71, 72]

[Именная почтовая бумага О. Дымова]

26 февр[аля]

Дорогой мой друг.

Я перетрудил свои глаза и берег их — потому не писал. Сейчас прошло. Без глаз нашему брату невозможно.

Неужто для Вас новость, что к общественным событиям, собраниям, чувствованиям и пр. всегда и неизменно примазывается всякая дрянь, которая не допускает подлинных людей из боязни подчеркнуть свою дрянность?! Вот в Лондоне журналистка Тыркова¹ и быв[ший] Саблин² чувствовали Пушкина. Не были приглашены в Комитет следующие: Комиссаржевский³, певец Д. Смирнов⁴, актер Чехов⁵, писатель Дымов, артист Дуван-Торцов⁶, певец Разин. А были какие-то «обыватели»: Маркушина и С°. Хотелось было написать об этом. Плюнул.

...Нет уж, Грановского не ругайте. Я узнал, что он очень, смертельно болен. У него рак легких. Все хочю думать, что это не так, ошибка. Но пожоже на правду.

На днях мы «представляли» новую пьесу Дымова: «Кумир». Я ее написал по-английски. Собралось человек 40. Семеро актеров читали каждый свою роль. Была соответствующая обстановка, музыка — словом, сцена. Впечатление получилось очень благоприятное и сильное. Многие влиятельные театр[альные] деятели заинтересовались. Ну, поглядим, подождем. Очень годится для Парижа — по теме, по тону.

Жду приятных и добрых известий от Вас.

Крепко обнимаю Вас, мой очень старый друг.

Ваш искренно

Осип.

А у Румановых несчастье: умер внезапно муж племянницы Румановой, который только что прекрасно устроился в Египте, молодой инженер. А в Монте-Карло застрелили (Г.П.У.???) его друга англичанина.

¹ Тыркова-Вильямс Ариадна Владимировна (1869–1962) — журналистка, сотрудница журналов *Нива*, *Русская мысль*, *Вестник Европы*; деятельница либеральной оппозиции, одна из организаторов партии кадетов и член ее ЦК, депутат

Государственной думы. В эмиграции (с 1918 г.) жила в Англии, с 1951 г. в США; автор романов, биографий («Жизнь Пушкина», 1929), очерков, воспоминаний.

² Саблин Евгений Васильевич (1875–1949) — последний небольшевикский посол в Англии; с 1924 г., после признания Англией СССР, сыграл большую роль в объединении русской общины в Англии, став уполномоченным по защите прав своих соотечественников. Свой лондонский особняк в районе Кенсингтон Саблин превратил в «Русский дом», где регулярно проводились собрания, приемы и благотворительные вечера, а также хранились многие исторические ценности.

³ Комиссаржевский Федор Федорович (1882–1954) — режиссер, педагог, теоретик театра. С 1906 г. работал в театре В. Комиссаржевской. После смерти сестры организовал в Москве студию, ставшую с 1914 г. театром им. В. Ф. Комиссаржевской. С 1919 г. в эмиграции, работал в театрах разных стран — во Франции, США, Латвии, Австрии, но ближе всего был связан с Англией, где с 1919 г. поставил множество спектаклей разных театральных жанров. В 1925–1926 гг. поставил в Лондоне четыре пьесы А. Чехова. В 1939 г. поселился в США.

⁴ Смирнов Дмитрий Алексеевич (1882–1944) — артист оперы (лирико-драматический тенор) и исполнитель камерной музыки. На профессиональной сцене дебютировал в 1903 г. в московском театре «Эрмитаж»; в 1910–1920 гг. постоянно выступал на сцене Мариинского театра в Петербурге. С 1920 г. за границей, выступал с концертами в разных странах, до 1930 г. ежегодно приезжал на гастроль в СССР. В 1935–1937 гг. жил в Лондоне, выступал на радио ВВС. После смерти жены Л. Мальцевой до 1939 г. жил в Таллине, затем в Риге, где в 1940–1941 гг. пел в оперном театре.

⁵ Чехов Михаил Александрович (1891–1955) — выдающийся актер, режиссер, театральный педагог. В июле 1928 г. выехал с женой в Германию, в Россию больше никогда не вернулся. В 1935–1938 гг. преподавал актерское мастерство в Англии, в частном экспериментальном учебном заведении Дартингтон-холл.

⁶ Дуван-Торцов Исаак Эзрович (1873–1939) — драматический артист; с 1901 г. играл в театре Соловцова в Киеве, в 1912–1914 гг. служил в МХТ, с 1917 — директор театра «Соловцов»; в 1919 г. выехал в Болгарию, где играл на сцене и снялся в нескольких фильмах. В Лондоне, в «Русском доме», вместе с А. Череповым основал «Русский общенародный театр». Умер в Париже.

№ 49, 19 марта [1937] [л. 73–74]

[Именная почтовая бумага О. Дымова]:

19 марта

Дорогой мой друг.

Щади глаза — оттого не писал Вам. Сейчас гораздо лучше. Ведь как приходится утомлять их! А ведь они немолодые.

...Вот и умер мой Грановский! Бедный, милый — умный — циничный — странно сложилась его судьба! Он последний перед страшной гитлеровщиной, которая залила и еще будет заливать весь мир — он в последний раз воспел, возвеличил, украсил и показал всем столицам мира простого

еврея «черты» — его скромность, и его горе, и горький юмор, и его захватывающие сердце мотивы! Не так ли? Он создал еврейский театр в Москве, создал из горничных и недоучившихся евреев-юношей. И как чудесно было его создание. Оно сверкало радугой в Берлине, Париже, Брюсселе... Человека нужно судить по его достижениям, не по его падениям.

Рад за Вас, что работаете и в этом находите счастье и удовлетворение и ненасытимость. Похоже на то, что уходят в отставку боги — еврейский, христианский, мусульманский — и владычествует — чем дальше, тем больше — Великий БОГ ТРУДА!

За приглашение в кругосветное путешествие спасибо. Вы шутите, милый друг, а я думаю о вас серьезно как о человеке предопределенном быть в деньгах, *damned to richness*¹. Неужели не раздумаете — творите миллионы — подобно тому, как Сологуб из жизни творил легенду.

A Gutman'sha, как сейчас узнал, на похоронах не была.

Работаю над новой пьесой «The professional death»². Пишу ее на английском языке.

Очень жду Вашу новую книгу.

Крепко обнимаю

Ваш всегда Осип.

[Сбоку на полях]: Денег у меня нет совсем, кризис бьет сильно.

¹ *Damned to richness* — обреченный на богатство (англ.).

² О пьесе см. письмо № 50.

№ 50¹, 10 апреля [1937 г.] [л. 75, 76]

[Именная почтовая бумага О. Дымова]:

10 апреля

Дорогой мой Доля,

...Ежели бы мне все время пришлось писать по-русски — верно, не выдержал бы: надоело бы брать в рот, «в перо» — все те же слова, буквы, сочетания слов. Опять и опять с малыми вариациями. Но за свою — подсчитано! — долгую литературную жизнь я писал:

- 1) по-русски
- 2) по-еврейски
- 3) по-немецки
- и сейчас
- 4) по-английски.

Не совершенно — но все же достаточно полно, чтобы выразить и мысль, и оттенок ее. Вторую пьесу свою заканчиваю сейчас по-английски. Ежели ошибки в стиле или в выражении — переписчица уж исправит.

Дела здесь фильмовые совсем, совсем плохи. Просто — их нет, исчезли. «City» не дает денег на продукцию. Беда! Когда наладятся дела — сказать трудно, возможно, к осени, не раньше, во всяком случае. Пока же все и все причастные к этой новой ис=индустрии (искусство + индустрия) страдают. Люди разбегаются, оставляют богатую Англию. Мечтают (и только мечтают) о Hollywood'е. А ведь там тоже переперепереполнено.

Что у Вас? Что доброго? Все ли «финансово» хорошо?.. Крымова мне искренне жаль: я люблю его ум. А с характером его сталкиваться не приходится. Приятельствуем.

Не забыть: мой кузен Левинсон-Левине², который два года тому назад внезапно умер «от разрыва сердца», оказывается — покончил с собою: семейные неприятности — секрет.

Жду, как всегда, обстоятельных и сердечных писем Ваших.

Обнимаю крепко и искренне

Ваш Осип.

¹Текст первой половины письма (до слов «Что у Вас?..») впервые опубликован в: *Шумихин С.* Указ. соч. С. 620.

² О Левинсоне-Левине см. примеч. 4 к письму № 16; упоминается также в письме № 27 как Левинсон-Левинэ.

№ 51, 12 мая [1937 г.] [л. 77, 78]

[Именная почтовая бумага О. Дымова]:

12 мая

Дорогой мой друг,

Всякие проволочки, большей частью лишённые золотого налета, мешали писать. Очень думаю о том, чтобы навестить — временно, разумеется, Нью-Йорк. А также полагаю навестить Париж и притом совсем скоро. Суть в том, что я только что получил телеграфное приглашение от баронессы Ротшильд быть ее гостем в течение недели. Так что Majestic Hotel отстраняется. Впрочем, я слышал, что этот Hotel закрылся. И давно пора было.

Дела мои неважны. Фильмовое общество, где я работал («Capital») отказывается платить мне 800 фунт[ов], и я принужден был обратиться в суд. Вероятно, однако, что «примирение» состоится до суда и скоро.

Буду рад повидаться с Вами и поболтать-поговорить по-старому. Мой приезд, надо ждать, состоится через неделю — ежели приму это лестное, во всяком случае, приглашение. Поедет ли со мною моя жена, еще не решено.

Написал еще одну пьесу «Профессиональная смерть», как было когда-то, «гражданская». Правильнее: «Профессионально мертв», т. е. лишен насильственно его профессии.

Обнимаю Вас крепко
Ваш искренне

Осип

№ 52, 1 декабря [1937 г.] [л. 80]

[Конверт] [л. 81]: FRANCE
Alexander Bouroff
115 Rue de la Tour
Paris, 16

[Почтовый штемпель]: New York Sta. N 1937

[В центре]: dec 3

[На обороте рукой Бурова]: От Осипа Дымова из Нью-Йорка

[Сбоку пометка Бурова]:

От Осипа Дымова получил 13-го декабря 1937 г.
Dr. Ossip Dymow. 127 Riverside Drive ap. 51 New York
1 дек[абря]

Дорогой мой юбиляр,

Посылаю Вам свое — поневоле — запоздалое поздравление к Вашему юбилею, сердечно, дружески и крепко обнимаю Вас, дорогой мой, старый и дорогой друг.

Правильно и хорошо написал Плещеев: Бур[д]-Восходов и Буров — два близнеца, близкие сердцу друга. Да живут счастливо оба!

А я, как видите, уже в Америке и верно долго не приеду в Европу. Фильмовый сон в Англии окончился! А без него мне решительно нечего делать ни в Лондоне, ни в Париже. Ликвидировал все и быстро снялся — с женою, разумеется. Здесь надо сызнова начинать жизнь — в который раз? Но ничего, устраиваюсь.

Жаль мне, что не простился с Вами. Авось приедете сюда к нам. Тогда и обнимемся.

А пока: будьте благополучны и счастливы и главнѐхонько: здоровы.
Ваш всегда

Осип

Сердечный привет Вам от жены.

ИСКУССТВО

Ванда Ландовская и Денис Ресто в Америке (письма Д. Ресто, 2002–2004)

*Вступ. заметка, публ. и коммент.
Эрнста Зальцберга (Торонто)*

Говоря о возрождении музыки барокко в XIX–XX вв., нельзя не упомянуть о выдающемся музыканте, педагоге, музыковеде и композиторе Ванде Ландовской. На протяжении многих лет она изучала и всемерно пропагандировала эту музыку, исполняя ее на клавесине — инструменте-предшественнике фортепиано. Помимо этого, Ландовская обучала игре на этом старинном инструменте, читала лекции в консерваториях и университетах, выступала в печати. Ее убежденность в своей правоте и необходимости того дела, которому она посвятила жизнь, помогали ей преодолевать многие трудности и невзгоды.

Ванда Ландовская родилась в Варшаве 5 июля 1879 г. Она начала заниматься игрой на фортепиано в возрасте четырех лет, в 14 окончила Варшавскую консерваторию. Через два года Ванда уезжает в Берлин, где изучает композицию с известным теоретиком Г. Урбаном. В 1900 г. Ландовская обосновывается в Париже вместе со своим будущим мужем Генри Лью, польским писателем, журналистом, актером и этнографом. Здесь начинается ее исполнительская карьера. Программы ее фортепианных концертов включают сначала отдельные произведения композиторов барокко, которые со временем становятся основой репертуара пианистки. С 1903 г. она стала играть короткие пьесы, а затем и целые концерты на клавесине. Ландовская пыталась привлечь внимание к этому забытому инструменту и музыке барокко не только с помощью музыки. Она — автор статей об исполнении на клавесине и (совместно с мужем) книги «La Musique Ancienne» («Старинная музыка», 1909), английский перевод которой появился в 1924 г.

Постепенно география ее концертных поездок расширяется — в 1907 и 1909 г. Ландовская гастролировала в России, где играла для Толстого в Ясной Поляне.

Начиная с 1912 г., она выступает на клавишине фирмы «Плейель», созданному по ее заказу и при ее непосредственном участии. В следующем году Ландовская начинает преподавать игру на клавишине в Берлинской высшей музыкальной школе. С началом войны ее и мужа интернируют в Берлине, что, однако, не мешает ей продолжать педагогическую деятельность в музыкальной школе. Г. Лью погиб в автомобильной катастрофе в 1919 г., после чего Ландовская возвратилась в Париж.

Первый концерт Ванды в Америке состоялся в Филадельфии в ноябре 1923 г. В этом же году она сделала первую запись для фирмы Victor. Ее концертные поездки постепенно охватывают не только Европу и США, но также Латинскую Америку, Северную Африку и Азию.

В 1927 г. в местечке Сен-Лу-ла-Форе, недалеко от Парижа, Ландовская основала школу для изучения музыки барокко (L'Ecole de Musique Ancienne). Здесь в мае 1933 г. она впервые в XX в. публично исполнила на клавишине полную версию «Гольдберговских вариаций» И.-С. Баха. Программы клавишных концертов Ландовской включали все инвенции Баха и его же 48 прелюдий и фуг из «Хорошо темперированного клавира», сонаты Скарлатти, произведения Куперена, Рамо, Генделя, композиторов эпохи Шекспира и польскую народную музыку.

С Ландовской связан интерес к клавишину, проявленный двумя ее выдающимися современниками, композиторами М. де Фалья и Ф. Пуленком. Де Фалья ввел клавишину в партитуру кукольной оперы «Балаганчик мастера Педро», а также сочинил Концерт для клавишина, флейты, гобоя, кларнета, скрипки и виолончели с оркестром. 5 ноября 1926 г. в Барселоне состоялась премьера Концерта. Дирижировал автор, сольную партию клавишина исполнила Ландовская. Она же участвовала в американской премьере Концерта в конце 1926 г. в Бостоне (дирижер — С. Кусевицкий). 3 мая 1929 г. в Париже впервые прозвучал Концерт для клавишина с оркестром Ф. Пуленка (солистка — В. Ландовская, дирижер — П. Монте).

Весной 1940 г., когда германские войска были на подступах к Парижу, В. Ландовская делает запись сонат Скарлатти в одной из парижских студий. Эта запись чудом уцелела во время войны и в 1994 г. была переписана заново фирмой EMI Classics на компактный диск. Несмотря на все ухищрения современной звукозаписывающей техники, во время исполнения Сонаты D Major, Longo 206, явно слышно бухание зениток — отзвуки воздушной битвы, происходившей в это время над городом. Накануне вступления немцев в Париж Ландовская в спешке покидает свой дом в Сен-Лу-ла-Форе (вскоре он был разграблен людьми Розенберга) и бежит сначала в неоккупированную зону Франции, затем в Португалию. 7 декабря 1941 г. Ландовская и ее компаньонка и помощница Д. Ресто приплыли в Нью-Йорк (см. Приложение).

В 1947 г. они переехали в Лейквилл, Коннектикут. Здесь Ландовская продолжает исследовательскую и педагогическую деятельность, отсюда совершает теперь уже не столь частые концертные поездки.

В Лейквилле с 1950 г. по 1954 г. исполнительница осуществила свое «музыкальное завещание» — записала на клавишине весь «Хорошо темперированный клавир» Баха. О жизни Ландовской в Лейквилле был снят документальный фильм для NBC¹.

Она скончалась 16 августа 1959 г. В доме, где жила Ландовская, был создан Центр ее имени, который возглавила Д. Ресто. В нем хранились ноты, рукописи, музыкальные инструменты и личные вещи знаменитой музыкантши.

В. Ландовская обладала сочетанием дарований, редким в XX в. — она была педагогом, ученым и исследователем и в то же время композитором и вдохновенным исполнителем. Этим определяются ее роль и значение в возрождении музыки барокко и, в более широком смысле, в сохранении преемственности и непрерывности музыкального развития.

Денис Ресто родилась 24 ноября 1915 г. в Париже. После окончания школы изучала частным образом рисование, историю искусств и геометрию; училась в Школе прикладных искусств и парижской Консерватории, которую окончила с медалью в 1930 г. С 1933 г. она брала уроки игры на клавишине у Ландовской и изучала с ней репертуар для этого инструмента. Выступала в качестве клавишницы во Франции и других странах, преподавала различные музыкальные дисциплины в Париже и Сен-Лу-ла-Форе. С 1935 г. по 1959 г. Ресто — единственная ассистентка В. Ландовской в ее педагогической работе и концертных выступлениях.

В Нью-Йорке и затем в Лейквилле Ресто преподавала игру на фортепиано и клавишине, читала лекции в университетах и колледжах, выступала по радио и телевидению. Ей принадлежат клавишные записи всех сюит Баха; она принимала участие в записях произведений Баха для клавишны с оркестром, сделанных Ландовской. Ресто — автор-составитель книги «Landowska on Music»² и многочисленных статей и заметок о ее жизни и творчестве. Она же — редактор Каденции Ландовской для фортепианного концерта Моцарта (К. 415), участница документального фильма о Ландовской и бессменный директор Центра Ландовской в Лейквилле с 1959 г. до 2004 г.

В течение многих лет Ресто работала над биографией Ландовской, которая, к сожалению, осталась неоконченной.

Наша переписка началась с того, что в журнале *Clavier* была опубликована моя статья о Ванде Ландовской³. Д. Ресто немедленно откликнулась на нее письмом, отправленным на мое имя в редакцию журнала.

The Landowska Center

Denise Restout 63 Millerton Road
Director P. O. Box 313
Lakeville, Connecticut 06039
Telephone (860) 435-9308
October 10, 2002

Дорогой м-р Зальцберг,

Мне понравилась Ваша статья «The Turbulent Life and Legacy of Wanda Landowska», опубликованная в октябрьском номере журнала *Clavier*, в котором приведены воспоминания моей студентки Ани Лоуренс. Я ценю Вашу приверженность фактам — это, к сожалению, встречается не всегда. И все же я обнаружила у Вас несколько ошибок, о которых, я уверена, Вам будет интересно узнать.

1. Ванда Ландовская никогда не училась игре на фортепиано у Мошковского, они были просто друзьями.

2. Генри Лью не был музыковедом. Он был писатель, журналист и писал о еврейском фольклоре.

3. Он умер в начале 1919 г.

4. Соната Скарлатти, в которой слышны разрывы зенитных снарядов, — D Major, Longo 206.

5. Клавесин фирмы «Плейель», который Ландовская привезла с собой в США в 1941 г., — это не тот инструмент, который был создан в 1912 г., а один из многих, которые были впоследствии собраны по этой модели.

6. RCA хранила большую часть записывающего оборудования в Лейквилле, привозя остальное на каждую из двух-трехдневных сессий звукозаписи.

7. В Центре Ландовской находятся два клавесина фирмы «Плейель». Один — тот, который она привезла с собой в 1941 г. Другой был украден нацистами из Сен-Лу и позднее найден в Германии Додой Конрадом.

8. Коронационный концерт (Моцарта. — Э. 3.) был записан в Лондоне, а не в Париже.

9. Концерты К. 415 и К. 482 (Моцарта. — Э. 3.) были записаны под управлением Артура Родзинского.

10. Ландовская не проявляла большого интереса к своим ранним сочинениям, однако никогда не запрещала их публикации.

11. Ландовская не давала своим ученикам упражнения Таузига и Ганона.

12. Ландовская была солисткой в Концерте де Фалья.

13. Когда Ландовская работала с Пуленком над «Пасторальным концертом», то это делалось не с целью его сокращения, а для того, чтобы

наиболее полно выявить особенности инструмента, и для улучшения оркестровки.

Я надеюсь, что Вы не обидитесь на сделанные замечания. Это моя «служба» — приводить в порядок все, что касается Ландовской, так как я работала с ней в течение многих лет и являюсь единственной владелицей ее бумаг и документов.

С наилучшими пожеланиями,

Сердечно Ваша, Денис Ресто⁴

В ответном письме Д. Ресто я указал источники (статьи, монографию), откуда заимствовал отмеченные ею неточности, и присовокупил, что считаю ее высшим авторитетом в том, что касается жизни и творчества Ландовской, и учту ее замечания в будущей работе. Я также поинтересовался, кто такой Дода Конрад. Вскоре я получил ответ из Лейквилла.

The Landowska Center

Denise Restout 63 Millerton Road
Director P. O. Box 313
Lakeville, Connecticut 06039
Telephone (860) 435-9308
October 10, 2002

Дорогой м-р Зальцберг,

Спасибо за Ваше письмо от 28 октября и за перечень источников, которые Вы использовали в статье о Ландовской в *Clavier*. Я знаю их, и это доказывает лишь то, что и заслуживающие доверия работы могут содержать неточности; я считаю своей обязанностью исправлять их, пока это в моих силах.

Дода Конрад (1905–1997) был польским певцом (бас), сыном известной певицы Марии Фреунд⁵, первой исполнительницы «Лунного Пьеро» Шёнберга. Она жила в Берлине одновременно с Ландовской, которая изучала там композицию, и они делили комнату в пансионе для студентов-музыкантов в 1897–1898 гг. Потом Мария вышла замуж и уехала в Париж. Дода, один из двух ее сыновей, тоже жил во Франции, где стал известным певцом. С началом Второй мировой войны он уехал в США, получил американское гражданство и был призван в армию. Когда Ландовская и я прибыли в Нью-Йорк 7 декабря 1941 г.⁶, Дода, узнав, что мы задержаны на Ellis Island⁷ (как, впрочем, и все другие иностранцы,

прибывшие в страну в этот роковой день), связался со многими знаменитыми музыкантами и заручился их письмами, объясняющими, кто такая Ландовская и почему она оказалась в США. С этими письмами он явился к администрации Ellis Island, и вскоре мы были освобождены.

В конце войны Дода Конрад был послан с группой (нрзб.) в Мюнхен для выяснения судьбы вещей, конфискованных нацистами в Европе. Мы дали ему номера клавесинов, которые были в доме Ландовской во Франции. Каким-то чудом один из них был найден в частном доме в окрестностях Мюнхена. По приказу Доды инструмент был отправлен в Париж, где его проверили люди Плейеля, и затем — в Нью-Йорк Ландовской, куда он и прибыл в 1946 г. Именно на нем она позднее записала «Хорошо темперированный клавир» Баха.

В своей автобиографии, которая была опубликована незадолго до его смерти, Дода Конрад очень хорошо написал о Ландовской, однако и в этот текст вкрались неточности.

Я была бы рада получить копию Вашей статьи о Ландовской на русском языке⁸, которая пополнит мою коллекцию публикаций о ней. Заранее благодарю Вас за это.

С самыми теплыми пожеланиями,

Искренне Ваша, Денис Ресто

Я отправил Д. Ресто свою статью о Ландовской на русском языке и получил ее ответное письмо.

The Landowska Center

Denise Restout 63 Millerton Road

Director P. O. Box 313

Lakeville, Connecticut 06039

Telephone (860) 435-9308

October 10, 2002

Дорогой м-р Зальцберг,

Спасибо за письмо от 24 ноября и копию статьи на русском языке.

Книга Д. Конрада озаглавлена «Dodascalies: Ma chronique du XXe siècle», она написана по-французски и издана в 1997 г. издательством Actes Sud. Fond d'Action (нрзб.) Le Mejan Place Nina Berberova 1320 Arles, France. Это поразительные воспоминания о многих музыкантах, артистах, писателях и других известных людях, которых знал Дода. Он был замечательным рассказчиком, но иногда не слишком строго придерживался фактов. Надя Буланже⁹ часто говорила ему:

«Вы знаете, я была бы рада верить Вам. Но Вы говорите о столь многих вещах... и в этом всегда есть доля правды. Однако Вы преподносите их так, что Вам никто не верит». На что Дода ответил:

«Но Вы же знаете, что я никогда не лгу!»

«Вы действительно никогда не лжёте, Дода?»

«Клянусь — никогда!»

«Теперь Вы видите, что я была права, не веря Вам!»

В своей книге он очень хорошо написал о Ландовской, но допустил несколько ошибок. Я отправила ему их перечень (для последующих публикаций), но он его не видел — Дода умер за несколько дней до того, как я послала ему это письмо (1 декабря 1997 г.).

Если Вы достанете его книгу, то дайте мне знать, и я вышлю Вам этот же перечень.

Я же отправляю Вам копии следующих материалов:

1. Статьи, опубликованной в «Women Composers», vol. VI, 1999¹⁰.

2. О роли В. Ландовской в XX в. (статья, написанная для польско-американского журнала *New Horizon*; она же была опубликована на польском языке в Варшаве¹¹).

3. Истории нашего прибытия в США 7 декабря 1941 г.¹²

4. Истинной истории о том, где и кому Ландовская сказала: «Вы играете Баха по-своему, я же играю его так, как играл бы он сам»¹³.

Я дам Вам знать, когда биография будет написана¹⁴.

С наилучшими пожеланиями, Денис Ресто

Вскоре я получил от Д. Ресто новогоднюю открытку. Это было ответом на мое поздравление, в котором я обратил внимание на то, что мы родились в один и тот же день — 24 ноября.

Эрнсту Зальцбергу

С самыми лучшими пожеланиями. Какое совпадение, что мы родились в один и тот же день, но, я уверена, не в одном и том же году.

Сердечно Ваша, Денис Ресто

Следующее письмо от Д. Ресто я получил в марте 2003 г. в ответ на мое письмо от 3 марта, в котором спрашивал о книге *de Vries W. «Sunderstubb Musik»*¹⁵.

**Ms. Denise Restout
Landowska Centre**

PO Box 313
Lakeville CT 06039
March 17, 2003

Дорогой м-р Зальцберг,

Спасибо за Ваше письмо от 3 марта. Посылаю Вам копию моей рецензии на книгу W. De Vries. В ней Вы найдете издателя английского перевода книги (University of Michigan Press, Ann Arbor, Mi).

Я дам Вам знать, когда биография будет опубликована¹⁶.

С лучшими пожеланиями,

Искренне Ваша, Денис Ресто

В конверт была вложена машинописная рецензия на двух страницах на указанную выше книгу. Привожу из нее фрагмент, имеющий отношение к Ландовской:

«В четвертой части книги подробно описано несколько случаев, к которым был причастен автор. Так, в Нюрнберге он обнаружил четыре манускрипта Мийо, которые сохранила немецкая семья, пряча их в ворохе бумаг для топки печки. Здесь же он нашел два письма Мануэля де Фальи Ландовской. Благодаря настойчивости д-ра de Vries, манускрипты Мийо были возвращены его вдове, мадам Мадлен Мийо, а письма де Фальи – мне, единственной наследнице Ванды Ландовской. Это произошло через 50 лет после их конфискации! Чувство удовлетворения от их возвращения было омрачено тем, что ни Мийо, ни Ландовская не дожили до этого времени».

В письме от 24 ноября 2003 г. я спросил о происхождении писем де Фальи Ландовской, на которые ссылается Д. Ресто в своей книге «Landowska on Music». В ответ я получил открытку со штампом от 30 марта 2003 г.

Дорогой м-р Зальцберг,

Спасибо за Ваше письмо от 24 ноября.

Письмо де Фальи, которое я цитирую в книге «Landowska on Music» (1965, стр. 346), конечно, не из тех, которые были вывезены нацистами из Сен-Лу в 1941 г. и найдены д-ром de Vries в 1992 г.!

Цитата приведена из одного из двух писем, которые я нашла между страницами записной книжки Ландовской конца 30-х годов, которую она взяла с собой, покидая Сен-Лу в июне 1940 г.

С уважением, Денис Ресто

Вскоре я получил от Д. Ресто поздравительную открытку со штампом 22 ноября 2003 г.

Эрнсту Зальцбергу

С днем рождения, и спасибо за Ваши пожелания. В этом году я получила их в количестве не меньшем, чем число клавиш на фортепианной клавиатуре.

Сердечно Ваша, Денис Ресто

Последнее письмо от Д. Ресто помечено датой на конверте 25 августа 2003 г.

На копии заметки из *Lakeville Journal*, август 2003 г., рукой Ресто написано:

«Я подумала, что (нрзб.) будете рады прочитать это. Я получила такие высокие награды — это свидетельство того, что Ландовскую все еще высоко ценят в Польше».

Вот текст этой заметки:

«Денис Ресто, живущая в Лейквилле, была удостоена кардиналом Йозефом Глемпом золотой медали за помощь в жизни и работе уроженке Польши Ванде Ландовской, всемирно известной клавесинистке, пианистке и композитору. Ресто была также вручена премия им. Влодзимежа Петшиака, присуждаемая католическим объединением Civitas Christiana в Варшаве за “достижения в исследовании старинной польской музыки... и пропаганду польской культуры в США”. Награды были вручены Ресто в Нью-Йорке отцом Regis N. Barwig, настоятелем монастыря Богоматери в Oshcosh, Wis. (N. Barwig — переводчик десяти записных книжек-дневников Ландовской-подростка, написанных по-польски. Английский перевод дневников будет включен в биографию Ландовской, которую готовит к печати Ресто¹⁷). (Текст в скобках впечатан в заметку на машинке. — Э. З.)

Центр Ландовской в Лейквилле был ее домом в течение 12 последних лет ее жизни. Здесь она преподавала, делала записи для RCA Victor и писала статьи. После смерти Ландовской в 1959 г. Ресто сохранила ее библиотеку и музыкальные инструменты. Она преподает игру на клавесине и автор статей о Ландовской».

В ответ на мое письмо от 6 сентября 2004 г. я получил от адвоката Ресто уведомление о том, что она скончалась 9 марта 2004 г., и вся коллекция Ландовской передана в Библиотеку Конгресса США.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Помощница Ландовской вспоминает их приезд в США утром 7 декабря 1941 г.

Денис Ресто

Ранним утром 7 декабря 1941 г. пароход S/S Exeter, преодолевая крупную зыбь, приближался к американскому берегу. Большинство пассажиров, взошедших на борт 11 дней тому назад в Лиссабоне, были жителями европейских стран, оккупированных немцами. Одну из кают занимала моложавая дама (ей было чуть больше 60) и я, ее молодая компаньонка — обе из Франции. Дама была миниатюрной женщиной ростом около пяти футов, с пронизательными коричневыми глазами и собранными в тугий узел черными волосами. Ее внешность сразу выдавала еврейское происхождение, а французское произношение звука «р» указывало на то, что она — выходец из славянской страны. Во второй раз война вырвала ее из привычной обстановки, лишила почти всего состояния и, на этот раз, угрожала жизни (ее имя было внесено в «черные списки» гестапо).

Пароход подплывал к причалу. Мы складывали вещи и старались сохранять спокойствие и скрыть друг от друга чувства острой боли и ностальгии о потерянном и тревоги о родных и близких, оставшихся под властью немцев. Возбуждение, связанное с тем, что мы достигли, наконец, берегов свободной Америки, смешивалось со страхом и надеждой на новую жизнь, которая ожидала нас здесь.

Неожиданно дверь в каюту распахнулась; осунувшийся и взволнованный стюард кричал нам что-то. Не зная ни слова по-английски, все, что я смогла уловить, было: «Японцы... Пирл Харбор... атака». Мы смотрели друг на друга с полным недоумением.

Ванда и я вышли на палубу. Матросы и офицеры сновали по ней, на ходу отвечая на вопросы пассажиров. Из громкоговорителей неслись резкие команды.

Наконец пароход остановился. Мы были в карантине, за спиной статуи Свободы. Иммиграционные и таможенные чиновники взошли на борт, а пассажиров собрали в главном холле. По одному или парами, все они были подробно допрошены, паспорта проверены и перепроверены. Так прошло несколько часов, но нас никто не вызывал. К вечеру в холле остались мы и еще шесть-восемь пассажиров. Нам выдали холодный ужин и отправили обратно в уже не отапливаемые каюты. Мы провели мучительную ночь на борту неподвижного и обезлюдившего парохода,

ошеломленные и уставшие до такой степени, что не могли говорить друг с другом.

Утром наступило некоторое оживление. Багаж подняли из трюма и в беспорядке сгрузили в стоявшую рядом с нашим пароходом баржу. Чуть позже мы спустились по лестнице в небольшую моторную лодку, которая, тарактя, пересекла залив и через несколько минут пришвартовалась у массивного квадратного сооружения, напоминавшего укрепление или тюрьму. Над входом на камне были выбиты слова Ellis Island. Мы вошли внутрь и, сопровождаемые охранниками в униформе, проследовали длинным коридором в большой, с высокими потолками зал, переполненный людьми. Здесь стоял невообразимый шум. Сотни людей, в основном японцы, кричали, жестикулировали, размахивали в гневе кулаками. Ванда и я, онемевшие от испуга, пробрались к расположенной вдоль стены скамье. Время тянулось медленно. Вдруг Ванда стала дергать меня за рукав, ее глаза оживились. Став на цыпочки, она указывала на что-то. Пробираясь через толпу, мы достигли дальнего угла зала, где стояло пыльное заброшенное пианино. Сев на ветхий круглый стул, Ванда взяла несколько аккордов. Пианино было совершенно расстроено, клавиши были грязные и покрыты пылью. Я вытащила носовой платок и стала протирать их. Несколько человек окружило нас, они сочувственно покачивали головами и, очевидно, думали про себя: «Бедная женщина, она совсем свихнулась!» Ванда обратилась ко мне: «Мы не знаем, почему мы здесь и как долго здесь пробудем, но я хотя бы могу работать!» И она стала играть, несмотря на то, что звуки фортепиано были почти неслышны из-за царившего вокруг шума. Не обращая на него внимания, Ванда продолжала музицировать, полностью отрешившись от окружающей обстановки.

По счастью, ошибки в паспортах, вызвавшие нашу задержку, усугубленную шоком и неразберихой, последовавшими за нападением на Пирл Харбор, были исправлены, и на следующий день мы были освобождены.

Два месяца спустя, та же хрупкая женщина снова играла в переполненном зале. На этот раз это был нью-йоркский Таун холл. После последних звуков «Гольдберговских вариаций» Баха, исполненных на клавесине, аудитория стоя приветствовала Ландовскую, перемежая аплодисменты криками «браво». Хотя ее прибытие в Новый Свет было не совсем гладким, теперь Ванду принимали с теплотой и энтузиазмом, столь характерными для американской публики.

Америка стала ее прибежищем, и последние 12 лет она прожила в Лейквилле, в доме на улице Oak Knoll, который так любила.

- ¹ Landowska: Uncommon Visionary. Attie, Goldwater and Pontius Production, 1997.
- ² Landowska on Music / Collected, translated and edited by Restout Denise, assisted by Hawkins Robert. New York, 1964; London, 1965. Русский перевод: Ванда Ландовска о музыке / Сост. Ресто Дениз. М.: Радуга, 1991.
- ³ *Zaltsberg E.* The Turbulent Life and Legacy of Harpsicordist Wanda Landowska // *Clavier*, October 2002: 16–21.
- ⁴ Здесь и далее перевод с английского Э. Зальцберга.
- ⁵ Мария Фреунд (урожд. Хеншел, 1876–1966) — известная немецкая певица-сопрано.
- ⁶ В этот день японцы без объявления войны напали на Пирл-Харбор.
- ⁷ Ellis Island — небольшой остров вблизи Нью-Йорка, бывший приемным пунктом иммигрантов в США. С 1892 по 1954 г. через иммиграционную службу Ellis Island прошло более 12 млн иммигрантов.
- ⁸ *Зальцберг Э.* Ванда Ландовска — открыватель забытого и виртуоз // *Евреи в культуре русского зарубежья. Т. 4* / Сост. и издатель М. Пархомовский. Иерусалим, 1995. С. 453–468.
- ⁹ Надя Буланже (1887–1979) — французский музыкант, дирижер и выдающийся педагог. Среди ее учеников: Д. Баренбойм, Л. Бернштейн, Д. Гершвин, А. Копланд, Ф. Гласс, Ж. Ибер, М. Легран, Д. Липати, И. Маркевич, Д. Менотти, Д. Мийо и др.
- ¹⁰ *Restout Denise.* Wanda Landowska (1879–1959) // *Women Composers: Music Through the Ages* / Edited by S. Glickman and M. F. Schleifer. Vol. 6. New York: G. K. Hall & Co, 1999.
- ¹¹ *Restout D.* The Role of Wanda Landowska in the Twentieth Century // *New Horizon*, 2000. October.
- ¹² *Restout D.* Wanda Landowska's Aide Recalls U. S. Arrival on Morning of Dec. 7, 1941 // *Lakeville Journal*. Dec. 5. 1991. См. также Приложение.
- ¹³ *Restout D.* Casals, Not Tureck // *Clavier*. Vol. 41. № 10. December 2002.
- ¹⁴ Речь идет о биографии Ландовской, над которой Ресто работала в течение многих лет и так и не успела ее закончить.
- ¹⁵ *Vriest W. de.* Sonderstüb Musik: Music Confiscations by the Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg under the Nazi Occupation of Western Europe. Amsterdam: Amsterdam University Press, 1996.
- ¹⁶ См. примеч. 14.
- ¹⁷ Там же.

С. А. Сорин в Америке

Александр Шило (Харьков, Украина)

Имя Савелия Абрамовича Сорина (1878–1953)¹ встречается в исследованиях, посвященных изобразительному искусству русской эмиграции, в разнообразных дневниках, мемуарах и эпистолярной крупнейшей представителей художественной культуры рубежа XIX–XX вв. — А. Н. Бенуа, А. М. Горького, И. Э. Грабаря, К. А. Сомова, К. И. Чуковского и др. [1; 2; 9; 10; 11; 16; 27; 28; 30]. Ему была посвящена статья С. К. Маковского в журнале «Жар-птица», выходящем в Берлине в 1922 г. [17], в 1929 г. там же был издан альбом его портретных работ.

Сорин довольно рано связал свою жизнь с Америкой, поэтому следы его деятельности следует искать не только в эмигрантских и западноевропейских, но и в американских источниках. Помимо тех произведений, которые остались в России с дореволюционных времен, небольшая часть наследия Сорина (20 портретов) была передана вдовой художника в Третьяковскую галерею в 1973 г. В 1974 г. здесь же прошла их выставка, был издан скромный каталог [26], после чего портреты разошлись по разным музеям. Тогда же небольшая статья о художнике с публикацией нескольких репродукций появилась в самом массовом советском журнале *Огонек* [32]. Впоследствии его работы эпизодически появлялись на различных тематических выставках [15].

В последнее время две статьи о художнике были опубликованы в серии «Евреи в культуре русского зарубежья» [5, 22]. Разнообразные упоминания о С. А. Сорине встречаются во многих выпусках этой серии.

И все же место творчества Сорина в пантеоне мирового и отечественного искусства до сих пор не определилось. Еще не написаны сколько-нибудь обобщающие работы, посвященные его творчеству, и оно практически не исследовано. Мы не представляем сегодня не только его объема, но даже не можем выделить базовые, наиболее принципиальные работы.

Фактография жизни и деятельности Сорина затруднена тем, что пока не обнаружено связанного с ним крупного архивного блока, отложившегося в каком-либо госхранилище или частном собрании. Неизвестно,

существовал ли какой-либо личный архив, и сохранился ли он. Отсутствие собранных в одном месте материалов личного свойства (письма, дневники, вырезки из газет) обрекает исследователя на поиски таковых в имеющихся архивах, современной художнику прессе и печатных изданиях. Трудности такого рода изысканий усугубляются тем, что география передвижений мастера в самый плодотворный период его творчества была связана с различными городами Старого и Нового Света, а в общих описаниях западных архивов обычно не содержатся упоминания его имени.

И тем не менее намечать подходы к изучению творческого наследия Сорина можно и нужно.

Натренированный глаз научился замечать тень художника в разнообразных контекстах, — но эти сведения почти всегда обнаруживаются на втором и третьем плане, среди случайных упоминаний и маргиналий, его тень чаще мелькает в различных контекстах, не имеющих к нему прямого отношения. Складывается устойчивый образ «человека из примечаний», число которых по мере поисков постепенно увеличивается.

Традиционная реконструкция биографии в этом случае неизбежно делает исследование жизни и творчества художника схематичным и вторичным — оно превращается в пересказ чужих примечаний, которые, в свою очередь, часто сами оказываются пересказами. После ряда попыток начать статью ко мне пришло понимание, что ее нужно построить, следуя специфике найденного материала — как монтаж собранных за много лет примечаний, которые кое-где удастся прокомментировать, скорее ставя вопросы и обозначая проблемы, чем находя ответы и решения.

В результате получился несколько странный по жанру текст. Примечания, фрагменты дневниковых записей, выдержки из статей, извлеченные из контекста, приобрели некое самостоятельное сюжетное существование, связанное с годами, проведенными художником в Америке. Где-то подробно обозначились мелочи повседневности, где-то выплыли скудные биографические сведения, свидетельства участия в выставках и вдруг — прямая речь самого художника, его записи или записи современников о нем.

Жанровая неоднородность и многоголосица исходного материала дали возможность увидеть не только и не столько произведения С. А. Сорина (опубликованные образцы, как правило, случайны, полный массив работ художника, выполняемых, главным образом, на заказ и разошедшихся по миру, сейчас неизвестен и недоступен для изучения), сколько образ его жизни, черты характера. Он не вышел из тени, но, как на школьном уроке рисования, на глубоко затененный силуэт оказалась наложена калька, и исчезающей и размытой форме был придан некий контур.

Не могу с уверенностью сказать, что этот контур адекватно и полно отражает реальность: что-то пришлось угадывать, в чем-то тень оказалась слишком глубока, и форма осталась неопределенной.

Но это все-таки попытка более или менее систематизировать материал. Так, видимо, и надо понимать этот текст: не как исследование творчества художника, а как материал к этому исследованию, которое, разумеется, все еще впереди.

Сорин приехал в Америку в 1923 г. уже сложившимся и снискавшим европейскую известность мастером репрезентативного портрета.

Мотивы приезда были более чем прозаические: новые заказы, которые исходили от крупных американских финансистов. Сорин сразу принялся за работу, которую он выполнял медленно и скрупулезно, в тщательности портретирования не уступая Серову и Сомову. Но эта работа происходила вдали от глаз как публики, так и коллег. На виду же оказалось нечто другое: Сорин сразу же окунулся в водоворот художественной жизни Америки.

Вот лишь некоторые события сезона 1923/24 года, в которых участвовал Сорин:

— выставка современного русского искусства в Бруклинском музее (участники Б. Анисфельд², А. Яковлев³, А. Архипенко⁴, Д. Бурлюк⁵, Б. Григорьев⁶, С. Судейкин⁷, Л. Бакст⁸, В. Кандинский⁹) [29, с. 169];

— выставка в «Новой галерее» на Мэдисон-авеню в Нью-Йорке (среди участников П. Пикассо, А. Матисс, Ж. Брак, А. Модильяни, Х. Сутин¹⁰, Мари Лорансен¹¹) [8];

— Передвижная выставка русского искусства в Америке (Grand Central Palace в Нью-Йорке).

Подробно об участии Сорина в организации этой работы вспоминал в своей автобиографии И. Э. Грабарь¹²:

«На другой (после прибытия в Нью-Йорк. — А. Ш.) день к нам в гостиницу пришли художники С. А. Сорин, С. Н. Судьбинин¹³, Б. Д. Григорьев, С. Ю. Судейкин, Б. И. Анисфельд и Давид Бурлюк.

Сорин жил в Париже, наезжая ежегодно на несколько зимних месяцев в Нью-Йорк. В то время он имел уже репутацию большого портретиста и писал портреты американских миллиардеров. Писал он иначе, чем в бытность свою в России, когда он выставлялся на “Мире искусства”. Его портреты, всегда интересные по композиции, обычно сложные и обстановочные, были теперь скорее картинами, чем портретами в собственном смысле слова. По технике они также сильно отличались на выставках от

других; Сорин писал исключительно акварелью и гуашью, отчего они, для своих больших размеров, слишком акварельны — скорее расцвеченные рисунки, чем живопись. Лучший из них — Анны Павловой. Во время устройства выставки Сорин помогал нам советом и связями, очень сочувствуя выставке.

<...> Еще до открытия выставки туда приходили все бывшие в то время в Нью-Йорке русские. А их было множество — подлинный “русский сезон”. В самом деле, кроме нас там был Шаляпин, выступавший в опере, была Анна Павлова, были Балиев со своей “Летучей мышью”, Фокин со своим балетом и школой, К. С. Станиславский с Художественным театром, с В. И. Качаловым, И. М. Москвиным, О. Л. Книппер-Чеховой и другими. В Нью-Йорке были С. В. Рахманинов, А. И. Зилоти, И. Л. Толстой, скрипачи Ауэр, Яша Хейфец. Несмотря на всю разнокалиберность этой публики, вся она служила делу пропаганды русского искусства. Русское было решительно в моде» [11, с. 277–283].

Письма Грабаря жене, которые он отправлял почти ежедневно, превратились в своеобразную хронику выставки и содержат живые упоминания об участии Сорина в ее организации.

10 февраля 1924: «<...> вечером бесконечные совещания, в которых кроме нас, приехавших, да еще племянника Сомова¹⁴ и Гришковского¹⁵, принимают участие Судьбинин, Сорин и некто Цанов, болгарин, окончивший в Нью-Йорке гимназию и университет, славист и востоковед. Хочу Тебе в нескольких словах рассказать об этих совещаниях <...> и дать несколько летучих характеристик. <...>»

Сорин Савелий Абрамович сделал большие успехи, и его вещи гораздо серьезнее прежних. Имеет немало заказов разных барынь. Между прочим рисовал Орлову (серовскую), кстати, умершую в прошлом или позапрошлом году. Все это большие рисунки, слегка расцвеченные карандашами. Не прочь продать хорошую вещь, “Павлову” в Трет[ьяковскую] галерею, за небольшую цену, причем готов не брать денег, т. е. ни за что не хочет брать их, предоставляя отдать нуждающимся русским художникам, или на покупку красок им и т. п. Он все время говорит о необходимости тесного контакта со всеми русскими художниками. Вся его семья, мать, братья, сестры (не знаю, есть ли жена) находятся в России. Судьбинин и Сорин сначала говорили, что они едва ли смогут выделить что-нибудь из состава своих американских выставок (сейчас закончилась одна в Вашингтоне — их общая — и она поехала в Филадельфию), но, увидавши состав выставки за эти несколько дней, круто изменили свое отношение: [Судьбинин] хочет сейчас выставить уже 15 вещей, а Сорин просит целой комнаты. Это во всяком случае говорит за высокий уровень выставки и, видимо, ими ее удельный вес учитывается не низко. <...>» [10, с. 98, 102].

19 апреля 1924: «<...> Вчера на выставке была Анна Павлова, которую привез ее приятель Сорин. Должен сказать, что Сорин оказался очень милым, порядочным и глубоко доброжелательным человеком. Мы очень с ним сошлись все, он и Судьбинин аккуратно в течение семи недель и даже двух месяцев ежедневно проводили на выставке примерно с 4 до 9–10 часов <...>. Сорин очень умен, чего нельзя сказать про Судьбинина, говорит тихо, размеренно, задушевным голосом. Сперва мы думали, что он способен на тонкую интригу и даже, может быть, плетет ее против нас. Оказалось, что мы ошиблись. Нет ничего приятнее, как ошибиться в человеке, которого считал хуже, чем он есть. Он очень душевный и хороший человек, всячески помогающий и сочувствием и деньгами лицам, часто этого вовсе не заслуживающим, против него же интригующим и всячески его поносящим <...>. Он это знает, но не может себя побороть и все <...> прощает. Можешь себе представить, сегодня Сорин прислал на выставку при письме 8 куличей и 8 пасок, да ящик яиц, нам на разговенье! Мало того, он готов купить за 1000 долларов одну скульптуру Коненкова, которой тут не оценили и никто не берет, а это едва ли не лучшая вещь <...>» [10, с. 130–131].

21 апреля 1924: «Ну, вот и закрыли выставку. <...> Есть несколько действительно сильных ударов: Грабарь — если Вы мне разрешите полагаться этой нескромностью, — Кончаловский¹⁶, Петров-Водкин¹⁷, Машков¹⁸, Лентулов¹⁹, Колесников²⁰, Борис Григорьев, все-таки Рылов²¹, Александр Яковлев, Сорин и особенно Коненков²² и, может быть, Голубкина²³ <...>» [10, с. 133].

10 мая 1924: «Сорин и Судьбинин хотят от себя, в качестве художников, имеющих в Америке большое имя (Сорин имеет большее гораздо, чем Бакст, в портрете), уже не в первый раз приезжающих сюда, подолгу здесь живущих и знающих и мод и мир дельцов и весь быт вокруг покупки-продажи картин, хотят написать с своей стороны в Особый комитет и в Комитет художников свое мнение по поводу того, что нам удалось достигнуть при данных обстоятельствах. Они открыто говорят всюду, что такой гигантский, совершенно исключительный успех моральный и материальный не выпадал на долю ни одной выставки, какая когда-либо была в Нью-Йорке» [10, с. 138].

Эти записи Грабаря дополняют письма К. А. Сомова.

Из письма К. А. Сомова В. В. Воинову²⁴, 4 апреля 1924: «<...> Трудное дело было и реклама. Устроить ее в американском масштабе было для нас совершенно невозможно из-за отсутствия денег — нужны были бы десятки тысяч долларов. Мы принуждены были делать ее кустарным способом. <...> Советчиками нашими были <...> живущие теперь в Нью-Йорке Сорин, Судьбинин, Судейкин. Они очень сердечно отнеслись к нашему делу. Они рассказали нам много неутешительного. О равнодушии

американской публики к искусству вообще, об их непонимании, о том, что они мало приобретают картин, и о существующих на картины ценах» [16, с. 235–237].

Из письма К. А. Сомова А. А. Михайловой²⁵, 1 мая 1924: «<...> 20-го после закрытия выставки в 10 ч. веч. мы всей компанией с дамами (которые даром нам помогли продавать каталоги и фотографии) пошли в маленький симпатичный и дешевый итальянский ресторанчик Барда, заказали скромный ужин <...>.

Было очень мило, человек 20, говорили тосты, благодарили всех сослуживцев. Это была здешняя Пасха, наша была неделю спустя.

Сорин был очень мил и прислал нам, каждому художнику отдельно, по вкусной пасхе, куличу и по 6 крашеных яиц. Каждый из нас унес эту добычу домой. Вообще Сорин, которого я раньше сторонился, оказался очень хорошим человеком, очень нам сочувствующим. Некоторые и до сих пор его ругают, но я не верю, думаю, из зависти. Он имеет здесь хороший успех, портреты его нравятся, на днях на выставке в Питтсбурге он получил *mention honorable* (почетный отзыв. — фр.) и связанные с этим отличием 300 долларов» [16, с. 241].

Отзывы о выставке говорят о ее успехе.

«Тот несомненный успех, который наша выставка имеет в Нью-Йорке, гораздо острее и шумнее, чем успех знаменитой Дягилевской выставки в Осеннем Салоне 1905 г. Я это имею право утверждать, ибо принимал близкое участие в создании обеих. Этот успех уже один — огромное дело, ибо он открыл ряд новых имен, до того совершенно неизвестных в Америке <...>», — писал И. Э. Грабарь [10, с. 118].

«<...> Конечно, картины привезены в Америку с коммерческой целью. Но выставка представляет огромный интерес. Во время крушения прежних идеалов русские живописцы сохраняют прежние традиции», — писала *New York Tribune*.

«Русское искусство производит ошеломляющее впечатление», — «захлебывалась» *New York Times*.

«Эти 1200 работ производят шок, представ перед глазами зрителя. Многие из продемонстрированного весьма экзотично для Америки, но все работы полны удивительного человеческого тепла», — таково было мнение автора *New York American*.

«Сегодняшняя выставка в Нью-Йорке — потрясающее событие. Мы можем почувствовать настоящую русскую душу. Такой выставки в Америке еще не было», — считал корреспондент *Art News* [13].

Интенсивность участия Сорина в художественной жизни США не снижается и в последующие годы, несмотря на то, что он был в постоянных разъездах между Новым и Старым Светом:

- 1924–1925: персональная выставка в Питтсбурге и Нью-Йорке (в галереях Wildenstein и Knoedler) [24, с. 427; 28, с. 372; 18];
- 1927: персональная выставка в Нью-Йорке в галерее Wildenstein [28, с. 372]; персональная выставка в Чикаго [24, с. 427];
- 1932: участвовал в Выставке современного русского искусства в Филадельфии, в Уилмингтоне [24, с. 427]; персональная выставка в Сан-Франциско [1, с. 55];
- 1934: персональная выставка в Нью-Йорке в галерее Wildenstein [18].

Американская пресса доброжелательно отнеслась к творчеству Сорина. *Арт Ньюс* пишет в 1934 г. о его выставке: «Около 40 портретов представляют мужчин, женщин и детей, которых даже наша демократическая страна относит к высшему обществу. Вместе с тем, выставка разнообразна и интересна. В большинстве случаев модель изображена по пояс на светлом фоне, не перегруженном деталями. Композиции просты и убедительны. Поза предполагает уверенное знание модели. Особенно удаются Сорину женщины. Его проникновенное понимание различных женских типов выдает себя даже в изображении костюма каждой дамы» [24, с. 427].

Своим материальным успехом Сорин был обязан семье финансиста О. Кана. В разных источниках встречается различное написание его имени: Кон (Kohn, Sohn), Кан (Kahn). Речь идет об известном американском банкире и филантропе Отто Германе Кане (Otto Hermann Kahn)²⁶, ставшем первым американским заказчиком художника. Именно он ввел его в круг американского истеблишмента, впоследствии обеспечившего Сорина заказами, работой и достойным уровнем жизни. Это обстоятельство сразу же стало предметом многочисленных пересудов среди коллег. Вот некоторые свидетельства этого:

«<...> Сейчас в Вашингтоне выставка Судьбинина и Сорина. <...>. Сорин — сладкий дамский портретист, рисунки которого появились на последних петербургских и московских выставках “Мира искусства” перед самой революцией, остался совершенно таким же, хотя многие и находят, что он стал лучше: все та же патока и модная картинка. Но бабам нравится. Приехав в Нью-Йорк, он попал в дом к миллиардеру Кону <...> и поселился у него. Из этого ничего не выходило. Тогда ему сказали, что Коны должны сами начать его муссировать среди своих знакомых. Тут очень развита ревность: если Miss Cohn писалась у russian painter’a Mr Sorin’a, то почему же Miss Danziger не может писаться у него? И так это пошло. Он получил много заказов и берет за портреты — большие рисунки, тронутые акварелью — по несколько тысяч долларов. Не 7000, как он сам о себе писал в Россию “в письмах к друзьям”, но все же и 3 и 4 тысячи. <...>» (И. Э. Грабарь, 20 января 1924 [10, с. 91]).

Шухаев²⁷ вспоминает: «Была у Сорина удивительная способность — когда он рисовал человека, то добивался поразительного сходства с натурой, рисунок его всегда был нежный, линейный, тонкий. Но если модели в жизни было шестьдесят лет, то на портрете работы Сорина ей можно было дать не больше сорока. Портретируемым это всегда очень нравилось» [19, с. 68, 115].

«Правда ли (здесь толкуют), что Сорин здорово “нагрел” <...>?» (В. Каменский²⁸ Н. Евреинову²⁹, 6 октября 1925 [14]).

«<...> некоторые и “устроились” и нажились в Америке, прежде всего Рерих, но это гениальный ловкач; потом Сорин, тот, говорят, очень разбогател, и говорят те, которые знают, а так вообще бреху распускается тьма тем — не знаешь, чему верить, чему нет. Это мне рассказывал попавший в случай Милиоти. Написал он здесь портрет с какой-то американки, за гроши, этот портрет понравился Морганам, они пригласили его к себе, в свою семью, и он в прошлом году порядочно заработал и теперь опять собирается на заработки куда-то. Вообще и здесь, и в Америке, как и везде, все построено на связях и знакомствах» (из письма художника П. А. Нилуса³⁰ художнику Б. И. Эгизу³¹ (Париж), 12 июня 1926 [20, с. 127–128]).

Э. Ф. Голлербах³² свидетельствует, что «мало кому из русских художников за рубежом (если не считать Рериха³³, Фешина³⁴, Сорина и Александра Яковлева) удалось изведать такой успех <...>» [24, с. 301–302].

Имеются на этот счет и апокрифы. А. С. Сорина, жена художника, вспоминала: «Он (Сорин. — А. Ш.) слыл весьма дорогим художником, и любящая картинная галерея считала за честь иметь его произведения. “Я тебе, Савелий, позировать не стану, — шутил большой друг нашей семьи Сергей Рахманинов. — Потом, поди, не удастся выкупить свой собственный портрет”. “Я больше рискую, Сережа, когда сажусь в твое авто и ты на бешеной скорости ведешь его по извилистым дорогам”, — отвечал муж. Дело в том, что Рахманинов действительно любил лихачить, водил авто как каскадер, поэтому не каждый отваживался с ним проехаться» [6].

Однако все досужие домыслы о чрезмерных доходах художника разбивались об одну чрезвычайно важную черту его характера, которую вспоминают мемуаристы и о которой свидетельствует эпистолярная, — его отзывчивость, готовность прийти на помощь. Это была даже не благотворительность, а та органическая черта характера художника, которой одной хватило бы, чтобы обрисовать его нравственный облик.

Жена Сорина вспоминала: «Будущему художнику пришлось защищаться и продвигаться самому, без какой бы то ни было поддержки. Много пришлось пережить и перестрадать, но он упорно шел к своей цели, работал, чтобы иметь возможность учиться и читать книги по изобразительно-

му искусству, театру и музыке. И несмотря на лишения, а подчас и голод, художник ни к кому не обращался за помощью, а, напротив, делился всем, чем мог, с другими. Это стало его характерной чертой: в течение всей своей жизни С. А. Сорин помогал тем, кто обращался к нему, и никогда об этом не упоминал впоследствии» [26, с. 3].

Свидетельством тому являются множество примеров, сохранившихся в памяти современников.

«<...> Деньги добрый Сорин давал всем, <...> — в конце жизни и самому Бенуа³⁵, а в середине тридцатых <...> помогал и гордому автору “Расеи” Григорьеву, одержимому верой в свою гениальность (как иначе выжить художнику?). Сохранилось письмо, которое больной Григорьев написал Судейкину в июне 1938 года: “<...> Скажи Сорину, что и он вошел в мою душу, он трогательный и добрый, <...> целую Сорина за сотню и желаю ему миллион”» [21, с. 239].

Из дневника Л. Ю. Бердяевой³⁶ (жены философа): «Пятница, 12 мая [1939]. Холод, дождь с градом... Утром получили из Америки от Сорина (художника?) на имя НИИ³⁷ (Н. А. Бердяева³⁸. — А. Ш.) 25 дол[ларов] для Эли³⁹. НИ и Франк⁴⁰ собирают для нее деньги для лечения, т. к. в последнее время она болеет и, быть может, нужна будет операция» [4, с. 177].

В 1945 году «приблизилось 75-летие Бунина. Он “с полным отчаянием” писал Алданову 17 августа 1945 года о своей нищете и спрашивал: “нельзя ли под эту милую годовщину” собрать для него в Америке хотя бы некоторую сумму? Алданов и его друзья, “посоветовавшись”, решили для сбора денег обратиться к нью-йоркскому Комитету нобелевских лауреатов и устроить юбилейный вечер» [3, с. 367]. Сорин подписывает распространяемое в Америке обращение «русских друзей И. А. Бунина по поводу его семидесятилетия и подписки на издававшийся в связи с этим отдельной брошюрой [рассказ] “Речной трактир”» [7, с. 146]. Обращение подписано также М. А. Алдановым, А. Ф. Керенским, А. Л. Толстой, М. В. Добужинским⁴¹ и др. [7, с. 148]. А 20 декабря 1948 г. Бунин пишет А. Седых⁴² из Парижа: «<...> Еще раз горячо благодарю Вас, дорогой мой, за то живое и усердное внимание, которое Вы проявляете ко мне. Передайте, пожалуйста, мою благодарность Анне Степановне и Савелию Абрамовичу (Соринным. — А. Ш.) — они чрезвычайно тронули меня (оказанием материальной помощи крайне нуждающемуся в это время писателю. — А. Ш.), скажите это им непременно. Рад сделать надписи для них, но нет ли возможности достать у Марии Самойловны (Цетлин. — А. Ш.) два-три-четыре экземпляра моего “Речного трактира”? Может быть, у нее осталось несколько штук? Тогда гораздо лучше будет подарить им (и еще кому-нибудь — кого Вы укажете) “Речной трактир”, чем американское издание “Темных аллеи”, безбожно сокращенное, составляющее только третью

того, что вышло в Париже. (Я бы немедленно выслал Вам несколько штук парижского издания, да ведь эти штуки придут к Вам не скоро <...>). <...> Ваш Ив. Бунин» [25, с. 203–204].

Если в конце 1920-х — начале 1930-х гг. художник постоянно курсировал между Старым и Новым Светом, то после начала Второй мировой войны он «постоянно поселился в Нью-Йорке, где купил дом с участком» [31, с. 226].

Во время войны благотворительная деятельность Сорина, как и многих выходцев из России, приобретает особый характер. «Во время Великой Отечественной войны, подобно С. В. Рахманинову, делал денежные взносы в помощь Советскому Союзу. В его архиве сохранилось письмо с благодарностью, подписанное А. А. Громыко⁴³. В письмах, полученных тогда же от И. Э. Грабаря и П. П. Кончаловского, выражалась признательность за посылку красок и других материалов в дар советским художникам» [32].

Анна Степановна, жена художника, вспоминала: «После нападения Германии на Советский Союз Савелий Сорин с напряженным вниманием следил за событиями на фронте <...>. За короткий срок он внес несколько крупных денежных взносов в Фонд помощи СССР. Его примеру последовали многие русские, жившие в районе Нью-Йорка. Каждое утро Сорин начинал с прослушивания сводок Совинформбюро. В комнате стоял треск от помех в радиоприемнике. Я всю войну проработала в крупном военном госпитале, поэтому каждый раз по возвращении домой он принимался расспрашивать меня о сообщениях из воюющей России.

В эти годы Сорин создает серию картин, посвященных защитникам Отечества <...>. Начавшееся освобождение Европы от гитлеровского ига вселяло в сердца русских людей за рубежом гордость за свою Родину, за свой героический народ. Особенно поражали всех нас рассказы о смелости и отваге советских партизан. Это послужило художнику темой для известной картины «Женщина с гармонью». Другое ее название — «Партизанка». Красивая молодая женщина в алой косынке и кожаной тужурке на привале в часы затишья между боями играет своим боевым товарищам на гармонии. Портрет писался с Дассии Шалапиной⁴⁴, дочери Федора Ивановича, с семьей которого нас связывала давняя дружба» [6].

Одной из наиболее трогательных страниц участия Сорина в делах пострадавших от войны коллег является его переписка с оставшимся во Франции А. Н. Бенуа. Тексты этих еще неопубликованных писем хранятся в архиве издательства «Сад искусств» в Санкт-Петербурге и были переданы мне издателем серии «А. Н. Бенуа и его адресаты», доктором психологических наук, профессором Санкт-Петербургского университета В. П. Третьяковым, за что я ему бесконечно признателен.

1939, 5 сентября. А. Бенуа — С. Сорину

Примель.

Дорогой Савелий Абрамович.

Сомнительно, чтобы это письмо застало Вас еще в Дакоте, поэтому я посылаю тождественное и на Ваш парижский адрес. Но все оптимальные надежды рухнули, и вот мы опять окунулись в ту же трагедию, которая разыгралась 25 лет назад. Так и не выходим из нее, не говоря еще про общую горе для *стариков* (говорю про себя, а не про Вас), это особенно тяжело, и соблазн поискать спасения и духовного и материального в Америке, получить как-то «больше возможностей» характерно (так в первоисточнике. Своеобразие его стиля сохранено и в дальнейшем. — А. Ш.).

Особенно же этот вопрос встал ребром для моей дочери и еще больше для ее мужа, для ее сына (речь идет о семье Черкесовых-Бенуа. — А. Ш.), которые остаются здесь — просто равносильно обречению на голодную смерть. Где Вы! Мы еще думаем пробыть в Бретани до 10-го сентября, а затем перебраться в Париж, оттуда в нейтральную страну...

1939, 3 декабря. С. Сорин — А. Бенуа

Нью-Йорк.

Глубокоуважаемый Александр Николаевич.

Прилагаю при сем контракт г. Юрока⁴⁵, который Вы должны подписать в присутствии чиновника в американском консульстве. На основе этого контракта они должны Вам дать визу на год в США. Анна Карловна⁴⁶ автоматически получает визу как ваша жена. <...>

1940, 4 января. А. Бенуа — С. Сорину

Париж.

Дорогой и милый Савелий Абрамович.

Не знаю, как благодарить Вас за Ваши хлопоты, приведшие к таким замечательным результатам, как ангажемент г. Юрока. Это истинно глубоко трогательное свидетельство вашего доброго ко мне отношения, в котором, впрочем, я никогда не сомневался. К сожалению, однако, все зиждется на большом недоразумении и произошло оно по всем понятным причинам, из которых главная та, что вы не получили тех двух писем, которые в момент объявления войны я написал Вам из Бретани, и из которых ни одно не дошло...

В них, как и М. М. Фокину (который и отозвался душевно), речь шла вовсе не о моем или нашем с Анной Карловной переселении в Новый Свет, а о том, чтобы помочь туда выбраться моему зятю Черкесову с женой — моей дочери и их сыну⁴⁷. Но только это, по-видимому, едва ли удалось бы по нынешним временам. Тому мешает их правовое положение и недостаток средств. <...> Сами же мы не можем собраться и годы не те, а главное, мы слишком закоренелые европейцы, чтобы ехать умирать в «Золотую страну», где как ни мило, и ни соблазнительно, однако все же покажется слишком жужим. <...>

Ну вот, дорогой Савелий Абрамович, большим соблазном переезда через океан не удалось осуществиться, повидаться, побыть, но авось эта надежда может осуществиться, если вы пожелаете сюда.

Крепко обнимаю, душевно Ваш Александр Бенуа.

Бумагу Юрока я оставляю у себя. Кто знает, может быть, и придется еще.

1940, 21 мая. С. Сорин — А. Бенуа

Нью-Йорк.

Глубокоуважаемый Александр Николаевич.

Вчера получил Вашу телеграмму о Черкесове и тотчас же Вам ответил. Все мы знаем, что художники зависят от богатых людей, а эти люди в Америке сильно зажалась, ничего не покупают, ничего не заказывают, ждут результата войны. Кто может предсказать, когда война окончится? Есть, конечно, люди, которые имеют от войны и зарабатывают, но по нынешним американским законам — прибыль, получаемая от войны выше нормальной, идет целиком в казну. Совсем другое было в прошлой войне, когда все шло честным людям. <...> артисты всех родов искусства от этого сильно страдают, и очень много уезжают в Южную Америку, где этих законов нет. <...>

У меня лично все затормозилось: нельзя найти человека, который интересовался бы заказать портрет или что-нибудь купил бы. Я тоже начал искать пути, как бы перебраться в Южную Америку. Сбережения, которые я имел, все в бумагах, которые сейчас очень низко ценятся. Я все время их закладываю — ведь надо жить! На прошлой неделе пришлось продать с убытком 70% стоимости, так что пока перспектива невеселая.

Было бы очень интересно видеть Черкесова здесь. Он рассказал бы, что сейчас в далекой, но близкой Европе. Но это эгоистично и скажу больше — просто нечестно, если бы не предупредить Черкесова, как тут обстоит дело.

Теперь у меня к Вам просьба: давно у меня мечта иметь какое-либо Ваше произведение, которое не жалко будет мне дать за очень маленькую сумму. Раньше я располагал деньгами, а теперь пока туго и потому очень извиняюсь за сумму, которую Вам посылаю. Я посылаю 8300 долларов, из которых 200 разменял на франки, а 100 посылаю в долг, которые сможете там разменять, когда Вам удобно будет. Вещь вашу, которую буду считать подаренной, ибо не достаточно плачу, держите у себя, пока будет возможность ее получить. Я еще очень надеюсь, что будут лучшие дни, и мы встретимся в добром здравии.

Шлю искренний привет Вам и Анне Карловне.

Ваш С. Сорин.

1940, 22 мая. С. Сорин — А. Бенуа

Нью-Йорк.

Дорогой Александр Николаевич.

Думаю, Вы выехали из Парижа. Когда укажете новый курс, чтобы выслать Вам деньги — если случится чудо — возможно, в Париж.

Ваш С. Сорин.

На этом переписка прерывается на долгие пять лет, на которые пришлось и оккупация Франции, и арест, концлагерь и самоубийство в 1943 г. Ю. Ю. Черкесова, зятя художника.

Возобновляется переписка уже после освобождения Парижа.

1944, 29 октября. А. Бенуа — С. Сорину

Париж.

Дорогой и многоуважаемый Савелий Абрамович, прошло пять лет! И *каких* лет! С какими ужасными переживаниями и тревогами. С момента, когда мы с Вами обменялись последними письмами, <...> с особой радостью я узнал <...>, что и Вы в добром здравии и полон творческих сил.

Пользуясь предоставившимся случаем, чтобы возобновить с Вами хотя бы из далекого далека беседу и первым делом поблагодарить Вас от всей души за ту помощь, которую Вы нам оказали в 1940 году и которая явилась как нельзя более своевременной. Я был должен и хранить в своем сердце чрезвычайную признательность, и в то же время хотелось бы хоть как-то, хоть отчасти *возместить* Вам предоставлением каких-либо моих работ. Однако для этого нужно или чтобы Вы снова оказались

в Европе, или чтобы Вы мне сказали, что именно Вам было бы особенно приятно получить от меня. Пользуясь предоставленным благодаря любезности И. И. Севастьянова⁴⁸ случаем, чтобы потревожить просьбой Вас, я узнал, что его дело Ballet-theatre использует мои макетки для «Петрушки»⁴⁹, хранящиеся в музее при Гарвардском университете. Мне полагается получить за использование этих акварелей известную сумму, и вот я очень прошу Вас не отказать мне в том, чтобы похлопотать за меня. <...> Мне же при моей несчастной непрактичности остается только просить друзей (Вас в первую очередь) об охране моих интересов.

Больше сегодня не пишу, но как только окажется нормальная корреспонденция, я расскажу подробнее, как мы прожили эти годы, ожидая, что в ответ получу опять такие же сведения о Вас и разных общих друзей, главным образом о Добужинском, о котором мы очень стосковались.

Прости, дорогой друг, за беспокойство.

Прощу не забывать преданного и душевного друга А. Бенуа.

1945, 1 июня. С. Сорин — А. Бенуа

Нью-Йорк.

От Ballet-theatre трудно деньги получить, но я их получу. Передал все дело адвокату, и он их вызывает в суд. <...>

Посылки, которые я послал через литературный фонд, должны прийти не почтой, а пароходом. <...> От меня 10 кг на имя Анны Карловны и Александра Николаевича. <...> я сам послал кое-какие вещи этим же путем.

<...> Если нужны ботинки, я бы хотел иметь размер.

Когда получу деньги от адвоката, думаю, лучше задержать их здесь временно. Если это затянется, я на свои деньги буду Вам посылать необходимое. Надо лишь только знать, что высылать <...>.

1945, 10 июня. А. Бенуа — С. Сорину

Париж.

Дорогой Савелий Абрамович.

<...> Пишу же Вам на сей раз в некоторой тревоге <...>. Я то считал, что иметь дело с людьми по ту сторону Атлантиды — нечто абсолютно верное, а тут выходит, что если не связать мистера Юрока самым категорическим образом, то может случиться, что моя работа⁵⁰ (на которую ушло уже два месяца) и на которую придется употребить еще месяц — получается впустую, так как у мистера Юрока имеется привычка не платить художникам.

Прочитав Ваше письмо <...>, я даже впал в некоторое отчаяние, но теперь отошел, т. е. я все же не могу допустить мысль, что такое коварство в отношении меня может произойти — тем более Вы же стоите там на страже моих интересов и, наверное, сумеете воздействовать в желательном смысле.

Умоляю теперь утешить и успокоить меня. Наилучшим утешением был бы вопрос с присылкой хотя бы какого-либо аванса, в чем я к тому же чувствую крайнюю надобность, так как здесь форменный кризис, и все дела остановились. Хуже, чем было во время войны. Когда же это кончится. Когда же снова наступят такие времена, которые позволили без особого ужаса смотреть, я уже не говорю на год вперед, хотя бы на месяц. Вот именно вследствие подобного ближайшего времени сообщение о коварстве мистера Юрока меня повергло просто в ужас.

Обнимаю и желаю всего лучшего.

Душевно преданный Вам А. Бенуа.

<...> Р. С. Анна Карловна (да что греха таить, и я в некоторой степени) огорчена, что возможно недели четыре, как не приходит больше посылок. Или нам уже не полагается их получать? Все исчерпали? Было бы жаль, ибо условия жизни здесь становятся более тяжелыми, и мы снова начинаем чувствовать *голод*. Не безобразия ли это? И ничего нельзя понять.

1945, 20 июня. С. Сорин — А. Бенуа

Нью-Йорк.

Глубокоуважаемый и дорогой Александр Николаевич.

<...> Я Вам послал несколько посылок. Получили? <...> должны получить от меня по пять посылок. Относительно «Петрушки» я Вам телеграфировал. Дело в том, что у Вас нет «копирайт», и по американским законам, если Вы этим не защищены, суд может тянуться 10 лет и неизвестно чем закончится. Наш адвокат имел в суде несколько совещаний с их адвокатом, и решили без суда 1000 долларов вам, из коих 200 долларов идет адвокату (20 процентов) на расходы. Я нахожу это приемлемым, ибо мы навряд ли добились (бы. — А. Ш.) лучшего. Они предлагают 1500 долларов, т. е. на 500 больше, если Вы им дадите исключительное право на реконсцировку. Я предпочел первое предпочтение, потому что всегда можно предложить другому балетному делу и заработать. Если же они будут иметь исключительное право, то будут им торговать, чтобы выручить свои расходы и еще заработать от других. 500 долларов — слишком маленькая сумма, чтобы себя закабалить. Теперь относительно Юрока. <...> Он привык работать с чужими деньгами и хорошо зарабаты-

вает и когда свои выложит, надо и принять некоторый риск, то у него сто пятниц на неделе. Потому я Вам писал — пока не получу контракт и задаток 1/3, ничего не предпринимать. Ведь Юрок, как каждый американец, без своего адвоката контракт не подпишет. Мне тоже с нашей стороны нужно, чтобы адвокат все проверил. Это совсем дешево обойдется, но я не рискую без этой маленькой затраты в 100 или 150 долларов, так что пока все это дело в воздухе. <...>

Сердечно преданный Вам Савелий Сорин.

P. S. Если бы рискнули сюда приехать на сезон, Вы бы имели массу работ. Я был бы счастлив! <...>.

1945, 20 июня. А. Бенуа — С. Сорину

Париж.

Дорогой Савелий Абрамович,

Ваша телеграммахватила меня как обухом по голове. <...> моя работа уже тогда была в полном ходу и я решил ее закончить. Это и произошло не далее как вчера, когда я нарисовал и раскрасил последний костюм. Как же теперь быть? А я еще в своем неисправимом оптимизме воображал, что, имея дело с американскими людьми, можно быть абсолютно спокойным. <...>

Здесь установилась абсолютная остановка в делах — хоть зубы на полку. Нам слишком важно хоть что-нибудь сейчас получить. Но когда, наконец, наступит более благоприятное, вернее, радостное время! Нервы у меня и Анны Карловны истрепаны вконец, и мы еще не можем не позавидовать Вам. Что касается моей работы, то я могу ее считать за удачную, и потому было бы досадно, если бы она вообще не увидела света рампы.

Обнимаю Вас, сожалею, что пришлось Вас столько беспокоить.

Утешением телеграммы явилось то, что Вы сообщаете о «Петрушке», но как бы за декорации получить 800 долларов поскорее. Все же [,] благодаря Вас [,] все хлопоты увенчались успехом.

1945, 25 июня. С. Сорин — А. Бенуа

Нью-Йорк.

Глубокоуважаемый и дорогой Александр Николаевич.

16 июня я получил par avion ваше письмо от 30 мая, а 22 июня — письмо, писанное раньше 30-го апреля. Письма идут нерегулярно. Обещают скоро наладить почту par avion.

<...> Что касается «Петрушки» — дело было в суде и с Вашего разрешения помирились на 1000 долларов. Что касается прав автора, то в Америке с этим очень считаются, но если это право зарегистрировано, а у Вас здесь этого нет. <...> Я поговорю с адвокатом, может, найдет способ зарегистрировать Ваше авторское право на дальнейшие постановки. Пока я еще денег не получил... Если затянется, я свои вышлю.

Главное — это посылки. Я буду высылать Вам две посылки в неделю через фирмы Фразер, Моррис. Это самые лучшие. Пришлите мне размер подошвы — скорее рисунок очерченный ботинка, и Анны Карловны, и я вышлю ботинки. Хочу выслать костюм, сообщите размер.

<...> Я был бы счастлив Вас видеть здесь. Встретили бы замечательно. Уверен, что мог бы очень недурно заработать и отдохнуть. Почему бы Вам не посмотреть эту страну? До войны я всегда предпочитал в Нью-Йорк ехать, чем через канал Ламанша.

Сердечно преданный Вам С. Сорин. <...>.

Одновременно с многочисленными хлопотами, связанными с военным и послевоенным временем, Сорин не оставляет активного участия в художественной жизни Соединенных Штатов:

- 1942: Персональная выставка в Нью-Йорке в галерее Knoedler [24, с. 427; 28, с. 372; 18];
- 1948: Персональная выставка в Нью-Йорке в галерее Wildenstein [24, с. 427; 28, с. 372; 18];
- 1949: Персональная выставка в Нью-Йорке в галерее Knoedler [24, с. 427; 28, с. 372; 18].

Кроме того, он женился. Его жена, Анна Степановна, *«родилась в простой семье в 1899-м или 1900 году. <...> Как вспоминают ее знакомые, это была женщина небольшого роста с изящными ножками. В ее облике было что-то породистое. Была верна в дружбе. <...> примерно в 1922–1924 годах она с первым мужем уехала в Париж, но вскоре переехала в США, где было легче прожить. Обладая хорошим вкусом, стала посещать художественные выставки, где и познакомилась с Соринным. Он, конечно, обратил внимание на хорошенькую женщину. Вскоре она стала его женой. В Нью-Йорке на 5-й авеню у них был прекрасный особняк с участком. Сорин был богат, и все свое имущество завещал жене»* [31, с. 226].

Умер Сорин в Нью-Йорке 22 ноября 1953 г.

Лично знавший художника современник отмечал в некрологе: *«Сорин не верил правде голого реализма. <...> Сам человек — объект исчезнет, но портрет останется, как высшее выражение человека, как его одухотворенная сущность. Эта сущность не может быть будничной, она должна быть праздником человека, счастливым отражением его души. Художник-*

портретист ищет не только правды, но и прекрасного в правде. Это стремление к правде-красоте было стремлением Сорина всю его жизнь» (Камышников Л. Савелий Сорин: Личные воспоминания // Новое русское слово. 1953. № 15188. 26 ноября. С. 3 (цит. по: 27, с. 589)).

Анна Степановна выполнила завещание мужа и в 1973 г. передала часть его произведений в Третьяковскую галерею и другие музеи Советского Союза.

В Америке Сорин работал очень интенсивно, хотя в письме к С. Судейкину от 19 сентября 1925 г. отмечал, сколь сложна работа портретиста, пишущего на заказ: *«О моей поездке в Америку ничего определенного сказать не могу. С одной стороны, это единственная страна, где что-нибудь заработать можно, а с другой стороны, мое положение хуже твоего, ибо мне приходится иметь дело с людьми, которые позируют, и это такой извод, что при одном воспоминании меня в дрожь бросает»* [22, с. 348].

Портреты членов семьи О. Кана, с которых началась его карьера в Новом Свете, в 1929 г. вошли в изданный в Берлине альбом. Они типичны для зрелого творчества художника в целом. Их можно отнести к тому наиболее, вероятно, многочисленному типу выполненных им изображений, в которых воплотился характерный для начала XX в. «большой стиль» неоакадемических портретов.

Это тип портрета, преимущественно графического, с тщательно и подробно прорисованной головой и иногда руками, взятыми, как правило, в условном цвете пастелью, сангиной, акварелью, карандашами и слегка, только контуром, намеченной фигурой на нетронutom фоне. Голова берется как бы вплотную, она доминирует в листе по массе, существенную роль начинает играть ракурс, придающий листу пространственную выраженность. К работам этого типа можно отнести выполненные в Америке портреты леди Мод Мариотт (Maud Marriott), старшей дочери О. Кана, и Маргарет Дороти Кан (Margaret Dorothy «Nin» Kahn), его младшей дочери.

Подобный тип портрета был разработан К. А. Сомовым еще в 1902–1910 гг. в цикле изображений поэтов и художников, создававшемся для воспроизведения в журналах *Золотое Руно* и *Аполлон*. Дальнейшее развитие он получил у Л. С. Бакста. И. Н. Пружан отмечает: *«<...> сходство это идет преимущественно по внешней линии (техника черного и цветного карандаша с добавлением белил, изображение погрудное в фас или в легком повороте, внимание сконцентрировано исключительно на лице, костюм едва намечен). В главном же — характере видения модели — много отличий. Бакстовские портреты более непосредственны. Они теплее и объективнее сомовских <...>. Менее рационалистичен и их рисунок, не столь элегантный и безукоризненно отточенный»* [23, с. 91–92].

Отдельные работы подобного рода встречаются у К. С. Петрова-Водкина и Б. М. Кустодиева⁵¹.

Но Сомов остался в них ограничен камерной формой, по словам Бенуа, «головок на лоскутках» [12, с. 163]. Для Бакста и его коллег по *Миру искусства* портреты подобного типа также не составили сколько-нибудь магистральной линии творчества, оставшись пусть и яркими, но все же отдельными эпизодами.

Пожалуй, только Сорин придает им крупноформатную станковую форму. Впоследствии ее разовьет В. И. Шухаев. В этой форме неоакадемическая тема «возвращения к Энгру» получает свою исчерпывающую выраженность.

Этот тип портрета очень близок к другому, который начинает разрабатываться параллельно с предыдущим. Это — изображение фигуры, обычно поясное, с минимальным набором аксессуаров, как правило, это драпировки или ограниченный набор предметов — книги, ноты и т. п. Чаще всего эти портреты выполнены в смешанной технике: акварель, сангина, пастель, уголь, черный и графитный карандаши, белила, соус, лак [25, с. 6]. Фон не разрабатывается либо нейтрально тонируется. К работам этого типа можно отнести выполненные в Америке портреты миссис Отто Кан, Роджерс Мэри Бенджамин⁵² (все — 1920-е), мисс Дженни Феррар Рейган (1928), миссис Мейбл Ринглин⁵³ (конец 1920-х), актрисы Вивьен Ли⁵⁴ (1930-е), женский портрет (1935), портреты Барбары Хаттон⁵⁵ (1940) и неизвестного джентльмена (1940-е), А. С. Сориной (1943).

В них складывается тот своеобразный соринский стиль портрета, о котором, в числе прочих критиков, упоминал и И. Э. Грабарь: «Он много работал над собой в последние годы и в результате упорных исканий выработал, подобно

С. Сорин.
Портрет Вивьен Ли, 1930

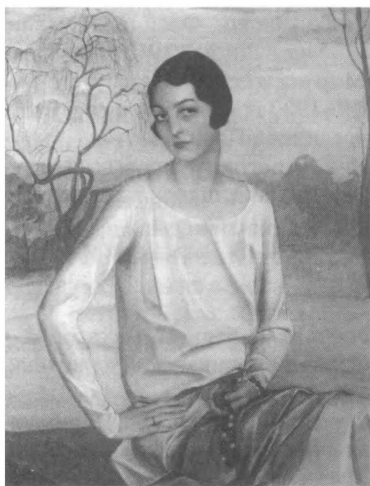
С. Сорин.
Портрет А. С. Сориной,
жены художника, 1943

Яковлеву и Григорьеву, свой собственный соринский портретный стиль, который четко выделяется на любой современной выставке. Свои портреты он не пишет, а рисует, слегка подцвечивая карандашами и акварелью нужные ему места. Нового и своего в этом, конечно, мало, ибо стиль потушенных карандашно-акварельных портретов ведет свое начало еще от времен Леонардо и Рафаэля, после которых через XVIII век он докатился до Гандара, Elleux, Фрица Каульбаха e tutti quanti. Но Сорин отважился писать этой легкой техникой портреты в рост, в величину натуры, и, благодаря исключительному композиционному дарованию, твердости рисунка и колористическому чутью, дал серию вещей, занявших в последние годы видное место в художественной жизни Европы и Америки» [9, с. 242–243].

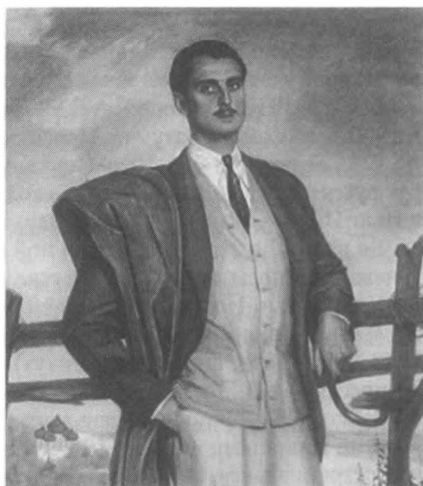
В разработке этого типа портретов Сорин уже не столько опирается на достижения своих предшественников, сколько в полной мере дает «формулу» собственного творческого кредо. Здесь неоакадемическая ориентация достигает той меры выразительности, когда изобразительная условность выглядит столь органично, что перестает замечаться публикой и воспринимается непосредственно как облик модели, а не как свойство создаваемого художником образа.

Наряду с этими типами портретов, в творчестве Сорина разрабатывается и такой, в котором неоакадемическая условность выступает на первый план. Это репрезентативный портрет, в котором акцентируется декоративность и стилизованность, проявляющаяся, как правило, в условной трактовке фона. Интерьерный или пейзажный, он напоминает театральную декорацию и играет в структуре портретного образа некую символическую роль: указывает на род занятий модели или намекает на образ ее мыслей, на ее душевные качества.

К этому типу можно отнести портреты кн. С. П. Оболенского⁵⁶ на фоне русского пейзажа и кн. Э.-М. Оболенской (1920-е), Джона Ринглинга (1930-е), «Даму с терьером» (1948), «Автопортрет» (1952). Эти портреты, в основном выполненные в США, по уровню своей условности ближе других подходит к стилистике ар-деко, бурно развившейся в американской культуре 1920–40-х гг., что позволяет видеть в Сорине не только адепта модифицированного и сформировавшегося как новое современное направление неоакадемизма. Сближение с ар-деко не случайно — в своем творчестве художник был последователен и, вопреки иным модным веяниям, составившим линию поставангарда в живописи, вполне осознанно не переходил черту, отделявшую следование классическим традициям от их разрушения. Современник писал о нем: «Восприняв и переработав в себе Энгра, он создал свой собственный самобытный стиль. Его портретные рисунки в натуральную величину — комбинация карандаша, акварели и пастели —

С. Сорин.
Портрет кн. Э.-М. Оболенской
(урожд. Астор), 1920-е гг.

С. Сорин.
Портрет кн. С. П. Оболенского,
1920-е гг.

тонкая, иногда филигранная работа. <...> Как это ни парадоксально, Сорин нашел способ выразить современность в женщинах. Нисколько не заботясь о современных проблемах и принципах живописи, даже не зная о них, он выражает время в гораздо большей степени, чем вся орда радикальных модернистов с их лозунгами и громкими словами» [24, с. 426–427].

Но вопрос об осмыслении творчества этого все еще недостаточно оцененного художника в условиях современного кризиса как модернизма, так и постмодернизма, когда творчество неоакадемистов первой половины XX в. вызывает все более пристальный интерес сегодняшней публики и художественной критики, остается открытым.

¹ Савелий Абрамович Сорин родился 14 (27 по новому стилю) февраля (в некоторых источниках называют 16 февраля) 1878 г. в г. Полоцке Витебской губернии. В 16 лет расстался с семьей. Жил в Смоленске, Нижнем Новгороде, Арзамасе, Туле, Орле. В 1896–1899 гг. учился в Одесском реальном училище и в Одесской рисовальной школе у К. К. Костанди, которую окончил с отличием. В 1899–1907 гг. учился в Императорской Академии художеств в СПб., в мастерской И. Е. Репина В 1905–1907 гг. проводит полтора года во Франции и Италии. Знакомится с Элеонорой Дузе. По возвращении в Россию он изобразит ее во время репетиции и назовет это произведение, ставшее его дипломной работой, «Вдохновенная минута». В 1907 г. получает за нее Большую золотую медаль, звание художника и право на поездку за границу на три года. В 1908–1910 гг., как

пансионер Академии, продолжает образование в Голландии, Франции, Италии. В 1911 г. принимал участие в Международной выставке в Риме. В 1913 г. началось регулярное участие в выставках объединения «Мир искусства» в Петербурге.

В 1917–1918 гг. жил в Ялте, Мисхоре, в 1919–1920 гг. — в Тифлисе и Баку. В 1920 г. выехал из Батума в Марсель, затем поселился в Париже.

С 1923 г. работал в Нью-Йорке, участвовал во многих групповых выставках русских художников, имел несколько персональных выставок в Питтсбурге и Нью-Йорке (в галереях Wildenstein и Knoedler).

Во время Великой Отечественной войны, подобно С. В. Рахманинову, делал денежные взносы в помощь Советскому Союзу.

Умер в Нью-Йорке 22 ноября 1953 г.

² Анисфельд Борис Израилевич (Бер Срулевич; 1878, Бельцы, Бессарабия—1973, Уотерфорд, штат Коннектикут) — российский и американский художник, сценограф.

³ Яковлев Александр Евгеньевич (1887, Санкт-Петербург — 1938, Париж) — русский живописец. В 1934–1937 гг. преподавал в Бостоне, занимался книжной иллюстрацией.

⁴ Архипенко Александр Порфирьевич (1887, Киев — 1964, Нью-Йорк) — украинский и американский художник и скульптор, один из основателей кубизма в скульптуре.

⁵ Бурлюк Давид Давидович (1882, хутор Семиротовщина Харьковской губ. — 1967, Лонг Айленд, штат Нью-Йорк) — русский поэт, художник, один из основоположников русского футуризма.

⁶ Григорьев Борис Дмитриевич (1886, Москва — 1939, Франция) — русский художник, творчески близкий к футуристам.

⁷ Судейкин Сергей Юрьевич (1882, Санкт-Петербург — 1946, Нью-Йорк) — русский живописец, график, художник театра.

⁸ Бакст Леон (Лейб-Хаим Израилевич, или Лев Самойлович Розенберг; 1866, Гродно—1924, Париж) — российский художник, сценограф, книжный иллюстратор, мастер станковой живописи и театральной графики, один из виднейших деятелей объединения «Мир искусства» и театрально-художественных проектов С. П. Дягилева.

⁹ Кандинский Василий Васильевич (1866, Москва — 1944, Франция) — русский живописец, график и теоретик изобразительного искусства, один из основоположников абстракционизма.

¹⁰ Сутин Хаим Соломонович (1893, Смиловичи Минской губ. — 1943, Париж) — российский художник.

¹¹ Лорансен Мари (1883, Париж— 1956, Париж) — французская художница и гравер, творчески близкая П. Пикассо и Ж. Браку.

¹² Грабарь Игорь Эммануилович (1871, Будапешт — 1960, Москва) — русский художник, искусствовед, педагог, музейный деятель.

¹³ Судьбинин (Головастиков) Серафим Николаевич (1867, Н. Новгород — 1944, Париж) — русский актер, художник, скульптор.

¹⁴ Сомов Константин Андреевич (1869, Санкт-Петербург — 1939, Париж) — русский живописец и график, мастер портрета и пейзажа, иллюстратор, участник объединения «Мир искусства», один из основателей одноименного журнала.

ла. С 1924 в эмиграции. На выставке К. А. Сомов был представлен 38 работами (портрет Е. Михайлова, «Старый балет», «Последнее свидание», «Вечер после дождя», «Интерьер» и др.).

В письме Грабаря речь идет о Сомове Евгении Ивановиче (1881–1962) — родственнике художника, эмигрировавшем в Америку после участия в революционных событиях 1905–1906 гг. В Америке в течение многих лет дружил с семьей С. В. Рахманинова.

¹⁵ Гришковский Николай Осипович — издательский работник.

¹⁶ Кончаловский Петр Петрович (1876, Славянск — 1956, Москва) — русский художник, один из основателей общества «Бубновый валет».

¹⁷ Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878, Хвалынский Саратовской губ. — 1939, Ленинград) — русский живописец, график, теоретик искусства, писатель и педагог.

¹⁸ Машков Илья Иванович (1881, ст. Михайловская-на-Дону области Войска Донского — 1944, Москва) — русский художник, живописец круга «Бубнового валаета».

¹⁹ Лентулов Аристарх Васильевич (1882, с. Черная Пятина Пензенской губ. — 1943, Москва) — русский живописец-авангардист, участник «Бубнового валаета», театральным художником и педагог.

²⁰ Колесников Степан Федорович (1879, с. Адрианополь, Украина — 1955, Белград) — русский живописец, график, сценограф. С 1919 в эмиграции.

²¹ Рылов Аркадий Александрович (1870, с. Истобенск Вятской губ. — 1939, Ленинград) — русский живописец-пейзажист, график и педагог.

²² Конёнков Сергей Тимофеевич (1874, с. Каравовичи Смоленской губ. — 1971, Москва) — русский скульптор. В 1924–1945 гг. жил в США. На выставке был представлен 20 работами («Старая женщина», «Лесовичок», «Портрет жены художника», «Голова Христа» и др.).

²³ Голубкина Анна Семёновна (1864, Зарайск — 1927, Зарайск) — русский скульптор, ученица О. Родена.

²⁴ Воинов Всеволод Владимирович (1880, Санкт-Петербург — 1945, Ленинград) — российский художник-график и искусствовед.

²⁵ Михайлова (урожд. Сомова) Анна Андреевна (1873–1945) — сестра К. А. Сомова, художница-декоратор. На выставке экспонировались 12 ее работ: 10 цветочных орнаментов для дамских шляп и платьев и две сумочки (шелк, бисер, ленты).

²⁶ Кан Отто Герман (Kahn Otto Hermann, 1867–1934) — банкир, коллекционер, филантроп. Переехав в США из Германии, стал партнером и одним из директоров банкирского дома «Кун, Леб и К°». Был членом опекунского совета Массачусетского Технологического института. Покровительствовал таким деятелям искусства, как Х. Крэйн, Дж. Гершвин, А. Тосканини. Был связан с Голливудом и состоял председателем совета директоров Метрополитен-Опера в Нью-Йорке. В 1896 г. женился на Аделаиде Вольф (Adelaide «Addie» Wolff), портрет которой в 1920-х гг. выполнил Сорин. Его сын Роджер Вольф Кан (Roger Wolff Kahn, 1907–1962) был популярным в 1920–30-е гг. джазовым музыкантом. Портреты его дочерей Маргарет (Нин) Дороти Вольф Кан, в замужестве Нин Райан (1901–1995) и Марриотт Мод Эмили Вольф Кан (1897–1960) Сорин написал

в 1920-е гг. Все они воспроизведены в берлинском альбоме художника в 1929 г. Первоначально портреты находились в усадьбе Кана Оheka Castle (название образовано по первым слогам имени хозяина *Otto Hermann Kahn*). Сегодня этот дом используется как отель и конференц-центр.

²⁷ Шухаев Василий Иванович (1887, Москва — 1973, Тбилиси) — русский живописец, график, педагог. Близкий друг и соавтор А. Е. Яковлева. С 1922 г. жил в Париже. В 1935 г. вернулся в СССР, с 1937 по 1947 был в лагерях под Магаданом, затем жил в Ленинграде, позднее в Тбилиси. Представитель неоакадемизма в русском искусстве начала века.

²⁸ Каменский Василий Васильевич (1884–1961, Москва) — русский поэт-футурист, один из первых русских авиаторов.

²⁹ Евреинов Николай Николаевич (1879, Москва — 1953, Париж) — русский и французский режиссер, драматург, теоретик и реформатор театра, историк театрального искусства.

³⁰ Нилус Пётр Александрович (1869–1943) — русский живописец, художественный критик, писатель. С 1920 г. в эмиграции во Франции.

³¹ Эгиз Борис (Борух) Исаакович (1869–1947) — российский живописец, график, мастер салонных портретов, жанровых сцен, пейзажа. С 1920 г. жил и работал в Константинополе, с 1929 г. — в Париже, с 1930 г. — в Вильно.

³² Голлербах Эрих (Эрик) Федорович (1895, Царское Село — 1942, Вологда) — искусствовед, литературовед, библиограф, художественный критик, литератор, поэт, философ, художник-график, лектор, издатель, библиофил, собиратель эстампов, рисунков и открыток.

³³ Рерих Николай Константинович (1874, Санкт-Петербург — 1947, Кулу, Индия) — один из самых заметных культурных деятелей XX в. Автор идеи и инициатор Пакта Рериха, основатель международных культурных движений «Мир через культуру» и «Знамя Мира», русский художник, писатель, путешественник, общественный деятель, философ, мистик, ученый, археолог, педагог.

³⁴ Фешин Николай Иванович (1881–1955) — русский художник, живописец, график, представитель импрессионизма и модерна. С 1923 г. жил и работал в США.

³⁵ Бенуа Александр Николаевич (1870, Санкт-Петербург — 1960, Париж) — русский художник, историк искусства, художественный критик, основатель и главный идеолог объединения «Мир искусства», театральный деятель, писатель-мемуарист.

³⁶ Бердяева Лидия Юдифовна (урожд. Трушева; 1874–1945), жена философа Н. А. Бердяева.

³⁷ Л. Ю. Бердяева в быту звала мужа «Ни». Так же она обозначает имя Н. А. Бердяева (*НИ*) в своем дневнике.

³⁸ Бердяев Николай Александрович (1874, Киев — 1948, Кламар, Франция) — русский религиозный и политический философ, представитель экзистенциализма.

³⁹ Беленсон Эли (Елизавета) (псевд. Эли Эльсон) — журналистка, переводчица. В 1919 эмигрировала из России в Германию, затем во Францию. После тяжелой болезни приняла христианство, сотрудничала в ряде французских и немецких журналов. Перевела на французский язык несколько статей Бердяева.

⁴⁰ Франк Семен Людвигович (1877, Москва — 1950, Лондон) — русский философ, религиозный мыслитель и психолог.

⁴¹ Добужинский Мстислав Валерианович (1875, Новгород — 1957, Нью-Йорк) — русский художник, мастер городского пейзажа, участник творческого объединения «Мир искусства», художественный критик, мемуарист.

⁴² Седых Андрей (настоящее имя Цвибак Яков Моисеевич, 1902–1994) — русский литератор, деятель эмиграции, журналист, критик, личный секретарь И. А. Бунина. Главный редактор газеты *Новое русское слово*.

⁴³ Громыко Андрей Андреевич (1909–1989) — крупный дипломат и государственный деятель СССР, в 1939–1943 гг. советник посольства, а в 1943–1946 гг. посол СССР в США, в 1957–1985 гг. — министр иностранных дел СССР, в 1985–1988 гг. — председатель Президиума Верховного Совета СССР.

⁴⁴ Шаляпина Дассия Федоровна (1921–1977) — дочь Ф. И. Шаляпина, с 1922 г. в эмиграции вместе с отцом.

⁴⁵ Юрок Сол (Гурков Соломон Израилевич) (1888, Погары Черниговской губ. — 1974, Нью-Йорк), американский антрепренер.

⁴⁶ Бенуа (урожденная Кинд) Анна Карловна (1869–1952) — жена А. Н. Бенуа.

⁴⁷ Черкесов Юрий Юрьевич (1900–1943) — художник, зять А. Н. Бенуа, муж его дочери Анны. В 1920 г. у них родился сын Александр — внук А. Н. Бенуа. В 1925 г. вместе с семьей Бенуа эмигрировал во Францию. Писал преимущественно пейзажи. В 1941 г. у вместе с сыном как гражданин СССР был арестован и помещен в концлагерь Компьень. Усилиями А. Н. и А. А. Бенуа через несколько месяцев они были освобождены. Летом 1943 г. покончил жизнь самоубийством.

⁴⁸ Севастьянов И. И. — американский антрепренер.

⁴⁹ «Петрушка» — балет «Русских сезонов» С. П. Дягилева на музыку И. Ф. Стравинского. Автором либретто и художественного оформления балета был А. Н. Бенуа.

⁵⁰ Речь идет о декорациях и эскизах костюмов работы А. Н. Бенуа к балету П. И. Чайковского «Лебединое озеро» для антрепризы С. Юрока.

⁵¹ Кустодиев Борис Михайлович (1878, Астрахань — 1927, Ленинград) — русский художник. На афише Выставки русского искусства 1924 г. была воспроизведена его картина «Лихач».

⁵² Роджерс Мэри Бенджамин (1879–1956) — жена полковника Генри Хаддлстона Роджерса (1879–1935), собирателя коллекции моделей парусных судов, переданной Метрополитен-музею.

⁵³ Ринглинг Мейбл Бартон (1875–1929) — жена Джона Ринглинга (1866–1936), циркового антрепренера, портрет которого также был написан Соринным.

⁵⁴ Ли Вивьен, леди Оливье (урожденная Вивиан Мэри Хартли, 1913–1967) — английская актриса, обладательница двух премий «Оскар» за роли Скарлетт О'Хара в «Унесенных ветром» (1939) и Бланш Дюбуа в «Граммае “Желание”» (1951).

⁵⁵ Хаттон Вулворт Барбара (1912–1979) — представительница семьи владельцев отелей Hutton.

⁵⁶ Оболенский Сергей Платонович (1890–1978) — князь, сотрудник Управления стратегических служб США. Старший сын князя Платона Сергеевича

Оболенского-Нелединского-Мелецкого (1850–1913) и Марии Константиновны Нарышкиной (1861–1929). После смерти отца носил фамилию Оболенский-Нелединский-Мелецкий. В 1924 г. женился на Элис-Мюриэль Астор (1902–1956), дочери миллионера Джона Джейкоба Астора IV (развелись в 1932). Работал в гостиничном бизнесе, принадлежавшем семье Астор.

Литература

1. А. М. Горький в изобразительном искусстве. Описание изобразительных материалов Музея А. М. Горького. М.: Наука, 1969.
2. А. Н. Бенуа и его адресаты. Вып. 2. Переписка с М. В. Добужинским (1903–1957). СПб.: Изд-во «Сад искусств», 2003.
3. *Бабореко А. К.* Бунин: Жизнеописание. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2009. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1203).
4. *Бердяева Л. Ю.* Профессия: жена философа / Сост., авт. предисл. и коммент. Е. В. Бронникова. М.: Мол. гвардия, 2002.
5. *Боулт Дж.* Савелий Сорин в Крыму и Закавказье в 1917–19 годах // Евреи в культуре Русского Зарубежья. Т. 2 / Изд. и сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 1993. С. 493.
6. *Верещагин Ю.* Возвращенные шедевры // Гудок, 01.11.2005. URL: http://www.gudok.ru/newspaper/detail.php?ID=281485&year=2005&month=11&SECTION_ID=12656
7. *Герра Р.* «Когда мы в Россию вернемся...». СПб.: ООО Изд-во «Росток», 2010.
8. *Гоголицын Ю.* Париж и Нью-Йорк Сергея Судейкина // Antiq.info. № 40. 19.07.2006. URL: <http://www.antiques20.com/archive/6728.html>
9. *Грабарь И. Э.* Искусство русской эмиграции // Русский современник. 1924. № 3. С. 238–247.
10. *Грабарь И. Э.* Письма 1917–1941. М.: Наука, 1977.
11. *Грабарь И. Э.* Моя жизнь: Автобиография. Этюды о художниках. М.: Республика, 2001.
12. *Журавлева Е. В.* Константин Андреевич Сомов. М.: Искусство, 1980.
13. *Землякова О., Леонидов В.* Триумф в Америке // Русское искусство. 2004. № 1. URL: <http://www.russiskusstvo.ru/journal/1-2004/a635>
14. *Каменский В.* «Мне пора быть с вами в Нью-Йорке...» Письма к Николаю Евреиннову // Звезда. 1999. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/1999/7/kamens.html>
15. *Козырева Н.* Сорин // Государственный Русский музей представляет: Русский Париж. Альманах. Вып. 35. СПб.: Palace Editions, 2003. С. 304–305.
16. Константин Андреевич Сомов: Письма. Дневники. Суждения современников. М.: Искусство, 1979.
17. *Маковский С. К.* Портреты С. А. Сорина // Жар-Птица. 1922. № 8. (Перепечатка: Наше наследие. 1989. № 1 (7). С. 152–155).
18. Мы здесь. Публикации 15–21 февраля 2008. URL: <http://newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=108>
19. *Мямли И. Г.* Василий Иванович Шушаев. Л.: Художник РСФСР, 1972.

20. *Нилус П. А.* Письма из эмиграции. 1920–1937. Одесса: Изд-во «Optimum», 2008.
21. *Носик Б., Жерлицын В.* Русские художники в эмиграции. Серия «Другая родина». СПб.: Изд-во «АРТ», 2007.
22. *Обухова-Зелиньска И.* Савелий Сорин — портретист. Русское еврейство в зарубежье. Т. 3 (8): Русские евреи во Франции. Статьи, публикации, мемуары и эссе. Книга 1 / Ред.-сост. М. Пархомовский, Д. Гузевич. Иерусалим, 2001. С. 341–353.
23. *Пружан И. Н.* Лев Самойлович Бакст. М.: Искусство, 1975.
24. О. Л. Лейкинд, К. В. Махров, Д. Я. Северюхин. Художники русского зарубежья. СПб.: Изд-во «Нотабене», 1999.
25. *Седых А.* Далекie, близкие... М.: Захаров, 2003.
26. *Сорина А. С.* Произведения живописи и графики, переданные А. С. Сориной в дар музеям СССР. М.: Сов. художник, 1973.
27. *Судейкина В. А.* Дневник: 1917–1919: (Петроград — Крым — Тифлис) / Подгот. текста, вступ. ст., коммент., подбор илл. И. А. Меньшовой. М.: Русский путь; Книжница, 2006.
28. *Толстой А. В.* Художники русской эмиграции. М.: Искусство XXI век, 2005.
29. *Тулузакова Г. П.* Николай Фешин. СПб.: ООО Изд-во «Золотой век», ООО Изд-во «Художник России», 2007.
30. *Чуковский К. И.* Дневник (1901–1929). М.: Современный писатель, 1997.
31. *Шустер Д.* Сорин в Нью-Йорке // Нева. 2000. № 12. С. 224–227.
32. *Щербакова Г. Б.* Мастер портрета // Огонек. 1974. № 22 (2447), 25 мая. С. 8.

Борис Кауфман и его старшие братья

Евгений Цымбал (Москва)

Подробная, документированная биография выдающегося американского, а ранее французского кинооператора Бориса Кауфмана еще не написана. Данная статья может считаться одной из первых попыток выстроить хронологически последовательное повествование о его трудной, полной неожиданных перемен жизни. Впрочем, его творчество, особенно первую его половину, трудно отделить от деятельности живших в СССР его старших братьев, также великих кинематографистов.

Борис Кауфман — младший брат всемирно знаменитого кинорежиссера-документалиста Дзиги Вертова (Давида Кауфмана) и выдающегося оператора и режиссера-документалиста Михаила (Моисея) Кауфмана.

Братья Кауфманы родились в Гродненской губернии, в уездном городе Белостоке. При населении в 93 тысячи, 78% его жителей составляли евреи. Белосток был довольно значительным культурным центром. В нем было четыре театра и пять кинотеатров, костел, несколько православных церквей и множество синагог. Главным раввином Белостока в конце XIX в. был ребе Гальперн.

Мать братьев Кауфман, Хая-Эстер Рахмилиевна Граз-Гальперн, возможно, была его родственницей. 18 января 1894 г. она вышла замуж за гродненского мещанина, букиниста и книготорговца Абея Кушелиовича Кауфмана, владевшего книжным складом и двумя книжными магазинами — в Белостоке и Киеве. Вот что сказано об их женитьбе в Книге записи браков между евреями Белостокского Молитвенного Правления за 1894 г. от 18 января (23 швата): «Холостой гродненский мещанин Абель Кушелиович Кауфман 26 лет, вступает в брак с девицею Хаею-Эстерью Рахмилиевною Граз(д)-Гальперн 21 года. Совершал обряд обручения и бракосочетания (хипу) Белостокский раввин Менар и М. Г. Эпштейн». Абель Кауфман, человек состоятельный и просвещенный, был также содержателем и попечителем городской публичной библиотеки. Это впоследствии позволило Дзиге Вертову и Михаилу Кауфману писать в Советской России в анкетах, что их отец был

простым библиотекарем, а не представителем эксплуататорского класса, к коему была отнесена большевиками профессия книготорговца. Эта же версия была подхвачена и Борисом Кауфманом во Франции. Именно она породила легенду о бедной семье и отце-библиотекаре, которая по сей день гуляет по страницам биографий всех трех братьев. Семья Кауфманов не была бедной, а относилась, говоря нынешним языком, к верхнему среднему классу.

У супругов Кауфман родились три сына.

Старший — Давид Кауфман (будущий кинорежиссер Дзига Вертов) родился 2 января 1896 г.

Средний — Моисей (Михаил) Кауфман — 5 сентября 1897 г.

Младший брат — Борух (Борис) Кауфман. Согласно советскому кинословарю 1986 г., он родился 24 июня 1906 г. (В предыдущих изданиях советского кинословаря этот выдающийся деятель мирового кино, как и большинство кинематографистов-эмигрантов, попросту отсутствовал.) На наш взгляд, указанная дата не верна. Более правдоподобно выглядит упоминаемый в некоторых источниках 1902 год, однако и он подвергается сомнению. Точная дата рождения Бориса и по сей день не установлена. Основанием для подобного утверждения является единственная сохранившаяся в РГАЛИ и репродуцированная в нашем фильме «Дзига и его братья»¹ фотография, на которой все три брата сняты вместе. Старшие — в школьной форме, младший — в детской одежде. Их различие в возрасте явно не доходит до 9–10 лет. Судя по фотографии, младший был лет на 5–6 моложе старших братьев-погодков.

Окончательно сбивает с толку письмо Бориса Кауфмана, написанное им брату Михаилу в 1976 г. Там он сообщает о фестивале в честь 80-летия Дзиги Вертова и сетует, что здоровье и годы не позволяют ему встретиться с братом, уточняя в скобках: («ты забыл, что мне вышло 77 лет?»)². Если согласиться с этим утверждением Бориса, то он родился в 1899 г., но это опровергается не только имеющейся фотографией. В «Книге для записи родившихся евреев Белостокского Молитвенного Правления на 1899 г.» существует запись от 7 декабря 1899 г. о рождении «у отца — гродненского мещанина Абеля Кушелиовича Кауфмана и матери — Хаи-Эстер Рахмилиевны Кауфман — 6 декабря сына Семёна Абелевича Кауфмана»³. Нигде в сохранившихся семейных документах, равно как и в просмотренных нами документах Белостокского архива, имя Семёна Кауфмана более не встречается. Возможно, Семён умер в раннем детстве. Установить более точно его судьбу, как и день рождения Бориса, имя которого ни разу не фигурирует в имеющихся документах, к сожалению, не представляется возможным: документы указанного архива сохранились

лишь до 1902 г. Более поздние бумаги погибли в многочисленных и, увы, трагических событиях, в изобилии пришедшихся на долю жителей и уроженцев Белостока.

Интересно, что сам Борис всю жизнь сохранял тайну года своего рождения и тщательно культивировал эту загадочность. Как во Франции, так и в Америке, отвечая на вопрос о возрасте, он, лукаво (или грустно) улыбаясь, говорил, что к началу своей работы в кино он переменял уже три страны, пережил две войны и три революции.

В конце XIX — начале XX в. наиболее образованная часть российской еврейства все более связывала свою судьбу с русской культурой и осознанно стремилась к ассимиляции. Эта тенденция была характерна и для семьи Кауфманов. Детей отдали учиться в русские школы — Давида в реальное училище, Моисея — в гимназию. Сведениями о том, где учился Борис, мы не располагаем. Вскоре старшие братья стали называть себя по-русски: Денис и Михаил.

Одним из сильнейших и наиболее страшных детских впечатлений братьев Кауфман был еврейский погром в Белостоке летом 1906 г. Погром продолжался почти три дня. Подверглись нападению и были разграблены наиболее зажиточные улицы города, где проживало, в основном, образованное и состоятельное буржуазное еврейство. По официальным данным, в ходе погрома было убито 82, ранено 78 человек, разгрому подверглись 169 квартир и магазинов, принадлежащих ни в чем не повинным людям⁴. Братья навсегда запомнили это ужасное событие.

В подростковом возрасте наиболее близким человеком для мальчиков была младшая сестра матери — петербургская студентка Мария Гальперн. Скорее всего, именно она «виновата» в том, что братья стали кинематографистами. Это она подарила Михаилу первый в жизни фотоаппарат, заметив, что он пытался снимать самодельной камерой-обскурой. Его первым снимком стал зафиксированный в зеркале автопортрет. Михаил увлекся фотографией, много снимал, главным образом себя и своих школьных друзей.

Денис был возвышенной и поэтической натурой. Его отношение к Маше более романтично. Он писал ей нежные послания: «Маша! Это не слова! Это переживания! И если ты когда-нибудь переживала что-нибудь подобное, то ты вполне меня поймешь! Любящий тебя Додя».

Додя рисовал символические образы, писал стихи, создавал музыкально-поэтические композиции на музыку любимого композитора Скрябина. Свои произведения он уже тогда подписывал псевдонимом Дзига Вертов. Дзига по-украински — детская игрушка волчок или юла. До последнего времени считалось, что этот псевдоним был взят Дави-

дом Кауфманом после прихода в кино в 1920 г. Однако при работе над фильмом «Дзига и его братья» в РГАЛИ удалось обнаружить рисунок со стихотворением «Весенний сатана», подписанный псевдонимом Дзига Вертов и датированный 1915 годом. Следовательно, этот псевдоним использовался им гораздо раньше, чем принято считать.

Когда началась Первая мировая война, Кауфманы уехали в Киев, затем перебрались в Могилев. Давида вскоре призвали в армию, однако он был комиссован по состоянию здоровья. Родители с Борисом, спасаясь от германского наступления 1915 г. и опасаясь возможной депортации, вынуждены были уехать в Москву. Об этом периоде жизни семьи Кауфман известно чрезвычайно мало. В 1916 г. Давид поступил в Петербургский психоневрологический институт — одно из немногих учебных заведений в столице Российской империи, куда без ограничений принимали иностранцев. Большинство его студентов составляли выходцы из еврейских местечек. Студенты слушали лекции невролога и психиатра В. М. Бехтерева, физиолога И. П. Павлова, юриста А. Ф. Кони и других выдающихся ученых. Интересно, что студенческим театром в Психоневрологическом институте руководил уроженец Вильно Абрам Роом — также будущий известный советский кинорежиссер.

Михаил Кауфман тем временем окончил Могилевскую гимназию и, как и старший брат, был призван в действующую армию. Однако провоял он на полях сражений недолго — Российская империя рухнула в феврале 1917 г. Вслед за империей развалилась и русская армия. Братьям повезло. В этой бойне они уцелели.

Февральскую революцию Давид и Михаил встретили с восторгом. Тем не менее Давид Кауфман решил уехать из Петербурга и попытать счастья в Москве. Возможно, это было связано с тяжелыми детскими воспоминаниями: возбужденные петроградские толпы вызвали в его памяти кошмар белостокского погрома. Родители, жившие с младшим сыном в Москве, конечно, порадовались отмене черты оседлости, но опасались, что дальнейший ход революционных событий может оказаться не столь мирным. Давид поселился вместе с ними. Он поступил на юридический факультет Московского университета, одновременно посещал лекции по математике, но в конце 1917 г. понял, что римское право теперь долго не понадобится, и окончательно покинул университет.

Октябрьскую революцию Давид и Михаил восприняли с энтузиазмом. Старшим Кауфманам она показалась похожей на белостокский погром, но выбирать им уже особенно не приходилось. И все же родители, потрясенные кровавыми уличными сражениями во время установления большевистской власти в Москве, после заключения Брестского мира и нарастания волн погромов по всей европейской России предпочли вернуться в Белосток. Юного Бориса они забрали с собой.

Первым обрел свою судьбу в новой России Давид. Его однокашник и приятель Михаил Кольцов весной 1918 г. устроил Давида на работу в Московский кинокомитет. Летом того же года Давиду Кауфману поручили смонтировать хроникальный фильм «Годовщина революции». Новоиспеченный кинематографист решительно взялся за дело. Он стал монтировать так, как, он полагал, нужно монтировать новое, революционное кино. В те времена считалось, что человеческий глаз и восприятие не в состоянии схватить крошечные куски пленки протяженностью менее 24 кадров, т. е. менее полутора секунд (кино в те времена снималось со скоростью 16 кадров в секунду). Дзига же хотел использовать кадры длиной в 8, 4 и даже 2 кадра. Это привело к конфликту с профессиональными монтажницами, которые попросту стали выбрасывать в корзину смонтированные им эпизоды. Но одна из монтажниц, Елизавета Свилова, прониклась симпатией к молодому режиссеру и стала монтировать кино именно так, как он хотел. Осенью 1918 г. фильм был принят и одобрен, а Давид Кауфман получил повышение. Он стал «заведующим киносъемкой» и все чаще называл себя Дзигой Вертовым. Окончательно он сменил свое имя в 1920 г.

Когда началась Гражданская война, средний брат — Михаил вступил в Красную армию и служил в качестве военного шофера.

Дзига тем временем женился на классической пианистке Ольге Тоом. Ольга работала в секретариате жены Ленина Надежды Крупской и его сестры Марии Ульяновой, в агитпоездах и в газете *Правда* и часто сопровождала высокопоставленных партийных дам в поездках по стране. Иногда к ней присоединялся и Дзига. Он быстро снимал и показывал непросвещенным массам журналы «Кинонеделя» и «Киноправда». Массы собирались в огромные толпы, чтобы посмотреть кино и увидеть самих себя на экране.

Вертов довольно быстро стал заметной фигурой в революционной кинохронике. Он участвовал в съемках многих важнейших событий Гражданской войны: подавлении Ярославского мятежа, боев под Царицыном, Астраханью и Харьковом, на Южном, Северном и Восточном фронтах, действий Волжской военной флотилии. Дзига снимал Всероссийские съезды Советов, конгрессы Коминтерна, первомайские демонстрации в Москве, митинги против убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Первым полнометражным фильмом Вертова стала «История гражданской войны».

С Ольгой Тоом они разошлись. Но горевал он не долго — вскоре его женой стала коллега по работе и верный помощник, монтажер Елизавета Свилова.

Михаил Кауфман прослужил в Красной армии всю Гражданскую войну. В 1922-м, перед самой демобилизацией, он был уже начальником

армейского гаража и параллельно, не без участия старшего брата, работал оператором военной аэрофотосъемки. После увольнения из армии Михаил пришел к Вертову и был незамедлительно принят на киностудию. Скоро он стал лучшим оператором Дзиги.

Творчество Вертова высоко ценил Ленин. Судя по всему, Дзига участвовал в съемках Ленина в Кремле, где вождь мирового пролетариата, поправившись после ранения, демонстрирует зрителям и своему товарищу по борьбе, Бонч-Бруевичу, здоровье и хорошее настроение. Когда Дзига заболел тифом, Ленин прислал ему лекарство и початую бутылку французского вина.

После смерти вождя Дзига монтировал фильм о его похоронах. Впечатляющий, тысячекратно растиражированный образ заколоченной, замершей от горя страны, остановившихся фабрик и заводов, ревущих гудков и поездов создан был именно Вертовым. Позже он сделал «Ленинскую Киноправду», «Три песни о Ленине» и другие фильмы об Ильиче. Несколько раз снимал Вертов и Сталина. Но этому вождю, судя по всему, съемки Вертова не понравились. Сталин, как известно, был твердым адептом реализма и ко всякого рода новациям в искусстве относился с подозрением.

Вертов же был большим поклонником Маяковского и революционного авангарда. Еще в 1919 г. Дзига проделал забавный эксперимент. Он спрыгнул с верхушки грота во дворе Госкино. Прыжок снял скоростной кинокамерой. В отснятом материале оказалось, что прыжок выглядел гораздо интереснее, чем если бы он был снят нормально. С этого дня Вертов стал изменять скорость и направление движения пленки при съемках.

Вертов первым понял — кино не должно имитировать обычное зрение. Нужно удивлять зрителя: менять точки съемок, использовать неожиданные ракурсы, монтировать короткими планами. В 1922 г. Вертов опубликовал манифест «Мы», в котором объявил о создании группы «Киноков» (от слов «кино» и «око»). Он призывал кинохронику к «коммунистической расшифровке мира». Прежде всего, это должно выражаться в стиле, темпе и ритме съемок. «Киноки» под его руководством снимали необычно и дерзко. Они старались прибыть к месту происшествия как можно быстрее — желательнее раньше пожарных или милиции.

Один скандално известный театральный и начинающий кинорежиссер ходил к Вертову и «кинокам» учиться снимать и монтировать кино и очень многому у них научился. Звали этого режиссера Сергей Эйзенштейн.

В картине Дзиги «Процесс правых эсеров» Михаил Кауфман и оператор Беляков в роли простых обывателей спорят: расстреляют или не

Борис Кауфман
в конце 1970-х гг.

расстреляют подсудимых эсеров, и даже заключают на этот счет пари. Для Михаила это было время полного взаимопонимания с Дзигой. Он осуществлял самые невероятные идеи брата. Они все время вместе. На обороте одной из совместных фотографий рукой Михаила написано: «Братство».

Братья хотели снимать новую революционную жизнь: *«улавливать хруст старых костей быта под прессом революции»*. *«Никаких инсценировок!»*, *«Жизнь врасплох!»*. *«Кинокамера позволяет утверждать киновидение и киномышление, смотреть на мир через “Киноглаз”»*⁵. Именно так назывался их следующий фильм. Братья отказываются от декораций и постановочных эпизодов ради «жизни врасплох». Это

выразилось прежде всего в изображении. И здесь нельзя не оценить роль оператора — Михаила Кауфмана. В «Киноглазе» Михаил показал себя мастером, способным снять совершенно удивительные эффекты. У него подпрыгнувшие люди повисали в воздухе, автомобили и трамваи мчались с невероятной скоростью или мгновенно застывали, спортсмены зависали в воздухе или, ногами вперед, выныривали из воды и взлетали обратно на вышки. До Вертова и Кауфмана российский зритель не видел в кино ничего подобного.

Всю аппаратуру для этого Михаил придумывал, изобретал и конструировал сам. В 1925 г. на Всемирной выставке в Париже «Киноглаз» получил серебряную медаль и диплом, а плакат художника Родченко к «Киноглазу» и по сей день пользуется популярностью. Его можно купить во многих музеях мира.

Борис Кауфман жил в это время вместе с родителями в Белостоке, который по Брестскому миру оказался в отделившейся от Советской России независимой Польше. Не выходя из собственного дома, они вдруг стали иностранцами. Так случилась первая, совершенно невольная эмиграция Бориса из России. В 1920 г. он и родители пережили кратковременную, но чрезвычайно ожесточенную войну между Советской Россией и Польшей. Части Красной армии под командованием Тухачевского, Ворошилова и Сталина, стремившиеся установить советскую власть в Польше

и двинуться дальше в Европу, чтобы принести на своих штыках мировую революцию, были разгромлены. Десятки тысяч красных кавалеристов оказались в польском плену. Тысячи из них умерли в концентрационных лагерях. Во время войны отношение к русским и евреям в Польше резко ухудшилось. Стали звучать националистические призывы, в воздухе снова запахло погромами. К счастью, война была непродолжительной. Вскоре перед подростком Борисом Кауфманом возникла реальная угроза призыва в польскую армию. Учитывая крайне напряженные отношения между Польшей и РСФСР, он вполне мог оказаться в рядах польских войск, сражающихся с Красной армией, в которой мог служить его брат Михаил и действия которой мог снимать тот же Михаил или его второй брат Дзига. Такая перспектива показалась отцу и сыну Кауфманам неприемлемой, и Абель сделал все возможное, чтобы отправить Бориса подальше от мест польско-русских сражений.

Борис Кауфман оказался вынужден эмигрировать, теперь уже понастоящему, во Францию. В кинокругах существовали слухи о том, что Борис якобы поначалу некоторое время работал в Москве вместе с Дзигой Вертовым и Михаилом Кауфманом и только потом эмигрировал. Никаких документальных подтверждений этой легенды нам найти не удалось. По общепринятой версии его биографии, Борис Кауфман приехал во Францию в 1927 г. Мы полагаем, что это случилось года на два раньше. Его путь туда пролегал через Германию и Бельгию, где он провел некоторое время. Потом Борис поселился в Гренобле и стал посещать политехникум, чтобы получить техническую специальность. Но во Французских Альпах ему почему-то не понравилось, и он перебрался в Париж, где стал студентом Сорбонны. А вот как выглядит эта история со слов внучки Бориса, искусствоведа Абайи Кауфман: *«В Париж его послал отец, чтобы избежать призыва в польскую армию. Это было в 25-м или в 26-м годах. Борис посещал Сорбонну, изучал инженерное дело — сначала он хотел стать инженером. Потом он стал заниматься кино»*⁶.

Во французском кинематографе 20-е гг. отмечены широким участием русских эмигрантов. Это касалось как непосредственной вовлеченности во французское кинопроизводство, так и разработке теории и практики кино. Имена выходцев из России кинопродюсеров Венгерова, Ермольева, Каменки, актеров Ивана Можухина, Петра Батчева, Николая Колина, Натальи Кованько, Натальи Лисенко, художников Андреева, Левашова, Лошакова, Бориса Билинского, режиссеров Александра Волкова, Владимира Стрижевского, Вячеслава Туржанского, Владислава Старевича, Якова Протазанова, Дмитрия Кирсанова были на слуху. Съёмочная группа Абеля Ганса, создавшего один из величайших фильмов в истории кино — «Наполеон», более чем наполовину состояла из русских,

а роль юного Наполеона сыграл Владимир Руденко. Фильм Протазанова «Пылающий костер» так потряс молодого художника, сына великого Огюста Ренуара, что он навсегда забросил свое ремесло и стал кинематографистом. Идеи французского режиссера Жана Эпштейна (уроженца Варшавы, сына польской еврейки и француза) в некоторых своих постулатах совпадали с кинематографической революцией Дзиги Вертова, имя которого к концу 20-х гг. стало известно во Франции, а потом и во всей Европе. Еще более популярным во Франции был Сергей Эйзенштейн, и его фильмы «Стачка» и «Броненосец Потёмкин» имели ошеломляющий успех. Писатели-сюрреалисты Андре Бретон, Луи Арагон и Поль Элюар после просмотра «Потёмкина» вступили в коммунистическую партию. Творчество Вертова и Эйзенштейна в Париже пропагандировали кинокритик-коммунист Леон Муссиак, посетивший в октябре 1927 г. Москву и советские киностудии, и его родственник (деверь), режиссер научного и документального кино Жан Лодс.

Такая творческая обстановка неизбежно привлекла внимание и студента Сорбонны Бориса Кауфмана. Его все больше тянуло к тому удивительному искусству, которым занимались его старшие братья. Он начинает собственные киноопыты, уделяя главное внимание профессии оператора. Борис старался смотреть все, что снимали в Советском Союзе его братья, спрашивал у них совета в письмах. Он сходится с французскими авангардистами, знаменем которых были фильмы «Возвращение к здравому смыслу» Мана Рэя, «Механический балет» Фернана Леже, «Антракт» Франциско Пикабии и Рене Клера. Самым успешным (в кассовом смысле) в этом ряду был другой фильм Рене Клера, «Дьявольский луч» («Париж уснул»), а самым скандальным — «Раковина и священник» Жермены Дюлак, премьера которого закончилась ожесточенной дракой зрителей с кинематографистами.

Свои первые известные нам фильмы Борис Кауфман снял в 1928 г.

Возможно, это была картина русского эмигранта, режиссера Эжена Деслава⁷ «Марш машин». С Деславом Борис вместе учился в Сорбонне. Этот фильм стал одним из первых во Франции, где авторами была сделана попытка введения звука. Звуковое сопровождение состояло из специально написанной имитативной (имитирующий естественные шумы) музыки немецкого композитора Пепинга. Впоследствии такого рода опысы получили во Франции название «конкретной музыки».

Работа с французским режиссером-авангардистом Жаном Лодсом также часто считается первым фильмом Бориса Кауфмана. Его картина называлась «24 часа за 30 минут». Через год Кауфман и Лодс вместе сняли второй фильм «Елисейские Поля». Следующий фильм «Ле Аль» был снят в соавторстве с еще одним русским эмигрантом Андреем

Голицыным. Во всех этих фильмах очевидно влияние Вертова и Михаила Кауфмана.

Вот рассказ Абайи Кауфман: *«В 20-е годы все трое братьев постоянно общались друг с другом. Дзига писал Борису, учил его снимать. То, что Борис не изучал кино в киношколе или университете — ничего не меняет — он учился у своих братьев. Его школой были их фильмы, которые они делали в Москве»⁸.*

«Мы были очень близки, — вспоминал Борис Кауфман. — Я открывал мир через кинокамеру, как и все кинематографисты. Вы видите вещи своими глазами, вы также учитесь видеть вещи через камеру. Вы тренируете себя ловить момент, событие, снимать экономно и выразительно»⁹.

Фильмы Дзиги и Михаила второй половины 20-х гг. действительно поражали необычностью видения мира и смелостью монтажа. Они воспевали энергию труда, чудеса индустриализации, ритм работающих машин и их техническую мощь. Вертов в то время писал: *«Да здравствует поэзия движущейся машины, поэзия рычагов, колес и стальных крыльев, железный крик конструкций и движений»¹⁰.*

Чтобы запечатлеть индустриальную поэзию на экране, оператор Михаил Кауфман без всякой страховки снимал на огромной высоте, стоя на крюках подъемных кранов, из ковшей для бетона, стоя на мчащейся на полном ходу дрезине или на подножке паровоза. Во время съемок в металлургических цехах он так близко подходил к огнедышащим домам, что у него сгорели подошвы ботинок, а плечи были покрыты язвами от брызгавших капель расплавленного металла. Вообще, Дзига Вертов и Михаил Кауфман были отчаянными парнями.

Борис тем временем продолжал снимать с Лодсом и другими французскими режиссерами в Париже. Из интервью Бернара Эйзеншитца (французского историка кино, главного редактора журнала Французской синематеки): *«Когда я впервые увидел фильм, который сняли Кауфман и Лодс, я понял, что встреча Бориса Кауфмана с молодыми французскими авангардистами была не случайной. Он вышел из среды, открытой к кино-авангарду, и вообще ко всему авангардному. Это была восприимчивость к искусству, созданному для 20 века, искусству механики, экзальтации, к искусству, воспевавшему машины, создававшему свое собственное пространство и время. Связь Кауфмана с “Киноглазом” была очень существенной. Она чувствовалась не столько в технике, сколько в общей философии кино, в морали, в способе смотреть на вещи»¹¹.*

А вот свидетельство Абайи Кауфман: *«Возможно, это было открытие нового визуального искусства. Когда изучаешь новое искусство, которое они начинали, интрига, волнение, увлеченность, давали им свободу эксперимента. Я знаю, что мой дед очень много изучал свет и освещение, это*

видно и по тому, как он снимал свои фильмы. Быть может, именно это повлияло на его талант и его операторскую манеру»¹².

Следующей работой Дзиги и Михаила Кауфмана стала киносимфония «Человек с киноаппаратом». Вот как описывал ее Вертов: «Человек, вооруженный киноаппаратом, направляется в жизнь. Жизнь бросает его из стороны в сторону. Человек с киноаппаратом должен проявить максимум быстроты и ловкости, чтобы поспеть за убегающими жизненными явлениями. Это новая экспериментальная работа “Киноглаза” по созданию подлинно международного, абсолютного языка кино. Первая в истории полнометражная картина без актеров, без декораций, без сценария и надписей... Человек с киноаппаратом видит все: счастье родов, горькую боль утрат, безысходность смерти, радость и надежды брака. Все не случайно. Все имеет свой смысл. Все закономерно и объяснимо»¹³.

Михаил Кауфман был оператором-постановщиком этой картины и сыграл в фильме человека с киноаппаратом. К этому времени их отношения с Дзигой уже давно перестали быть безоблачными. Братья с трудом сдерживают неприязнь. Михаилу не нравится многое из того, что делает Дзига. Эстетические расхождения переходят на человеческие отношения между ними. Дзигу в его претензиях к Михаилу поддерживает Елизавета Свилова, считающая, что Михаил завидует его таланту и мастерству. На самом деле причина была не в этом. Они были людьми разного темперамента и восприятия жизни. К тому же Михаил Кауфман профессионально и интеллектуально созрел для самостоятельной работы.

Михаил не был столь честолюбив и фанатичен в творчестве, как Дзига. Кроме кино, его интересовали простые житейские радости, а съемки всегда были еще и поводом для приятных знакомств. В его архиве — немало фотографий красивых женщин. Это память о встречах и романах в киноэкспедициях. Он пользовался у них огромным успехом. Михаила было за что любить. Он был красивым, обаятельным человеком, любил рискованные съемки, получал удовольствие от собственного мастерства, отчаянной смелости, куража, находчивости и отваги.

Но отдадим должное Дзиге. Это он задумал и осуществил подлинный шедевр — полнометражную неигровую (этот термин, ныне ставший общепринятым, принадлежит именно Вертову) киносимфонию «Человек с киноаппаратом» — фильм, далеко обогнавший свое время, неизменно входящий в десятку лучших неигровых фильмов всех времен.

Во Франции, не будучи признанным оператором, Борис поначалу снимал от случая к случаю. Он жил временами на грани нищеты и был вынужден снимать все что угодно, чтобы заработать на жизнь. Кроме того, это позволяло набивать руку, накапливать опыт, обретать профессионализм и собственный стиль.

Интервью Абайи Кауфман: «Он начал делать фильмы еще в 20-е годы, задолго до встречи с Виго. Я знаю, что он работал под Парижем с киностудией в Жуанвиле. Это были скорее рекламные коммерческие фильмы, хотя он был связан и с кинематографистами-экспериментаторами. Но только с Жаном Виго он начал делать по-настоящему художественные фильмы и активно включился во французский кинопроцесс»¹⁴.

В 1929 г. Борис Кауфман, возможно, встречался с Дзигой Вертовым, который выезжал в Германию и Голландию для показа своего фильма «Одиннадцатый» и чтения лекций, проходивших с успехом на странной, иногда вызывающей смех публики, смеси немецкого языка и идиш.

В том же году Борис встретил столь же юного, как и он сам, фанатичного любителя кино по имени Жан Виго, которого кинокритики впоследствии назовут Артюром Рембо французского кинематографа. Виго был сыном легендарной личности, знаменитого испанского анархиста Алмерейды, убитого во французской тюрьме Френ. Виго, как и Борис Кауфман, некоторое время посещал лекции в Сорбонне, однако вынужден был их оставить по состоянию здоровья — врачи заподозрили у него туберкулез легких. Жан Виго бредил кинематографом. Он обожал свою возлюбленную — польку Элизабет Лозински, с которой они поженились год назад, а растрогавшийся тесть — богатый промышленник из Лодзи, подарил ему 100000 франков в качестве приданого. Виго использовал деньги тестя для того, чтобы купить профессиональную кинокамеру «Дебри», стоившую 40000 франков, а на оставшиеся — снять небольшую виллу в Ницце. С Борисом Кауфманом они познакомились осенью 1929 г. в Париже, куда Виго приехал для консультации с медиками и специалистами по кино. Он «любил Ниццу как город своего счастья, но ненавидел как место, куда со всего света съезжаются богачи»¹⁵.

Виго решил снять фильм о Ницце. Вспоминает Борис Кауфман: «Жан Виго вошел в мою жизнь осенним днем 1929 года. И никогда с тех пор не покидал меня духовно. <...> Он попросил меня показать два моих фильма и после просмотра сказал: “Я намерен снять картину о Ницце. Не хотите ли сделать ее вместе со мной?”»¹⁶

Виго увлек Кауфмана своими идеями и заключил с Борисом контракт, по которому они оба считались авторами и режиссерами фильма «По поводу Ниццы. Документальный угол зрения». Борис был еще и оператором. В доме у молодых супругов была свободная комната, и Жан и Элизабет убедили Бориса поселиться у них. Тем более, что Элизабет была рада говорить с Борисом по-польски. Супруги Виго обязались кормить Бориса в период съемок. За это Борис уступил Жану права на продажу фильма.

С огромным энтузиазмом Жан Виго и Борис Кауфман приступили к съемкам. В их фильме Ницца роскошна и противоречива. Это мир не только прекрасной природы и манящего моря, но и самодовольных рантье, нежащихся под солнцем богатых старух и юных жиголо, развлекающихся международных аферистов, профессиональных картежников, сутенеров и проституток. Съемки начались довольно успешно, но вскоре возникли и проблемы. Сытая буржуазная публика, прожигавшая жизнь в казино и ресторанах, фланирующая по набережным и развлекавшая себя карнавалом, вовсе не горела желанием оказаться в кадре и быть зафиксированной киносъемкой. Частенько эти господа и дамы шли на конфликт, лезли в драку или звали полицию, чтобы пресечь кинопроцесс. Авторы вынуждены были снимать украдкой, из укрытий, канализационных люков, а иногда с помощью картонной коробки, в которую они прятали камеру.

К середине весны 1930 г. Жан Виго и Борис Кауфман отсняли около 4000 метров пленки. К началу мая монтаж был закончен. Фильм не столько показывал Ниццу, сколько выражал презрение к богачам, сарказм и классовую ненависть.

Он стал настоящим событием во французском киноавангарде. Коллеги высоко оценили картину, встретив ее радостным смехом и восторженными аплодисментами. Но в добропорядочном французском обществе она породила грандиозный скандал, сопоставимый по масштабам разве только с выходом фильма Луиса Бунюэля и Сальвадора Дали «Андалузский пес» или уже упоминавшейся картины «Раковина и священник». В фильме «По поводу Ниццы» явно и наглядно чувствовалось влияние Вертова и Михаила Кауфмана.

Несмотря на горячий прием коллег-кинематографистов, фильм «По поводу Ниццы» не имел коммерческого успеха. Прокатчики его попросту проигнорировали, как дерзкий и оскорбляющий публику. Он шел недолгое время лишь в одном кинотеатре в Париже. Лента, разумеется, не пользовалась большим успехом у широкой публики, *«в силу конформистских убеждений уже отравленной массы зрителей, которые не так-то просто приемлют мысль о том, что может существовать иная, кроме буржуазной, идеология»*, — писал Леон Муссиак¹⁷.

В начале 1931 г. Виго и Кауфман сняли свою вторую совместную работу — документальную ленту «Тарис — чемпион плавания». Борис на этой картине раз и навсегда решил сосредоточиться на более привлекательной для него профессии кинооператора. Этот фильм также отмечен влиянием старших братьев. Достаточно вспомнить весьма экзотичный план, снятый из-под воды, когда прыгнувший в воду Тарис вылетает из нее обратно, вперед ногами. В эти годы подводные съемки были боль-

шой редкостью. Во время визита во Францию осенью 1931 г. для показа фильма «Энтузиазм» Вертов убедился в этом сам. Сохранилась фотография, на которой сняты Дзига Вертов и Борис Кауфман в компании жены Бориса Елены и французского кинокритика Леона Муссиака с женой. Это была последняя встреча старшего и младшего братьев.

«Тарис — чемпион плавания» имел некоторый успех среди кинематографистов, но прежде всего среди спортсменов-пловцов и владельцев плавательных бассейнов. Это позволило соавторам не только оправдать затраты, но и заработать несколько сотен франков. Однако хватило их ненадолго. Борис и Жан были вынуждены продать камеру «Дебри», которой они снимали свои фильмы. Тут их тоже подстерегала неудача — Виго и Кауфман оказались никудышними коммерсантами. Голландский киноавангардист Пемстер, предложивший за камеру сначала полцены — 20000 франков, стал ожесточенно торговаться, а сбив цену до 12000, дал аванс в 5000 франков, забрал камеру и исчез навсегда. Соавторы страстно желали его найти, чтобы сквитать с ним счеты, но авангардист словно провалился сквозь землю. В эти дни у Виго родилась дочь Люс, а у женившегося после «Ниццы» Бориса — сын Андрей.

В 1932 г. Борис Кауфман и Жан Лодс сняли фильм о бегуне Ладуме, побившем рекорд в беге на одну милю. После этого Борис получил возможность снять свой первый большой полнометражный и звуковой фильм «Дорога к счастью» с режиссером Жаном Маами (в 1947 г. расстрелянным за коллаборационизм). Далее было несколько документальных картин: «Жизнь реки Сены» с Жаном Лодсом, «Прокладка туннеля под рекой Шельдой» с бельгийским режиссером Анри Сторком, сыгравшим впоследствии одну из главных ролей — священника в следующем фильме Виго и Кауфмана «Ноль по поведению».

В 1931 г. Михаил Кауфман снимал в Севастополе фильм «Небывалый поход» о Черноморском военном флоте. Он ходил в открытое море на боевых кораблях, подружился с матросами и офицерами и, конечно, с ним были музы, вдохновляющие художника. Кауфман любил жизнерадостных друзей и красивых женщин и с удовольствием проводил время в их обществе. В последнее время он жил с итальянкой Габриэль, вместе с отцом приехавшей в Россию строить социализм. У них с Михаилом уже была очаровательная дочь. Михаил не чаял души в обеих и был по-настоящему счастлив. Его предупреждали об опасности романа с иностранкой, но он не обращал на это внимания.

В 1933 г. Борис Кауфман с Жаном Виго сняли игровой и звуковой фильм — «Ноль по поведению» — социальную драму о жестокости и черствости воспитателей и восстании детей в школе-интернате. На премьере, после просмотра фильма, в зале вспыхнула очередная потасовка

между зрителями и авторами. Прокатчики объявили об аморальности фильма и полном отсутствии у него коммерческих достоинств. Критики признали фильм «отвратительно жестоким и порочным авангардизмом», и он был запрещен цензурой до конца 1945 г. Второе рождение он пережил в 1968-м г., став во время «студенческих революций» культовым фильмом бунтующей молодежи всего мира.

Из дневника Вертова: *«Сегодня снимали старт кара-кумского пробег. Пленка кончилась раньше времени. Встретили Кауфмана. Он снимает от хроники. У них — четыре автомобиля. У нас четыре ноги — и все»*. Спустя несколько дней: *«Сегодня утром исчезла Габриэль — подруга Кауфмана. Ребеночка нашли в Измайловском зверинце в ужасном состоянии. Кауфман в невменяемости. Он рыщет на мотоцикле по городу, ничего не видя, и ревет посреди улицы, как раненый зверь. Потом, обойдя все отделения милиции, все больницы, все морги, бросается к себе в комнату и кидается то на стену, то на постель, то на пол. И плачет, содрогаясь в конвульсиях. Его пугает вид бритвы — неодолимое желание зарезаться. Ночевал у него. Затем он у меня»*¹⁸. А вот и финал этой ужасной истории: *«Ребенку нужно перелить кровь. Переливание назначено на утро, но ребенок умирает ночью»*¹⁹.

От пережитой трагедии Михаил Кауфман тяжело заболел (у него случилась прободная язва желудка), а когда он пришел в себя, это был уже совершенно другой человек — преждевременно состарившийся, сломленный жестокой и неумолимой властью. А его возлюбленную Габриэль так никогда и не нашли.

Жизнь Бориса пока протекала менее драматично. В 1934 г., как оператор-постановщик, он принимает участие в съемках одного из первых фильмов известного в будущем французского режиссера Кристиан-Жака «Le père Lampiron».

Осенью того же года Борис Кауфман начинает снимать следующую картину с Жаном Виго — его последний фильм — «Аталанта». Съемки проходили зимой 1934/35 г. Весь фильм снимался на натуре и в интерьерах. Съёмочной площадкой были берега Сены и баржа, на которой жили персонажи фильма. Зима неожиданно оказалась суровой и ветреной. Солнечные дни были редкими. Здоровье Виго от работы в холоде и пронизывающей сырости постоянно ухудшалось. Он чувствовал, что может не успеть закончить этот фильм, и это не позволяло им остановиться.

Свидетельствует французский кинокритик Б. Эйзеншиц: *«Как писал Борис Кауфман, съемки “Атланты” стали для их участников уникальным опытом, полным настоящего драматизма. Каждый план приходилось буквально вырывать у жизни, у технических и производственных препят-*

ствий, у времени и т. д. Каждый кадр был настоящей победой, и это хорошо видно в фильме. В "Аталанте" каждый план уникален...»²⁰

Из воспоминаний Бориса Кауфмана: *«Работу с Виго никогда не забудут те, кто участвовал в этой лихорадочной, полной импровизаций работе. Дита Парло, идущая босой по ледяному настилу на барже... Замерзшие каналы. Это создавало совершенно особую атмосферу. Мы использовали все — солнце, туман, снег, сумерки. Работа велась днем и ночью. Было холодно, мы умирали от усталости»²¹*. Между прочим, фильм снимался камерой, которую прислал младшему брату Дзига Вертов. Из-за мизерного бюджета Виго и Кауфман не имели возможности купить или взять киносъёмочный аппарат напрокат, и их выручил старший брат Бориса. В начале февраля 1934 г. съемки были завершены. Из воспоминаний Бориса Кауфмана: *«Виго был уже смертельно болен, лежал в постели. Он попросил меня пролететь низко над баржей и затем схватить в кадре оба берега. Первое я выполнил, второе — нет, ибо самолет сделал вынужденную посадку на гороховом поле. Вечером я рассказал об этом Виго. Он плохо себя чувствовал, но улыбался, счастливый видеть меня живым и здоровым и пытаюсь представить себе в фильме этот последний кадр, который он, увы, так никогда и не увидел»²²*. Борис, всегда не любивший саморекламу, явно поскромничал в описании происшедшего. У старого и ветхого самолета отказал мотор, и он стал падать. Пилоту с большим трудом удалось выйти из штопора, и самолет хоть и грохнулся о землю, но не вертикально, а по нисходящей глиссаде. И пилот, и оператор остались живы и, можно сказать, почти не пострадали.

5 октября 1934 г., вскоре после окончания монтажа, Жан Виго, окончательно подорвавший здоровье на съемках, умер от туберкулеза и заражения крови. Ему было всего двадцать девять лет. Перемонтированный продюсером фильм под другим названием «Проплывающие шаланды» прошел в прокате быстро и совершенно незаметно. Его вновь откроют через 20 лет и объявят одним из самых поэтических фильмов французского кинематографа. После смерти Жана Виго, которую Борис пережил как тяжелую личную драму, он остался в творческом одиночестве. Несколько месяцев Борис не мог прикоснуться к кинокамере — она слишком напоминала ему о работе и общении с Виго. Однако материальные обстоятельства, прежде всего необходимость обеспечивать семью, заставили его вернуться к работе. В 1934 г. Борис снял полнометражный игровой фильм «Зузу» режиссера Марка Аллегре. В 1935-м — «Колыбели» — короткометражный фильм русско-французского режиссера-эмигранта Дмитрия Кирсанова (псевдоним Марка Давидовича Каплана, 1899–1957). В 1935–1936 гг. Борис Кауфман работает со всемирно знаменитым французским режиссером Абелем Гансом на пышной костюмной

картине «Лукреция Борджиа», создававшейся по голливудским образцам. Интересно, что в роли Саванаролы в этом фильме снялся теоретик театра и поэт, французский режиссер Антонен Арто. Затем, в 1936 г., последовал фильм «Острые глаза, детектив» режиссера Пьера-Жана Дюкиса. Далее был второй короткометражный фильм с Дмитрием Кирсановым «Молодая девушка в саду» и четыре полнометражных игровых картины с режиссером Лео Жуанноном, две из которых снимались совместно с Нидерландами, где частично проходили и съемки.

Фильм Дзига Вертова «Три песни о Ленине» (1934) полон радостного оптимизма. А это дневник Вертова во время работы над этим фильмом: *«Полная пустота в голове. Пустыня и изредка песок сыплется. А работы много. Настроение должно быть бодрым и радостным. Иначе нельзя, иначе не по-большевистски.*

*Надо хотеть то, что нужно. Лени — это желание делать то, что хочется, а не то, что нужно»*²³. Вертов искренне пытался соответствовать духу времени, но новому времени и советской власти он уже почти не нужен. Фильм «Три песни о Ленине» имел большой успех, но быстро сошел с экранов. Вертов так и не понял, почему.

В фильме «Авиамарш» Михаила Кауфмана (1936) ясно видны виртуозность и мастерство режиссера. Это его последний фильм, ставший заметным событием. Михаил проработает в кино еще сорок лет, снимет три десятка документальных и научно-популярных картин. Но это будет уже другой Михаил Кауфман. Мастер, испугавшийся своего таланта. Спрятавшийся от безжалостной власти в частной жизни, в обыденной, ничем не выделяющейся продукции.

Дзига в середине 30-х гг. продолжал штурмовать кинематографические вершины. «Колыбельная» — попытка реализовать давнюю мечту Вертова — сделать советский документальный фильм о женщинах. Он уже давно образно почему-то идентифицировал себя с женщиной²⁴.

*«Я могу взять на себя обязательство родить к 20-летию Октября доносенный полновесный фильм. Можете на меня положиться, как на мать. Я согласен в муках произвести на свет фильм, но на фильм-выкидыш я не пойду»*²⁵.

Фильм создавался в разгар Большого террора: *«Много времени потерял на ремонт, в связи с вырезыванием кадров с враждебными людьми, разоблаченными по окончании фильма. Под шумок заставили вырезать и невинных людей»*²⁶.

Массовый психоз коснулся и Вертова: *«Чья рука здесь действовала, еще не выяснено. Но ясно, что здесь не обошлось без вражеских попыток навредить»*²⁷.

Фильм выпущен на экраны, но через пять дней снят с проката. Для Вертова это катастрофа. В ярости он пишет министру кинематографии

Шумяцкому: *«Надо расследовать, чья рука протянула свои когти к горлу фильма, кто участвовал в покушении на фильм, и аннулировал наше стремление показать его широко и открыто. Раз вы признали, что фильм полезен, то вред, наносимый полезному фильму, Вы должны преследовать, как явное вредительство»*²⁸.

Вертову снова повезло. В эти годы его вполне могли расстрелять. Например, за брата, живущего во Франции. Но обошлось. А министра Бориса Шумяцкого, которому Дзига писал гневные письма, расстреляли 29 июля 1938 г.

В Париже жизнь Бориса шла своим чередом. *«Борис продолжал делать фильмы, он был профессиональным оператором и работал в некоторых очень больших кинокомпаниях, профессиональных киностудиях, которые в это время повсюду возникали»*²⁹.

Борис в эти годы успешно работал оператором-постановщиком фильмов «Золушка» (1937) с режиссером Пьером Кароном и «Ты ревнуешь» (1938) с Анри Шометтом. Этот фильм франко-португальского производства положил начало его сотрудничеству с португальскими кинематографистами. Знакомство с ними впоследствии сыграло судьбоносную роль в его жизни. Следующим фильмом был «Веселье напоказ» (1938) с режиссером Энестом Хайошем.

В 1939 г. Михаил Кауфман едет снимать оккупацию Восточной Польши Красной армией. Михаил приложил все усилия, чтобы попасть в Белосток. Здесь они с Дзигой родились и выросли. Сюда вернулись после революции их младший брат Борис и родители. В Белостоке Михаил встретился с матерью. Их отец умер за несколько лет до этого. Михаил очень хотел вывезти мать в Москву, но бдительные советские чекисты не позволили сыну забрать мать. Она осталась в Белостоке и навсегда исчезла вместе с шестью миллионами евреев в Холокосте.

В 1939 г. Дзига снял киножурнал «СССР на Экране». Первый сюжет — русские шали. Второй сюжет — любимая песня товарища Сталина — «Сулико». Сюжет третий — выборы в Чечне. Из дневника Вертова: *«Не могу влезть в трамвай. Каждое прикосновение вызывает нервное сотрясение. У Кауфмана резкая нервозность и полубессознательное состояние. Он хотел уехать домой, но на лестнице упал и вернулся. Нервно плакал»*³⁰.

В начале 1939 г. Борис снял фильм «On ne roule pas Antoinette» (1939) с режиссером Полем Модо. В этом году Борис Кауфман работал как никогда интенсивно. Он понимал, что фашистская угроза становится все более неизбежной и реальной, и старался заработать, чтобы хоть немного обеспечить будущее, сулящее мрачные перспективы. Оставаться в Европе, постепенно становящейся частью Третьего рейха, еврейской семье было невозможно. Борис снимает вестерн «Форт Долорес» (режис-

сер Рене ле Хенаф), примеряясь к востребованному в Америке жанру. За ним последовала киноадаптация пьесы Бернара Циммера «Откормленный телец» с режиссером Сержем де Полиньи и музыкальная картина «Серенада», с режиссером Жаном Бойером по сценарию Жака Компанейца. Эту картину, вышедшую в прокат 2 сентября 1940 г., Борис Кауфман уже не успел закончить, так как был призван в армию. Ее доснимали операторы Морис Пекье и Клод Ренуар.

Мир и спокойствие закончились 5 июня 1940 г., когда Германия начала массированное наступление и во Франции была объявлена всеобщая мобилизация.

В армию брали всех мужчин, способных носить оружие. Бориса Кауфмана зачислили во французскую кавалерию. Для храбрых французских кавалеристов война была недолгой. Уже 14 июня 1940 г. немцы вошли в Париж.

Борису в последний момент удалось вывезти из Парижа жену и маленького сына и избежать общей еврейской судьбы. Вспоминает Абайя Кауфман: *«Во время войны Борис пошел в армию. В 1940 году он был в армии, и когда началась война, они с моей бабушкой и моим отцом бежали на юг и некоторое время жили в Экс-ан-Провансе»*³¹.

Борис искал возможность выбраться из страны. Им помогли друзья и связи, которые Борис обрел, работая с португальскими кинематографистами. Наконец, с большим трудом, с опасностью для жизни им удалось перебраться через Пиренеи в Испанию, оттуда в Лиссабон, и на небольшом пароходе отплыть в Америку. Началась третья эмиграция Бориса Кауфмана.

После нападения фашистской Германии на Советский Союз Дзига Вертов неоднократно просился на фронт. Но его, вопреки его воле, эвакуировали в Алма-Ату. В Казахстане Дзига сделал несколько документальных фильмов, изуродованных цензурой. Он монтировал фронтовые киножурналы, пытался создать творческую лабораторию, но этот замысел, как и все другие, не был реализован. Дзига Вертов стал не нужен советской власти. В конце 1943 г. его вызвали в Москву, но режиссерской работы не давали. Последние 10 лет жизни Вертов прослужил в киножурнале «Новости дня», который был воплощением всего, что он ненавидел в искусстве, — официозности, помпезности, фальши. Вертов замкнулся в себе и старался не выходить из дома. По ночам, во время бессонницы, вспоминал прошлое, писал дневник. Фотографий последних пятнадцати лет его жизни почти нет. Его больше не снимали. Когда однажды его спросили, как он себя чувствует, ответил: *«Обо мне, пожалуйста, не беспокойтесь. Дзига Вертов умер»*. В начале 50-х гг. Дзига снова подружился с Михаилом, с его новой молодой женой и сыном. Это

единственное, что скрашивало его последние дни — 12 февраля 1954 г. Дзиги Вертова не стало.

О судьбе Бориса Кауфмана Дзига и Михаил долгое время почти ничего не знали. Узнавать, что случилось с родным братом, ставшим 30 лет назад невольным эмигрантом, в 40-е гг. было смертельно опасно.

Михаил Кауфман продолжал работать в кино. Вот некоторые названия фильмов, сделанных им в 50-е и 60-е гг.: «Художники Студии им. Грекова», «В Третьяковской галерее», «Игорь Грабарь», «Композитор Тихон Хренников», «Маяк свекловодов». В 60-е гг. после 30-летнего перерыва Михаил снова смог переписываться с Борисом:

«Дорогой Боря!

Твое послание принесло мне такую большую радость, какой я давно не испытывал. Только мы с тобой и остались из нашей семьи. Твой вклад в искусство велик, и мне он по душе. Я уже давно горжусь тобой»³².

Михаила стали приглашать на различные кинофестивали из-за причастности к фильмам его брата Дзиги, который в эти годы обрел всемирную славу. Но по сути он оставался глубоко одиноким человеком, особенно после смерти жены и отъезда единственного сына в Израиль. Михаил Кауфман умер 11 марта 1980 г. в Доме ветеранов кино.

В Америку Борис Кауфман и его семья прибыли поздней осенью 1940 г. В Нью-Йорке знаменитый французский оператор стал обычным, никем не востребованным иммигрантом. Но ему повезло. Когда знаменитый канадский режиссер-документалист Джон Грирсон узнал, что Борис Кауфман сидит в Нью-Йорке без работы, он пригласил его приехать в Канаду снимать и преподавать³³. Борис работал с Грирсоном в Оттаве и Монреале для Национального киносвета, преподавал в киношколе в Торонто. Есть сведения, что Борис участвовал в съемках военной кинохроники об «охоте» немецких подводных лодок за судами канадских рыбаков.

Через два года Борис возвращается в США, работает в Оффисе военной информации. Существует неподтвержденная документами информация о том, что после высадки американских войск в Нормандии он снимал документальную кинохронику о военных действиях союзников в Западной Европе. Незадолго до окончания войны Борис Кауфман был отозван в США и вновь остался без работы.

В поисках заработка он хватается за любое предложение: снимает медицинские учебно-методические фильмы об операциях на аденоидах и гландах. Потом были фильмы об операциях на сердце и других органах.

Вслед за медицинской серией Борис снял несколько фильмов, посвященных обучению музыке школьников. Вспоминает Абайя Кауфман:

«Он в это время не был связан с полнометражными художественными фильмами. Он еще не мог пробиться в американский кинематографический мир. Ему пришлось потратить несколько лет на то, чтобы заново выстроить свою карьеру. Тут нужно понять, что у людей, которые пережили войну и приехали из Европы, было очень резкое чувство разрыва, потери, потери родных, близких, потери всего. Это накладывало определенные узы молчания, печать неразговорчивости, и мой дед принадлежал к этому “поколению молчания”. У них было не принято говорить о том, что они пережили <...> Они очень тихо и мало говорили об утраченном, о довоенном времени»³⁴.

Интересно, что и во Франции, и в США Кауфману пришлось немало поработать со своими товарищами по профессии — иммигрантами из разных стран. В 1945 г. Борис вместе с режиссером-иммигрантом из Чехословакии Александром Хакеншмидтом снимает документальный фильм «Тосканини, гимн наций». В нем великий дирижер и симфонический оркестр NBC исполняли увертюру к опере Верди «Сила судьбы», а в заключение, вместе с тенором Жаном Пирсом — «Интернационал» Пьера Дегейтера, гимн коммунистов всего мира. Этот фильм был подарен США Сталину ко Дню Победы.

Следующие девять лет Кауфман работает в рекламе и документальном кино, снимает фильмы с Александром Хакеншмидтом, сократившим имя на американский манер и ставшим Александром Хаммидом, и другим режиссером-иммигрантом, выходцем из Польши Хенваром Родакевичем. Затем наступает пора сотрудничества с музыкальным режиссером и сценаристом Джастином Херманом, с которым Борис Кауфман снял около десяти короткометражек о разных стилях музыки. Потом были фильмы о различных музыкальных инструментах.

В Новом Свете Борису пришлось 12 лет бороться за место под солнцем, прежде чем удача улыбнулась ему. Интервью Эндрю Кауфмана (сына Бориса): *«Когда мы приехали в Соединенные Штаты, у нас не было ничего. Мы все оставили в Европе. Жизнь в Америке стоила очень дорого. Нужно было бороться за выживание, и отец очень много работал. Ему мало платили, и нам было очень трудно <...> Дома он был занят своими мыслями. Между фильмами он был очень утомленным и печальным, и моя мать старалась всячески поддерживать его»³⁵.* Постепенно профессионализм Бориса Кауфмана был признан американцами, и его стали приглашать для съемок более серьезных и продолжительных фильмов. Первым в их ряду стала 45-минутная документальная картина о Леонардо да Винчи с режиссерами Лучано Эммером и Лучано Грасом, снятая Борисом в 1952 г. После этого его стали приглашать для съемок полнометражных игровых картин. С режиссером Максом Носсеком в 1954 г. он снимает

фильм-драму «Райский сад», после которой имя Кауфмана стало известно в широких кругах нью-йоркских кинематографистов. Перед ним стали открываться новые перспективы и возможности.

Интересно, что Борис совершенно не стремился в Лос-Анджелес, где расположен Голливуд, всегда бывший центром притяжения европейских талантов. Работа в Голливуде давала им возможность войти в масштабный механизм поточного кинопроизводства, обрести славу, получать умопомрачительные гонорары. В то же время всеилие голливудских продюсеров серьезно ограничивало, а иногда и напрочь пресекало возможности творческих поисков, и многие великие мастера кинематографа (особенно европейского) часто жаловались на погубленные замыслы и невозможность творчества в условиях киноиндустрии. Голливуд не привлекал Бориса Кауфмана. Решающим для него всегда было имя режиссера, с которым его приглашали работать, и сценарий, дающий возможность реализации своего профессионального мастерства. Рассказывает Абайя Кауфман: *«Борис никогда не испытывал сердечной связи с Голливудом. Он всегда оставался очень привязан к Нью-Йорку и работал с нью-йоркским профсоюзом кинооператоров. Там он работал с не очень известными кинорежиссерами, снимал короткометражные, документальные фильмы. Но только после того, как он стал работать в Казаном, он стал известен и на Западном побережье тоже. Он снял художественный фильм с Элиа Казаном и сразу же получил "Оскар" за операторскую работу»*³⁶.

Борис Кауфман полностью реализовал свой шанс на фильме «В порту» известного американского режиссера и тоже иммигранта, стамбульского грека Элиа Казана.

Фильм посвящен борьбе докера-одиночки с криминализованной профсоюзной мафией в порту. Снимали его зимой 1954 г. на различных объектах и портовых сооружениях, почти всегда находящихся на берегу Гудзона. Зима была очень холодной, и члены съемочной группы, как и докеры, жгли автомобильные покрывалки в железных бочках, чтобы хоть немного согреться. Вспоминает Элиа Казан:

«Наш первый рабочий день мы снимали с очень высоких точек на крышах домов, с которых камера могла смотреть вниз по склону города Хобокен на реку Гудзон и через нее на Нью-Йорк. Это был туманный день, и панорама Нью-Йорка на таком расстоянии была видна, но выглядела серой, морозной и нечеткой. Я был очень разочарован. Но то, что казалось нашим несчастьем в то утро, оказалось настоящим достоинством; наш взгляд на знаменитую панораму Нью-Йорка на протяжении всего фильма создал точное настроение фильма, а я не был достаточно умен, чтобы понять это сразу...

Оператор Борис Кауфман, которого я привел, чтобы показать ему, что мы должны делать, казался слишком мягким для работы, предстоящей нам, и для места, где эта работа должна быть сделана. Что касается его съемочной группы, она выглядела недавно и случайно собравшейся, казалась ненадежной, чувствующей себя неуютно в этом месте, а также изрядно напуганной»³⁷.

Неудивительно, что люди боялись и чувствовали себя неуютно — точ-ки, на которых стояли камеры, находились на высоте более ста метров, под пронизывающим, резким ледяным ветром, порывы которого бук-вально валили с ног...

«...Я до сих пор чрезвычайно восхищаюсь Борисом. Я любил тот стиль, в котором он работал. Мне нравились все операторы, с кем я когда-либо работал, но Борис был самым артистичным. Когда мы снимали “В порту”, я договорился с ним бороться за то, чтобы панорама Нью-Йорка не была живописной. “Не подчеркивайте это”. Он снял мне несколько планов той реальной жесткой красоты, красоты, которая нам понравилась. Он про-явил много мужества, работая в холоде с неумелой командой. Он сделал потрясающую работу, и я восхищаюсь им»³⁸.

Борис Кауфман вложил в картину весь свой опыт, умение, талант и профессионализм. Фильм получил восемь «Оскаров». Такого отличия за всю историю американского кино по сегодняшний день, удостоились всего лишь три фильма. Своего «Оскара» за операторскую работу полу-чил и Борис Кауфман. Для этого, при вступлении в американскую Кино-академию, ему пришлось отказаться от братьев — написать заявление, что у него нет никаких родственников в России, а также знакомых, раз-деляющих коммунистические убеждения. (Интересно, что письмо о по-рядке вступления в Академию и анкету прислал Борису Кауфману драма-тург Артур Миллер, бывший в то время ее президентом, а режиссер Элиа Казан, дававший разоблачительные показания Комиссии по расследова-нию антиамериканской деятельности на своих американских коллег, от-личавшихся левыми убеждениями, ни единого слова не сказал об извест-ных ему братьях Бориса, живущих в СССР.) Фильм «В порту» во многом определил стилистику американских фильмов в 50–60-е гг.

Он принес Кауфману успех, благополучие, славу. Борис получил возможность избавиться от изнурительной поденщины, перейти в мир «большого кино» и работать с хорошими режиссерами. Одним из них стал молодой талантливый режиссер из Нью-Йорка — Сидней Люмет.

Из интервью кинорежиссера Сиднея Люмета: *«Я никогда не встречал-ся с Борисом до того, как мы начали делать наш фильм. Но я был знаком с его творчеством. Я видел “Атланту” и “Ноль по поведению” и, если я не ошибаюсь, он уже снял “В порту” — еще до того, как мы снимали “12 раз-*

гневанных мужчин". А это три выдающихся фильма. И я понял, что он мне подходит с самого начала, с того момента, как я впервые увидел его работы. У него была совершенно уникальная концепция: каким образом передать драму через свет — как драматизировать свет»³⁹.

«Мое главное воспоминание о Борисе — это был очень тщательный человек. Он все принимал близко к сердцу. Он полностью включался в каждый фильм, который делал. Для него не было ничего неважного. Каждый фильм был для него очень важен. Я не знаю, спал ли он, когда у нас возникали проблемы» <...>

Он очень любил работать на съемочной площадке. Ему нравилось делать документальное кино, но он также любил работать на студии, в павильонах: намечать точки съемок, руководить осветителями, проводить репетиции, подгонять цвет. Управлять с помощью света чувствами и эмоциями. Все это он делал с любовью. С камерой в руках он чувствовал себя как дома»⁴⁰.

Неожиданно свалившаяся на Бориса Кауфмана слава совершенно не изменила его характера. На церемонии вручения «Оскара», которую вели две ярчайшие кинематографические звезды того времени, актеры Боб Хоуп и Хэмфри Богарт, Борис Кауфман явно чувствовал себя не в своей тарелке. Казалось, он просто не знал, куда деться от яркого света, людского внимания и взглядов сотен знаменитостей. Он принял статуэтку, смущенно пробормотал слова благодарности и постарался побыстрее исчезнуть со сцены. «Он был очень застенчивым человеком, интересно, да? Очень застенчивым, скромным, сдержанным, но за всем этим была огромная теплота. Актеры его обожали. Они чувствовали, что он их хорошо понимает»⁴¹.

Борис Кауфман стоял у истоков многих актерских карьер. Особенно была ему признательна Софи Лорен. Между ними возникла настоящая симпатия и трогательная дружба. Ему многим обязаны Марлон Брандо, Джоан Вудворд, Анна Маньяни, Генри Фонда, Джеймс Дин, Ингрид Бергман, Род Стайгер, Уоррен Битти, Ирена Папас, Джордж Сегал, Лайза Минелли и другие первоклассные актеры.

Маша Гальперн, сестра матери Бориса, спустя 50 лет нашла его в Америке. Из письма Михаилу: «Дорогой Миша! Из двух непреодолимых желаний видеть вас, моих дорогих и близких, одно осуществилось. Побывала у Бори, всмотрелась в его жизнь, в его чарующую улыбку. Теперь очередь за вторым желанием»⁴².

Увидеть Михаила Маше не довелось. Она умерла от рака в декабре 1973 г. в санатории в США.

Не увидел брата и Борис. Он снял в Голливуде более десяти великих фильмов. Потом и у него начались проблемы — его не звали на цветные картины. Но он создал еще один шедевр — экспериментальную картину

Самюэла Беккета под названием «Фильм» с великим Бастером Киттоном. За ним последовали еще несколько фильмов, ныне считающихся классикой. В 1975 г. Борису Кауфману «за выдающийся вклад в киноиндустрию» был присужден Приз Билли Батцера. В 1979 г. он был избран членом Американской Академии искусств и наук.

Борис Кауфман умер через три с половиной месяца после смерти в Москве своего брата Михаила — 24 июня 1980 г. Прощание с ним состоялось в Погребальной часовне Фрэнка Кемпбела на Мэдисон авеню. На похоронах присутствовали жена Елена, сын Эндрю, юная внучка Абайя. Во время прощания выступили режиссер Сидней Люмет, критик Сесил Старр, продюсер Роберта Ходес. Некрологи были в *Нью-Йорк Таймс*, *Голливуд Репортер*, *Лос-Анджелес Таймс*, *Верайети*, *Нью Рипаблик*. Во всех этих газетах указывалось, что он умер в возрасте 83 лет, а датой рождения Бориса Кауфмана было названо 24 августа 1897 г. Обе эти цифры неверны. Этого не могло быть хотя бы потому, что родной брат Бориса — Моисей (Михаил) Кауфман родился 5 сентября 1897 г. Борис унес с собой тайну своего рождения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фильмы, снятые Б. Кауфманом в США

Есть сведения, что Борис Кауфман работал с режиссером Фрэнком Капра на его серии документальных фильмов о Второй мировой войне «Почему мы сражаемся» (1942–1945), «Hymn of the Nation» (1945).

«Better Tomorrow» (doc., short), реж. Александр Хаммид (Хакеншмидт), 1945.

«Capital Story» (doc., short), реж. Хенвар Родакевич, 1945.

«The Southwest» (doc, short), реж. Хенвар Родакевич, 1945.

«Journey into Medicine» (doc., short), реж. Виллард ван Дайк, 1946.

«Terrible Talented» (doc., short), реж. Александр Хаммид (Хакеншмидт), 1948.

«Osmosis» (doc., short), реж. Виллард ван Дайк, 1948.

«Neighbors in the Night» (short, 11 min.), реж. Джастин Херман, 1949.

«The Lambertville Story» (short, 10 min.), реж. Джастин Херман, 1949.

«Southward Ho Ho!» (short, 11 min.), реж. Джастин Херман, 1949.

«Roller Derby Girl» (short, 10 min.), реж. Джастин Херман, 1949.

«The Football Fan» (short, 11 min.), реж. Джастин Херман, 1949.

«Paramount Pacemaker No. K9-1, Caribbean capers» (short, 10 min.), реж. Джастин Херман, 1949.

«Paramount Pacemaker No. K10-3, Country Cope» (short, 10 min.), реж. Джастин Херман, 1949.

«The Rumba Seat» (short, 10 min.), реж. Джастин Херман, 1949.

«Musiquiz» (short, 10 min.), реж. Дэйв О'Брайен, 1949.

«Preface to a Life» (short.), реж. Вильям С. Резник, 1950.

«The Tanglewood Story» (doc.), реж. Ларри Мэддисон, 1950.

- «The Gentleman in Room № 6 (doc., short), реж. Александр Хаммид (Хакеншмидт), 1951.
- «Leonardo da Vinci» (doc., 45 min.), реж. Лучано Эммер, Энрико Грас, 1952.
- «And the Earth Shall Give Back Life» (doc., short), реж. Виктор Юргенс, 1953.
- «On the Waterfront», реж. Элиа Казан, 1954. Фильм был удостоен приза Международного кинофестиваля в Венеции и восьми «Оскар», в том числе за лучшую работу оператора.
- «Garden of Eden» (drama), реж. Макс Носсек, 1954.
- «Within Man's Power» (short.), реж. Николас Вебстер, 1954.
- «Amazing What Color» (short.), (о режиссере нет данных), 1954.
- «A Family Affair» (medium), реж. Ирвинг Якоби, 1955.
- «Singing in the Dark» (84 min.), реж. Макс Носсек, 1956 (фильм о человеке, выжившем в Холокосте, но потерявшем память).
- «Patterns» (83min.), реж. Фиелдер Кук, 1956.
- «Crowded Paradise» (94 min), реж. Фред Прессбургер, 1956.
- «Baby Doll», реж. Элиа Казан, 1956.
- «12 Angry Men», реж. Сидней Льюмет, 1957.
- «Home Again» (medium), реж. Ирвинг Якоби, 1958.
- «That Kind of Woman», реж. Сидней Льюмет, 1959.
- «The Fugitive Kind», реж. Сидней Льюмет, 1960.
- «Splendor in the Grass», реж. Элиа Казан, 1961.
- «Long Day Journey from the Day to the Night», реж. Сидней Льюмет, 1962.
- «Gone are the Days», реж. Николас Вебстер, 1963.
- «All the Way Home», реж. Алекс Сегал, 1963.
- «The World of Henry Orient», реж. Джордж Рой Хилл, 1964.
- «The Pawnbroker», реж. Сидней Льюмет, 1965. Фильм о еврее, потерявшем во времена фашизма всех своих близких и не могущем избавиться от кошмарных видений прошлого.
- «Film» (short), реж. Аллан Шнайдер, 1965.
- «The Group», реж. Сидней Льюмет, 1966.
- «The Brotherhood», реж. Мартин Ритт, 1968.
- «By, By Braverman», реж. Сидней Льюмет, 1968.
- «Uptight!», реж. Жюль Дассен, 1968.
- «Tell Me That You Love Me Junie Moon», реж. О. Преминджер, 1970.

¹ «Дзига и его братья». Режиссер и автор сценария Евгений Цымбал. Производство кинокомпании «СТВ», Россия, 2003 г.

² РГАЛИ, ф. 2986, Кауфман М. А., оп. 1, ед. хр. 213.

³ Akta stanu civilnego zidovskiej v Białymstoku, Signatura № 155, Книга для записи родившихся евреев Белостокского Молитвенного Правления на 1899 год, запись от 7 декабря 1899 года. С. 123.

⁴ Белостокский погром. Фонд изучения наследия П. А. Столыпина. URL: www.stolypin.ru/encyclopedia/?ELEMENT_ID=372

⁵ Вертов Д. Статьи, дневники, замыслы. М.: Искусство, 1966. С. 53.

⁶ Интервью Абайи Кауфман, личный архив автора статьи.

⁷ Deslaw Eugene — он же Евген или Евгений Славченко (8 декабря 1898 или 1900, Киев — 10 сентября 1966, Ницца). Кинокритик и кинорежиссер украинско-русского происхождения, работавший впоследствии, помимо Франции, также в Испании и Португалии. Наряду с Жаном Лодсом, одна из самых примечательных фигур французского киноавангарда. См.: *Янгиров Рашит*. Евгений Славченко/Эжен Деслав: от журналистики к экрану // Янгиров Рашит. Другое кино. Статьи по истории отечественного кино первой трети XX века. М., 2011. С 222–230.

⁸ Интервью Абайи Кауфман, личный архив автора статьи.

⁹ Там же.

¹⁰ *Вертов Д.* Указ. соч. С. 172.

¹¹ Личный архив автора статьи.

¹² Интервью Абайи Кауфман. Личный архив автора статьи.

¹³ *Вертов Д.* Указ. соч. С. 278–279.

¹⁴ Интервью Абайи Кауфман. Личный архив автора статьи.

¹⁵ *Салес-Гомес П. Е.* Жан Виго // Жан Виго. М.: Искусство, 1979. С. 42.

¹⁶ Premier Plan. 1963. № 19.

¹⁷ *Муссинак Леон.* Избранное. М.: Искусство, 1981. С. 203.

¹⁸ РГАЛИ, ф. 2091 Дневники Вертова, запись от 04.08.1933.

¹⁹ Там же, запись от 05.08.1933.

²⁰ Интервью Бернара Эйзеншица. Личный архив автора статьи.

²¹ *Жан Виго.* М.: Искусство, 1979. С. 216.

²² Там же. С. 216–217.

²³ *Вертов Д.* Указ. соч. С. 175–176.

²⁴ Впервые на это стремление Вертова указано киноведом Александром Дерябиным в глубокой и содержательной статье «“Колыбельная” Дзиги Вертова: замысел, воплощение, судьба» (Киноведческие записки. 2001. № 51. С. 30–65).

²⁵ РГАЛИ, ф. 2091, оп. 2, ед. хр. 306, л. 2–2 об.

²⁶ Там же, ед. хр. 254, л. 81.

²⁷ Там же, ед. хр. 254, л. 81.

²⁸ Там же, ед. хр. 426, л. 84–84 об.

²⁹ Интервью Абайи Кауфман. Личный архив автора статьи.

³⁰ РГАЛИ, ф. 2091, Дневники Вертова, запись от 14.08.1939.

³¹ Интервью Абайи Кауфман. Личный архив автора статьи.

³² РГАЛИ, ф. 2986, Кауфман М. А., оп. 1, д. 95 Письма Кауфмана Михаила Абрамовича Кауфману Б. А. (брату), черновики.

³³ *Grierson John.* A Documentary Biography by Forsyth Hardy. Faber and Faber, London & Boston, 1979. P. 116.

³⁴ Интервью Абайи Кауфман. Личный архив автора статьи.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ *Kazan Elia.* A Life. Da Capo Press. N. Y., 1997. P. 519.

³⁸ *Kazan.* The Master Director Discussed His Films. Interviews with Elia Kazan by Jeff Young // Newmarket Press. N. Y., 1999. P. 181.

³⁹ Интервью Сиднея Люмета. Личный архив автора статьи.

⁴⁰ Интервью Эндрю Кауфмана. Личный архив автора статьи.

⁴¹ Интервью Сиднея Люмета. Личный архив автора статьи.

⁴² Личный архив автора статьи.

Капля в море

Сергей Блюмин (Нью-Йорк)

Путь человека к предмету — путь поиска, по сути дела, — путь от создателя к ценителю. Промежуточным звеном в этой цепи, помимо первооткрывателя, является человек, способный разглядеть уникальность предмета, например, рассмотреть неолитические отпечатки пальцев создателя на глиняном объекте, пролежавшем под землей и скрытом от глаз человека в течение многих тысяч лет.

Предмет пассивен, и его время пунктирно. В разные эпохи он может появляться и исчезать, выступать в новых ролях, в новых реинкарнациях, впадать в забвение и воскресать в новой реальности. Он, как спящая красавица, лежит в земле в ожидании освободителя, которым движет интерес к исчезнувшим культурам. Предмет — осколок ушедшего — является посланником прошлого и, будучи вырванным из своего контекста, он открывает потомкам тайны былого существования, поражая откровениями, недоступными его современникам. Этот предмет подобен записке в бутылке, брошенной в воду, которую обнаружили в совершенно другом культурном окружении. В нем он начинает выполнять иную, в сущности, сакральную функцию. Утратив свое бытовое назначение, предмет приобретает новое качество — эстетическое, историко-культурное, художественное, а главное, образовательное. Он начинает служить мостом, объединяющим разорванное время, создавая новый контекст реальности, в которой происходит единение прошлого и настоящего времени.

Александр Мазепа, один из многих энтузиастов, принял на себя функцию посредника между создателем и ценителем как основную жизненную задачу. В последние годы жизни он постоянно участвовал в воссоздании моста между прошлым и настоящим. Это был его сознательный выбор. А. Мазепа был хорошо известен на фли-маркетах и в антикцентре (Show Place) в Манхэттене (26 East Str., New York), где он арендовал галерею с 1990 по 2005 г. Его знали там как Алекса. За годы своей пятнадцатилетней карьеры антик дилера он собрал первоклассную коллекцию произведений искусства различных эпох и культур, достойную

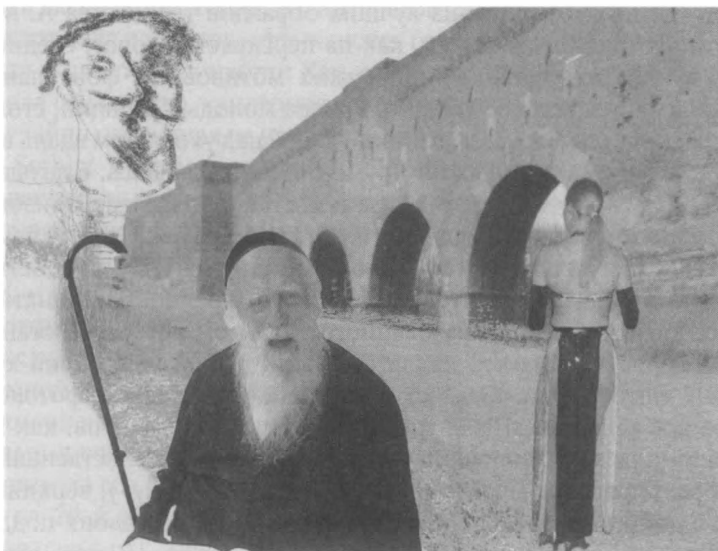
музейной экспозиции. В круг его интересов входили коптские ткани, греческие керамика и мрамор, африканская слоновая кость, китайская керамическая скульптура династии Хан, самурайские сабли и многое другое. Бронзовая скульптура, купленная им в антикварном магазине в Бруклине, и случайно найденная на улице лампа Тиффани были проданы на аукционах Sothby. В широте выбора А. Мазепы проявлялось разнообразие его коллекционных пристрастий. Основное, что объединяло меня с ним, был интерес к антикварным механическим орудиям (American Antiques), предметам быта и ремесла, кованым и вручную сделанным инструментам XIX — начала XX в., постепенно вышедшим из употребления с началом электрификации.

Алекс родился 17 октября 1952 г. в Киеве. В Америке его путь начался со скромной карьеры профессионального маляра в госпитале Mimopid, в котором он проработал бригадиром пять лет. Следующим шагом была организация собственной частной компании по строительным подрядам. Одним из его самых значительных проектов было восстановление церкви на 20-й улице в Манхэттене, преобразованной в знаменитый нью-йоркский рок-клуб «Цвет рамп» (Lime Light). Я был привлечен к этому проекту в качестве консультанта по подбору цветовой гаммы интерьера. К этому же периоду относится перевоплощение Алекса в специалиста по компьютерным сетям; в течение нескольких последующих лет он занимался их наладкой. Главное, однако, то, что приобретенное знание компьютера помогло ему реализовать свое призвание, связанное с художественной фотографией, которой Алекс увлекался задолго до приезда в США в 1980 г. Благодаря изучению компьютера в его распоряжении оказались технические возможности (в частности, программа Adobe Photoshop), которые помогли ему в выражении давних творческих замыслов. В результате экспериментов с компьютерной программой он фактически создал новый жанр — фотоколлаж, совмещающий фотографические портретные изображения с фрагментами картин и фотопейзажей.

Будучи моим другом, Алекс имел свободный доступ к фоторепродукциям моих картин. Это позволило ему свободно экспериментировать с их изобразительными мотивами и, таким образом, обогатить своими творческими комментариями их смысл, создать самостоятельные, свободные от подражания композиции, развивающие традицию сюрреалистического фотоколлажа, известными представителями которого были Александр Родченко — пионер русского авангарда, Ман Рей — известный американский фотограф-модернист, и Дора Маар — возлюбленная П. Пикассо, создавшая серию выдающихся сюрреалистических фотомонтажей.

«Дети Венеры» — один из лучших образцов творчества А. Мазепы в области фотоколлажа. В нем, как на перекрестке дорог, соединилось несколько художественно-исторических мотивов: на фоне панорамы Рима развивается веселое действо. Группа молодых женщин, стоящих у балюстрады виллы Боргезе, доминирующей над уходящим вдале вечным городом, играет на духовых инструментах, превращаясь, благодаря художественному видению фотографа и постановщика театрализованной мизансцены-мистерии, в средневековых менестрелей. Следует заметить, что все использованные в веселой сцене инструменты — из собственной коллекции А. Мазепы. Зрителя подкупает искренность миниатюрного веселого спектакля, преобразованного талантом автора в остановленное мгновение — в то, что является душой любой подлинной художественной фотографии. Однако смысловое содержание фотоколлажа этим не исчерпывается. Над группой веселых музыкантов, как Колосс Родосский или как Гулливер, возвышается покровительственная фигура Венеры (фрагмент моей картины «The Sacred Body»), верхняя часть которой уходит за рамку. Она то ли готова покрыть своих подданных полой хитона, то ли накрыть им весь город. Одновременно выполняя роль театрального занавеса, фигура привносит в работу иррациональное, сюрреалистическое измерение. Благодаря своему присутствию, она заставляет воспринимать всех участниц как дочерей Венеры, в каждой из которых высвечивается притягательное женственное начало. Таким образом, вырезанный из моей картины фрагмент приобрел совершенно новую функцию, обратив веселых менестрелей в участниц карнавала, уходящего корнями к далекому историческому прошлому, к народной средневековой традиции ряженных.

В другом коллаже А. Мазепы — «Путь», решена, в сущности, экзистенциальная задача. Три его персонажа находятся в разных жизненных стадиях. На первом плане — старик с посохом; в конце жизненного пути он переосмысляет прошедшую жизнь. Это своего рода выстоявший св. Антоний, навсегда отвергнувший соблазны и пороки, символизируемые стоящей к нему спиной женщиной и самым известным соблазнителем в мировой литературе, Дон Жуаном (персонаж из моей графической серии «Библейские и литературные герои» — компьютерная графика, 90-е годы). Образ стройной полубогаженной женщины многозначен. Он объединяет черты прекрасной дамы, заманиваемой Дон Жуаном, в сторону которого она смотрит в нерешительности, не делая первого шага, — и Марии Магдалины, ожидающей очередного клиента на углу заброшенной дороги. Пустыньность пейзажа с доминирующим на заднем плане монументальным акведуком и контрастирующим с ним почти призрачным лицом Дон Жуана придает всей сцене шекспировское звучание.

А. Мазена. «Путь», 2003.

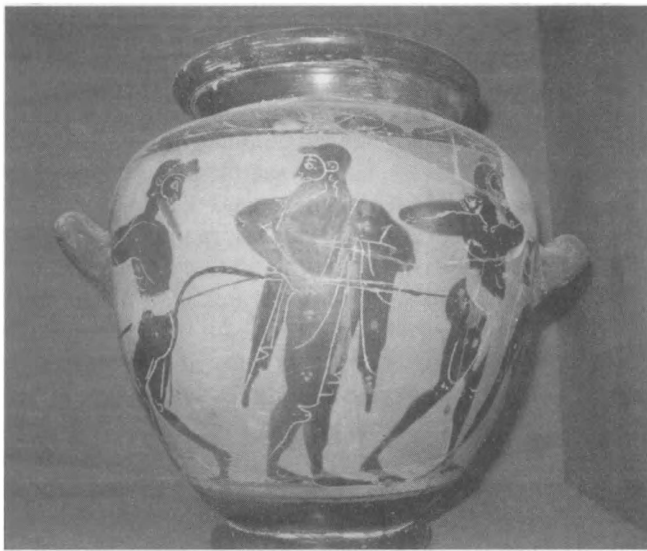
Особенно ясно это начинаешь ощущать, осознав, насколько велика фигура Дон Жуана. Его голова и плечи врастают в пейзаж, создавая мощный контрапункт громадному мосту, вдоль которого его фигура будто распластана по дуге, на другом конце которой находится женщина-статуэтка, уже как бы приклеенная к нити огромной паутины. Возникает ощущение неизбежности судьбы жертвы, обреченной на встречу с великим соблазнителем. Но интересно, что на старца с посохом происходящее не оказывает никакого воздействия. «Св. Антоний» — за пределами земных соблазнов, весь его облик вместе с лежащей перед ним Библией — словно немое утверждение: соблазны и пороки — суета; истина — в вере. Мелкая, но важная деталь: рукоять посоха немощного, казалось бы, старца, словно иллюстрируя его убеждение-откровение, касается груди Дон Жуана, слегка ее покаявая. Таким образом, замыкается не только композиция, но и весь жизненный цикл, в котором будут вечно повторяться похожие коллизии. Неутоляемое беспокойство будет свербить сердце Дон Жуана, а его новые победы, не принося покоя душе, будут вечно отвлекать от истины, давно осмысленной готовым покинуть бренный мир умудренным стариком. Никто не сможет вырваться за пределы своей фортуны. Вполне экзистенциальное видение!

В мае 2011 г. нью-йоркский журнал *Art News* опубликовал фотографию Хелмета Ньютона «Roselyn at Arcangues» (1975), оцененную

в \$35,000–40,000. Наряду с другими художественными образами она включает полуобнаженную женскую фигуру, трактованную удивительно похожим образом на персонаж А. Мазепы.

Разглядывая внимательно как фотомонтажи, так и фотографии коллекции Алекса, узнаешь о нем гораздо больше, чем из разговоров с ним, в частности, о скрытых душевных привязанностях человека, наделенного тонким и точным чутьем. Он монтировал композиции своих фотообразов с той же заботливостью, с какой выстраивал свою коллекцию из найденных в различных антикварных магазинах и антик-центрах предметов. В свою очередь, рассматривая его коллекцию, начинаешь ощущать то искреннее чувство любви, которое он испытывал ко всем этим, в сущности, загадочным пришельцам из прошлого. За каждым из них — длинный шлейф, скрывающий бесконечную вереницу неизвестных владельцев, в течение веков передававших эти вещи из рук в руки, любивших их, сохранивших их, а главное, ценивших их за то, что каждая из этих вещей, как в капле воды, отражала в себе тот или иной пласт мировой культуры, цивилизации, как, например, уникальная мраморная голова греческого курiosa¹, которую А. Мазепа сумел извлечь из пыльного небытия бруклинской антикварной лавки. Вооруженный лишь любовью и верным глазом, он пополнил греческую часть своей коллекции несколькими образцами краснофигурной греческой керамики, в которую вошли килик², кратер³ и две амфоры⁴ — все четыре вещи достойны самой первоклассной музейной экспозиции.

Наряду с широтой коллекционных интересов А. Мазепы поражает его неизменный интерес к африканскому, а также древнему и средневековому китайскому искусству. Для понимания художественной ценности предметов указанного круга, как правило, требуется высшее специализированное образование, которого у Мазепы не было. Тем не менее он сумел обогатить свое собрание двумя первоклассными экспонатами, относящимися к указанным периодам. Это вотивные фигуры⁵, одна из которых принадлежит ко времени китайской династии Хан (время расцвета Римской империи), другая — африканская скульптура конца XIX в. (африканская вотивная скульптура с трудом поддается датировке, ибо из века в век в ней повторяется тот же канон). Зародившаяся в доисторических древнейших культурах семантика жеста двух поднятых вверх рук объединяет эти две фигуры, разделенные тысячу лет и историческими и культурными барьерами. Одинаковый жест обеих скульптур — это приветствие восходящему солнцу, равно как и благословляющий и напутственный жест шамана или священника, другими словами, религиозного или гражданского лидера своей паствы, или подданных, или сограждан. Антикварная ценность китайской скульптуры в коллекции

Греческая амфора из коллекции А. Мазепы, V–IV вв. до н. э.

А. Мазепы усиливается тем, что ее подлинность подтверждена сертификатом китайского правительства (в коллекционном деле важна родословная каждого экспоната). Стилистическая и семантическая общность двух скульптур, принадлежащих совершенно разным историческим периодам и географическим этносам, доказывает, что развитие культуры в целом происходит в едином контексте, который зиждется на общей основе.

Еще один ценнейший экспонат в коллекции Алекса иллюстрирует приведенную выше мысль, доказывая параллельность в художественном развитии различных культур. Это — глиняная лампада в виде головы козлика, относящаяся ко времени династии Хан. Образ козлика-лампады был широко распространен в Греции, Риме, Иране, Пакистане, Китае и других древних культурах; он уходит корнями в доисторические культы зверей. Скульптура уникальна, так как моделирована человеческими руками, а не отпечатана в форме, как большинство дошедших до нас образцов китайского керамического искусства. Наконец, эта маленькая лампада размером чуть больше ладони, будучи практически в идеальном состоянии (сохранились хрупкие кончики рогов, краска на зрачках глаз и даже следы огня), содержит гораздо больше информации, чем иная книга.

Благодаря своему исключительному природному чутью Алекс заполнил свой дом подлинными художественными вещами, находясь с ними

в непрекращающемся диалоге. Его квартира представляла миниатюрный музей, в котором тебя окружали со всех сторон характерные для современного искусства инсталляции — ремесленные орудия и предметы быта конца XIX — начала XX в., мебель и кухонная утварь, африканские скульптуры и ткани. Этот домашний музей, будучи каплей в море среди многих подобных частных коллекций, собранных такими же влюбленными в свое дело энтузиастами, выполнял важные функции. С одной стороны — образовательную, приобщая любого, попадавшего в квартиру Алекса, к художественным ценностям музейного уровня. С другой — на фоне разгула массовой культуры и частой подмены истинно художественных вещей безвкусами суррогатами, коллекция Алекса выполняла скромную, но важную просветительскую роль.

Жизнь А. Мазепы оборвалась в 2011 г., когда он достиг пика карьеры коллекционера и фотохудожника. Я убежден, что, проживи он дольше, творческое и интеллектуальное развитие его личности, несомненно, продолжалось бы. Но и то, что Алеес успел сделать, оказалось более чем достаточным, чтобы реализовать его собственное желание, когда-то высказанное в минуту откровенного разговора: «Я хочу прожить жизнь не зря». И он не зря ее прожил.

¹ Курос — тип статуи обычно обнаженного юноши-атлета.

² Килик — древнегреческий плоский сосуд на короткой ножке для напитков.

³ Кратер — древнегреческий сосуд из металла или глины, реже — мрамора, для смешивания вина с водой.

⁴ Амфора — античный сосуд яйцеобразной формы с двумя ручками, служивший для хранения оливкового масла или вина.

⁵ Вотивные предметы — различные вещи, приносимые в дар божеству по обету, ради исцеления или исполнения желания.

НАУКА

Василий Васильевич Леонтьев

Илья Куксин (Чикаго)

Авторитетная международная Энциклопедия общественных наук считает, что вклад Василия Васильевича Леонтьева в экономическую науку сравним с тем, который внесли в нее Адам Смит и Джон Кейнс. Более высокую оценку дать трудно: их, в свою очередь, можно назвать Ньютоном и Эйнштейном экономической науки.

Долгие годы почти все российские и зарубежные справочные издания утверждали, что всемирно известный американский экономист Василий Леонтьев-младший родился 5 августа 1906 года в Санкт-Петербурге. Относительно недавно его дочь Светлана Альперс (по мужу) опубликовала копию свидетельства о рождении, из которого следует, что родился ее отец в Мюнхене ровно на год раньше и в младенческом возрасте был перевезен в Россию, где прошли его детство и юность.

Как и большинство нетитулованных подданных Российской империи, Василий Леонтьев мало что знал об истории своего рода. Дед, отец, дяди, тетки и смутные семейные предания. Однако ленинградские исследователи занялись родословной к тому времени уже известного ученого и обнаружили в архивах, что основатель петербургской ветви рода Леонтьевых старовер Иван Леонтьев, предположительно родом из Ярославской губернии, появился в Санкт-Петербурге в царствование императрицы Елизаветы Петровны [1]. Было найдено его прошение от 1741 г. о зачислении в купечество и положительное решение. Леонтьевы стали торговать ситцевыми тканями. К 50-м гг. XIX в. основали свою собственную ситценабивную фабрику, которая располагалась на окраине Санкт-Петербурга на набережной реки Ждановки, недалеко от ее впадения в Малую Невку. Уже впоследствии рядом с фабрикой был построен дом, который сохранился и поныне. Как вспоминал В. В. Леонтьев, *«... дом был построен по проекту моего деда. Он не был архитектором; он был купцом, но любил все делать сам. Я помню оранжерею в доме с высокими настоящими пальмами, большой бальный зал, где мы танцевали. А в маленьких комнатках — они больше на часовни похожи были, столько*

там было икон и лампад, жили многочисленные тетушки и приживалки... У моего деда 14 детей было» [2, с. 187]. Из всех этих детей только один — отец Василия (младшего), кстати, также Василий Васильевич, первым отошел от фамильного занятия и пошел в науку. Окончив гимназию, стал изучать экономику в Лейпциге, а затем защитил диссертацию в Мюнхене. Вернувшись в Россию, Леонтьев-старший преподавал экономику вначале в Юрьевском, а затем в Санкт-Петербургском университетах. Находясь за границей, он познакомился в Париже с выпускницей Бестужевских курсов Златой Бенционовной Беккер — дочерью богатого еврейского купца из Одессы. Вначале Злата изучала медицину, а затем увлеклась историей искусств. Любовь вспыхнула с первого взгляда. Им не мешала разница вероисповеданий старовера Василия и иудейки Златы. Они полюбили друг друга сразу и на всю жизнь и впоследствии не расставались друг с другом больше чем на неделю. Их официальный брак был невозможен в России, поэтому они заключили гражданский брак в Лондоне. Когда Злата узнала, что станет матерью, супруги решили, что рожать своего первенца она будет в Мюнхене, в одной из лучших клиник. Родители Леонтьева-старшего, узнав о браке, поставили условие — Злата должна креститься до рождения ребенка. В противном случае по российским законам он будет незаконнорожденным.

За несколько дней до рождения сына Злата Беккер крестилась в мюнхенской православной церкви, став после крещения Евгенией Борисовной. Еще через два дня Евгения и Василий обвенчались в той же церкви, а назавтра она родила сына, которого в честь деда и отца назвали Василием. Вскоре семья Леонтьевых вернулась в Санкт-Петербург. Как писал впоследствии В. В. Леонтьев, *«бабушке моей было несколько сложно. Но отношения были все равно семейные, хорошие» [2, с. 187]. Тем более что поселились они не в доме деда, а недалеко от него, в городке Сан-Гали на Крестовском острове, в одном доме с братом отца Леонидом, управляющим фабрикой Леонтьевых. И жили они там до 1919 г., до тех пор пока пришедшие к власти большевики не выгнали братьев из собственного дома. Впоследствии, в ряде своих интервью и эссе, вспоминая родителей, Василий Леонтьев писал: «Наша семья была буржуазно-интеллигентная, с либеральными взглядами. Впрочем, отец в молодости устраивал забастовки на фабрике моего деда. Это, знаете ли, типично русская черта. Позже, будучи профессором, он серьезно изучал марксизм и впоследствии занялся изучением экономического положения рабочих в России. Это была тема его докторской диссертации» [2, с. 187]. О матери Леонтьев вспоминал: «Она была образованной женщиной, бестужевкой, изучала историю искусств. Знала четыре иностранных языка. Родом она из довольно состоятельной семьи, в которой молодежь занималась революционной*

В. Леонтьев

деятельностью. В молодости, в начале века (XX в. — И. К.) была даже арестована за участие в каких-то событиях против царя и сидела в тюрьме. Только это явно несерьезно было, потому что, как мне мама и тетушка рассказывали, за ней в тюрьму приезжал одесский губернатор и вывозил в своей коляске на прогулку. А вот брат ее был действительно революционером, был посажен в тюрьму, а позже расстрелян» [2, с. 187–188].

Детство и юность Васи Леонтьева прошли в великолепном особняке на Крестовском острове Петербурга-Петрограда. Дом был открытый, родители общались со многими деятелями тогдашней богемы, помогали различным нелегаль-

ным партиям. Мать Василия, будучи по окончании Бестужевских курсов дипломированным педагогом, решила не отдавать сына в гимназию и сама занялась его образованием. Особое внимание Евгения Борисовна уделила иностранным языкам — к пятнадцати годам юный Леонтьев свободно владел основными европейскими языками. Как он вспоминал впоследствии, другим предметам его обучали репетиторы. Это были студенты-разночинцы, очень похожие на тургеневского Базарова.

После Октябрьского переворота для семьи Леонтьевых наступили тяжелые времена. Они потеряли все свое состояние, их выселили из дома, позволив взять с собой только то, что разрешили охранявшие его матросы. Новые власти даже не соизволили ответить на просьбу университета предоставить его профессору новое жилье. Как вспоминал в конце жизни Леонтьев, было холодно, голодно, но родители не унывали. Единственное, на что они посетовали сыну, это то, что раньше у них было достаточно средств, чтобы дать ему приличное образование за границей, а ныне он должен всего добиваться сам.

В тринадцать лет Василий поступил и через два года окончил два старших класса единой трудовой школы, что давало ему право поступления в университет, руководство которого не сразу согласилось зачислить студентом пятнадцатилетнего юнца. Вероятнее всего, здесь не обошлось без вмешательства отца — профессора. В результате Василий Леонтьев был принят на отделение общественных наук Петроградского университета.

В те времена в университете еще сохранились прежние традиции свободомыслия и критического отношения к существующему режиму.

Студенты спорили, обсуждали не только мировые, но и внутренние проблемы. Власть предержащие, и прежде всего чекисты, такого допустить не могли. Первым делом взялись за преподавателей, многие из которых были насильно высланы из страны на знаменитых «философских пароходах». В среду студентов были внедрены секретные сотрудники. В сети ГПУ попался и юный Василий Леонтьев. Подробно его эпопея, связанная с этим учреждением, документально изложена в работе [3]. Мы же остановимся только на ее основных моментах. Как следует из оперативной сводки Петроградского ГПУ, 4 ноября 1922 г. во всех районах города были расклеены печатные листовки контрреволюционного содержания. В них был помещен следующий вывод о пятилетии большевистского правления: *«От надежд и упований первых дней Октября не осталось камня на камне. Лишь в одном верны себе коммунисты и сохранили завет первых дней Октября — террор»*. Среди задержанных расклейщиков был и *«Леонтьев Василий Васильевич, 16 лет, родился в городе Мюнхене, студент курса экономического факультета Петроградского университета, из дворян, беспартийный, сочувствующий РСДРП»* (так в те годы называлась запрещенная коммунистами партия меньшевиков) [3, с. 88].

Несмотря на юный возраст, Леонтьев быстро сообразил, как следует себя вести на допросах. Обыск на квартире ничего не дал, сам Василий отказался дать какие-либо показания о других расклейщиках. Чекисты выяснили, что Василий не был членом меньшевистской партии. Вспоминая впоследствии об этом, Леонтьев писал: *«Допросы были по ночам. Это было обычно между тремя и четырьмя часами ночи. У меня большие дискуссии были с чекистами. В то время чекисты были не просто полицейские. Они были интеллигенты, да-да, в ВЧК были интеллигенты. И даже искренние, убежденные интеллигенты. Конечно, они мне все говорили: “Мы ведь вас расстрелять можем”. Но не расстреливали, а я долго с ними спорил, и я их не боялся. Это были совсем не такие следователи, как потом. И они меня выпустили»* [2, с. 189]. Правда, глаз с Василия не спускали и на все праздники временно брали его под стражу.

С такими небольшими перерывами Леонтьев успешно продолжал учебу. Решил изучить труды экономистов прошлых лет по первоисточникам. В Петроградской публичной библиотеке никто из читателей не заказывал столько книг на английском и немецком языках. Директор библиотеки, известный философ-идеалист Радлов, обратил внимание на столь оригинального студента. Побеседовав с Леонтьевым, он предложил ему написать статью по результатам изысканий и уговорил академика Тарле включить ее в редактируемый им сборник. Хотя, как утверждал Леонтьев, эта историко-аналитическая статья не касалась политики и идеологии, цензура ее не пропустила. Василий понял, что в России ему

заниматься настоящей наукой не дадут. Еще в студенческие годы Леонтьев проводил самостоятельные исследования, участвовал в научных дискуссиях, перевел с немецкого работу К. Шеффера «Классические системы стабилизации валюты». Книга была издана в Петрограде в 1923 г. и получила признание специалистов. Ныне ее экземпляр с дарственной надписью Леонтьева хранится в отделе редких книг Публичной библиотеки Санкт-Петербурга.

После окончания университета Леонтьев стал работать в нем и подал просьбу о выдаче заграничного паспорта для продолжения образования за рубежом. Вряд ли поднадзорный ЧК получил бы его, но, как вспоминает Леонтьев, ему повезло. У него обнаружили опухоль на челюсти. Была сделана операция, удалена часть кости, и врачи решили, что это саркома. Чекисты, узнав об этом, сказали: пусть едет, все равно скоро умрет, и Василий уехал в Германию. Перед отъездом врач дал ему баночку с удаленной костью. Немецкие врачи, исследовав ее, никакой саркомы не нашли. Впоследствии в одном из своих эссе Леонтьев заметил: *«Так что мне саркома очень помогла. Согласитесь, она не многим людям помогает»*. В Германии он продолжил учиться и стал работать над докторской диссертацией в Берлинском университете. В 22 года он стал доктором экономики, но с дальнейшей работой было сложно. Пришлось вначале зарабатывать на жизнь публикациями в газетах и журналах. Судя по всему, не обошлось и без помощи родителей. К этому времени его отец сумел устроиться консультантом по экономике в советское посольство в Берлине. Затем Леонтьева (младшего) пригласили на работу в качестве научного сотрудника в престижный Институт мирового хозяйства при университете в Киле. Случайно в одном из кафе он познакомился с делегацией китайских специалистов, которые предложили ему должность советника министра железнодорожного транспорта. В его задачу входило рассчитать оптимальный вариант системы путей сообщения и грузоперевозок. Для решения проблемы Леонтьев запросил необходимую статистическую и экономическую информацию. Таковой тогда в Китае не оказалось. Тогда он попросил предоставить ему самолет и стал методично, район за районом, обследовать страну с воздуха. Но этого было мало, и Леонтьев после года работы не стал продлевать контракт и вернулся в Киль. Вскоре после возвращения из Китая Леонтьев прочитал в российском журнале статью о балансе народного хозяйства СССР за 1923–1924 гг. В ней он увидел первую статистическую реализацию уже известных в то время математических моделей экономики. Он перевел статью на немецкий и опубликовал в одном из местных журналов. Главной целью было ознакомление немецких ученых с интереснейшей работой советских специалистов и возможность высказать свои критические

замечания и предложения по дальнейшему совершенствованию методики. Именно в предложениях Леонтьева и была пока только идея его метода «затраты — выпуск». Через два месяца полный перевод статьи был опубликован в журнале *Плановое хозяйство*.

Но работа советских экономистов дальнейшего продолжения в СССР не получила из-за скептического отзыва о ней Сталина, который не смог вникнуть в суть рассматриваемой проблемы и назвал этот баланс «игрой в цифири» [4, с. 472]. В начале 50-х гг. прошлого века, когда метод «затраты — выпуск» Василия Леонтьева получил международное признание, власти СССР предложили отцу и сыну Леонтьевым, которые в то время уже давно жили в США, вернуться на родину. Вначале были намеки, затем просьбы, но Леонтьевы на них не реагировали. К тому времени они уже знали о печальной судьбе брата Леонтьева-старшего — Леонида, которого без всяких на то оснований выслали из Ленинграда, и он скончался в ссылке. Трагичной оказалась и судьбы сестры жены старшего Леонтьева, Любви. Вспоминая свою тетку, Леонтьев-младший писал: *«Она до революции расписывала ткани на фабрике, создавала новые рисунки. После революции занималась с детьми дошкольного возраста, обучала их иностранным языкам, даже книжку об этом написала. В 38-м году ее арестовали, обвинили в продаже планов советских подводных лодок, да-да! Она провела на каторге много лет. Я от нее получил письмо в 1953 году, и мы переписывались. Я ее посещал все годы до ее смерти в 1967 году»* [2, с. 190].

Чтобы как-то подорвать авторитет уже знаменитого в ученом мире экономиста, в те же 50-е гг. в СССР стали распространять инсинуации и даже обвинения в плагиате. Утверждали, что знаменитый метод Леонтьева был создан не им, правда, имени настоящего создателя не называли. Что-де Леонтьев, работая не то в Госплане, не то в Главном статистическом управлении, похитил исходные материалы и методологию, нелегально вывез их за границу и там издал под своим именем. Авторы этих инсинуаций не смущали такие обстоятельства, что Леонтьеву ничего не надо было похищать, так как пользовался он официально опубликованными данными Госстата, а ни в Госплане, ни в ЦСУ он никогда не работал.

В 1931 г. Василий Леонтьев получил приглашение от известного американского экономиста У. Митчелла, возглавлявшего в то время Национальное бюро экономических исследований США, и уехал в Америку. Тамашние экономисты встретили нового коллегу довольно прохладно. Попытка начать собственные исследования поддержки не получила, и он принимает предложение экономического факультета Гарвардского университета преподавать политическую экономию. Сразу же он подает заявку на создание фундаментальной таблицы межотраслевых связей

США и проведение аналитических исследований. Заявка вызвала не только высокомерную и удивленную реакцию местных профессор-экономистов, но небольшой грант ему все же предоставили. С этим скромным бюджетом и небольшим штатом помощников Леонтьев приступил к своему проекту. В правительственных службах, частных фирмах и банках он собрал всеобъемлющую информацию о производственных затратах, потоках товаров, распределении доходов, структуре потребления и инвестиций. В результате Леонтьев впервые сумел создать «точный портрет» экономики США вначале для одного 1919 г., а затем для последующего десятилетия. Это были первые таблицы «затраты — выпуск», позволявшие корректировать развитие любой отрасли экономики в стране.

В Гарвардском университете ярко проявился талант Василия Леонтьева как организатора научных исследований. В 1932 г. он создал научный коллектив под названием «Гарвардский проект экономических исследований», который возглавлял более сорока лет. Именно он стал центром исследований экономических процессов по методу «затраты — выпуск». Говоря об этом методе, нельзя не сказать о его сути. Никто не сможет сделать это лучше самого Леонтьева, и мы предоставляем ему слово: *«Чтобы прогнозировать развитие экономики, нужен системный подход. Экономика каждой страны — это большая система, в которой много разных отраслей, и каждая из них что-то производит — промышленную продукцию, услуги и так далее, которые передаются другим отраслям. Каждое звено, компонент системы может существовать только потому, что получает что-то от других. Это как расписание поездов — откуда, куда, в какое время приезжают. Сейчас эта методология хорошо развита в экономике ведущих капиталистических стран. Мы изучаем одну страну, беря в расчет до шестисот-семисот отдельных отраслей, японцы доходят до двух тысяч. Допустим, надо рассчитать эффективность производства хлеба. Мы делаем расчет: сколько на одну тонну расходуется муки, дрожжей, молока и так далее по всем компонентам согласно рецепту. Затем определяем трудовые затраты в норма-часах. Все эти расчеты делаются в натуральных (физических) показателях. Очень важно не считать сразу в деньгах. На основе расчета материальных ресурсов и трудовых затрат на конкретное изделие или объект в натуре анализируются и сравниваются предполагаемые результаты в денежном выражении. Аналогичный подход применяется и при расчете любых видов продукции — стали, автомобилей, обуви. Во всех подготовительных расчетах учитывается расход компонентов, необходимых для производства данного вида продукции. И лишь затем с учетом цен и уровня зарплаты выбирается наиболее эффективный вариант выпуска конечной продукции»* [5, с. 11].

Вскоре после приезда в Америку к Василию Леонтьеву присоединились его родители, которые через некоторое время получили американское гражданство. Сам он стал американским гражданином в 1933 г., через год после женитьбы на американке — поэтессе Эстелле Маркс. В 1936 г. у них родилась дочь Светлана, впоследствии профессор истории искусств Калифорнийского университета.

Несмотря на скудность средств, выделенных Леонтьеву на научные исследования, он продолжал разрабатывать свой метод. Ученый стал первым экономистом, применившим в своих исследованиях счетно-вычислительные машины. В то время они были весьма примитивными. Так, в начале своей работы Леонтьев использовал гигантский механический агрегат, напоминающий большой пресс. Производя вычисления, эта машина вибрировала и брызгалась маслом. Затем механические устройства сменились электронными. Леонтьев имел близкие контакты с создателями современных компьютеров и использовал в своих работах новейшие разработки, в том числе и самый большой в мире мегакомпьютер.

Первые результаты исследований Леонтьева начали публиковаться уже в 1936 г., а в 1941-м выходит в свет его первая монография «Структура американской экономики. 1919–1939». В 1951 г. вышло второе, существенно расширенное и дополненное, издание этой книги [6]. С 1932 по 1975 г. Леонтьев преподавал политическую экономию в Гарварде, но только в 1951 г. стал профессором и возглавил кафедру политической экономии. Вспоминая о Леонтьеве как преподавателе, известный американский экономист Джеймс К. Гэлбрейт писал: *«В. Леонтьев стал моим первым преподавателем экономики... Это был курс, не похожий на обычное введение в предмет: никакой теории, минимум математических таблиц; на занятиях подробному анализу подвергалась американская экономика по методу “затраты — выпуск”. Аудитория была немногочисленной. И мало кто мог предположить, что перед нами стоял один из гениев в мировой истории экономической науки, которому будет присуждена Нобелевская премия»* [7, с. 1].

Со второй половины 30-х гг. работами Леонтьева заинтересовалось правительство США. У основателя «нового курса» президента Рузвельта были грамотные экономические советники, и они оценили возможности нового метода для государственного регулирования экономики, особенно при ее структурной перестройке в ходе войны и после ее окончания. В 1943–1945 гг. Леонтьев был назначен руководителем Русского экономического подразделения стратегических служб в Вашингтоне, планируя поставки в СССР по ленд-лизу. С помощью своего метода Леонтьев сумел разработать наиболее эффективные способы оказания помощи Советскому Союзу.

Методику Леонтьева применили в годы войны военно-воздушные силы США. Таблица «затраты — выпуск» для экономики Германии помогла им выбирать наиболее уязвимые цели для бомбардировок. В 1943 г. Леонтьеву позвонил президент Рузвельт, встревоженный перспективой послевоенной конверсии промышленности, которая вызовет массовую безработицу, и попросил его сделать объективный анализ ситуации и дать мотивированный прогноз развития промышленности после окончания войны. Леонтьев как бы предвидел, что такой вопрос будет задан, и с началом военных действий убедил Бюро трудовой статистики заняться сбором данных для новых таблиц по структуре американской экономики 1939 г. Таблицы были составлены, и на их основе началось планирование ее перехода на мирное производство. Используя свой межотраслевой анализ, Леонтьев показал, что как бы ни сокращалось производство вооружений после войны, спрос на сталь не уменьшится, а возрастет благодаря неизбежному расширению строительства.

Закончилась война, Леонтьев вернулся в Гарвард и в своих статьях и докладах обратил внимание на все усиливающиеся монополистические тенденции в американской экономике. Представители корпораций посчитали это вмешательством в их дела, и метод Леонтьева попал в опалу. Этому способствовали и сложные отношения Леонтьева с большинством американских экономистов, которые не без оснований видели в нем конкурента. Но к тому времени труды ученого уже приобрели международную известность, его методологию стали использовать во многих странах мира. Именно Леонтьева считают отцом-основателем японского «экономического чуда». Благодарные японцы после кончины ученого выкупили его архив и создали мемориальный музей знаменитого экономиста. При жизни его наградили самым почетным орденом «Восходящего солнца» — за научные работы, содействовавшие ускорению экономического развития страны.

Когда Италия пригласила Леонтьева разработать перспективный план развития транспорта, то правительство страны приняло специальный закон, разрешающий иностранцу проводить столь ответственную работу.

Метод «затраты — выпуск» доказал свою полезность в качестве аналитического инструмента в сфере региональной экономики США, стал стандартной операцией для крупных городов, отдельных фирм и управления межотраслевой экономики США.

Однако не зря говорится, что нет пророка в своем отечестве. Леонтьев резко выступал против экономической политики президента Р. Рейгана, либерализации свободного рынка и идеи о том, что свободный рынок сам решает все проблемы. Он говорил: *«Представим, что капитан, уволив большую часть команды, приказывает поднять паруса и, дождавшись*

сильного попутного ветра, дующего в ту сторону, где корабль ждет максимальная прибыль, отдает команду отправиться в путь. Заодно он приказывает рулевому оставить штурвал, не мешать ему свободно крутиться, предоставляя кораблю возможность плыть, куда дует ветер. Многих пассажиров такое путешествие может позабавить, но не стариков, больных, бедняков, спущенных за борт в дырявые шлюпки» [8, с. 2].

Василий Леонтьев всегда подчеркивал, что он русский и родина его — Россия, а самый дорогой для него город в мире — Санкт-Петербург. Но советские идеологи Леонтьева не жаловали. Лишь в годы хрущевской оттепели началось оживление советской экономической науки, стали переводить и издавать труды ведущих западных экономистов, в их число попали и книги Леонтьева. Несмотря на то, что приезд в СССР видных зарубежных экономистов был в то время большой редкостью, в конце 50-х гг. Василий Леонтьев был приглашен в СССР и прочел лекцию в Институте мировой экономики и международных отношений в Москве. О том, как она проходила, вспоминает известный советский экономист и писатель А. В. Аникин: *«Небольшой и неудобный зал во временном помещении института, занявшего старое здание в Китайском проезде, оказался забитым до отказа. Помимо новизны самого факта выступления иностранца и известности имени Леонтьева, людей привлекало то, что он был русский и собирался говорить на русском языке. Леонтьев оказался приятным, мягким, слегка склонным к иронии человеком, который чувствовал и вел себя в непривычной обстановке непринужденно и просто. Его русский язык был свободен и интеллигентен, лишь изредка в нем чувствовались следы длительной оторванности от живой языковой стихии. Труднее ему давалась наша экономическая терминология, отчасти сложившаяся в годы его отсутствия в России. Леонтьев быстро завоевал симпатии аудитории, в которой преобладала молодежь, умело и просто рассказывал о сути своего метода и его перспективах. Щедро отвечал на многочисленные вопросы и, как мне показалось, остался доволен встречей» [9, с. 3–4].* После лекции Леонтьева окружила толпа молодых ученых, и он с удовольствием стал отвечать на вопросы в этой неформальной обстановке. Как утверждает А. В. Аникин, в ходе первого визита на родину Леонтьева принимали в Госплане, Институте экономики АН СССР и ряде других учреждений, где он обстоятельно беседовал с их руководителями. По результатам визита в СССР Леонтьев опубликовал обстоятельную статью *«Спад и подъем советской экономической науки»*. В России эта статья увидела свет в его книге *«Экономические эссе. Теории, исследования, факты, политика» [5].*

Как только были учреждены Нобелевские премии по экономике, Василий Леонтьев стал одним из первых претендентов на эту престиж-

нейшую в мире награду. Он получил ее только в 1973 г. со следующей формулировкой научных заслуг: «За развитие метода “затраты — выпуск” и за его применение к важным экономическим проблемам». Леонтьев стал вторым выходящим из России — лауреатом Нобелевской премии по экономике. За два года до Василия Леонтьева этой премии был удостоен Саймон (Семен Абрамович) Кузнец. Если Леонтьеву удалось получить высшее образование на родине, то Семена Кузнеца исключили из университета в Харькове, поскольку его отец когда-то владел небольшим магазином. Через два года после Леонтьева Нобелевскую премию по экономике получил советский ученый Леонид Канторович. Интересно отметить, что как Леонтьев, так и Канторович в разные годы окончили экономический факультет Петроградского университета. С тех пор ни один российский ученый даже не номинировался на Нобелевскую премию по экономике.

В год своего семидесятилетия Василий Леонтьев покидает тихий академический Кембридж и переезжает в Нью-Йорк. Здесь, в местном университете он организовал и возглавил Институт экономического анализа и вплотную стал заниматься проблемами мировой экономики. Об интересе к этой глобальной проблеме и путях ее решения Леонтьев рассказал в своей нобелевской лекции, которую по традиции читают все лауреаты этой премии. В то время Леонтьев возглавлял грандиозный проект по исследованию структуры и перспектив мировой экономики при помощи его метода. Проект осуществлялся под эгидой ООН, его результаты были опубликованы в 1977 г. под названием «Будущее мировой экономики». Книга была переведена на десять языков, в том числе и на русский [11]. Проект представлял собой гигантскую модель типа «затраты — выпуск», в которой мир был разделен на 15 регионов, в каждом из них оценивались на перспективу до 2000 г. потребности в основных видах сырья, потоки товаров и капиталов между развитыми и развивающимися странами. В той же нобелевской лекции Леонтьев предложил использовать свой метод для оценки загрязнения окружающей среды и средств, необходимых для ее восстановления.

Ученый любил парадоксы. Наиболее известный из них — так называемый «парадокс Леонтьева», заключающийся в том, что если принять во внимание прямые и косвенные затраты в процессе воспроизводства, то экспорт для США оказывается более трудоемким и менее капиталоемким, чем импорт. Это означает, что хотя в США очень сильна инвестиционная сфера и высока заработная плата, они импортируют капитал и экспортируют труд.

После первого визита на родину Василий Леонтьев стал «вездным» в СССР, а после его распада и в Россию. Почти каждый раз он стремился

побывать в своем родном городе и приветствовал возвращение ему старого названия. В 1991 г. тогдашний мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак предложил создать в нем Мировой центр социально-экономических исследований, и Василий Васильевич с удовольствием дал согласие присвоить центру свое имя. Ныне это одно из немногих в России независимых научных учреждений, которое существует на собственные средства, полученные за разработку и внедрение научных проектов в России и за ее пределами. Василий Васильевич долгие годы, вплоть до своей кончины, принимал активное участие в его работе.

Центр организовал чествование 100-летия со дня рождения Леонтьева не только в России, но и на международном уровне. В Санкт-Петербурге на доме, где до отъезда в Германию жил Леонтьев, была установлена мемориальная доска. В 2005 г. по инициативе Леонтьевского центра была учреждена международная Леонтьевская медаль «За вклад в реформирование экономики». Медалью награждаются как отечественные, так и зарубежные деятели, внесшие существенный вклад в экономику. В России среди награжденных мы встречаем имена Е. Т. Гайдара, А. Л. Кудрина, А. Б. Чубайса, ныне опального бывшего советника В. В. Путина по экономике А. Н. Илларионова, а также ряд других известных российских и зарубежных ученых.

Была начата подготовка, а затем издан трехтомник его избранных сочинений [10].

Кроме Нобелевской премии Василий Леонтьев был удостоен многих наград и членства в самых престижных научных сообществах мира. Он был избран в Российскую академию наук (РАН) вначале ее иностранным членом, а затем академиком РАН. Санкт-Петербургский и Московский университеты присвоили ему степень почетного доктора наук.

Он любил путешествовать, ловить рыбу, многие свои выступления в России заканчивал следующим: *«Я увлекаюсь парусным спортом, и когда объясняю студентам, как функционирует экономика страны, сравниваю ее с яхтой в море. Чтобы дела шли хорошо, нужен ветер, — это заинтересованность. Руль — государственное регулирование. У американской экономики слабый руль. Нельзя делать так, как говорил Рейган: поднимите паруса, пусть их наполнит ветер, и идите в кабину коктейли пить. Так нас и на скалы вынесет, разобьет яхту вдребезги. У России сейчас наоборот: ветер не наполняет паруса, а тогда и руль не помогает. Я думаю, что более правильно делают японцы. У них, конечно, есть частная инициатива, но и государство играет большую роль, влияя на развитие экономики в лучшем направлении. Из всех капиталистических стран, у которых в настоящее время можно чему-то научиться, я бы выбрал не США, а Японию»* [5, с. 12].

Василий Васильевич Леонтьев ушел из жизни в 1999 г. Его жена Эстелла Маркс пережила мужа на шесть лет и скончалась в июне 2005 г. в возрасте 97 лет. Будучи известной американской поэтессой, она еще при жизни, кроме сборников стихов, написала и издала биографию семьи Леонтьевых [12]. Несмотря на то что книга жены Василия Леонтьева вышла двумя изданиями, в ряде источников ее авторство приписывается его матери.

Газета *New York Times* опубликовала некролог, в котором Эстелла характеризовалась как любимая жена Василия Леонтьева, мать Светланы Альперс, бабушка Бенджамина и Николаса Альперсов и их жен Карин и Катрин и прабабушка Нояха, Миры, Алины и Исаака.

Литература

1. Каледина С. А., Павлова Н. Ю. Семья Леонтьевых в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1992. № 1.
2. Каледина С. А. В. В. Леонтьев и репрессии 20-х годов // Репрессированная наука. Вып. 2. СПб.: Наука, 2003. С. 187–194.
3. Митюрин Дмитрий. «Мы ведь вас расстрелять можем»: Василий Леонтьев в ГПУ на Гороховой улице // Родина. 2008. № 11. С. 87–90.
4. Гранберг А. Г. Василий Леонтьев в мировой и отечественной науке // Экономический журнал ВШЭ (Высшей школы экономики). 2006, № 3. С. 471–492.
5. Леонтьев В. В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты, политика. М., 1990. С. 11.
6. *Leontief Wassily*. The structure of American economy, 1919–1929; an empirical application of equilibrium analysis. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1941 (first edition); New York, Oxford University Press, 1951 (second edition).
7. Гэлбрейт Джеймс К. Памяти Василия Леонтьева // Проблемы теории и практики управления. 1999. № 3. С. 1.
8. Там же. С. 2.
9. Аникин А. В. Василий Леонтьев, или Экономика на шахматной доске // Природа. 2000, № 7 (интернет-ресурс VIVOS VOCO).
10. Трехтомник трудов В. В. Леонтьева: Т. 1. Общеэкономические проблемы межотраслевого анализа. М.: Экономика, 2006; Т. 2. Специальные исследования на основе методологии «затраты — выпуск». М.: Экономика, 2006; Т. 3. Избранные статьи. М.: Экономика, 2007.
11. *Leontief Wassily et al*. The future of the world economy: a United Nation study. New York: Oxford University Press, 1977.
12. *Leontief Estelle*. Genia & Wassily: a memoir. Rhinebeck, N. Y., 1983 (first edition); *Leontief Estelle*. Genia & Wassily: a Russian-American memoir. Somerville, Mass., Zephur Press, 1987 (second edition).

Евгений Исаакович Рабинович

Илья Куксин (Чикаго)

Трудно даже сказать, кем был Евгений Исаакович Рабинович. Известный ученый с мировым именем в области биохимии и биофизики, один из создателей атомного оружия и один из первых, понявших его опасность и разрушительную силу. Один из зачинателей международного Пагуошского движения за сдерживание атомных вооружений и основателем и бессменным редактором журнала ученых-атомщиков (*The Bulletin of the Atomic Scientists*). Он же — русский поэт (псевдоним Евгений Раич), автор ряда поэтических сборников.

Евгений Исаакович Рабинович родился в Санкт-Петербурге в 1898 г. Его отец был преуспевающим адвокатом, мать — известной концертирующей пианисткой. Зимой Рабиновичи жили в Питере, а летом всей семьей путешествовали по Европе. Сменялись города и страны. Нужно было знание языков. То ли по этой причине, а скорее благодаря способностям и склонностью к познанию, Евгений овладел двенадцатью иностранными языками. Как вспоминал его сын Александр¹ в [1], прочная любовь к науке возникла у Евгения в 16 лет, когда после блестящего окончания знаменитого Тенишевского училища он стал студентом химического факультета Петербургского университета. Факультет был открыт по настоянию генерал-лейтенанта Владимира Ипатьева — основателя химической промышленности в России [2, с. 217–223]. Евгений был одним из лучших студентов, но его учебу прервала Февральская революция, а затем Октябрьский большевистский переворот. В семье Рабиновичей придерживались либеральных взглядов, поэтому он с восторгом встретил события февраля 1917 г. Евгений принял участие в торжественной церемонии похорон 180 жертв революции на Марсовом поле, выступил в ряды городской милиции, стал активным участником выборов в Учредительное собрание и даже разработал методику подсчета голосов депутатов. К сожалению, она не нашла применения, так как на первом же заседании этого представительного органа Российской республики захватившие власть большевики разогнали его. Рабинович полагал, что Россия

стоит на пути преобразования из авторитарной страны в демократическое государство западного типа. Но большевистский переворот развеял эти ожидания. За две недели до начала красного террора, в августе 1918 г., семья Рабиновичей решила переждать это смутное время в Киеве. Родители Евгения считали, что большевистский режим вскоре падет, но сам он в это не верил. Когда в 1919 г. большевики захватили Киев, Рабиновичи бежали в Варшаву. Не имея возможности продолжить учебу, Евгений начал пробовать себя в журналистике. Писал заметки, иногда редакционные статьи для русскоязычной газеты, пытался анализировать ход Гражданской войны. Затем Рабиновичи переехали в Берлин, где Евгений смог завершить свое образование, окончив в 1922 г. химический факультет Берлинского университета и защитив в нем докторскую диссертацию в 1926 г. В этот период он посещал специальный курс по теории относительности Альберта Эйнштейна и коллоквиум по физике, в котором участвовали будущие нобелевские лауреаты Макс Планк, Макс Лауэ и тот же Альберт Эйнштейн. После получения докторской степени Евгений стал работать в Институте физической химии и электрохимии в Берлине, а затем его пригласил в Геттингенский университет нобелевский лауреат Джеймс Франк, который вскоре стал вдохновителем научных исследований Евгения и его общественной деятельности. Как вспоминает Александр Рабинович, его отец всегда с почтением и благодарностью отзывался об исключительных человеческих качествах и исследовательских способностях Франка. Забегая вперед, хочется сказать несколько слов о гражданском мужестве этого человека. После того как в 1933 г. Гитлер стал рейхсканцлером, евреев стали изгонять с академических постов. Хотя Франк и был евреем, но заслуги боевого офицера на фронтах Первой мировой войны поначалу ограждали его от этой участи. Он публично заявил, что не будет увольнять своих еврейских коллег, и подал в отставку. Франк покинул Германию только после того, как, несмотря на экономическую депрессию, сумел найти работу за рубежом для каждого сотрудника своей лаборатории. Кроме него в этой благородной акции участвовали и другие известные ученые. Вдова Соломона Михоэлса в своих воспоминаниях приводит выдержки из письма академика П. Л. Капицы от 30 мая 1930 г., который тогда жил и работал в Кембридже, своей матери в Ленинград: *«Сейчас мне приходится иметь дело с немецкими профессорами-евреями, которых повышибали из Германии, их масса, и им необходима помощь и приют. Кое-кто придет к нам на дом на время... Но хуже всего достается не знаменитым профессорам, которых, конечно, везде примут с радостью, а еврейской молодежи, которая не успела сделать себе научного имени...»* [3]. П. Капица в тесном сотрудничестве с П. Эрэнсфельдом и Л. Сцилардом стал энергично устраивать изгнан-

ных из Германии молодых ученых в институты и лаборатории Англии, Франции и Америки. Евгений Рабинович к тому времени сумел создать себе имя в науке и поэтому был в первой, упомянутой в письме П. Капицы, группе.

В конце 20-х и до 1933 г. совместные работы Франка и Рабиновича были высоко оценены научной общественностью, и Рабиновича в 1930 г. пригласили принять участие в международном научном конгрессе, который должен был состояться в Ленинграде. Евгений был убежден, что его не пустят дальше паспортного контроля, но решил попытаться. Без всяких препятствий прошел этот контроль, предъявив свой немецкий паспорт. Поселили Евгения в лучшей гостинице города, куда советским гражданам вход был воспрещен. Он не скрывал, что владеет русским языком, но никаких ограничений в посещении своих знакомых не испытывал. Свободно общался Евгений также и с советскими учеными-физиками Абрамом Иоффе и Сергеем Вавиловым, предлагавшими сотрудничество. По окончании конгресса Евгений без всяких препятствий и затруднений вернулся в Европу. В письмах к своей кузине в Париж он достаточно подробно описал все «прелести» жизни в СССР: *«Я видел все... жизнь очень трудная для всех. Во-первых, недостаток продовольствия очень тяжел (необходимо проводить целые дни в очередях) и положение с одеждой еще хуже... Во-вторых, интенсификация террора угнетает каждого, и на двенадцатом году революции растет настроение, знакомое нам в 1918 и 1919 годы»* [1, с. 32]².

Рабиновича все чаще стали приглашать на научные конгрессы. В начале 1930-х он знакомится в Лондоне с актрисой Анной Мейерсон, выступавшей под именем Анны Морозовой. Взаимная любовь вспыхнула сразу и завершилась браком, а вскоре и рождением двух сыновей-близнецов, Александра и Виктора.

Когда в 1933 г. к власти пришел Гитлер, Рабиновича сразу лишили гранта на научную работу. Фашиствующие студенты забросали его квартиру камнями. Просто случайно под этот каменный град не попала мать Евгения. Спасением оказалось приглашение Нильса Бора поработать год в его институте теоретической физики в Копенгагене. Там он встречался с выдающимися физиками Гейзенбергом, Дираком, Шредингером и другими. По истечении года Евгений уехал в Англию, преподавал в университетском колледже в Лондоне, а затем решил, что лучшее приложение своим знаниям он найдет в США. Начались поиски подходящего места, и в 1938 г. Евгений начал работать в Массачусетском технологическом институте (МТИ) в Бостоне. В первые годы пребывания в Америке Рабиновичи знакомятся с семьей Карповичей. Вскоре знакомство перешло в близкую дружбу. Глава семейства Михаил Карпо-

вич — профессор Гарвардского университета, основатель школы русской истории в США, редактор *Нового Журнала*, имел ферму в Вермонте. Там не было электричества, как говорили раньше, все удобства находились во дворе, а для того чтобы поговорить по телефону, надо было пройти около двух миль до ближайшего почтового отделения. Несмотря на эти примитивные условия, здесь собиралась теплая компания русских эмигрантов-интеллектуалов. Посещали эти сборища писатель Владимир Набоков (приятель Евгения по Тенишевскому училищу), историк Георгий Вернадский, социолог Николай Тимашов, философ Георгий Федоров, книжный иллюстратор Федор Роянковский и даже бывший российский премьер Александр Керенский. Летом на веранде, зимой в доме при свете керосиновой лампы за круглым столом, уставленным русскими блюдами, или за самоваром велись долгие беседы, обсуждались мировые и американские проблемы и новости. Это был небольшой островок старой российской интеллектуальной элиты в Америке.

В 1943 г. Евгений купил недалеко от Карповичей ферму, и тесная дружба продолжалась уже между соседями³.

В том же году Джеймс Франк, эмигрировавший из Германии вскоре после Рабиновича, пригласил его приехать к нему в Чикаго. Франк в общих чертах рассказал ему о Манхэттенском проекте по созданию атомного оружия и предложил Евгению стать сотрудником возглавляемого им химического отдела проекта. Так как большинство научных работ Рабиновича было посвящено проблемам фотохимии и кинетики химических реакций, он стал работать главным химиком и одновременно руководителем информационного отдела металлургической лаборатории, связанной с Манхэттенским проектом. Евгений приехал в Чикаго вскоре после того, как Энрико Ферми впервые осуществил контролируруемую атомную цепную реакцию и начались работы по созданию атомной бомбы в рамках этого проекта. Политики и военные торопили ученых. Они знали, что в Германии ведутся аналогичные исследования, и опасались, что немцы смогут создать бомбу раньше. Ученые же обсуждали проблемы мирного использования атомной энергии и ее возможные последствия. Первым на них обратил внимание британский физик, будущий лауреат Нобелевской премии сэра Джозефа Ротблат⁴. Он работал над Манхэттенским проектом, но еще в 1944 г. по гуманитарным соображениям прекратил в нем участие. Только через 21 год он впервые рассказал, как это было: *«В марте 1944 года я был неприятно шокирован. В то время я жил вместе с Чедвиком в его доме. Генерал Лесли Гровс (ответственный за сохранение секретности атомного проекта. — И. К.), приезжая в Лос-Аламос, частенько обедал у Чедвика и дружески болтал с ним. В одной из этих бесед Гровс заявил, что действительной целью создания атомной бомбы является подчинение*

Советов» [4, с. 18]. Далее Ротблат пишет, что он никогда не питал иллюзий о сталинском режиме. Но ныне, когда на Восточном фронте ежедневно гибнут тысячи русских солдат, изгоняя оккупантов и давая время союзникам более основательно подготовиться к вторжению на континент, он не считает своим долгом участие в создании такого страшного оружия. Получив поддержку Чедвика и Бора, Ротблат отказался далее работать в проекте по созданию атомной бомбы и улетел в Англию.

Много об этом думал и Евгений. Он поделился своими сомнениями с Франком и другими коллегами. Так как атомная программа была строго засекречена, их беседы носили полусекретный характер, чтобы спецслужбы не могли обвинить собеседников в разглашении государственных тайн. Так, например, Евгений обсуждал эти вопросы во время длительных прогулок или тихо переговариваясь во время ланча со своим старым знакомым Лео Сцилардом. После капитуляции Германии стало ясно, что немцы не смогли или не успели создать атомное оружие. Ученые стали обсуждать проблемы контроля атомной энергии и следует ли использовать атомное оружие против Японии. За два месяца до Хиросимы, в июне 1945 г., Франк был назначен главой Комитета по вопросу исследования социальных и политических аспектов использования атомной энергии, куда вошел и Евгений Рабинович. Результатом деятельности Комитета стал документ, известный как «Доклад Франка», проект которого был подготовлен Евгением. Как справедливо заметил Джош Шолмейер, доклад носил имя Франка, текст был написан Рабиновичем, а Сцилард подчеркнул его историческое значение [5, с. 38–39]. Впоследствии Евгений вспоминал: *«В те дни в Чикаго стояла страшная жара. Когда я шел по улицам, я был подавлен видением огненного неба и рушащихся небоскребов. Что же сделать, чтобы предупредить человечество об опасности? То ли под влиянием жары, то ли вследствие моего собственного возбуждения, я в ту ночь уснуть не мог. Задолго до рассвета я принялся писать наш доклад. Джеймс Франк дал мне свою часть на полтора страницах. Мое изложение вопроса оказалось более детальным»* [5, с. 184]. В этом докладе обращают на себя внимание несколько ключевых моментов. Использование атомной энергии, особенно в военных целях, может привести к самоуничтожению человечества. Далее, как бы Америка ни старалась, она не сможет сохранить свою монополию на секрет атомного оружия, так как через несколько лет к этому придут и другие страны (тогда еще не было известно, что советская разведка уже сумела добыть все данные для создания атомной бомбы). Поэтому главной задачей США является учреждение специального агентства под международным контролем, которое не допустит гонку атомного вооружения и распространения атомного оружия. Авторы доклада решительно вы-

ступали против использования атомного оружия в войне с Японией. Все старания Франка привлечь внимание к этому документу военного министра США Генри Симпсона не увенчались успехом, и в августе 1945 г. атомные бомбы были сброшены на Хиросиму и Нагасаки. Сам Евгений многие бессонные ночи думал о том, имеет ли он моральное право рассказать в СМИ о тех последствиях, к которым приведет использование атомного оружия, но в то время не решился на это. Хиросима разделила его жизнь на две части. Как вспоминает Александр Рабинович, отец не смог оправиться от потрясения после Хиросимы и Нагасаки до конца жизни, и с августа 1945 г. вся его дальнейшая деятельность была посвящена борьбе за предотвращение ядерной войны. Уже в конце 1945 г. вышел в свет первый номер журнала *The Bulletin of the Atomic Scientists*, основанного Евгением Рабиновичем и физиком Хайманом Голдсмитом. Его главным редактором и автором более сотни статей, большинство из которых были редакционными, стал Евгений Рабинович. Под его руководством и практическом участии это издание очень скоро превратилось в международный форум выдающихся мыслителей современности. В самые мрачные годы холодной войны Евгений не боялся публиковать в этом журнале статьи ведущих советских ученых. Детям и жене он объяснял это своим огромным к ним уважением, а также тем, что наука не имеет границ. Более того, Евгений лично осуществлял перевод русских статей на английский, так как великолепно владел как обоими языками, так и предметом, о котором шла речь. Осенью 2002 г. в Санкт-Петербурге чествовали лауреатов Международной премии за безъядерное будущее⁵. В разряде «Особая признательность» премию получил *The Bulletin of the Atomic Scientists* [7]. При представлении к награде было отмечено, что, исходя из названия, можно предположить, что журнал напичкан формулами из квантовой гидродинамики и предназначен для читательской аудитории, состоящей из докторов наук. Но на страницах любого номера бюллетеня находишь глубокие, хорошо написанные статьи, доступные любому читателю, интересующемуся вопросами международной безопасности и ядерной политики.

Говоря об этом бюллетене, нельзя не упомянуть и о книге [8], которая представляет собой собрание лучших статей, появившихся в нем за 17-летний период. Это довольно объемное издание, вышедшее почти полвека назад, включает много интересных сведений. Так, например, там впервые опубликовано письмо Эйнштейна президенту США Рузвельту от 2 августа 1939 г., которое положило начало атомному проекту, завершившемуся созданием, испытанием и использованием атомного оружия. В книге помещены статьи не только таких известных западных ученых, как Эйнштейн, Сцилард, Теллер, Оппенгеймер, но и совет-

ских академиков Дубинина, Вавилова, Иоффе, Фрумкина, Семенова и ряда других. Очень интересны статьи Евгения Рабиновича, в которых он пишет о советском атомном шпионаже и тоталитарных и демократических режимах. Так, в частности, он относит сталинский режим к тоталитарным и сравнивает его с фашистскими режимами Гитлера и Муссолини.

Не менее важным вкладом Рабиновича в борьбу за выживание человечества является участие в создании международного движения ученых, общественных и политических деятелей за мир, разоружение, безопасность и научное сотрудничество (Pugwash Conferences on Science and World Affairs). В России оно называется «Пагуошское движение ученых», а зачастую, для краткости, просто Пагуошское движение. Оно получило название по имени канадского городка Пагуош, где 7–10 июля 1957 г. при финансовой поддержке известного канадско-американского промышленника Сайруса Итона состоялась первая встреча ученых для обсуждения важнейших вопросов мировой политики и предотвращения угрозы ядерной войны. Основополагающим документом Пагуошского движения стал известный «Манифест Рассела—Эйнштейна» (1955 г.), который призывал ученых-физиков собраться для рассмотрения самой страшной угрозы человечеству — ядерного оружия. Среди подписавших этот манифест был и Джозеф Ротблат, тогда еще не нобелевский лауреат и не сэр, а просто профессор физики. Рабинович сразу почувствовал, что он и Ротблат — родственные души. Независимо друг от друга они стали думать о создании международного форума, который мог бы воплотить в жизнь призывы «Манифеста Рассела—Эйнштейна». Рабинович в 50-х гг. неоднократно летал в Лондон, где вместе с Ротблатом разработал повестку дня первой Пагуошской конференции. С тех пор они стали проводить ее ежегодно и каждый раз в другой стране. Интересно отметить, что на последней конференции, в которой принял участие Евгений (Оксфорд, 1972), он подверг резкой критике советско-американскую «политику разрядки», которая кроме многочисленных заявлений ни к чему не привела. Свои взгляды на эти проблемы Рабинович изложил в сборнике публицистики «Заря новой эры» [9].

Зачастую на Пагуошских конференциях Рабиновичу приходилось выступать в качестве арбитра между советскими учеными и их зарубежными коллегами. Он так умел сглаживать возникающие противоречия, что заслужил глубочайшее уважение обеих сторон. Поэтому неудивительно, что Евгений Рабинович, наряду с другими выдающимися учеными, занимал почетный пост председателя этой конференции.

Пагуошское движение сыграло важную роль в разработке и принятии многих международных соглашений в области разоружения и безопас-

ности. Это нашло отражение в присуждении ему и одному из его основателей, Джозефу Ротблату, Нобелевской премии. Несомненно, что если Евгений Рабинович дожил бы до этого времени, то разделил бы вместе со своим коллегой и другом эту премию, которая не присуждается посмертно.

В течение многих лет Рабинович занимался фотосинтезом. Эта сложнейшая научная проблема заинтересовала его еще в Германии, но всерьез он стал заниматься ею, работая в МТИ в Бостоне. Именно здесь Рабинович начал писать свою знаменитую монографию о фотосинтезе. После окончания войны Евгения пригласили на работу в Иллинойский университет в Урбан-Шампейн. Здесь в рамках специального проекта по фотосинтезу он завершил свое трехтомное монументальное исследование, которое на долгие годы стало классическим в этой области. Интересно отметить, что трехтомник стал первым такого рода исследованием западного ученого, переведенным и изданным в СССР, причем первый том вышел в свет еще в сталинские времена [10].

В Иллинойском университете Евгений Рабинович совместно с известным биологом Робертом Эмерсоном создал школу специалистов по фотосинтезу. Одной из основных задач школы ее основатели видели в необходимости покончить с мировой зависимостью от невозобновляемых источников энергии. Свою идею они выразили фразой: «...*взять в упряжку те 200 триллионов лошадиных сил, которые солнце посылает на нашу землю*».

Отдельно следует сказать о поэтическом таланте Евгения. Он стал увлекаться стихотворчеством еще в детские годы. Живя в Берлине, был активным членом кружка русских поэтов. Начал он как обозреватель русской поэзии в газете *Голос России* и ряде других эмигрантских изданий. Затем занялся переводами поэзии на русский с немецкого и английского языков, а также с русского на английский, в частности стихотворений А. С. Пушкина. Евгений участвовал во всех трех сборниках берлинских русских поэтов — «Новоселье» (1931), «Роцца» (1932) и «Невод» (1933). Его единственный сборник стихов «Современник» вышел в издательстве «Рифма» в Париже в 1965 г. [11, с. 198]. Стихи Е. Рабиновича вошли также в ряд американских и российских антологий. В качестве примера приведем два его стихотворения, опубликованные в антологии В. Крейда [12, с. 401–402]:

Последний снег, чернея, тает
На тротуаре, словно встарь;
Весну сегодня обещает
Неугомонный календарь.

Иду один в истоме сладкой,
Меся ногами грязный снег,
На людной площади украдкой
Целую тонкий, липкий, гладкий,
Чуть распутившийся побег.

Не счесть обид и унижений,
Разуверений и утрат,
Чему же ты, глупец весенний,
Сегодня неразумно рад?

Но легкомыслие поэта,
Смеясь над мудростью сухой,
Унылой памяти заметы
Стирает легкою рукой.

Так ткань на солнце выгорает,
Так известь белил полотно,
Так тонкий дым от трубки тает,
Струясь в открытое окно.

Бессмысленной и звонкой песни
Как в это утро не запеть?
Кто ты, что приказал «воскресни!»
Душе, уже готовой тлеть?

С. Ю. Прегель⁶

Я помню пышные чертоги,
Туман полуночных морей,
В столице гнева и тревоги
Дворцы развенчанных царей.

Но петербургские туманы,
Как мокрый плащ, стряхнувши с плеч,
Я слышал солнечной Тосканы,
Как пенье, сладостную речь;

Всходил на снеговые горы
И между яблонных садов
Я видел башни и соборы
Немецких вольных городов;

Антверпен с гаванью веселой,
С широкой пристанью, куда
Приходят с поступью тяжелой
Заокеанские суда;

В садах застывшего Версаля
Я помню полумрак аллей,
И зеркала, что отражали
Бунтовщиков и королей.

Где родина моя? На свете
Лишь к переменам я привык,
И Данте, Пушкин или Гёте
Равно приходят на язык.

И я умру, не понимая,
Богаче я или бедней
Того, кто жил, не покидая
Убогой улицы своей.

После Второй мировой войны Евгений неоднократно бывал в СССР. Он сблизился с Анной Ахматовой, которая редактировала его стихи. Оба они страстно любили свой город, и, как утверждают критики, его лучшие стихотворения посвящены именно Петербургу.

Проработав в Иллинойсе 22 года, Рабинович вышел в отставку. Но он не мог просто отдыхать и стал работать в Центре изучения науки и общества, которым руководил его сын Виктор в государственном университете Нью-Йорка в Олбани. Там он начал писать книгу под названием «Научная революция и ее социальные последствия». Предполагалась, что она будет содержать четыре основные главы: революции в науке, вооружениях, экономике и политике. К сожалению, книга не была закончена. Пятнадцатого мая 1973 г. Евгений Исаакович Рабинович скончался в Вашингтоне в результате инсульта.

Завершая наш небольшой рассказ об этом выдающемся человеке, позволим себе привести слова его ближайшего друга и коллеги по многим работам сэра Джозефа Ротблата: *«Евгений Рабинович был многогранной личностью: ученый и учитель, классический исследователь и современный философ, поэт и мастер эпистолярного жанра, журналист и редактор, социолог и политик. Но главной его чертой было то, что он был человеком большого сердца, наполненным любовью и нежностью не только к своей семье и друзьям, но и ко всему человечеству. Эта любовь и гуманизм вместе с его убежденной верой в потенциал науки, сумееющей обеспечить счастли-*

вую жизнь для всех, были для него основными направлениями жизни, философией, на которой базировалась его деятельность» [1, с. 37].

Литература

1. *Alexander Rabinowitch*. Founder and Father // The Bulletin of the Atomic Scientists. January–February 2005. P. 30–37.
2. *Куксин Илья*. Владимир Ипатьев в России и Америке // Нева. 1998, № 12. С. 217–223.
3. *Потоцкая-Михоэлс Анастасия*. Тост Михоэлса // Заметки по еврейской истории (интернет-журнал). Апрель 2003, № 27.
4. *Rotblat Joseph*. Leaving the Bomb Project // The Bulletin of the Atomic Scientists. August 1985. P. 16–19.
5. *Schollmeyer Josh*. Memory to Report // The Bulletin of the Atomic Scientists. January–February 2005. P. 38–39.
6. *Jungk Robert*. Brighter than a Thousand Suns: a Personal History of the Atomic Scientists. New York: Harcourt Brace, 1958.
7. Гражданская инициатива. 2002, №1(8). URL: www.csgi.ru
8. The Atomic Age. Scientists in National and World Affairs. Articles from the Bulletin of the Atomic Scientists 1945–1962. New York; London, 1963.
9. *Rabinowitch E*. The Dawn of a New Age: Reflection on Science and Human Affairs. Chicago: University of Chicago Press, 1963.
10. *Рабинович Е*. Фотосинтез и родственные процессы: В 3 т. Москва, 1945–1956.
11. Словарь поэтов русского зарубежья / Под общ. ред. Вадима Крейда. СПб., 1999.
12. Вернуться в Россию стихами... 200 поэтов эмиграции: Антология / Сост., авт. предисл., коммент. и биогр. сведений В. Крейд. М., 1995.

¹ Александр Рабинович — сын Евгения, известный историк и советолог, профессор Индианского университета, родился в 1934 г. в Англии. Александр стал одним из первых западных ученых, который попытался переосмыслить суть и значение Октябрьской революции. Один из основателей так называемой школы ревизионистов в американской советологии. Доказывал, что в начале революции большевики были вполне демократической партией, опиравшейся на широкие народные массы. Их лозунги немедленного мира в уставшей от войны стране, проведение радикальной земельной реформы, самоуправление в виде многопартийных Советов пользовались поддержкой большинства населения страны. Свою концепцию Александр изложил в трех книгах. Первая, «Prelude to Revolution: The Petrograd Bolsheviks and July 1917 Rising», вышла в США в 1968 г. и сразу привлекла к себе внимание историков. Русский перевод появился только в 1992 г. (Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. М.: Прогресс, 1992). Вторая книга — «The Bolsheviks Come to Power: The Revolution of 1917 in Petrograd», вышла в свет в 1976 г. Ее русский перевод, изданный в Москве в 1989 г. тиражом 100 тысяч (!) экземпляров, разошелся за три дня (Большевики

приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М.: Прогресс, 1989). Третья книга — «The Bolsheviks in Power: The First Year in Petrograd», опубликована в Америке в 2007 г.; вскоре вышел ее русский перевод (Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М.: Новый Хронограф, 2008). Во всех трех книгах Александр пытается ответить на главный вопрос: как могло случиться, что партия большевиков, до революции выдвигавшая демократические принципы и лозунги, после нее создала основанное на жесточайшей диктатуре авторитарное государство.

² Здесь и далее перевод с английского автора статьи.

³ Ныне эта ферма принадлежит сыновьям Е. Рабиновича. Недалеко от нее, на местном кладбище, похоронены их родители.

⁴ Сэр Джозеф Ротблат (1908–2005), британский ученый и крупнейший общественный деятель. Родился в Варшаве в еврейской семье. С 15 лет начал работать электриком, а по ночам готовился к поступлению в Свободный университет Польши. В 1932 г. окончил университет со степенью магистра, а в 1938 г. стал доктором физики Варшавского университета. Работал в радиологической лаборатории, с 1937 г. — заместитель директора польского Института ядерной физики. В 1939 г. получил специальную стипендию для проведения исследований по ядерной физике в Ливерпульском университете под руководством известного британского физика сэра Джеймса Чедвика. Скромный размер стипендии не позволил ему взять с собой супругу Толю. После нападения Германии на Польшу Ротблат помчался в Варшаву за женой, но не смог найти ее. Он покинул Польшу накануне захвата немцами Варшавы. После окончания войны Джозеф продолжал поиски, но в конце концов примирился с мыслью, что Тола или погибла при бомбардировках Варшавы, или сгорела в огне Холокоста.

В 1943 г. США и Англия приступили к созданию атомного оружия. Главой группы английских физиков был назначен Чедвик. Американцы возражали против включения в нее Ротבלата, поскольку в то время он не имел британского гражданства. По настоянию Чедвика в марте 1944 г. Ротблат присоединился к английским коллегам, которые работали в сверхсекретной лаборатории в Лос-Аламосе. В конце этого же года Ротблат вернулся в Англию и стал продолжать свои исследования в Ливерпульском, а с начала 50-х гг. — в Лондонском университете. Ротблат — автор более 300 научных публикаций, в том числе 20 монографий, включая фундаментальные труды о применении ядерной физики и радиобиологии в медицине. Его исследования по светочувствительным эмульсиям способствовали открытию пи-мезона. В 1956 г. стал одним из основателей Ассоциации ученых-атомщиков Активист движения против использования ядерной энергии в военных целях, был среди одиннадцати ученых, подписавших «Манифест Рассела—Эйнштейна» против угрозы, которую несет человечеству ядерное оружие. Один из зачинателей Пагуошского движения, инициатор создания Пагуошской исследовательской группы по химическому и биологическому оружию, сыгравшей важную роль в принятии конвенций ООН по запрещению этих видов вооружений. Принимал активное участие в разработке Договоров о нераспространении ядерного оружия и ограничении противоракетной обороны. В 1995 г. королева Великобритании удостоила его титула сэра, в этом же году стал лауреатом Нобелевской премии мира.

⁵ Международная премия за безъядерное будущее учреждена в 1998 г. «Фондом будущего поколения имени Франца Молли» при поддержке «Фонда Генриха Бёлля» (Германия) и «Фонда Седьмого поколения» (США). Присуждается ежегодно международным жюри, куда входят философы, актеры, писатели, активисты по правам человека, физики, историки, журналисты и экологи. Вручение премии происходит каждый раз в разных странах. Детищу Евгения Рабиновича, журналу ученых-атомщиков, премию вручали на родине его основателя, в Санкт-Петербурге.

⁶ Прегель София Юльевна (1904–1972), поэтесса. Родилась в Одессе, эмигрировала в Константинополь и вскоре переехала в Берлин. Публиковалась во всех сборниках русских берлинцев, упомянутых выше в статье. В 30-е гг. переехала в Париж, а в начале Второй мировой войны — в Нью-Йорк. Основала там журнал *Новоселье*, выходявший с 1942 по 1952 г. В журнале печатались Бунин, Тэффи, Адамович, Варшавский, Ремизов и многие другие писатели и поэты российской эмиграции, он занял видное место в истории литературы зарубежья. Возвратившись в Париж в 1950 г., Прегель поддерживала парижское издательство «Рифма», опубликовавшее сборники многих русских писателей и поэтов, в том числе и Евгения Раича (Рабиновича). Вероятно, с этим и связано посвящение Прегель одного из лучших стихотворений Раича.

Имя С. Ю. Прегель многократно встречается в сборниках *Евреи в культуре русского зарубежья* (ред.-сост. М. Пархомовский), *Русское еврейство в Зарубежье* (ред.-сост. М. Пархомовский) и *Русские евреи в Америке* (ред.-сост. Э. Зальцберг).

Судьба и профессия: мой опыт шести десятилетий¹

*Самуэль Арони
(Университет Калифорнии (UCLA),
Лос-Анджелес)*

Я родился 26 мая 1927 г. в Кишиневе, главном городе Бессарабии, в то время одной из провинций Румынии. Мои родители, Давид и Клара Червинские, так же как и их родители, были русскими евреями, и русский был моим родным языком. Я говорил на нем по меньшей мере первые пять лет жизни. Позднее, в разных обстоятельствах и в различной степени, я овладел румынским, ивритом, идиш, французским, немецким и английским. В Израиле мой отец изменил фамилию на Аарони, а я, находясь уже в Австралии, — на Арони. Мы оба сделали это в память моего дедушки по отцовской линии Арона-Иосифа Червинского, погибшего в годы Катастрофы.

Детство мое было счастливым. Первое важное событие в моей жизни — аннексия Бессарабии Советским Союзом 28 июня 1940 года. Затем, в течение года сталинского режима, радость от того, что можно было учиться в школе на родном русском языке, омрачилась страданиями, которые переживала наша семья. У отца был инфаркт из-за того, что он каждую ночь ждал ареста. Дедушка по материнской линии, Лейб Аптекарь, очень богатый человек, был арестован советскими властями и приговорен к восьми годам лишения свободы. Он умер вскоре после освобождения из лагеря в 1948 году в г. Ухте бывшей Коми АССР.

Для нашей семьи Холокост начался 18 июля 1941 г., когда немецкие и румынские войска оккупировали Кишинев. Многие десятки тысяч евреев были убиты на территории Бессарабии, во время «марша смерти» в Транснистрию и в самой Транснистрии — обширной территории на юго-западе Украины и востоке Молдавии, оккупированной фашистами и переданной Румынии. Сразу же после оккупации города мы оказались в кишиневском гетто, в которое, по румынским данным, было согнано 11525 человек. По этим же данным, удалось бежать из него 37 заклю-

ченным, среди которых была и моя семья. Большинство беглецов впоследствии были схвачены. Нам удалось бежать сразу же после начала депортации, когда евреев партиями стали отправлять на «марш смерти». Своей жизнью мы обязаны дяде Моне Аптекару, жившему в Бухаресте и заплатившему трем румынским полицейским агентам за то, что те помогли нам бежать из гетто и уехать из Кишинева на поезде. Мой дедушка Арон-Иосиф, правоверный хасид, последователь рабби Сквирского², и думать не хотел о том, чтобы сбрить бороду и покинуть рабби. По моей оценке, Холокост пережили не более 200–300 узников кишиневского гетто³.

Мы были вновь арестованы в Румынии в конце ноября 1941 г.⁴. Родители были отправлены в Транснистрию, а нам с братом (ему было шесть лет, мне четырнадцать) удалось скрыться, и потом два с половиной года мы вместе с родственниками прятались в различных местах. С родителями мы вновь воссоединились в Бухаресте. В апреле 1944 г. накануне наступления советских войск им удалось бежать из Транснистрии, а через три месяца мы все вместе уплыли в Палестину на корабле беженцев «Казбек».

Понятно, что в Румынии я не мог продолжать прерванное школьное образование. Для того чтобы иметь какие-нибудь документы, удостоверяющие личность, а эти документы дважды спасли меня от ареста, я поступил на организованные еврейской общиной курсы ткачей. Я также начал изучать английский язык с частным учителем. Когда я со статусом беженца прибыл в 1944 г. в Палестину, мне надо было зарабатывать. Вначале я был ткачом на фабрике, а затем успешно работал менеджером в транспортном управлении. Одновременно я заочно учился в Британском институте, а потом сдал вступительные экзамены в Лондонский университет. Эти экзамены можно было сдать в любом месте Британской империи. К сожалению, попытка поступить в Хайфский Технион (а он не признавал результатов вступительных экзаменов в Лондонский университет), не удалась из-за финансовых проблем, а также из-за необходимости сдавать специальные экзамены по ивриту, ивритской литературе и Ветхому Завету.

Двое моих друзей «открыли» Австралию: они узнали о признании там вступительных экзаменов в Лондонский университет и о приемлемых финансовых условиях обучения. В 1950 г. я был зачислен иностранным студентом в Технологический институт им. Гордона в Джилонге и уехал в Австралию. Приехав туда в середине учебного года, я сумел завершить первый курс по специальности «гражданское строительство». В конце того же года мне удалось перевестись в Мельбурнский университет на следующий курс. За преждевременной смертью в Израиле моего отца

последовали четыре тяжелых года, когда я должен был сам зарабатывать себе на жизнь. В 1954 г. я с отличием окончил университет, получив степень бакалавра и премию Джона и Энн Гибсон, и был назначен ассистентом профессора на факультете гидротехники Мельбурнского университета.

В 1956 г. я женился на Малке Коренфельд, уроженке Израиля, приехавшей в Австралию преподавать иврит; в Мельбурне родились две наши дочери — Рут и Мириам. Продолжая учиться в университете, я дополнительно окончил курсы «Городское и региональное планирование» (получив при этом в 1955 г. премию Института городского планирования Австралии), а также теории вероятности и статистики.

В начале 1963 г. наша молодая семья переехала в Беркли, и в Калифорнийском университете (КУ) меня зачислили в аспирантуру по специальности «проектирование зданий и строительная механика». Одновременно мне предоставили возможность преподавать. Оказавшись в блестящей научной среде, я вскоре был вовлечен в научно-практические разработки. Результаты моей деятельности того периода легли в основу диссертации на степень магистра («Гибкие колонны предварительно напряженного бетона». 1965), а также ряда докладов и публикаций по аналогичной тематике.

В 1966–1967 гг. я работал доцентом (Associate Professor) в Колледже штата Калифорния в Сан-Франциско, обучая начинающих студентов проектированию зданий и сооружений.

Последующие три года — единственные вне научной университетской среды — я был руководителем группы в Центре научно-исследовательских разработок Американской цементной корпорации в г. Риверсайд, Калифорния. Этот необычный междисциплинарный центр занимался разработкой новых материалов, новых продуктов и систем панельного строительства. Острая нехватка жилья по всей стране заставила Министерство жилищного строительства и городского развития увеличить объем строительства, в том числе за счет индустриализации и модернизации во всех смежных отраслях. Учитывая эту потребность, я разработал и организовал Объединенный проект Американской цементной корпорации и архитектурной фирмы Даниеля, Манна, Джонсона и Менденхалла, а затем стал руководить этим проектом. Мы занимались разработкой промышленного способа получения ячеистого автоклавированного бетона (АКБ) — необычайно легкого материала, который был изобретен в Швеции в конце 1920-х гг., но был неизвестен в США. Эти усилия реализовались в большом проекте по АКБ, многочисленным исследованиям и публикациям в этой области, а также в моей консультационной работе, которую я продолжаю и по сей день.

В это же время я участвовал в очень интересном проекте «Искусство и технология». Он предусматривал сотрудничество различных американских компаний с известными художниками, позволяя им использовать нетрадиционные материалы, средства или необычную среду для создания своих произведений. Американская цементная корпорация должна была осуществить замысел крупного французского дизайнера и проектировщика Жана Дюбуффе. Нам предстояло превратить созданную им небольшую модель башни высотой один метр в двадцатиметровое здание. Однако этот интересный проект так и не был реализован⁵. Примерно в то же время я перевел с русского языка одну техническую книгу, которая, по всей видимости, была первой публикацией по этой теме на английском⁶. Летом 1970 г. я работал в Консультативном комитете Национальной академии науки и техники, который занимался различными программами Министерства жилищного строительства и городского развития, включая программу перехода к серийному строительству. В мою задачу входили проверка этих программ и разработка рекомендаций для членов академии.

После закрытия Центра научно-исследовательских разработок в 1970 г. я вернулся к преподавательской работе и был назначен профессором архитектуры и городского планирования на открывшемся факультете по этой специальности в КУ в Лос-Анджелесе. Деканом факультета был выдающийся ученый Харви Перлофф⁷. Я начал преподавание с первого набранного на факультет курса и в течение двадцати одного года читал курсы по жилищному строительству, по землетрясениям и материалам, а также курс по методике строительства и технологии. В первый год моей работы в университете произошло землетрясение в Сан-Фернандо (9 февраля 1971 г.). Вероятно, это было первое крупное землетрясение, когда с помощью специальной аппаратуры, заранее установленной в ряде многоэтажных зданий, удалось измерить силу сотрясения около двухсот зданий. Это стимулировало большое количество исследований, в которых участвовали и студенты. В тот период я опубликовал материалы, касающиеся пожаров при землетрясениях, а также состояния лифтов, и стал консультантом Национального бюро стандартов по исследованию землетрясений и членом Подкомитета по измерению устойчивости зданий при землетрясениях.

В декабре 1970 г. меня пригласили на Второй Всемирный конгресс инженеров и архитекторов в Тель-Авиве, где я выступил с докладом о жилищном строительстве в США. Этот конгресс, так же как и последующие (в 1973, 1974 и 1976 гг.), был организован Международным центром технического сотрудничества при Израильской ассоциации инженеров и архитекторов. Я был избран в Исполнительный комитет,

работал в нем пять лет и участвовал в его заседаниях в Израиле и за рубежом (в Турции, Бельгии и Бразилии). Кроме того, я входил в состав Международного консультативного комитета по планированию Иерусалима (1974–1976).

С участия в упомянутом конгрессе началась моя профессиональная деятельность в Израиле. Я познакомился с министром строительства Израиля Зеевом Шерфом, и он пригласил меня поработать летом 1971 г. в Строительном центре Израиля. Кроме того, я стал личным советником министра по вопросам строительства. Это было очень продуктивное лето: в трех израильских городах я читал лекции о новых материалах и методах строительства, о наблюдениях, сделанных во время землетрясения в Сан-Фернандо, участвовал в симпозиуме по исследованию и испытанию материалов и конструкций, по проблемам бетона в странах с жарким климатом и опубликовал большую статью «Системное строительство — методы, материалы, менеджмент» в журнале *BCI Quarterly*.

3. Шерф рекомендовал меня нью-йоркскому бизнесмену Юлиусу Сталмену, который годом ранее создал в Иерусалиме Международный институт для сбора инновационных идей, разработки проектов и рекомендаций израильского правительства. Сталмен хотел, чтобы я организовал программу для Министерства строительства и возглавил ее. Было решено, что я возьму на себя руководство и в течение учебного года и следующего лета несколько раз побываю в Израиле. В то время росла иммиграция, в стране ощущалась острая потребность в жилье. В задачи нашей программы входил тщательный анализ израильской системы жилищного строительства и выработка рекомендаций по изменению ее стратегии. Мы создали компьютерную модель перспективного развития жилищного строительства, которая учитывала возникающие проблемы и их возможные последствия, а также предлагала разные методы их решения. Проект осуществлялся в 1972–1974 гг., по завершении в Министерство строительства был передан ряд отчетов по всем главным направлениям исследований, было также опубликовано несколько статей.

Вторым событием, связанным со Всемирным конгрессом инженеров и архитекторов в Тель-Авиве 1970 г., было приглашение работать в Консультативной технологической комиссии Министерства жилищного строительства Израиля и в Комиссии по строительству Еврейского агентства, во главе которой стоял американец Джек Вейлер, снискавший известность строительством крупных комплексов, а также своей поддержкой Израиля. Целью Комиссии было ускорение строительства в Израиле путем внедрения промышленных методов. Ее работа была хорошо организована, а рекомендации Комиссии тщательно выполнялись. Я проработал в ней три года, возглавляя Комитет по образованию. В результате

в Израиле был учрежден Национальный совет по образованию в области строительства, который занимался подготовкой специалистов всех уровней.

На факультете архитектуры и городского планирования КУ в Лос-Анджелесе назрела потребность расширить студенческие исследования. В 1972 г. я организовал стипендию для исследователей, работающих над проблемами системного жилищного строительства. Около двадцати лет от трех до пяти таких стипендий ежегодно предоставлялось студентам, которых отбирали по уровню проведенных ими исследований и качеству их публикаций.

Кроме преподавания в университете, я многие годы участвовал в различных профессиональных организациях, в том числе в Американском обществе инженеров-строителей и Американском институте бетона. Особо важной стала для меня работа в созданной по инициативе Харви Перлоффа Инновационной группе по градостроительству. Это была некоммерческая профессиональная организация, где студенты, занимавшиеся на факультете архитектуры и градостроительства, могли выполнять заказы. Модель, введенная Х. Перлоффом, была похожа на объединение клинической больницы и медицинской школы, обеспечивающее одновременно медобслуживание населения, проведение исследований и практическое обучение студентов. Осуществить это новшество было очень нелегко, нам приходилось соперничать с другими профессиональными фирмами и высоко держать планку. Одни студенты должны были работать над реальными проектами, и их труд оплачивался. Другие были назначены «интернами» по проекту, они работали ради приобретения опыта и получения оценки за пройденный курс.

В июне 1977 г. Азиатский институт технологии в Бангкоке (Таиланд) организовал международную конференцию «Жилищное строительство для населения с низкими доходами: технология и стратегия», на которой меня пригласили прочесть один из программных докладов; впоследствии я сделал аналогичный доклад в Японии на отделении архитектуры Токийского технологического института.

В 1976 г. началось мое сотрудничество с Бразилией, где я участвовал в ряде семинаров, а также в исследовательских проектах по жилищному строительству и технологии строительных материалов, осуществлявшихся совместно с Федеральным университетом Сан-Карлоса, штат Сан-Паулу. Затем в течение двух недель я читал лекции в Университете Риу-Грандиде-Сул в Порто-Алегри. В итоге было заключено соглашение о сотрудничестве между КУ и Национальным банком жилищного строительства Бразилии, а также организован международный симпозиум в Сальвадоре, штат Баия, где я выступил с докладом.

Одновременно мне предложили в течение трех лет (1978–1981) быть экспертом факультета строительства и планирования в Университете Малайзии. Этот еще молодой факультет был создан в 1972 г. в рамках программы ООН. Факультет быстро прогрессировал, и было обидно, что впоследствии его деятельность стала ухудшаться из-за националистической политики правительства Малайзии. Она привела к замене языка обучения с английского на малайский, которым даже студенты владели не в совершенстве, и к отстранению зарубежных преподавателей.

Среди участников симпозиума в Баие был директор международной шведской компании YTONG, производящей уникальные изделия из ячеистого АКБ для строительства индустриальным методом. У фирмы были лицензии на производство во многих странах, но не в США. Потенциально рынок США очень рентабелен, однако нуждается в больших капиталовложениях, а это требует тщательного предварительного анализа. В течение двух лет большая группа сотрудников и аспирантов нашего факультета под моим руководством проводила всестороннее изучение целесообразности выхода YTONG на американский рынок.

После завершения нашего исследования в 1982 г. мне удалось получить юридическую поддержку на производство в США ячеистого АКБ, блоков и армированных изделий. Еще десять лет я был консультантом YTONG, а затем и двух других компаний, производящих изделия из такого бетона. В 2004 г. в США было уже два завода по производству АКБ, но завоевание американского рынка шло нелегко. Новая разработка, в которой я участвую, — производство подобных изделий из более рентабельного ячеистого бетона без автоклавирования.

В 1982 г. меня пригласили войти в создававшуюся тогда Техническую комиссию при Международном союзе лабораторий по исследованию и испытанию материалов и конструкций. Результатом деятельности комиссии был объемный том документации, который иногда называют «Библией ячеистого автоклавированного бетона»⁸. После выхода книги в свет я организовал первый в США семинар по ячеистому АКБ.

В середине 1970-х гг. президент «Банка Меркюри» Леонард Шейн создал в Лос-Анджелесе Объединение друзей и спонсоров Университета им. Бен-Гуриона (УБГ) в г. Беэр-Шева (Израиль). Г-н Шейн пригласил д-ра Чарльза Вильсона, занимавшего в то время пост вице-президента КУ, совершить совместную поездку в Беэр-Шеву. Деятельность УБГ произвела на д-ра Вильсона большое впечатление, особенно программа для слабоподготовленных студентов и программы помощи нуждающимся в Беэр-Шеве и в близлежащих к ней городах развития. В 1979 г. д-р Вильсон отправился в УБГ с четырьмя преподавателями КУ, среди которых был и я. В то время в УБГ было около 4000 студентов, и по масштабам деятельно-

сти его трудно было сравнивать с университетом в Лос-Анджелесе. Тем не менее активное участие УБГ в деле развития Негева не могло не произвести впечатления. Мы видели, что сотрудничество двух наших университетов будет взаимовыгодным. В феврале 1980 г. во время визита в Лос-Анджелес ректора и четырех деканов УБГ было подписано соглашение о научном сотрудничестве. Меня попросили руководить проектом, став председателем Комитета КУ–УБГ. Теперь, много лет спустя, сотрудничество с УБГ продолжает успешно развиваться, это один из наиболее активных проектов КУ. С 1983 г. я вхожу в Совет правления УБГ.

Ройс холл — одно из наиболее известных зданий КУ в Лос-Анджелесе — был, как и несколько других университетских корпусов, спроектирован и возведен до землетрясения 1933 г. Тогда специалисты еще считали, что южная Калифорния не подвержена сильным землетрясениям. Впоследствии оказалось, что многие здания, построенные до 70-х гг., в том числе и наши общежития для студентов, небезопасны в случае сильных подземных толчков. В 1983 г. администрация университета предприняла реконструкцию и расширение Ройс холла. И хотя на реконструкцию имелись частные субсидии, из-за нехватки финансовых средств не были проведены работы по повышению сейсмостойкости зданий. Это вызывало беспокойство, и я поставил вопрос перед Исполкомом Сената, вследствие чего президент университета создал Специальный комитет по проблемам безопасности во время землетрясений и попросил меня возглавить его. Через два с лишним года, 19 сентября 1985 г., был завершен большой отчет, озаглавленный «Университетский городок в опасности». Судьба распорядилась так, что в тот самый день, когда мы завершили этот отчет, в Мехико произошло страшное землетрясение, вызвавшее большие разрушения, погибло около 20 000 человек. Тем временем наш отчет проник в прессу и стал местной и общенациональной сенсацией как раз в то время, когда средства массовой информации были заполнены трагическими картинами смерти и разрушений. На пресс-конференции президент университета объявил о принятии всех наших рекомендаций, началась работа по повышению сейсмостойкости университетских зданий.

После землетрясения в Кобе японская организация «Университет-город» решила провести конференцию в г. Нишиномия, посвященную проблеме землетрясений и отклику японских университетов и муниципалитетов на это бедствие. Меня — единственного из зарубежных специалистов — пригласили сделать программный доклад, который назывался «Землетрясения и Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе».

Обучение архитектуре обычно фокусируется на творчестве и проектировании. Долгое время я был сторонником включения исследований в обучение архитекторов, активно работал в Консорциуме архитектурных исследовательских центров — общенациональной организации, представ-

люющей университетские факультеты примерно в сорока архитектурных школах США и Канады, и в 1985 г. был избран заместителем президента Консорциума. В том же году я был введен в Консультативный комитет Национального научного фонда и проработал там пять лет.

Одна из важнейших областей исследовательской работы — изучение, каким образом происходят разрушения, увечья и гибель людей во время землетрясений. Причины этих смертоносных последствий многочисленны и разнообразны, они включают различные аспекты физического состояния окружающей среды, поведение людей, эпидемиологические условия. Впервые мы начали работу над этими проблемами после землетрясения в Коалинге (Калифорния) в мае 1983 г. В 1984 г. мы получили от Национального научного фонда грант на трехлетние исследования в этой области. За это время мы изучили пять предыдущих землетрясений в Калифорнии и два значительно более сильных (в Чили в марте 1985-го и в Мехико 19 сентября 1985 г.). В июле 1989 г. на заседании Специальной рабочей группы по катастрофам, связанным с землетрясениями, я выступил с предложением о создании междисциплинарного объединения специалистов, которое занималось бы исследованием таких катастроф. В 1993–1995 гг. я сотрудничал со Специальной комиссией по изучению катастроф во время землетрясений при Исследовательском институте инженерной сейсмологии.

Я уже писал о Программе сотрудничества КУ в Лос-Анджелесе и УБГ. Начиная с 1979 г., она развивалась очень активно, и, несмотря на множество других обязанностей, мое участие в ней не сводилось лишь к руководству Комитетом. В первые три года УБГ предоставил нескольким молодым членам своих факультетов специальные стипендии для работы в КУ сроком до двух лет. Главной целью было повышение квалификации способных молодых сотрудников, имевших среднюю научную степень. Позднее некоторые из них добились больших успехов и стали ведущими исследователями в УБГ.

В 1990 г. я опубликовал большую статью, в которой описывался совместный проект КУ и УБГ, его предыстория и деятельность в предшествовавшие десять лет⁹. Этот проект стал одним из наиболее действенных в КУ, в нем участвовало более двухсот человек, в том числе несколько аспирантов. Мы провели много объединенных семинаров и конференций по большому кругу проблем, восемь из них прошли в УБГ. Обсуждались темы регионального развития, образования в поликультурном обществе, исследования пустыни и экологии, модернизации проектов и жилищного строительства, высшего образования, социальной работы, преподавания английского и других языков, истории евреев. Сотрудники КУ и УБГ участвовали в совместных исследовательских проектах, опубликовали много статей и две книги.

Поскольку УБГ играл особую роль в развитии Негева, в 1983 г. мы организовали в Беэр-Шеве Международный симпозиум на тему «Роль университетов в развивающихся областях». Симпозиум был очень успешным, в нем приняло участие 200 человек. По-видимому, это был первый научный форум по столь важному вопросу, и мы обнаружили много заинтересованных университетских ученых во всем мире. Через шесть лет, в 1989 г., в связи с большим интересом к этой проблеме, мы создали второй международный симпозиум в УБГ. Он собрал много крупных ученых из университетов США и других стран, я понял важность сохранения этой научной общности и предложил создать организацию под названием «Международное сообщество по изучению роли университетов в развивающихся областях». Предложение было принято, и организация была создана. Руководят ею секретариат, состоящий из трех человек (первоначально в него вошли профессоры Фред Лейзин и Йехуда Градус из УБГ и я), а также Организационный комитет, состоящий из 27 членов, представляющих 18 стран.

С тех пор Сообщество провело еще четыре успешных международных симпозиума: третий (1993) — в Университете Азорских островов; четвертый (1995) — в Мельбурне, Австралия; пятый (1997) — в Университете г. Лулео, Швеция; шестой (1999), во время которого я был награжден медалью города Парижа в знак признания моей работы на международном поприще, — в Специальной школе общественных работ в Париже.

Девяностые годы XX столетия были провозглашены Организацией Объединенных Наций как десятилетие борьбы с последствиями стихийных бедствий. Те, кто занимаются землетрясениями, знают, что различные стихийные бедствия имеют много сходного в воздействии на жизнь человека, хозяйство и окружающую среду и что средства, способные повысить безопасность общества и сократить урон, наносимый бедствиями, также имеют существенное сходство. Я предложил провести в Университете Калифорнии в Лос-Анджелесе конференцию по теме «Воздействие стихийных бедствий — программа будущих действий». Она состоялась в КУ в июле 1991 г., вскоре после того, как я оставил активную преподавательскую деятельность. На конференции было сделано сто докладов, участвовало примерно 180 человек из тридцати стран. Были рассмотрены социально-экономические, медицинские, юридические, технические, культурные проблемы, связанные с разнообразными стихийными бедствиями, такими как засуха, наводнения, землетрясения, штормы и ураганы. Обсуждались вопросы страхования и политики, подготовленность к бедствиям, действия в аварийной ситуации. Материалы конференции были опубликованы.

За моей успешной работой по программе сотрудничества КУ–УБГ последовали другие подобные проекты. В частности, я был по совместительству директором Специальных проектов научного межвузовского сотрудничества, осуществлявшихся в КУ и входивших в Программу международных исследований и зарубежных проектов. Эта Программа позднее была преобразована в Международный институт. Кроме работы в области сотрудничества КУ и УБГ, я руководил сотрудничеством КУ с Университетом в Сиднее, с Техническим университетом Будапешта, с Мельбурнским Королевским технологическим институтом, со Специальной школой общественных работ в Париже и с Университетом Виктория в Мельбурне. Обмены и совместные мероприятия, семинары, симпозиумы и конференции, проведенные за эти годы, были столь многочисленны и разнообразны, что их трудно перечислить. Я стал «свахой университетов», разыскивая и предлагая нашему университету специалистов и темы, которые могли бы представлять большой интерес для совместной работы. Иногда это были трехсторонние связи. Всякий раз для такого сотрудничества надо было предварительно найти соответствующее финансирование. В итоге появилось множество научных публикаций, возникли новые исследовательские проекты.

С помощью нескольких спонсоров сотрудничество с УБГ процветало. Общих тем по-прежнему было много, и они были разнообразны: от исследований мозга до истории крестоносцев, от древней археологии до туземных народов. Моя деятельность на международном поприще позволила мне также организовать несколько мероприятий, имеющих общеевропейское значение. Посетив Прагу и встретившись с профессором Владимиром Садеком, руководителем еврейских исследований в Карловом университете, я предложил провести трехстороннюю конференцию Карлова университета, КУ и УБГ по теме «Еврейское присутствие в Европе — опыт Праги». Она состоялась в июле 1993 г.

После развала Советского Союза я дважды приезжал в Кишинев. Первый раз — в 1994 г, когда, встретившись с группой историков, возглавляемых профессорами И. Левитом и Я. Копанским, предложил провести совместный международный симпозиум «История, язык и культура еврейского народа». Симпозиум состоялся в сентябре 1995 г, в нем участвовало 400 местных и приглашенных ученых из КУ, УБГ, большая делегация ученых из СНГ. Было сделано 33 научных доклада, состоялись различные мероприятия в еврейской общине — большой концерт, посещение местных еврейских организаций, открытие Университета еврейской культуры в Молдове. После 50 лет упадка еврейской культуры в СССР это было важным событием. Много лет я был членом всевозможных профессиональных организаций и институтов и удостоился реги-

страции в справочнике «Видные деятели науки Америки», в различных изданиях «Кто есть кто» и в «Международном справочнике выдающихся руководителей». Я являюсь автором и соавтором 81 опубликованной работы — статей, докладов и книг.

Моя жизнь и деятельность в различных странах на четырех континентах представляет пример жизненного пути, успешно пройденного выжившим в Холокосте; без революций и потрясений XX столетия он был бы совсем иным. Мы являемся наглядными примерами стойкости и упорства русского еврейства в эти переломные времена.

¹ Пер. с англ. К. Жигни, подготовка к публикации М. Векслера.

² Рабби Сквирский был известной религиозной фигурой в довоенном Кишиневе. Он был представителем династии цадииков из местечка Сквир недалеко от Киева. Мой дедушка Арон-Иосиф Червинский родился в Борщаговке под Киевом, и его семья входила в окружение сквирского цадиика. Когда в Кишинев переселилось много хасидов из этого района, они привезли в Кишинев и племянника первого цадиика Сквирсы. Мой дедушка и рабби Сквирский погибли на «марше смерти» из кишиневского гетто. Сегодня в штате Нью-Йорк есть городок Нью-Сквэр (New Square), основанный хасидами, последователями цадииков Сквирских.

³ В 1995 г. я опубликовал воспоминания о Холокосте в Бессарабии и о кишиневском гетто (*Aroni S. Memories of the Holocaust: Kishinev (Chisinau), 1941–1944. University of California, Los Angeles (UCLA), 1995*). Мои показания вошли также в видеофонотеку созданного Стивеном Спилбергом Музея визуальной истории «Выжившие в Катастрофе» (*Survivors of the Shoah – Visual History Museum*) в Лос-Анджелесе.

⁴ Через 18 дней после нашего ареста корабль беженцев «Струма» отплыл из Констанцы в Стамбул, направляясь в Палестину. Двумя месяцами позднее, пройдя Босфор, он затонул, причем спасся только один человек. Если бы нас не арестовали, мы могли бы быть на «Струме». В 2003 г. я написал главу «Кто пропал со “Струмы” и сколько их было» для книги: *Frantz Douglas and Collins Catherine. Death on the Black Sea. Harper Collins Publishers, 2003.*

⁵ *Tuchman Maurice* (ed.). *Size and Culture — an Attempt that Failed*, Art and Technology Program. Los Angeles County Museum of Art, May 1971. P. 85–94.

⁶ *Bolotin V. V. Statistical Methods in Structural Mechanics / Translated from Russian by S. Aroni. Holden-Day, Inc., 1969.*

⁷ Харви Перлофф (Harvey Perloff, 1915–1983), советник президента Д. Кеннеди по делам Латинской Америки, декан Школы архитектуры и городского планирования при КУ. Автор 17 книг; удостоен наград за достижения в области городского планирования и подготовку специалистов в этой области. — *Примеч. ред.-сост.*

⁸ *Aroni S., et al.* (ed.). *Autoclaved Aerated Concrete Properties, Testing and Design: RILEM Recommended Practice*. New York: E & FN Spon, 1993.

⁹ *Aroni Samuel*. *International Cooperation — The Ben-Gurion University and the University of California, Los Angeles: A Case Study // Higher Education Policy Journal, 1990, 3: 49–55.*

О науке и жизни: от истории к истории

Яков Рабкин¹ (Монреаль, Канада)

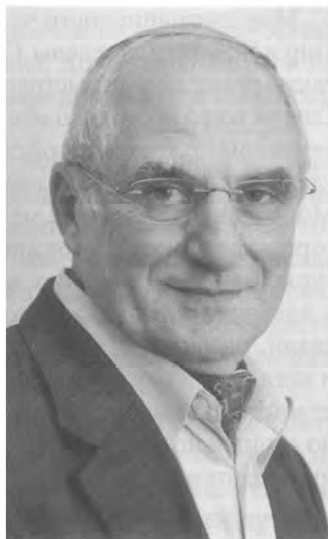
Когда в конце ноября 1973 г. я приземлился в монреальском аэропорту, все вокруг было покрыто снегом. Камиль Лимож, директор Института истории науки и науковедения Монреальского университета, и его коллега Брижит Шрёдер радушно встретили меня и тут же отвезли в университет, где на одном из этажей корпуса гуманитарных наук мне показали дверь с табличкой, на которой красовалась моя фамилия. В этом кабинете я проработал большую часть своей жизни. Покидая Советский Союз в мае того же года, как мне тогда казалось, навсегда, я хотел только одного — свободы читать и писать без политических ограничений, но не питал при этом особых надежд, что найду работу по моей довольно редкой специальности.

Предыстория на родине

История эта началась двумя годами раньше в Москве. Тогда я учился в аспирантуре Института истории естествознания и техники АН СССР, писал диссертацию по истории химии нефти. Однако дирекция довольно часто отвлекала меня просьбами помочь вести переписку с зарубежными учеными. Институт взялся за организацию международного конгресса по истории науки летом 1971 г., и мое неплохое знание английского, французского и испанского языков послужило большим подспорьем для оргкомитета. Помогал я с удовольствием и интересом: для меня это было прекрасной возможностью познакомиться с лидерами сравнительно новой дисциплины, которой была тогда история науки.

Многих ученых я уже знал по их работам. Особенно интересовали меня исследования по наукометрии Дерека де Солла Прайса из Йельского университета в США, и я лелеял надежду познакомиться с ним лично. Однако говорить об этом напрямую в советских условиях было небезопасно: это могло принести больше вреда, чем пользы. По мере того как

приближался день открытия конгресса, у меня прибавлялось работы по переписке, но при этом я не раз просил членов оргкомитета, в том числе и директора института, оставить меня в покое во время самого конгресса.

Я. Рабкин

Эта тактика сработала удивительно хорошо. За два дня до открытия меня вызвал зам. директора С. Микулинский и попросил сопровождать профессора Прайса, крупного ученого и активного участника разработки научной политики США. Его книга «Малая наука, большая наука»² была уже хорошо известна. Он не раз участвовал в слушаниях комиссий американского Конгресса, и ему полагалось сопровождающее лицо, знакомое с его деятельностью. Поэтому выбор пал на меня.

Однако, по-видимому учитывая мою беспартийность и «неправильную» национальность, ко мне приставили «переводчика», в функции которого, как я понял, входила в основном слежка. Английский он знал хуже меня, что делало его основную функцию очевидной и для Дерека, который попросил называть себя по имени сразу по приезде.

Дерек был человеком общительным и представил меня своим друзьям и коллегам из разных стран. Среди них оказались канадцы (историк биологии Камиль Лимож³ и Брижит Шрёдер, специалист по международным связям в науке⁴), а также французы: Жан-Жак Саломон, автор фундаментального труда о науке и политике⁵ и глава отдела в Организации экономического сотрудничества и развития в Париже, его жена Клер и их друг Рошди Рашед. Клер тогда работала над историей биологии во Франции⁶, а Рошди уже был известен как историк математики, впоследствии внесший серьезный вклад в изучение арабской средневековой науки⁷. Все мы говорили по-французски, что сразу создало обстановку соучастия и даже общности. Я им показывал Москву, а поскольку вокруг никого из советских не было («переводчик» по-французски не понимал), я откровенно им признался, что решил уехать из СССР, но не знал, как это сделать. Дереку Прайсу я открылся во время прогулки вдоль Москвы-реки, на которую мы вышли вдвоем якобы для того, чтобы купить марки. Дерек справедливо рассчитал, что наш переводчик не откажет себе в возможности остаться в номере одному и просмотреть его бумаги и книги.

Мое признание гости не забыли, и когда я, защитив диссертацию⁸, покинул, наконец, пределы Советского Союза, завязанные в Москве контакты помогли мне быстрее сориентироваться в западном научном мире. Спустя всего несколько месяцев после отъезда, работая в Иерусалиме советником по трудоустройству ученых-иммигрантов, я получил два приглашения на работу по специальности — из США и Канады. Я выбрал Монреаль, привлекий меня тем, что это большой космополитический город, где присутствуют английская, французская и многие другие культуры. Чем дольше я в нем живу, тем больше убеждаюсь в том, что выбор в пользу Монреаля, а не городка в штате Коннектикут, куда меня тоже звали, оказался правильным. У меня здесь родились и выросли дети, и хотя двое из них учились в США, никто там не остался. Монреаль имеет много преимуществ, которых мы бы лишились, живя в более богатых, но социально расслоенных и полных напряженности городах Соединенных Штатов.

Все тут новое

В институте, куда я попал на работу, были уроженцы Франции, Германии, Польши и США, а возглавлял его тогда единственный среди нас франкоканадец Камиль Лимож. Я отмечаю это обстоятельство, ибо провинция Квебек претерпевала в ту пору рост национального самосознания, а квебекские университеты переживали период бурного роста и набирали преподавателей по всему миру. Таким образом, эта долгое время находившаяся в относительной культурной изоляции провинция Канады открывалась миру и открывала мир. Мне довелось участвовать в обогащении интеллектуальной жизни Квебека, что, в свою очередь, расширило мой горизонт, предоставив на редкость привилегированное место на перекрестке научных влияний Европы и Северной Америки. Находясь примерно в часе езды от границы с США, я был в то же время окружен учеными, книгами и фильмами из Франции и других европейских стран. По радио нередко звучали знакомые мне песни Ива Монтана, Жильбера Беко и Сержа Режани, которых я видел и слышал в свое время на ленинградских сценах.

Кстати, французский я выучил в свое время только потому, что, занимаясь в Ленинграде на Восточном факультете университета, должен был на втором курсе изучить османский вариант турецкого языка, использовавшийся до перехода на латинскую графику в ходе реформ Кемаля Ататюрка. Нам, небольшой группе студентов общим числом меньше десяти,

объяснили, что самые хорошие словари османского — французские, и ввели специальный курс французского языка. Хотя тюркологом я не стал, французский служит мне без малого четыре десятилетия основным рабочим языком.

Обстановка на работе в Монреале была непринужденной и творческой, мы с коллегами много времени проводили вместе, причем не только в стенах университета: дружили домами и даже ездили за город кататься на лыжах. Помнится, первый мой Новый год в Канаде мы встречали почти в полном составе у Брижит Шрёдер, таланты которой распространяются далеко за пределы истории науки: в молодости она окончила в Швейцарии школу гостиничного дела и ресторанного искусства.

Несмотря на теплое отношение со стороны коллег, начинать работу было совсем не просто. Ведь я никогда в жизни не преподавал и даже не учился в западном университете, не знал, как он организован, не понимал принятые в нем негласные правила поведения. Ничуть не лучше я знал и общество, в которое попал, и только в университетской библиотеке ощущал себя вполне комфортно. Стоявшие на полках знакомые по Ленинской библиотеке и БАНу научные журналы оказывали мне молчаливую поддержку и даже вызывали ощущение уюта.

Коллеги вскоре объяснили мне, что такое грант и как на него подают заявки, и я решил продолжить начатое еще в диссертационной работе в Москве исследование по истории химии нефти в США. Однако чувствовал я себя неуверенно, ибо не знал, насколько моя работа в аспирантуре отвечала западным стандартам. Ведь в Москве я работал почти в одиночку: несмотря на просьбу дирекции нашего института, меня не пустили даже на семинар по истории американской экономики в Институт США и Канады, то есть в одну из структур той же самой АН СССР, в которую входил мой собственный институт. Эта неуверенность мне знакома давно. Помнится, перед вступительным экзаменом по английскому в Ленинградский университет в 1962 г. я безуспешно пытался найти магнитофон, чтобы проверить свое произношение: этот язык я учил во Дворце пионеров, и мне было страшно в окружении абитуриентов, многие из которых были выпускниками английских школ города.

К счастью, оказавшись в Канаде, я нашел в одной нефтяной компании русскоязычного специалиста по истории американской нефтехимии и, списавшись, послал ему свою диссертацию. Через несколько недель я получил от него отзыв, который рассеял мои сомнения относительно качества проведенной в Москве работы. Заявку на грант я написал, ее послали, как положено, на экспертную оценку, и через несколько месяцев

я уже искал ассистента, которым стал студент юридического факультета моего же университета Мелвин Вайгель. Он мне немало помог не только по части поиска и подбора документов, но и ввел в отличный от университетского круг знакомых. Мы остались друзьями на всю жизнь. Когда ставший адвокатом-международником Мелвин приезжает в Монреаль, мы непременно находим время повидаться. Прилетал он ко мне и во время моего творческого отпуска в Японию, куда ему было рукой подать из Шанхая, где он работает, и в город Ларошель, где я был с детьми в ходе нашего семейного велопробега по Франции, а он оказался в Европе по пути в Китай.

Преподавание

Конечно, основным моим занятием стало преподавание. Вначале мне дали несколько недель на подготовку курсов и семинаров, и в январе я начал вести семинар по наукометрии, а затем и курс по политике в области науки. Преподавал я первое время только аспирантам, так что группы были небольшие, и это способствовало возникновению интересных дискуссий о прочитанных источниках, о сравнительной истории и социологии науки, а также о последних интеллектуальных веяниях, связанных с работами Мишеля Фуко и Юргена Хабермаса. В то время как образование, полученное в Ленинграде и Москве, заложило прочный фундамент моей научной и педагогической деятельности, встречи с учеными со всего мира, которых постоянно приглашали в наш институт, сильно расширили мой кругозор. В Монреале лекции заезжих специалистов привлекали коллег из других университетов Города, что позволило мне поближе познакомиться с его интеллектуальной жизнью.

Вместе с тем меня еще долго не оставляло внутреннее ощущение полного невежества. Перед началом занятий было иногда просто страшно, и этот страх прошел только тогда, когда я приобрел достаточно уверенности, чтобы в случае необходимости признаться студентам в том, что чего-то не знаю. Лекции я не читаю по бумажке и обычно пользуюсь лишь наброском плана, так что излагаю свои идеи всякий раз по-разному. Один и тот же курс год от года меняется весьма основательно. На моих лекциях студентам нравится следить за ходом мысли, которая развивается прямо у них на глазах.

Поездки

Несмотря на ощущение неуверенности я, к моему немалому удивлению, стал получать приглашения делать доклады в других университетах. Так что пришлось подавать на документ, заменяющий паспорт (СССР отбирал гражданство у отбывающих на ПМЖ). С этим связана одна смешная и поучительная история. Днем я заполнил анкету для получения этого документа, а вечером мы с коллегами повели в ресторан находившегося тогда в Монреале Жан-Жака Саломона. За ужином я упомянул о только что заполненной мною анкете и посетовал, что мне пришлось добавить страницу для того, чтобы написать список всех стран, которые я собираюсь посетить. На соответствующий вопрос в анкете я ответил, руководствуясь глубоким убеждением, что если я какую-либо страну не упомяну, меня в нее с этим документом и не пустят. Из-за этого в мой список попало стран пятьдесят. Когда я все это рассказал, ресторан потряс гомерический хохот моих коллег. После десерта мы поспешили в университет и выловили мое заявление в потоке отправляемой почты. В новом варианте своего ответа я упомянул лишь США и Францию: на самом деле никто меня ограничивать в выборе стран не собирался, и мне стало ясно, что на Западе все то, что не запрещено, тем самым разрешено. Более того, как я вскоре увидел, при выезде из Канады вообще не нужно было проходить канадский пограничный контроль, что в восприятии человека, долгое время мечтавшего уехать из СССР с его «границей на замке», было просто невероятным.

Одна из первых поездок за пределы Канады была в Мичиганский университет. Политолог Цви Гительман пригласил меня с тем, чтобы я поделился своими соображениями о положении советских евреев. Сам он написал книгу о Евсекции⁹ и активно искал способы поддержания и развития еврейской культурной деятельности в СССР. С тех пор мы с ним подружились, и наши пути пересекались не раз: в Нью-Йорке, Вашингтоне, Вильнюсе, Москве и Тель-Авиве. Много позже, когда в 1988 г. иерусалимский раввин Адин Штайнзальц поручил мне заняться организацией первой советской ешивы, я попросил свободно говорящего по-русски Цви принять участие в проведении вступительных экзаменов. Они проводились в конце декабря в Москве, прямо в гостинице АН СССР, в которой мы остановились. Помнится, уставшие от интенсивных собеседований, мы вышли погулять на Калужскую площадь, на которую медленно ложился легкий снег. Нам обоим не верилось, что наступило, наконец, время приобщения советских евреев к нашей многовековой традиции.

В первый приезд к Гительману произошел курьезный случай, придавший мне уверенности в знании английского языка. Цви сказал своей жене, что вечером к ним придут коллеги и один гость из СССР. Действительно, после моей лекции мы все собрались у Цви дома, болтали, выпивали. А когда все ушли, его супруга Марион спросила: «А что, этот русский так и не приехал?»

Запомнилась мне также поездка в Торонтский университет, где после лекции меня спросили, почему советский север — города, промышленность, дороги — более развит, чем канадский. Я ответил, что и в Канаде такого можно добиться, если канадцы заведут у себя ГУЛАГ. В Торонто я рассказывал о советской науке, изучение которой постепенно стало одним из моих основных исследовательских интересов. Началось это, правда, еще по дороге в Канаду. Очутившись в Париже, где я ждал оформления иммиграционных документов в канадском консульстве, я получил заказ на статью о советском науковедении. Жан-Жак Саломон устроил мне этот заказ в основном ради гонорара, который мне выплатили авансом. Дело в том, что с документами была задержка, а мои денежные запасы быстро истощались. Статья эта¹⁰ вышла, когда я уже был в Монреале, а аванс пришелся в Париже очень кстати. Вскоре я получил письмо от известного социолога Эдварда Шилза, под руководством которого издавался тогда очень серьезный журнал по науковедению под названием «Минерва». Шилз просил меня перевести на английский мою статью из французского журнала, но переводить самого себя мне было неинтересно, и я выразил готовность написать новую статью на ту же тему. Он с радостью согласился, и, таким образом, у меня стали появляться публикации о советском науковедении и истории советской науки¹¹.

В дальнейшем меня приглашали преподавать во многие страны мира. В Страсбурге, работая полгода в университете им. Луи Пастера, я нашел чрезвычайно интересных собеседников и даже учителей Торы. В Балтиморе я также преподавал полгода историю науки в университете им. Джона Хопкинса, с которым наш институт имел тогда соглашение об обмене студентами и преподавателями. И там я воспользовался случаем для того, чтобы самому прослушать два курса в местном еврейском университете (Baltimore Jewish Univerisity). Я старался совмещать разные интересы в ходе длительных командировок в Мельбурн (La Trobe University), Тель-Авив (Bar-Ilan University), Вашингтон (Smithsonian Institution). Во время трех командировок в Японию свободное от лекций и семинаров время использовал для поездок по стране и знакомства с ее культурой. Интересно, что именно в Японии мне довелось несколько раз выступить по телевидению, в газетах и журналах

из-за интереса, который вызвала там моя книга об иудаизме и сионизме (о которой я расскажу ниже).

Судьбы социальной истории науки

Поскольку в Москве я работал почти исключительно с западными, в основном американскими источниками (и даже читал на ночь Бунина с тем, чтобы сохранять русский язык), я познакомился с принятыми на Западе методами социально-экономического и политического анализа в истории науки. Под таким углом зрения наука рассматривается как один из видов человеческой деятельности, на которую влияют самые разнообразные факторы: политические, социальные, культурные, религиозные и т. п. Тем самым я как бы отошел от «чистой» истории научных идей и концепций, которой, как правило, занимались мои коллеги в СССР.

В этом, конечно, заключается парадокс. На словах преданные марксизму советские историки науки, как черт от ладана, отшатывались от марксистского анализа действительности, в то время как западные ученые, напротив, использовали такой подход наряду со многими другими. Кстати, презрительное отношение советских историков науки к навязываемому всем марксистскому анализу общественных явлений проявлялось не только в этом. Мне вспоминается пренебрежение многих людей, в том числе и ученых, к материалистическому пониманию развития общества, особенно в последние годы советского строя. Как Горбачёв, так и его противник Ельцин оперировали политическими идеями и концепциями, казалось, забывая о том, что существуют классы и классовые интересы. Ирония судьбы заключалась в том, что как раз в те времена идея классовых интересов стала необычайно актуальной — ведь на горизонте уже маячило массовое перераспределение собственности. К концу века эти интересы подчинили себе общества практически всех постсоветских стран, лишив граждан всякой социальной защиты и продемонстрировав тем самым, насколько сильным иногда бывает влияние базиса на надстройку.

Исчезновение советского образа жизни с его упором на социализм и интернационализм привело в действие силы жесткого и жестокого капитализма, а также беззастенчивого этнического национализма. Причем произошло это не только во многих республиках бывшего СССР, но и в мировом масштабе. При всех недостатках советского строя одно его существование предполагало некую социально-экономическую альтернативу, образ которой настораживал руководителей западных стран и приводил к принятию там прогрессивных социальных мер и поддержке

принципов расового и национального равенства. В частности, даже в США для спасения капитализма от чрезвычайно популярной в условиях кризиса 1930-х годов коммунистической идеологии элементы социалистического подхода были положены в основу реформ Франклина Рузвельта. Возникновение общества всеобщего благосостояния во многих европейских странах в середине XX в. также отражает опасение власть имущих перед более радикальными, вдохновленными марксистским пониманием мира преобразованиями. Сегодня в постсоветском пространстве к марксизму относятся скептически, тогда как марксистский подход вновь становится популярным на Западе по мере того, как обостряются противоречия между богатыми и бедными. И даже миллиардеры — такие, например, как Уоррен Баффет и Джордж Сорос — признают, что грядет эпоха острой классовой борьбы¹².

Однако первыми прибегли к материалистическому изучению науки все же именно советские ученые в 1920–1930-х гг. Их доклады на Втором международном конгрессе в Лондоне в 1931 г. произвели сенсацию, тем более что советскую делегацию возглавлял Николай Бухарин, что указывало на значение, которое уделяли в СССР науке и ее истории. Целый ряд английских и американских историков вдохновился таким подходом советских ученых, в частности работой Бориса Гессена о социально-экономических корнях механики Ньютона¹³.

Процессы, начавшиеся в СССР, способствовали тому, что социология науки стала также развиваться на Западе. Социолог Питирим Сорокин, высланный в 1922 г. с другими представителями российской интеллигенции за пределы Советского Союза, вдохновил в Нью-Йорке молодого аспиранта Меира Школьника на изучение религиозных факторов развития английской науки¹⁴. Последний, переименовав еврейскую фамилию на более благозвучную в американском обществе — Роберт Мертон, — стал одним из столпов социологии науки. Во время Второй мировой войны он сформулировал четыре принципа научной деятельности, которые широко использовались в науковедческих исследованиях¹⁵. Много лет спустя мне довелось посетить его дом на Вест-Сайде Манхэттена, где он жил со своей супругой Харриет Цукерман, также специалисткой по социологии американской науки¹⁶. Я работал тогда над книгой по истории советско-американских научных связей¹⁷ по заказу одного нью-йоркского издателя, который приглашал меня время от времени на совещания в Нью-Йорк. Воспользовавшись одним из таких приездов, я и отправился обсудить свою работу с прославленной парой к тому времени весьма пожилых науковедов. Это общение немало помогло мне в моей работе.

Новые направления

Моя научная деятельность развивалась и в области истории химии, а в одной статье делался вывод о том, что применение научной аппаратуры отражает не только (и даже не столько) потребности ученых, сколько интересы производящих эту аппаратуру фирм. Я это показал на послевоенной истории инфракрасных спектрометров, которые вошли в обиход химических лабораторий в результате направленного на ученых маркетинга. С тех пор аппаратура стала несравненно более дорогой, и такой подход к ее истории сегодня кажется вполне естественным и используется довольно широко. Думаю, именно поэтому мою статью перепечатали спустя много лет в сборнике работ, положивших начало новым подходам к истории химии, и продолжают цитировать до настоящего времени¹⁸.

Второе направление исследований возникло в сотрудничестве с Томасом Айзманом, социологом высшего образования из университета Макгилл. Оно состояло в изучении культурных и языковых факторов развития науки. Томас в свое время написал книгу о высшем техническом образовании в Индии¹⁹, но в этот раз мы решили воспользоваться местными условиями и провести социологический анализ влияния языка преподавания на научную деятельность в области технических наук в двух научных учреждениях Монреаля — Политехнической школе Монреальского университета и на инженерном факультете университета Макгилл. Нам помогала дирекция обоих вузов, и эта работа, опубликованная в ряде статей²⁰, вызвала интересные дебаты об условиях работы ученых, особенно во франкоязычной среде. Затем мы распространили нашу проблематику на научные сообщества в африканских странах, где рассматривали влияние местной культуры на научную деятельность²¹. Тема взаимодействия культуры, науки и религии продолжает интересовать меня до сих пор, и время от времени я возвращаюсь к ней в своих статьях и в процессе работы с аспирантами²².

В то же время, живя и работая в провинции Квебек, своего рода франкоязычном островке в англоязычном океане, я продолжал интересоваться ролью французского языка в потоках научной информации²³. Меня приглашали выступать перед научной общественностью и узкими группами специалистов, в частности представителями правительственных учреждений. Довелось даже сделать доклад на эту тему от имени квебекской делегации на международном симпозиуме — «Какой язык использовать в науке?» (*Quelle langue pour les sciences?*), где на огромном экране одного из парижских дворцов съездов вырисовывалась моя голова в ермолке, рассуждающая о языковой динамике в развитии науки.

Взаимодействие науки и культуры (в широком смысле этого слова) — одна из основных тем моих исследований. Отталкиваясь от опыта работы с монреальским материалом²⁴, я опубликовал ряд статей, в которых попытался обобщить некоторые наблюдения в этой области²⁵. К середине 1980-х гг. меня заинтересовало влияние культурно-религиозных факторов на роль евреев в современной науке, что сблизило профессиональную деятельность с моим личным интересом к иудаизму и еврейской истории. Поскольку на родине я никаких знаний о евреях и их духовном наследии не получил, вопрос о том, что такое еврей, меня заинтриговал после того, как по приезде в Канаду из моих документов исчезло всякое упоминание о «еврейской национальности».

История евреев и иудаизм

В течение нескольких лет я читал фундаментальные труды по истории еврейства и посещал лекции и семинары по этой теме в Монреале, Париже и Балтиморе. В результате мне стало ясно, что основу преемственности евреев в течение веков составляет определенное отношение к Торе и заповедям. Поскольку у меня какого-либо отношения к Торе и быть не могло, я нашел наставника в лице раввина Исроеля Хаусмана. Родом из США, он уже много лет как переселился с женой и детьми в Монреаль. Его спокойный, ненавязчивый подход к иудейской традиции и прекрасное знание источников многому меня научили. При этом я почувствовал, что приобретенные знания меня к чему-то обязывают. Если диплом химфака, на который я перевелся после второго курса восточного факультета, не обязывал меня заниматься химией, от которой я давно отошел, знание иудейских законов накладывало на меня некое моральное обязательство. Я медленно, как бы пробуя воду, начал соблюдать заповеди и законы о кошерной пище, воздерживаться от труда в субботу и более строго относиться к своим делам и словам. Процесс этот длился около года, и когда я женился, то наш дом мы решили с самого начала строить в рамках ортодоксального еврейства. Одновременно я занялся изучением языка Торы и современного иврита, и сегодня все домочадцы свободно владеют этими языками, могут справиться с классическими трудами раввинов прошлых поколений, а с гостями из Израиля у нас дома всегда говорят на их родном языке.

Я продолжал заниматься еврейской историей и как бы участвовать в ней, приняв на себя то, что традиционно называется «бременем Царства Небесного», или *оль малхут шамаим*. В дальнейшем я несколько раз использовал творческий отпуск в Иерусалиме для занятий Торой

в ешиве Двар Иерушалаим, а затем в Центре иудейских знаний Бет-Мораша. Именно там, в среде убежденных сионистов, в конце прошлого века я принял участие в семинаре об антисионистской иудейской мысли, благодаря которому спустя несколько лет написал на эту тему книгу²⁶, вызвавшую большой резонанс, чем мои работы по истории науки. Работу над ней я заканчивал буквально на ходу, во время велосипедного путешествия с детьми по Европе: не хотел отменять семейный отпуск, даже несмотря на то, что задерживался выпуск книги. Поэтому я выкраивал несколько часов в Констанце или Кракове и в то время, как дети осматривали достопримечательности, шел работать в библиотеку местного университета. Пока дети росли, я предпочитал больше времени уделять им, даже если это и замедляло рост списка моих публикаций.

Будучи близок к марокканской еврейской общине Монреаля, я вскоре написал статью о значении внеевропейских еврейских традиций для развития израильского общества и особенно для интеграции страны в регионе. Опубликовал я ее в газете *Джерузалем Пост*²⁷ и, когда приехал спустя несколько месяцев в Израиль в очередной творческий отпуск, обнаружил, что ее перевели на иврит и она стала как бы официальным документом общественного движения «Мизрах эль а-шалом», образованного арабскими евреями в начале 1980-х гг. С одним из организаторов этого движения — Шломо Эльбазом, выходцем из Марокко и сионистским активистом, у меня завязалась дружба, продолжавшаяся до самой его кончины.

Приобретя необходимую подготовку в области современной истории евреев, я получил грант от Израильской академии наук на изучение роли евреев в науке. Мне удалось проинтервьюировать десятки евреев-ученых в разных странах, доложить о результатах своей работы на конгрессе по иудаистике²⁸ и опубликовать на эту тему несколько научных статей²⁹. В сотрудничестве с профессором Айрой Робинсоном из университета Конкордия в Монреале я организовал международную конференцию по истории евреев в науке, материалы которой вышли отдельным томом и внесли свой вклад в понимание культурных факторов развития науки³⁰.

К тому времени как я завершил свою работу, степень присутствия евреев в науке уменьшилась (их место стали занимать выходцы из стран Азии), а тема эта не у всех вызвала понимание. Дело в том, что в нацистской Германии декларировалось разделение науки на «еврейскую» и «арийскую», и такой подход выдвигал даже один нобелевский лауреат по физике³¹. На этом фоне вопрос о влиянии еврейской культуры на науку воспринимается весьма двусмысленно, чего не происходит при

изучении влияния на науку протестантизма или ислама. Так, например, биолог Эфраим Кацир, бывший президент Израиля, не без сарказма спросил меня, не собираюсь ли я изучать влияние цвета глаз исследователя на его научную деятельность. Памятуя о судьбе науки при нацизме, он в то же время выразил распространенное среди ученых того времени мнение, согласно которому развитие науки следует в большей степени внутренней логике, оставаясь свободным от «внешних» факторов, таких как культура, религия и политика. Интересно, что бывший глава государства, которое считает себя еврейским, отрицал влияние еврейской культуры на профессиональную деятельность в своей области. Напротив, президент Израильской академии наук Эфраим Урбах, знаток Талмуда и еврейской традиции³², с которым мне не раз довелось обсуждать свои научные планы, считал, что иудейское мировосприятие не может не оказывать влияния на подход к изучению природных явлений.

Наукометрию в массы

В научной жизни встречаются довольно неожиданные и даже парадоксальные повороты. Идеи пересекают границы, приживаются на новом месте, а спустя много лет, когда они возвращаются в места своего зарождения, их уже воспринимают как иноземные. Примерно так произошло с науковедением. Вскоре после установления советской власти встал вопрос об управлении научной деятельностью России. В соответствии с учением Маркса—Ленина науку необходимо было подчинить классовым интересам пролетариата. В то же время, поскольку марксизм был признан научным учением, наука стала идеологической основой нового режима. Не случайно партийная газета большевиков называлась *Правда*. Преобразования общества преподносились не как свободный политический выбор, основанный на волеизъявлении большинства, а как практическое применение передового учения. Поэтому наука, несмотря на то, что среди ученых политические симпатии к большевикам были явлением довольно редким, заняла более важное место в планах нового правительства, чем того требовал тогдашний уровень экономического и культурного развития страны. К науке, следовательно, необходимо было подходить не только с классовых позиций, но и с государственной точки зрения. Для этого уже с начала двадцатых годов стали развиваться количественные методы изучения науки, которые потом получили название «наукометрия». В то же время в стране появился интерес к социальным факторам развития науки и рациональным основам научной политики, что нашло отражение в выступлениях советских ученых на

конгрессе историков науки в Лондоне в 1931 году и оказало сильное влияние на развитие науковедения на Западе.

В самом же СССР не только Бухарин, но и многие из его подопечных науковедов и историков науки вскоре были репрессированы. Вышло так, что у себя на родине эта интеллектуальная традиция, едва сложившись, была практически сразу же уничтожена, и идеи науковедения и наукометрии вернулись туда лишь в ходе хрущевской оттепели, когда на русский язык были переведены работы Дерек Прайса, а затем Томаса Куна³³ и ряда других западных ученых. Таким образом, науковедение и социология науки возникли в Советском Союзе под определенным влиянием западных источников, тем более что имена многих отечественных репрессированных ученых все еще нельзя было упоминать. Особенно активно развивалась в СССР наукометрия, в рамках которой подчас высказывались весьма крамольные мысли о советской науке и даже о советском обществе в целом³⁴.

Познакомившись с наукометрией еще в московской аспирантуре, я предложил посвятить этому методу аспирантский семинар в Монреале и вскоре уже преподавал дисциплину, которой дал название *scientométrie*, слегка переделав прижившийся уже в английском языке термин *scientometrics*. Этот семинар я преподавал более десяти лет, и в его рамках были подготовлены специалисты, которые работают в настоящее время как в области науковедения и научной политики, так и в области библиотечного дела и науки об информации. Иногда наукометрией злоупотребляют при оценке научной работы отдельных ученых, ибо научное начальство зачастую прельщает возможность свести сложный вопрос о качестве того или иного ученого к сравнительно простому подсчету научных статей и их коэффициента цитируемости. На мой взгляд, наукометрия полезна при оценке научных учреждений и коллективов, но не отдельных ученых, чей наукометрический профиль сам по себе ни о чем не говорит. Я использовал наукометрический подход в работах о науке в странах Третьего мира и даже организовал в Коста-Рике семинар по наукометрии для латиноамериканских специалистов по истории и социологии науки, на котором мне удалось собрать крупнейших ученых, в том числе Дерек Прайса. Впрочем, собрать их было не так уж трудно: ведь в феврале в Центральной Америке куда теплее, чем в Монреале или Нью-Хейвене.

В ходе семинара у меня установились тесные связи с рядом латиноамериканских ученых. Немало этому способствовало то, что, проведя по студенческому обмену целый учебный год (1966–1967) на Кубе, я свободно говорю по-испански. Впоследствии я не раз печатался на этом языке³⁵, читал лекции и делал доклады в Мексике, Колумбии и Арген-

тине, что позволило мне неплохо познакомиться с этими разнообразными и столь отличными друг от друга странами.

Вспоминается также лекция о взаимодействии культуры и науки в испанском университете Саламанки. Состоялась она в актовом зале имени Унамуно, философа, некогда возглавлявшего этот университет. Представляя меня публике, ректор Вильянуева, к моему некоторому удивлению, упомянул, что я еврей. Пишу об этом потому, что после десяти дней, проведенных в Испании, я понял, что многие испанцы гордятся своими еврейскими корнями. Меня на улице не раз спрашивали, не еврей ли я, причем этот вопрос не таил в себе никакого злого умысла.

Международные научные связи

Наукометрию мне удалось также использовать в своих исследованиях по истории международных научных связей, в том числе между советскими и западными учеными³⁶. Наукометрические показатели, а именно попытки установить конкретное влияние советско-американских обменов учеными на цитирование и совместное авторство научных статей, составили предмет не только статей³⁷, но и были использованы в моей уже упомянутой книге на эту тему³⁸.

В этой книге мне пришлось подвергнуть критике некоторых известных ученых, которые, не будучи политологами, считали советско-американские научные обмены прежде всего вкладом в укрепление дела мира, воздерживаясь при этом от оценки их собственно научных результатов. Впоследствии мне не раз доводилось встречаться с американскими учеными, посвятившими много усилий укреплению мира, и я неизменно восхищался их человеческими качествами, их самоотверженной защитой прав ученых в СССР и других странах, их пониманием роли ученого-гражданина. Как раз довольно поверхностное знание ими отношений между двумя сверхдержавами позволяло им добиваться неожиданно эффективных результатов. Это была славная и неповторимая эпоха американской науки.

Интерес к международным связям в науке у меня давний, моя жизнь в науке сложилась в значительной степени благодаря им. В своей диссертации я также не раз обращался к этой теме, в частности, когда говорил о вкладе российского академика В. Н. Ипатьева в американскую нефтехимию. Не зная английского, Ипатьев приехал в США в возрасте 62 лет и создал там целую научную школу, опубликовал большое число статей и получил патенты на изобретения. Много лет спустя мне довелось прикоснуться к хранившимся тогда в Чикаго личным вещам и документам

Ипатьева, к его паспорту и рукописи его воспоминаний. А в конце прошлого века меня попросили написать его краткую биографию, так что знакомство с этими материалами мне пригодились³⁹.

Нет ничего удивительно в том, что тема международных научных связей интересовала меня, ученого-эмигранта, многие годы. В частности, в рамках аспирантского семинара мы исследовали с помощью наукометрических и прочих методов эффект эмиграции на ориентацию научной деятельности ученых, влияние раздела СССР на науку в ставших независимыми республиках, а также роль бывших колониальных связей в научной жизни стран Африки и Азии. Эти работы подтвердили тот, казалось бы, парадоксальный факт, что наука обладает удивительной инерцией и что переориентировка ее как в государственных масштабах, так и в масштабах учреждений — дело весьма длительное. Более того, даже перевороты и революции влияют на ученых и научные организации куда меньше или, по крайней мере, куда медленнее, чем на другие виды творческой и профессиональной деятельности. Другими словами, создать Красную армию куда проще, чем создать красную науку.

Занимаясь сравнительным анализом науки в разных странах, я обнаружил некие транснациональные особенности научной деятельности, развивающейся при усиленной поддержке государства. Так, наука в Канаде, Франции и СССР проявляет свойства, которые я определил как «фундаментализация». Прикладные исследования приобретают все более фундаментальный характер, критерии оценки научной деятельности перемещаются из сферы эффективности внедрения новых технологий в область публикации в научных журналах и подготовки диссертаций⁴⁰. Эти соображения привлекли внимание специалистов по организации науки в ряде стран мира, куда меня впоследствии приглашали читать лекции и вести семинары.

Back to the USSR

Мой первый после эмиграции приезд в СССР был, как я уже говорил, связан с возрождением иудейского образования. Тогда я сразу позвонил своим друзьям и коллегам из Института истории естествознания, где и организовал первую в Москве лекцию раввина Штайнзальца. Вторая его лекция состоялась в Центре космических исследований, так что я сразу оказался в контакте с привычными для меня академическими кругами, в которых в конце 1980-х гг. царили необыкновенное возбуждение и подлинный энтузиазм. Все это, естественно, вызвало у меня интерес к судьбе советской науки в эпоху перестройки, которая явилась

весьма примечательным частным случаем влияния политики на науку. Эволюция советской и постсоветской науки составила предмет моих исследований, я провел по этой теме несколько семинаров, аспиранты защитили по ней диссертации, а я стал получать приглашения на консультации в ряд международных организаций. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. мне по несколько раз в году доводилось приезжать в Москву и Питер, а также посещать Ростов, Уфу, Киев и Таллин.

После очередной поездки в СССР в начале 1990 г. меня пригласили выступить перед комиссией по международным делам канадского парламента. Делясь своими впечатлениями, я заметил, что в стране полным ходом идет децентрализация власти и что нельзя исключить возможность выхода нескольких регионов из Советского Союза. После этого прогноза все вопросы мне задавались только по-французски. Парламентарии из провинции Квебек, где много лет стоит вопрос об отделении от Канады, с интересом расспрашивали о перспективах и возможном механизме отделения, о природе отношений союзных республик с центром и т. п. В то же время их коллеги из англоязычных провинций как воды в рот набрали: они и в мыслях не могли допустить, что страны могут разваливаться. Было ясно, что канадские парламентарии смотрели на положение в СССР сквозь призму знакомых им реалий. В этом проявилось известное гуманитариям правило, гласящее, что нет смысла добиваться объективности; честный ученый должен лишь отдавать себе полный отчет в своей субъективности.

Первой моей работой о науке в период перестройки была статья, в которой я постарался провести различия между свободой исследований и свободами политическими⁴¹. В частности, я напоминал, что в условиях почти полного отсутствия политических свобод свобода научного поиска может быть неограниченной (например, опыты над живыми людьми в нацистских концлагерях). И наоборот, обретение политических свобод совсем не подразумевает расцвет науки. Статья вызвала немало споров, ибо в ней высказывалось предположение, что введение в стране более демократического строя может ослабить интерес государства к развитию научной деятельности. К сожалению, именно так и произошло, хотя в то время это было совсем не очевидно: я основывал свое предположение на истории взаимоотношений науки, техники и государства в прошлые века, которой я посвятил несколько научных работ⁴². Впоследствии я снова обратился к этой теме в одном из сборников, изданных в России⁴³.

Изменения в научной жизни СССР и России стали предметом многолетнего сотрудничества, перешедшего в дружбу, со знакомой мне еще по аспирантуре профессором Еленой Мирской, известной своими работами

по социологии науки⁴⁴. Прежде всего мы обратились к вопросу об отношении к науке со стороны самих ученых и широкой общественности страны⁴⁵. Впоследствии, основываясь на результатах опросов, проведенных в постсоветской России, мы обнаружили ряд интересных сдвигов в поведении ученых, оставшихся работать в институтах Академии наук⁴⁶. Нам также довелось участвовать в обзоре состояния постсоветской науки в России, проведенном Организацией экономического развития и сотрудничества в Париже⁴⁷.

Помимо этой работы, посвященной современным событиям, я заинтересовался более общим вопросом о развитии науки в странах, которые зачастую называют тоталитарными. Мы занялись этой темой в историческом аспекте, когда уже перестал существовать советский строй и она потеряла неизбежную в таких случаях полемическую окраску. Вместе с Леной я принял участие в ряде конференций, в ходе которых обсуждались сравнительные аспекты развития науки в различных по уровню странах, что позволило нам глубже понять интересующие нас явления⁴⁸.

Одна из таких конференций проходила в Гаване в середине 1990-х гг. Советский Союз только недавно был ликвидирован, и мой доклад под названием «Наука после коммунизма»⁴⁹ вызвал немалый интерес со стороны кубинских ученых и руководителей научных учреждений. После лекции мы долго беседовали, то по-испански, то по-русски, невольно оставив тем самым без внимания американских ученых, организовавших эту конференцию в рамках поддержки научной деятельности в стране, на которую правительство США наложило эмбарго еще в начале 1960-х гг.

Судьба российской науки продолжает интересовать меня и сегодня. Еще в первые годы после упразднения советской власти, вместе с Андреем Фурсенко (в будущем — министром высшего образования России) я организовал международную конференцию по передаче передовых технологий в страны Восточной Европы, труды которой были потом изданы отдельной книгой⁵⁰. В то время мне довелось участвовать во многих конференциях, посвященных перспективам науки в бывших странах социализма, причем специалисты по истории советской науки, давно знакомые друг с другом по частым профессиональным встречам в Бостоне в 1980-х гг., предлагали бережно относиться к существующим научным традициям и учреждениям, радикально реформировать которые хотели бюрократы от науки.

Современная история евреев

Последние двадцать лет я преподаю курс современной истории евреев, который привлекает студентов разных профилей и самого разного происхождения. Один раз я взял своих студентов в Израиль, где в течение двух недель мы встречались с политиками, интеллектуалами, студентами и раввинами. До и после поездки я прочел им несколько лекций, так что студенты имели возможность хорошо со мной познакомиться. Когда по возвращении в Монреаль мы встретились для обсуждения их письменных работ, один из студентов набрался смелости и спросил: «А что вы на самом деле думаете об Израиле?» Мне этот вопрос показался ценным комплиментом моей преподавательской деятельности. Он подтвердил, что мое намерение представлять в своем курсе целый спектр мнений и суждений об Израиле, воздерживаясь при этом от навязывания собственного суждения, приносит свои плоды.

Мои работы по истории евреев вызвали также интерес у богословов и специалистов по научному изучению религии. Меня стали приглашать на соответствующие конференции, а известный Фонд Темпельтона выделил мне грант на подготовку курса об отношениях иудаизма и ислама с современной наукой. В начале 2010 г. я был на факультете теологии университета Стелленбош в Южной Африке, где, помимо проведения семинаров, принял участие в ряде конференций о взаимодействии религии и политики. Редакция богословского журнала, издаваемого Ватиканом, пригласила меня обратиться к теме взаимодействия науки и религии, что я и сделал, рассмотрев пагубное влияние сциентизма (то есть экстраполяции научного подхода на вненаучные сферы деятельности и сознания человека) на этику и мораль⁵¹. В качестве примера в статье использовалась история применения научных понятий и научных учреждений в разработке геноцида «неполноценных народов» властями нацистской Германии.

История евреев стала предметом не только уже упомянутой книги об иудейском сопротивлении сионизму, которая на сегодняшний день переведена с французского оригинала на более чем дюжину языков, но также и нескольких научных статей о различных аспектах сионистской идеологии и практики⁵². Возникший интерес к внешнеполитическим аспектам израильской действительности приблизил меня к давно интересовавшей области международных отношений, которые я рассматривал ранее в основном применительно к науке в СССР. Таким образом, я стал членом Центра изучения международных отношений при нашем университете⁵³, и меня стали часто приглашать печатные и электронные СМИ.

В свое время, в 1970–1980-х гг., я вел еженедельную передачу на волнах «Голоса Америки», а в настоящее время каждую неделю, даже во время своих нередких путешествий, веду передачу о событиях в Восточной Европе на одной из монреальских радиостанций.

За эти годы я опубликовал на пяти континентах несколько сотен газетных и журнальных статей, в основном на тему о международных отношениях. В этой работе я вижу свой профессиональный долг: как профессор университета я обязан объяснять то, в чем многие разбираться не могут и не хотят, в то время как у меня для этого созданы все условия.

В течение ряда лет я читал лекции на иудейские и израильские темы в синагогах и еврейских учреждениях Канады, выступал перед еврейскими аудиториями и в других странах мира. Я консультировал также ряд еврейских организаций, в частности Американский еврейский комитет, по вопросу о политике в отношении эмиграции советских и постсоветских евреев. В конце 1980-х гг. организовал поездку по еврейским историческим местам в СССР с заездом, помимо столичных городов, в Вильнюс, Воложин, Минск, Львов и Бельз. Затем Американский еврейский конгресс пригласил меня сопровождать в качестве научного консультанта группу туристов по историческим местам средиземноморского еврейства от Барселоны и Героны до Арля и Ниццы. Мне дороги воспоминания об этой поездке, и до сих пор я храню подарки и сувениры, полученные от организаторов моих выступлений на еврейские темы.

Еврейская просветительская работа отнимала у меня немало времени и усилий, но в то же время обогащала мои знания и вносила вклад в научную и педагогическую работу. Особенно вспоминается выступление в Иерусалиме перед съездом посланцев Джойнта в бывший СССР, занимавшихся там культурно-просветительной работой среди евреев. Из Джойнта позвонили в Иерусалимский центр по изучению государства и общества (JCPA, Jerusalem Center for Public Affairs) и попросили выделить докладчика. Поскольку в том году я был прикомандирован к этому центру, выбор пал на меня. Несмотря на то что представители Джойнта в постсоветском пространстве русскоязычны, а все переговоры с Джойнтом велись по-английски, меня попросили говорить на иврите: на лекции ожидалась какие-то большие начальники, которые по-русски не понимали. Мне предложили говорить о еврейском самосознании и его метаморфозах в современную эпоху. Вспоминая об этом выступлении, до сих пор радуюсь, что довелось поговорить со своими бывшими соотечественниками, да к тому же в Иерусалиме, о том, что означает быть евреем с точки зрения укorenившегося в Монреале ортодоксального еврея из Ленинграда.

В начале века мы с друзьями организовали в Монреале Дом еврейских знаний, где провели более тридцати лекций на русском языке по еврейской истории и иудаизму, познакомив приехавших из бывшего СССР людей с еврейскими общинами города, от марокканской до сатмарской, с ключевыми событиями и понятиями еврейской традиции. Работа это продолжалась около трех лет, и о ней до сих пор вспоминают в городе. Хотя организаторские наклонности у меня весьма ограничены, я почти сразу по приезде в Монреаль принял участие в создании так называемой русской программы при еврейском общинном центре и даже стал ее первым председателем. Интерес к еврейскому образованию жив во мне по-прежнему.

Единство в разнообразии

Мысленно возвращаясь к посвященным науке и преподаванию годам, различаю в их тематическом и методическом разнообразии некие общие черты: интерес к политологии и культурологии, поначалу — по отношению к науке, в частности к динамике взаимосвязей науки и техники, к государственной научной политике и к истории научной аппаратуры. Затем я расширил свои интересы на еврейскую историю и на отношения между религией и идеологией. Мне как-то всегда были подозрительны общепринятые истины: что научная аппаратура отвечает исключительно запросам ученого, что культура и язык ученого не оказывают влияния на его научную деятельность, что Иран грозит стереть Израиль с лица земли, что сионизм суть логическая кульминация еврейской истории.

Прочтя мою последнюю книгу, один читатель назвал меня в своем отзыве независимым ученым. Не знаю, заслужил ли я такую оценку, но действительно, кому нужен ученый, если он не осознает своей независимости? Этот вопрос не потерял для меня значимости и после отъезда из Советского Союза. Свобода и независимость — весьма хрупкие ценности, а ведь любой человек, в том числе ученый, подвержен соблазну самооцензуры и соглашательства. Свободное общество создает ученому благоприятные условия работы и оберегает его от цензуры со стороны государства и влиятельных деловых кругов. Именно эта защищенность обязывает его задавать необычные и даже неудобные вопросы, искать не принятые в обществе связи между явлениями и социальными группами, другими словами, думать, говорить и писать независимо. В этом я вижу свое назначение как преподаватель, ученый и гражданин.

¹ Автор выражает благодарность Александру Кушниру и Вадиму Менжулину за помощь при подготовке статьи.

² *Price Derek de Solla*. Little Science, Big Science. New York: Columbia University Press, 1963.

³ *Limoges Camille*. La sélection naturelle; étude sur la première constitution d'un concept (1837–1859). Paris: Presses Universitaire de France, 1970.

⁴ *Schroeder-Gudehus Brigitte*. Les Scientifiques et la paix. Montréal: Presses de l'Université de Montréal, 1980.

⁵ *Salomon Jean-Jacques*. Science et politique. Paris; Seuil, 1970.

⁶ *Salomon-Bayet Claire*. L'institution de la science et l'expérience du vivant: méthode et expérience à l'Académie royale des sciences, 1666–1793. Paris: Flammarion, 1978.

⁷ *Rashed Roshdie*. Entre Arithmétique et Algèbre. Recherches sur l'Histoire des Mathématiques Arabes. Collection «Sciences et philosophie arabes — Études et reprises». Paris: Les Belles Lettres, 1984.

⁸ *Рабкин Я. М.* История химии нефти в США. Автореф. канд. дис. М.: ИИЕТ, 1972.

⁹ *Gitelman Zvi*. Jewish Nationality and Soviet Politics; the Jewish Sections of the CPSU, 1917–1930. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1972.

¹⁰ *Rabkin Yakov M.* Origines et développements de la recherche sur la recherche en Union soviétique // Le Progrès scientifique. 1974. № 170 (May-June). P. 39–51.

¹¹ *Rabkin Yakov M.* Naukovedenie: the Study of Scientific Research in the Soviet Union // Minerva. 1976. № 14 (1). P. 61–78; *Rabkin Yakov M.* Trends and Forces in the Soviet History of Chemistry // Isis. 1976. № 67 (237). P. 257–273.

¹² *Stein Ben*. In Class Warfare, Guess Which Class Is Winning // New York Times. 2006. 26 November. URL: <http://www.nytimes.com/2006/11/26/business/yourmoney/26every.html>

¹³ *Гессен Б. М.* Социально-экономические корни механики Ньютона. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1933; *Graham Loren R.* The Socio-Political Roots of Boris Hessen: Soviet Marxism and the History of Science // Social Studies of Science. Nov. 1985. Vol. 15. № 4. P. 705–722; *Грэхэм Л.* Социально-политический контекст доклада Б. М. Гессена о Ньюtone // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. № 2. С. 20–31.

¹⁴ *Merton Robert K.* Science, Technology & Society in Seventeenth Century England. New York: H. Fertig, 1970.

¹⁵ *Merton R. K.* The Normative Structure of Science // Merton Robert King. The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations. Chicago: University of Chicago Press, 1973.

¹⁶ *Zuckerman H.* Scientific Elite: Nobel Laureates in the United States. New York: The Free Press, 1977.

¹⁷ *Rabkin Yakov M.* Science Between the Superpowers. New York: Priority Press, 1988.

¹⁸ *Rabkin Yakov M.* Impact of Technology on Science: Infra-Red Spectroscopy in Chemistry // *Isis*. 1987. N° 78(291). P. 31–54; Перепечатано в: *From Classical to Modern Chemistry: the Instrumental Revolution* / Ed. Morris Peter J. T. London: Royal Society of Chemistry, 2002.

¹⁹ *Eisemon Thomas O.* U. S. Educated Engineering Faculty in India. Bombay: Tata Institute for Social Sciences, 1974.

²⁰ *Eisemon Thomas O., Rabkin Yakov M.* Research as a Source of Differentiation in Academic Life // *Canadian Journal of Education*. 1981. N° 6 (2). P. 117–131; *Rabkin Yakov M., Eisemon Thomas O.* Multiple Professional Roles of the Academic // *Comparative Perspectives on the Academic Profession*. New York: Praeger, 1978. P. 114–124; *Rabkin Yakov M., Eisemon Thomas O.* Spécificités nationales de la science et de la technologie // *Recherches sociographiques*. 1979. N° XX (1). P. 87–101.

²¹ *Rabkin Yakov M. et al.* Citation Visibility of Africa's Science // *Social Studies of Science*. 1979. N° 9 (4). P. 499–506.

²² *Rabkin Yakov M.* Conceptual Issues in the History of Science in Non-Western Societies // *Transfer of Modern Science & Technology to the Muslim World*, Istanbul: IRCICA, Organization of the Islamic Conference, 1992. P. 59–66; *Rabkin Yakov M. et al.* Judaïsme et islam face aux défis technologiques // *Possibles*. Montréal, 26, 3, May 2002. P. 83–94.

²³ *Rabkin Yakov M.* La science au Québec: une revendication pas comme les autres // *La Recherche*. 1980. N°114, Septembre. P. 1104–1006; *Rabkin Yakov M.* Quelques aspects scientométriques de la documentation scientifique // *Argus* 9(5). 1980. P. 165–168.

²⁴ *Rabkin Yakov M., Lévi-Lloyd A.* Technology and Two Cultures: A Hundred Years of Engineering Education in Montreal. *Minerva* 22 (4) 1984. P. 67–95.

²⁵ *Rabkin Yakov M.* On the Emergence of Scientific Cultures // *Social Science Information*. 1986. N° 25(4). P. 967–988.

²⁶ *Rabkin Yakov M.* Au nom de la Torah: une histoire de l'opposition juive au sionisme. Québec: Presses de l'Université Laval, 2004; *A Threat From Within: A Century of Jewish Opposition to Zionism*. London: Zedbooks; New York: Palgrave-Macmillan, 2006; *Рабкин Я. М.* Еврей против еврея. Иудейское сопротивление сионизму. М.: Текст, 2009.

²⁷ *Rabkin Yakov M.* Split Identity // *Jerusalem Post*. 1983. September 30.

²⁸ *Rabkin Yakov M.* Les juifs dans les sciences européennes modernes: France, 1830–1930 // *Proceedings of the Ninth World Congress of Jewish Studies*. B (III). Jerusalem: WUJS, 1986. P. 97–104.

²⁹ *Rabkin Yakov M.* American Jews and Physical Sciences // *Encyclopedia of American Jewish History*. ABC-Clío: Santa Barbara, CA, 2007. P. 739–774; *Rabkin Yakov M.* Interface multiple. *Scienza contemporanea ed esperienza ebraica* // *Cultura ebraica e cultura scientifica*. Roma: Editori Riuniti, 1994. P. 3–27.

³⁰ *Rabkin Yakov M. & Robinson I., eds.* Interaction of Scientific and Jewish Cultures in Modern Times. New York: Edwin Mellen Press, 1995.

³¹ *Stark Johanne, Müller Wilhelm.* *Judische und deutsche Physik*. Leipzig: Heling, 1941.

³² Урбах Э. Э. Мудрецы Талмуда, их взгляды и мнения. Иерусалим: Библиотека Алия, 1989.

³³ Кун Томас К. Структура научных революций / Пер. с англ. И. З. Налетова. URL: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/kunts01/index.htm>

³⁴ Налимов В. В., Мульченко З. М. Наукометрия. Изучение науки как информационного процесса. М.: Наука, 1969.

³⁵ *Rabkin Yakov M.* Formación de profesionales en política científica // Ciencia y Desarrollo. 1985. № 61 (XI). P. 73–82; *Rabkin Yakov M.* Tendencias Recientes de la Cienciametria // Ciencia y Desarrollo. 1984. № 57 (X). P. 89–96.

³⁶ *Rabkin Yakov M., Inhaber Herbert.* Science on the Periphery: A Citation Study of Three Less Developed Countries // Scientometrics. 1979. № 1(3). P. 261–274; *Rabkin Yakov M.* Measuring Science in the Soviet Union: Uses and Expectations // Survey. 1976. № 22 (2). P. 69–80.

³⁷ *Rabkin Yakov M., Laffitte J.-J.* A Scientometric Post-Mortem of Soviet-American Exchanges // Science and Public Policy. 1982. № 2. P. 6–11; *Rabkin Yakov M., Berse-neff-Ferry O.* Du bon usage de la coopération scientifique est-ouest // La Recherche. 1982. № 137(13). P. 1220–1222.

³⁸ *Rabkin Yakov M.* Science between the Superpowers. New York: Priority Press, 1988.

³⁹ *Rabkin Yakov M. V. N. Ipatieff* // American National Biography. Oxford University Press, 1995.

⁴⁰ *Rabkin Yakov M.* Transnational Invariables in Science Policy // Canadian Public Administration. 1981. May. P. 18–43.

⁴¹ *Rabkin Yakov M.* Scientific and Political Freedoms // Technology in Society (Special Issue on the Soviet Union). 1991. Vol. 13. P. 53–68.

⁴² *Rabkin Yakov M.* Sciences en Russie: entre ciel et terre // L'Europe des sciences: constitution d'un espace scientifique. Paris: Seuil, 2001. P. 215–262; *Rabkin Yakov M.* Cultures of Technological Innovation in Russia / C. Corsi, ed. // Science and Innovation as Strategic Tools for Industrial and Economic Growth. Dordrecht: Kluwer, 1996. P. 35–50.

⁴³ *Рабкин Яков М.* Политические ограничения в науке // Проблемы деятельности учёного / Под ред. Кугеля С. Я. СПб.: Наука, 1999. С. 132–141.

⁴⁴ *Мирская Е. З.* Социальная динамика современной науки. М.: Наука, 1995 (в соавт.); *Мирская Е. З.* Ученый и современная наука. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1971.

⁴⁵ *Rabkin Yakov M., Mirskaya E. Z.* Les cultures scientifiques post-soviétiques // Alliances, Nice, 16–17, 1993. P. 134–140.

⁴⁶ *Rabkin Yakov M., Mirskaya E. Z.* Russian academic scientists in the first post-Soviet decade: empirical study // Science and Public Policy. Vol. 31, Number 1, February 2004. P. 2–14.

⁴⁷ Science, Technology and Innovation Policies: Federation of Russia. Paris: OECD, 1994.

⁴⁸ *Rabkin Yakov M., Mirskaya Elena Z.* Science and totalitarianism: Lessons for the twenty-first century / Mark Walker, ed. // Science and Ideology. London; New York: Routledge, 2003. P. 17–34.

⁴⁹ *Rabkin Yakov M.* Science after Communism // Transforming Science and Technology Systems — the Endless Transition. Amsterdam: IOS Press, 1998. P. 339–345.

⁵⁰ *Rabkin Yakov M., ed.* Diffusion of New Technologies in Post-Communist World. Dordrecht: Kluwer, 1997.

⁵¹ *Rabkin Yakov M.* Etica fondata sulla scienza: un fenomeno occidentale // *Nuntium* 35–36. 2008. P. 187–191.

⁵² *Rabkin Yakov M.* Israel: Challenges to Legitimacy and Prospects for Peace // *Chuo Koron*. September 2010. P. 142–149 (in Japanese); *Rabkin Yakov M.* Nakba in Narratives about Zionism // *Kyoto Bulletin of Islamic Area Studies*. 2009. 3. 1 July. P. 21–36; *Rabkin Yakov M.* The Use of Force in Jewish Tradition and Zionist Practice. Tikkun, Oakland, CA, Summer 2006.

⁵³ www.cerium.ca

ВОЕННОЕ ДЕЛО

Восхождение

Валерий Базаров (Нью-Йорк)¹

Алия в еврейской традиции — это духовное восхождение и моральное возвышение, которое человек переживает, переселяясь на землю Израиля. Славик Зильберман не переселился в Израиль, он до конца оставался американским летчиком, патриотом Америки. Но мне кажется, что я имею право назвать именно так рассказ о его жизни. Впрочем, судите сами.

Из письма Анны Соколовой, матери Мирослава Зильбермана, лейтенанта Венно-морского флота США:

Двадцатого февраля — самый счастливый день моей жизни! Ты родился, мой дорогой сын. Мы отмечали этот день всей семьей в Киеве, на Украине. Ты всегда был в центре нашей жизни, наших планов. Все семейные события были связаны с тобой...

Они все жили в Киеве, замечательно красивом городе с богатейшей, уходящей в глубокую древность историей. Город, в котором всегда звучала еврейская речь. Город, в котором жил Шолом-Алейхем. Город, который видел позор процесса Бейлиса. Город, который был свидетелем ужасов Бабьего Яра. Но это все было давно, и какой советский еврей считал себя настоящим евреем? Что мы знали о себе? Тем более, что в семье Соколовых евреями были не все. Они были самыми обыкновенными людьми из породы советских интеллигентов. Не диссиденты, но и не совковые патриоты, хотя могли бы, поскольку отец Анны, Григорий Герасимович Соколов, работал освобожденным секретарем партийной организации на предприятии оборонной промышленности. На эту работу пошел, когда, перестав летать, вышел в отставку. А был он военным летчиком, отвоевавшим две войны — финскую и Вторую мировую. Еще до войны встретил в доме офицеров красивую девушку по имени Ольга. Как говорится, любовь вспыхнула с первого взгляда. У жены Григория был только один недостаток, на который обратили внимание сослуживцы летчика, — она была еврейка. Не преминули заметить: «Что ж ты, Григорий,

*Лейтенант ВМС США
М. Зильберман, 2009*

делаешь? Карьеру загубишь...» На что он отвечал: «А что они мне, летчику-истребителю, сделают? Штаны против пошлют?»

И точно. Рисковать своей жизнью ему никто не мешал. Дважды он горел в самолете, не раз был ранен. Другой профессии не приобрел и, когда предложили ему идти в секретари, не отказался. Работа в партийных органах дала ему возможность поближе познакомиться с «совестью нашей эпохи», и, надо сказать, уважения к руководителям страны это знакомство не прибавило. Но — работал... ведь, как мы отметили, диссидентами Соколовы не были и считали, что, не делая подлостей, к жизни надо приспосабливать-

ся, раз изменить ничего нельзя. Было у них две дочери, Анна — старшая и Элла — младшая. Старшая стала биохимиком, много лет проработала в киевском Институте гигиены питания. Защитила диссертацию, писала статьи в научные журналы. Вышла замуж за хорошего человека, Бориса Зильбермана, инженера-строителя по профессии и еврея по национальности. И отец не возражал, не стучал кулаком по столу, не кричал, что, мол, достаточно одной его жены с пятой графой. Бориса приняли в семью как родного, он и был родным! Вот только фамилию Анна сохранила девичью — Соколова. Что ж, с волками жить...

И вот рождается сын — Мирослав! Тот самый, единственный, ставший центром, вокруг которого вращались Анна с Борисом да бабушка с бабушкой. Но в этом же году происходит еще одно событие — младшая сестра Анны, Элла, уезжает с семьей в Америку.

И тут глава семьи проявил мудрость — благословил дочку боевой летчик и прибавил:

— Правильно делаете. Уносите ноги отсюда.

И поплатился. Как-то вечером к ним в квартиру постучались. На вопрос, кто, ответили, что из домоуправления. Ничего не подозревая, Григорий Герасимович открыл дверь. Трое молодых людей в штатском вошли в квартиру и зверски, до полусмерти избили обоих стариков. Две недели пролежали они в больнице, и еще долго были видны кровоподтеки на лицах. В душе шрамы остались навсегда. Нападавших, естественно, не нашли.

А Мирослав, Слава Соколов, ничего не зная о событиях, сопровождавших его появление на свет, рос, купаясь в любви родителей, деда и бабушки.

С детства был очень самостоятельным и не очень послушным. Ему говорили — сделай так, он делал по-своему. Не терпел приказов, озорничал, но не хулиганил. Жили они в прекрасном районе на бульваре Леси Украинки, неподалеку от Ботанического сада, раскинувшегося на берегу Днепра, и Славик часто бегал с друзьями по его дорожкам. Особенно нравился ему удивительный сад, где росли сотни разных сортов сирени, и цветущие гроздья весной радовали душу нежным ароматом. Чувство красоты было у Славика врожденным, но, как и все дети, он не задумывался особенно над сложными материями, а предпочитал играть со сверстниками в военные игры. В семье его называли Вождь Краснокожих. Однажды пришел домой весь в крови, но с улыбкой до ушей. Оказывалось, играли в войну, и кто-то случайно провел проволокой по шее. Повезли в больницу, но, слава Богу, все обошлось...

Однажды Славик, раскачиваясь на турнике, который родители установили для него в квартире, упал и выбил себе два зуба, но не плакал.

Любил музыку, занимался в музыкальной школе. Учителя говорили, что ему предстоит большое будущее, растет великий артист — учите, учите, учите. Начал рисовать, и учителя говорили родителям: у вас растет будущий художник.

Между тем страна, в которой они жили, начинала меняться. Косметическая перестройка экономики особого успеха не приносила, а вот давление Америки позволило многим евреям, наконец, выбраться из СССР. Более того, иметь родственников за рубежом (а их становилось все больше) уже не считалось преступлением, и люди начали ездить в гости в Америку. Поехала и Анна со Славиком, которому тогда исполнилось десять лет.

Они гостили у Эллы, его тетки, которая уже прекрасно адаптировалась в новой стране. Славу повезли в Дисней-парк во Флориде, откуда он просто не хотел уезжать.

Понадобилось еще два года и развал Союза, но, наконец, в мае 1991 г. семья Соколовых-Зильберманов приехала в Коламбус, в штате Огайо.

Слава пошел в школу, в шестой класс.

Из рассказа одноклассника и школьного друга Славы, Карла Бейкера:

Слава появился на школьном дворе в безрукавке с Микки-Маусом на груди, и мы сразу поняли, что он понятия не имеет о том, что считается

престижным у американских подростков. По-английски он тоже не говорил, так что было смешно, когда весь класс учил его произносить все английские матерные слова...

Да уж, Микки Маус в Киеве был бы большим шиком, но здесь... Кто из нас не слышал историй, как смеялись над нашими детьми в американских школах? Многие с трудом переживали обиды, нанесенные в самом чувствительном возрасте. И конечно, было весело учить новичка английским ругательствам. Но Слава не злился и не обижался, когда его поддразнивали. Он и сам подсмеивался над собой и умел показать, что посмеяться над собой — совсем неплохо. И скоро насмешники от него отстали. И очень быстро, гораздо быстрее, чем другие, Слава стал своим и по одежде, и по языку. И не просто своим, а стал лидером, не прибегая ни к силе, ни к угрозам. К нему тянулись сверстники, инстинктивно распознав вожака. Уже тогда Слава умел мгновенно оценивать обстановку и принимать оптимальное решение. В карман за словом он лазить не привык. Вот что рассказывает о своей первой встрече со Славой учительница, ставшая его наставницей и другом на много лет.

Из рассказа Мэрилин Рофски:

Я преподавала английский в классе для новых иммигрантов, и пока его мама занималась языком, Слава учился приемам борьбы Таквандо. Захотев пить после многочисленных прыжков и выпадов, Слава влетел в мой класс и громко по-русски потребовал у матери 50 центов на соду. Я спросила этого самоуверенного мальчишку, почему он позволяет себе прерывать урок, а не ждет перерыва. В ответ Слава, просияв улыбкой, от которой зажглись озорными искорками его глаза, заявил, что он хочет пить сейчас, а не потом...

Учился он ровно, без напряжения, но четко делил предметы на «полезные» и «не полезные». Над английским, математикой, химией он работал, закатав рукава, а вот для, скажем, истории, он их несколько приспускал, выполняя задания в последнюю минуту.

Давайте на время отвлечемся от Славиных школьных дел, которые шли неплохо, и посмотрим, как шло привыкание к новой жизни у родителей. Ведь начинать жизнь сначала взрослым значительно труднее, чем детям.

Как уже упоминалось, Анна и Борис были из породы настоящих советских интеллигентов. Я подчеркиваю — советских в самом уважительном смысле, поскольку именно в них, наряду с общей культурой и обра-

зованностью, был заложен стальной стержень независимости и умения не ждать тарелочки с золотой каемочкой, а всего добиваться своим трудом и умением учиться новому.

Анна после ускоренного курса английского пошла в университет в Колумбусе и показала восемь своих статей, переведенных на английский и напечатанных в американских научных журналах. После этого она попросила работу — бесплатную. Ее взяли (почему бы нет?), а через полгода дали постоянную, оплачиваемую. Но через пять лет кончились гранты и с ними работа. Ей говорили — иди продавай мебель. Почему мебель, неизвестно. Но Анна не захотела продавать мебель, а закончила курсы продавцов недвижимости. Получила лицензию и вот уже пятнадцать лет работает в этой области, достигнув весьма солидных успехов. За это время она стала членом Президентского клуба за лучшие достижения в продаже недвижимости и других весьма престижных ассоциаций, связанных с продажей домов.

Борис, не найдя работы по специальности, перестроился и уже двадцать лет работает в американской компании, где пользуется уважением своих коллег.

Но вернемся к Славе.

У него были друзья, с которыми он любил пошататься по городу или посидеть в парке с гитарой. Один из них вспоминает, как быстро Слава достигал успеха во всем, чем начинал заниматься.

Из рассказа Карла Бейкера:

Это было в классе 9-м. Его любимой группой в это время были «Разбитые Тыквы». Так вот, он научился играть их песни и даже подражать шумовым эффектам, тогда как мы застряли где-то на начальном этапе. То же самое было с бильярдом. Мы ходили в университетский центр, где стояли столы. Поначалу мазал он невероятно, как и все мы. Потом дело пошло, но очень скоро соревнования прекратились — играть стало неинтересно, так как заранее было известно, кто окажется победителем.

Успешная учеба оставляла время на общение с друзьями, на спорт. Все, за что он брался, ему удавалось. Он, как и все, занимался легкой атлетикой, но постоянно пробовал себя в совершенно неожиданных видах спорта, например — борьбе. И везде добивался успеха. Начал заниматься борьбой — получил медаль, теннисом — играл на равных с мастерами. А кроме того, был баскетбол и, конечно, гольф — ведь он же американец! Зимой — лыжи и сноубординг. Непонятно, когда он все успевал. Впрочем, «когда» в его словаре отсутствовало, там было только — «сейчас».

Как будто он знал, что мало ему отведено времени на этой земле, и он торопился успеть как можно больше.

Иногда он приводил друзей домой и был недоволен, когда мама по русско-еврейскому обычаю старалась их всех накормить. Ему казалось, что она как бы навязывает его друзьям свое гостеприимство. Он и не подозревал, что дети были счастливы отведать домашнюю пищу, ведь в большинстве американских семей дома не готовят.

В Америке Слава оставался независимым и целенаправленным. Он не витал в облаках, хотя с годами именно это стало его профессией. Здесь родители мало что могли сделать для его учебы, но Мэрилин Рофски, которая обучала Анну английскому, взялась помочь мальчику и с занятиями, и с общей адаптацией к новой жизни. Тем не менее Анна, которая считала, что в Америке люди должны полагаться на себя, вместе с сыном взялась за доставку газет по утрам, хотя уже работала в университете. Славик был не очень доволен, но послушно вставал чуть свет и разносил газеты. Зато, когда он стал развозить пиццу, были против родители. Но Славик все делал по-своему. На чаевые ведь можно было купить разную электронику. Ему хотели устроить бар-мицву, но он отказался — это казалось ему неудобным. Он стеснялся. Зато, ничего не сказав родителям, записался в Jewish Family Service на поездку в Израиль, а в 16 лет, тоже не сказав родителям, пошел к раввину, и тот устроил ему обрезание. Он стал осознавать себя евреем. В Киеве он был Соколов, Мирослав Соколов, а в Америке стал носить фамилию отца — Зильберман. Забегая вперед, скажем, что своих детей он назвал библейскими именами Даниел и Сарра и был страшно горд, что пятилетний Даниел читает молитвы на иврите лучше, чем он.

В 1997 г., по окончании школы, его принял университет Огайо. Но у Славика были свои планы на образование и карьеру. В восемнадцать лет он сам себе был и штурманом, и капитаном, прокладывая курс своей жизни. Но четкого направления у него еще нет, и начинается пора исканий. Он решает идти в Военно-морской флот и подписывает контракт. Родители боялись за сына, но сделать ничего не могли. Почему-то он хотел получить специальность электрика. Его направляют в Чикаго, на курсы, где он быстро понял, что это занятие не по нему. Тогда решил уйти с военной службы, но контракт был уже подписан... Однако Слава находит законные методы для его расторжения и начинает собирать подписи высшего офицерства, необходимые для принятия нужного ему решения. Наконец, почти все автографы собраны!

Слава звонит домой:

— Мама, осталась последняя подпись адмирала N, и я свободен. Все знают, что он подписывает эти документы не глядя. Скорее всего, его

адъютант вынесет мне готовую бумагу. Я возвращаюсь в университет Огайо.

Отец и мать были счастливы. Но недолго...

На следующий день Слава позвонил опять. С радостью в голосе он объявил:

— Я остаюсь. Адмирал говорил со мной полтора часа, и — я поступаю в Военно-морскую академию! Вы представляете? В Академию! Сколько человек мечтают об этом, а я — поступаю.

Родители не были особенно довольны таким поворотом событий, но главное — их сын был доволен.

А пока, до начала учебного года, Славу отправляют в тренировочный лагерь, «буткэмп».

Не стоит подробно останавливаться на том, что пришлось испытать юноше из интеллигентной семьи в лагере — Славе было там особенно трудно. Но он выдержал. И не из-за контракта, а потому что должен был выдержать, а чувство долга у Славы было развито необычайно. Он был еще юноша и, конечно, не всегда совершал обдуманные шаги. Окончив занятия в тренировочном лагере и перед отправкой в Академию, Слава женился на Катерине, которую любил еще со школы. Слава не знал, что, выполняя одну мечту, он разрушил другую — с удивлением, близким к шоку, он узнал, что в Академию принимают только холостяков.

Это был серьезный удар, но и здесь Слава не потерял веру в себя. Ведь он еще оставался в программе, оплачиваемой военно-морским ведомством, и, следовательно, мог выбирать любое учебное заведение. Слава выбрал Реннселар, самый престижный политехнический институт. Он окончил его за три года вместо четырех по специальности компьютерной технологии и успел не только получить диплом, но и научился летать. Вот как это произошло. После окончания института ему предстояло восемь лет отслужить во флоте. Его могли направить на корабль в соответствии с полученной специальностью, но Слава решает стать военно-морским летчиком. Конкурс на эту должность был огромный, и предпочтение отдавали тем, кто умел летать. Решение было принято, оставалось его выполнить. И к моменту окончания института Слава успешно сдал экзамен, необходимый для получения лицензии летчика-любителя.

Из письма Анны Соколовой:

Помнишь, как мы отмечали твой день рождения, когда ты получил Golden Wings (Золотые крылья) и стал авиатором? Я приезжала к тебе, когда ты уходил в море, приезжала ежегодно на офицерские балы и радовалась, смотря на тебя и твою красавицу-жену Катерину. В этот счастливый месяц февраль — день рождения твоего старшего сына Даниела, Сарры

и, наконец, твой. В прошлом году, в этот февральский день, ты был на авианосце «Дуайт Эйзенхауэр», и я послала тебе посылку с орехами и шоколадом — все, что ты любил и что немедленно разделил со своими друзьями-пилотами...

Да, Слава достиг очередной цели — он становится пилотом военно-морского флота. Пилотом, как его дед. Лейтенант Мирослав, или, как его называли друзья по эскадрилье, Стив Зильберман, становится летчиком-асом.

Он летал на самолетах раннего предупреждения «Хоукай» («Соколиный Глаз»). Экипажи этих самолетов, находясь в районе боевых действий на высоте свыше семи километров, предупреждают военные корабли и истребительную авиацию о приближении самолетов противника, их количестве и позиции; кроме того, они собирают разведывательные данные, проводят корректировку огня, участвуют в спасательных операциях и увеличивают радиус дальней связи. На самолетах этого типа установлены два мощных турбовинтовых двигателя, приводящие в движение два восьмилопастных пропеллера, расположенных на крыльях по обе стороны от фюзеляжа. Положение лопастей может меняться, что позволяет усиливать или ослаблять тягу. Позади кабины возвышается характерный купол радара, придающий самолету несколько футуристический вид. За один полный поворот радарной антенны просматривается пространство объемом в шесть миллионов кубических миль, а воздушную цель можно обнаружить на расстоянии 550 километров. Я не перечислил и сотой доли технических устройств этой сверхсовременной военной машины, но и этого достаточно, чтобы понять, насколько сложно научиться ею управлять. В искусстве управления самолетом Славик достиг совершенства. Но это еще не все. Он овладел мастерством сигнального офицера, в обязанности которого входит координация посадки самолетов на палубу авианосца — невероятно ответственная работа. Мало того, он учил этой профессии других офицеров. В этом был весь Славик: сначала стань лучшим сам, потом научи быть лучшими других... Он всегда жил по принципу, который высказал другой летчик, скорее всего, неизвестный Славиду, — Валерий Чкалов: «Если быть, то быть первым». Сам Слава никому не завидовал, что было понятным — ведь он был лучшим, но и другие не завидовали его превосходству, находя его совершенно естественным. Он был солнцем, вокруг которого, не суетясь и не жалуясь, кружили друзья и сослуживцы, купаясь в тепле и свете, исходящем от центрального светила. Впрочем, нет. Были еще две звездочки, в присутствии которых Славик немедленно переходил на подчиненную роль, — его дети, Сарра и Даниел. К их дням рождения (а они родились, как и он, в феврале, Даниел в 2006 г., а Сарра — в 2008-м) папа

записывал себя на видео, чтобы доставить малышам удовольствие — пел, прыгал и кружился перед камерой, веселя своих товарищей. «Я знаю, что выгляжу идиотом, но знали бы вы, как радуются мои детки, когда они смотрят запись!» И это было главное. Семья, дети были основой жизни Славика, вернее, его личной жизни. Но была еще и другая жизнь, другой мир, где все было иначе.

Это был мир полетов, непрерывных тренировок и учебы. Это был мир, в котором одна ошибка, маленький недосмотр, секундная растерянность могли стоить многих жизней. И здесь его способность понимать, впитывать в себя новую информацию, запоминать последовательность операций и повторять их до тех пор, пока они не становились такими же естественными как дыхание, вызывала всеобщее восхищение. Есть два типа менторов. Одни выговаривают своим подопечным: плохо стараешься, а другие ободряют: хорошо, но можешь еще лучше... В первом случае требовательность вызывает раздражение, а во втором, если еще слова сопровождаются широкой улыбкой, о которой говорят все, кто знал Славу, подчиненные стараются изо всех сил заслужить похвалу. Причем все знали, что Слава от себя требует гораздо больше, чем от других.

Но все это отнюдь не значит, что в этом суровом мире опасных полетов и утомительных тренировок не было места веселью и развлечениям. Разве можно представить себе молодых парней, бесстрашных и умных, влюбленных в свою опасную работу, без шуток и озорных проделок? Разве вписался бы Слава Зильберман в подобный монастырь?

Конечно же, нет.

Из рассказа Джереми Арнотта, второго пилота:

Каждые пару месяцев все летное подразделение авианосца собиралось вместе на вечер отдыха и развлечений. Славиным коньком было создание пародийных видеофильмов, которые вызывали хохот всего экипажа. Например, в одном из его фильмов был показан поход в туалет во время полета на боевом самолете. В другом — посадка самолета задом наперед на палубу авианосца; в третьем, самом смешном, был показан оператор радара, который во время полета увлеченно играл в видеоигры, а два пилота, сидевшие впереди в рубке, вели самолет, думая, что выполняют боевое задание.

Славу не просто уважали, его любили все, кто имел счастье прикоснуться к его жизни. Его друзья в письмах, не сговариваясь, упоминают, что в комнате становилось светлее, когда он входил, сияя своей, как они говорили, «лучезарной улыбкой». Сразу возникала атмосфера непринужденности, он снимал напряжение, которым полна жизнь военных летчиков.

А Славик, летая, тренируясь или развлекаясь, уже задумывался о будущей жизни после окончания контракта. Он решил окончить меди-

цинскую школу и стать врачом, не покидая флота. Среди полетных и тренировочных будней он находил время читать учебники по химии, не стесняясь прибегать к помощи друга, который хорошо знал этот предмет.

Из письма Анны Соколовой:

Я была так счастлива, когда ты связался со мной из Дубаи по скайпу 16 марта 2010 года. Я никому не давала подходить к монитору, смотрела на тебя с огромной любовью, не пропуская ни одной минуты...

Это была наша последняя встреча.

31 марта позвонила Катерина и с дрожью в голосе сказала, что самолет разбился в Аравийском море, когда ты возвращался с задания, и тебя не могут найти. Папы не было дома, и я бегала по комнатам, повторяя, что этого не может быть, взывала к Богу, умоляла вернуть моего сына, моего единственного ребенка, умоляла не забирать его к себе...

Утро началось, как обычно. Накануне вечером 30 марта Слава провел несколько часов в каюте лейтенанта Эда Пойнтон. Молодые офицеры развлекались видеоиграми и обсуждали планы на будущее, так как оба должны были вернуться на базу в Норфолк всего через две недели.

Утром четверо членов экипажа встретились за завтраком. Задача, поставленная перед экипажем «Соколиного Глаза», была стандартной: обеспечить прикрытие наземных войск коалиции, ведущих боевые действия в Афганистане. Авианосец «Дуайт Эйзенхауэр» находился приблизительно в 140 км к югу от Пакистана, погода была не очень хорошая, слегка штормило, но летчики радовались, что им достался утренний полет, так как после возвращения с пятичасового задания еще оставалось много времени на занятия и развлечения. Более того, поскольку особых трудностей при выполнении задания не ожидалось, были задействованы только два офицера, занимающихся координацией прикрытия наземных операций, вместо трех. Самолет взлетел с палубы авианосца в 9:00 утра по местному времени.

Экипаж размещался следующим образом. Впереди, в рубке, сидел Слава со вторым пилотом, Джереми Арноттом. Слава командовал полетом и отвечал за безопасность экипажа. Все, кто летел со Славой, были уверены, что их жизнь в надежных руках.

Несмотря на огромные размеры самолета, людям было тесно, так как почти все внутри было занято аппаратурой для сбора информации и компьютерной техникой для ее обработки. Управляли этим сложнейшим хозяйством Эд Пойнтон и второй офицер, Рич. Их места находились в отсеке позади рубки, с которой их соединял узкий проход. Дверь в рубку во время полета оставалась закрытой.

В этом же отсеке находилась откидная дверь, через которую команда попадала в самолет.

Первые четыре с половиной часа прошли по плану. Когда поставленная задача была выполнена, Слава направил самолет обратно к авианосцу. Большая часть пути была пройдена, а самолет находился на высоте восьми километров, когда Джереми заметил, что давление масла в правом двигателе падает. Слава по интеркому попросил Эда, с места которого двигатель был отчетливо виден, проверить, есть ли утечка, и он подтвердил, что за правым двигателем видна струя вытекающего масла. Хватит ли масла до конца полета? До авианосца было уже рукой подать, но если все масло вытечет, двигатель не только остановится, но может и загореться. По протоколу в таких экстремальных обстоятельствах неисправный мотор следовало заглушить и посадить машину на одном двигателе. При этом лопасти неработающего двигателя располагают таким образом, чтобы не создавалась тяга, которая мешала бы рабочему мотору удерживать самолет в полете. Славе был известен такой метод аварийной посадки и, как человек, не полагающийся на авось, он на тренировках несколько раз сажал самолет с одним двигателем на палубу авианосца. Но пока необходимости в отключении двигателя не было, и Слава надеялся дотянуть до корабля. По приказу Славы Эд сообщил на авианосец о том, что происходит, и получил ответ, что все готово для их возвращения и они могут садиться сразу, как только приблизятся к кораблю.

Внезапно, километра в шестнадцати от авианосца, что составляет около трех минут полета, давление масла в поврежденном двигателе начало падать с катастрофической быстротой и мгновенно достигло опасного уровня. К этому времени самолет был на высоте всего 600 метров. Слава решил остановить неисправный двигатель.

Из рассказа Эда Пойнтона, офицера ВМС, командира радарной группы:

Когда Слава начал глушить двигатель, самолет начало трясти так, что я понял, что происходит что-то неладное. Пилотам никак не удавалось поставить лопасти перпендикулярно потоку воздуха, и это создавало дополнительную тягу. Представьте себе, что человек, хромым на одну ногу, старается кое-как идти вперед, а его за руку тянут в сторону. Между тем самолет снизился еще больше, его высота достигла уже 500 метров. Мне показалось, что пилоты, занятые установкой лопастей, не заметили опасного снижения. Я сообщил об этом в рубку. Но Слава и сам все видел. Самолет не слушался, и подняться не удавалось. Тогда он приказал сообщить на авианосец, что команда покидает самолет.

Дальше все произошло намного быстрее, чем об этом можно рассказать. Для того чтобы экипаж парашютировался, нужно было убрать входную дверь в инженерном отсеке позади рубки. Для этого имеется специ-

альная ручка возле кресла командира корабля, то есть Славы. Джереми до нее достать не мог. Поэтому Слава на секунду передал управление второму пилоту и нажатием рукоятки сбросил дверь. Дверь не открывается, а именно сбрасывается в море. После этого Слава приказал всем прыгать, стараясь удержать самолет в воздухе в течение тех нескольких секунд, которые были необходимы, чтобы экипаж покинул его. Для подготовки к прыжку тоже нужны специальные процедуры, но у пилотов не было на это времени.

Из рассказа Эда Пойнтона:

Поскольку Слава предупредил нас о необходимости прыгать, у меня и у Рича было несколько секунд, чтобы подготовиться, хотя, конечно, мы не успели надуть плоты, но, по крайней мере, спасательные жилеты мы надуть успели. Увидев, что дверь отвалилась, мы, не долго думая, прыгнули — сначала я, а следом за мной Рич. Последнее, что я слышал, это крик Славы, обращенный к Джереми: «Пошел! Пошел! Пошел!» Я не знал, стоит ли Слава за нами, готовясь прыгнуть, или еще пытается удержать самолет в воздухе. Я прыгнул, и Рич прыгнул за мной...

Вертолеты, высланные немедленно после сигнала о несчастье, подобрали сначала Эда, а затем Рича.

Из рассказа Джереми Арнотта:

Когда Эд сообщил на авианосец о нашем положении, они запросили наши координаты. Я передал их, и Слава приказал мне прыгать. Я не хотел оставлять Славу и попытался помочь ему удерживать самолет, но он закричал: «Пошел! Пошел! Пошел!» Я был уверен, что он немедленно последует за мной, и выскочил из рубки. Эд стоял в проеме двери с уже надутым жилетом. Я закричал ему, чтобы он прыгал. Он прыгнул, и Рич последовал за ним. В последний момент я оглянулся и увидел, что Слава нечеловеческими усилиями держит самолет, давая нам возможность выпрыгнуть... Мы были на высоте около трехсот метров...

Я, конечно, не успел надуть ни плот, ни жилет. Ударившись о воду, я отстегнул парашют и ушел под воду, затем вынырнул и тогда только надул жилет. Через несколько минут меня подобрал второй спасательный вертолет.

Из воображаемого рассказа Славы Зильбермана, лейтенанта ВМС США:

Когда Джереми, наконец, покинул самолет, одного взгляда на альтиметр было достаточно, чтобы сообразить — прыгнуть я уже не успею. Самолет летел так низко, что я боялся врезаться в авианосец, надвигавшийся на меня огромной массой. Я не собирался сдаваться, но сейчас главным было перелететь через корабль, именно перелететь, потому что поворот за-

нял бы ту лишнюю долю секунды, которая могла стать роковой для сотен моряков авианосца. Удержать самолет в воздухе было чертовски трудно. Проклятый рычаг так и норовил вырваться из рук. Вцепившись в штурвал так, что побелели костяшки пальцев, я все-таки перескочил через корабль, наверное, в метре от надстроек. Передо мной было море... Теперь надо посадить самолет на воду, которая была уже чересчур близко... Штормило...

... Но почему я лечу вверх? И где самолет?

Море, покрытое белыми барашками волн, с маленьким, как спичечная коробка, кораблем, все удалялось от меня, а небо становилось все ближе и ближе... потом оно раскрылось...

Место катастрофы было так близко от корабля, что его не надо было искать. Затонувший самолет нашли быстро. Славы в нем не было. Его искали три дня и три ночи, но не нашли.

Лейтенант Мирослав Зильберман был посмертно награжден высшими военными наградами. В письмах адмиралов, командиров и сослуживцев Славы много раз упоминаются слова: долг, подвиг и патриотизм. Что же означают эти слова? Об этом написаны десятки тысяч толстых и тонких книг. Мы знаем, как сотни лет этими словами пользовались, чтобы оправдать нечистые цели. Знаем мы и примеры настоящего героизма. Но сейчас эти большие, но затертые от слишком часто употребления слова в моем сознании сливаются в простой образ: две руки с побелевшими от напряжения костяшками пальцев, вцепившиеся в штурвал самолета...

Те, кого спас Слава, смотрят на свою жизнь другими глазами. Джереми, христианин, стал носить на груди, кроме креста, Моген Довид. Эд Пойнтон говорит, что, благодаря общению со Славой, его жизнь, как и всех моряков, которые общались со Славой, изменилась, и они чувствуют себя лучшими людьми, чем были раньше. Дай им Бог...

Из письма Анны Соколовой:

Каждое утро я просыпаюсь с мыслью о тебе. И я хочу набраться сил и мужества, быть достойной тебя, моя гордость! Я хочу дорасти до тебя, до той недостижимой высоты, на которую ты забрался, спасая жизнь своих товарищей, не думая о себе... Ты вернул трем матерям своих сыновей... Я постараюсь порадоваться за этих матерей и, может быть, как-то успокоить свою душу...

¹ Автор приносит глубочайшую благодарность всем, кто помог рассказать о Славе Зильбермане. Их имена — в приведенной выше истории.

Об авторах и редакторах

Самуэль Арони — см. его автобиографический очерк в наст. сборнике.

Валерий Базаров родился в Одессе в 1942 г. Эмигрировал в США в 1988 г. Закончил Одесский ун-т (1969) и Городской ун-т Нью-Йорка (1994). С 1988 г. работает в ХИАСе (Еврейское общ-во помощи иммигрантам), где до 2000 г. был зам. начальника Отдела встреч, а в наст. время руководит Отделом поиска и истории семей. Сотрудничает с израильским музеем Яд ва-Шем, помогая найти и признать заслуги тех, кто спасал евреев в годы Холокоста. Исследует историю ХИАСа, накопившего за последние сто с лишним лет бесценные архивные материалы. Публикуется в специальных и популярных англо- и русскоязычных изданиях. Регулярно выступает на междунар. конференциях по евр. генеалогии. В 2002 г. был избран членом Совета директоров Евр. генеалогического об-ва Нью-Йорка.

Сергей Блюмин родился в Ленинграде (ныне — Санкт-Петербург) в 1947 г. В 1965 г. поступил в Московскую консерваторию, из которой перевелся в Ленинградскую и окончил ее с отличием в 1970 г. по классу трубы. Работал в оркестрах старинной и современной музыки, ленинградской Филармонии, Кировского (ныне — Мариинского) театра оперы и балета и других музыкальных коллективах.

Параллельно с профессиональной музыкальной деятельностью занимался различными художественными техниками; в 1974 г. был принят в члены молодежной секции ленинградского Союза художников. В 1978 г. эмигрировал из Советского Союза, и с 1980 г. его картины экспонировались на девяти персональных выставках в США, Италии, Франции, Австрии и на многих групповых выставках в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Бостоне и других городах США. Его работы представлены в коллекциях Русского музея в Санкт-Петербурге, Гос. исторического музея в Москве, Музея прикладного искусства в Вене, музея Бакнельского ун-та и во многих частных коллекциях.

В последние годы работает над серией поэтических изданий, в которых его коллажи и карандашные рисунки сопровождают как его собственные стихотворения на английском языке (*The Song of Voiceless Birds*), так и образцы мировой народной поэзии (*Graveyard, Grey Skirt, King Castle*, etc.). Блюмин — автор нескольких эссе и пьес на английском и русском языках. Подробнее о нем см. на вебсайте: www.sergeiblumin.com

Ирина Жежко Браун защитила кандидатскую диссертацию в Ин-те конкретных социальных исследований АН СССР; была заведующей сектором в Ин-те культуры. Автор и редактор нескольких сборников по социальному проектированию, социальным и политическим технологиям. С 1989 г. живет в США.

Эрст Зальцберг родился в 1937 г. в Ленинграде. Окончил Ленинградский Горный ин-т в 1960 г. и Ленинградскую консерваторию в 1967 г. Канд. геол.-минералог. наук (1971). Автор многочисленных публикаций в области гидрогеологии на русском и английском языках. В 1981 г. эмигрировал в Канаду. Интересуясь проблемами музыкально-исполнительского искусства, опубликовал ряд статей и рецензий о выдающихся исполнителях в газетах *Новое русское слово* (Нью-Йорк), *Эксподус* (Торонто) и журналах *Clavier*, *Journal of the Conductor Guild*, *East European Jewish Affairs*, *Strad*. Автор десяти статей в сериях «Евреи в культуре русского зарубежья» и «Русские евреи в зарубежье» и книги «Great Russian Musicians: From Rubinstein to Richter» (Mosaic Press, 2002). С 2005 г. — редактор-составитель книжной серии «Русские евреи в Америке».

Илья Куксин — инженер-гидролог, канд. техн. наук. Работал в НИИ Арктики и Антарктики и в Ин-те водных проблем АН БССР. Автор около 300 науч. публикаций по инж. гидрологии, использованию и охране водных ресурсов. Публиковался также в исторических и энциклопедических изданиях Белоруссии. В Америке с 1990 г., где принимал участие в ряде науч. проектов. Со второй половины 90-х гг. публикуется в русскоязычных журналах и газетах США. Автор статей о выходах из России, принесших мировую славу Америке, — Ипатьеве, Сикорском, Зворыкине, Тимошенко, Леонтьеве. Опубликовал материалы о русском генерале — герое Гражданской войны в США, бывшем полковнике Генштаба российской армии И. В. Турчанинове (в Америке его называли Джон Базил Турчин), о пребывании адмирала Макарова и его сына в Америке.

Ирина Обухова-Зелиньска (Польша) — кандидат искусствоведения. Родилась в Москве, с 1988 г. в Варшаве, с 1991 г. работала в Германии, Швейцарии, Москве. Автор более 70 публикаций. С 1995 г. постоянный автор выпусков «Русские евреи в зарубежье» (9 статей), где с 2000 г. редактировала отдел театра и искусства. Автор очерков и соредатор книги «Евреи России в зарубежье. Очерки истории» (2008, гл. ред. М. Пархомовский). Руководитель издательско-исследовательского проекта «Юрий Анненков, жизнь и творчество», который включает подготовку к изданию (составление, перевод, комментарии) четырех книг, выпуск бюллетеня «Вопросы анненковедения» (вышло 82 номера). Председатель Об-ва друзей Анненкова. Куратор и переводчик польской версии науч.-худ. издания «Пинакотекa» (2005), подготовленного в рамках гос. проекта «Москва — Варшава, Варшава — Москва».

Яков Рабкин — см. его автобиограф. очерк в наст. сборнике.

Вадим Телицын родился в 1966 г. В 1990 г. окончил исторический факультет Уральского гос. ун-та. Работал в Ин-те истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (РАН, Екатеринбург), Ин-те экономики РАН, Ин-те российской истории РАН (Москва). С 1990 г. — науч. сотрудник Российской академии наук (РАН). Доктор истор. наук, профессор. В наст. время — ведущий науч. сотрудник Ин-та всеобщей истории РАН; старший науч. сотрудник Библиотеки-фонда «Русское зарубежье». Автор и автор-составитель более 30 науч. и научно-популярных книг. Сфера науч. интересов: история России конца XIX — первой половины XX века, русские революции и Гражданская война 1918–1920 гг., история русской эмиграции. Живет в Москве.

Кирилл Финкельштейн родился в 1949 г. в Ленинграде. Окончил Электротехн. ин-т связи им. проф. Бонч-Бруевича. В течение 20-ти лет работал в НИИ электрофизической аппаратуры им. Д. В. Ефремова инженером-конструктором и начальником группы. Автор ряда статей и изобретений в области мощных лазеров и ускорителей электронов. С 1999 г. живет в США, работает программистом. В последние годы заинтересовался историей Царского Села и эпохой Серебряного века, что привело к созданию сайта «История из домашнего архива» (kfinkelshteyn.narod.ru). Автор трех изданных в Петербурге книг и более десяти статей на историко-литературные темы, участник междунар. литературоведческих конференций, проходивших в Москве (2005) и Великом Новгороде (2009).

Дан Харув родился в Бобруйске (Белоруссия) в 1948 г. В 1973 г. окончил исторический факультет Московского педагогического ин-та. С 1977 г. в Израиле. В 1982 г. окончил факультет истории еврейского народа Иерусалимского ун-та. В 1979–1990 гг. работал в Ин-те современного еврейства, музее Яд ва-Шем и Краткой еврейской энциклопедии. С 1977 г. — зам. редактора ежегодника «Евреи на перепутье/Евреи бывшего СССР в Израиле и диаспоре». Специализируется в еврейской историографии, демографии, истории восточных общин евреев бывш. СССР и истории иудаистики. Опубликовал более 70 статей. С 1998 г. автор, редактор и консультант по истории еврейского народа НИ центра «Русское еврейство в зарубежье».

Евгений Цымбал — кинорежиссер, сценарист, историк. Дважды лауреат Российской национальной кинематографической премии «Ника», обладатель приза Британской Академии кино и телевидения (BAFTA). Автор и составитель двух книг («Александр Кайдановский в воспоминаниях и фотографиях» и «Феномен Андрея Тарковского в интеллектуальной и художественной культуре»), а также более 70 статей по истории, истории кино и литературы.

Александр Шило — художник, доктор искусствоведения, профессор (Харьков, Украина). Член Междунар. Ассоциации искусствоведов (1992), Союза художников Украины (1992). Опубликовал свыше 250 научных и критических работ, среди которых монографии «Пластика и текст в художественной деятельности» (1997); «Картина И. Е. Репина “Пушкин на набережной Невы. 1835 г.”» (2002); «Загадки Репина» (2004); «Канон и пластическое мышление в искусстве Средних веков» (2006); «Листы: искусствоведение, культурология, живопись, графика» (2010); в соавторстве с М. В. Пановой: «Пушкин: образ и самообраз поэта в русской культуре первой трети XIX века» (2002); «Автопортретный цикл Т. Г. Шевченко и жанр автопортрета в культуре романтизма» (2003); «К методологии портрета» (2007); «Пушкин: опыты и проблемы иконографии» (2009).

Посетил Русский Север, Карелию, Золотое кольцо, Прибалтику, Крым, Сибирь, Подмосковье, Италию, Черногорию, Болгарию, Мальту. Работы, выполненные в этих поездках, опубликованы в серии альбомов «Путевой дневник» (вышло 10 выпусков).

Персональные выставки: 1982, 1995, 1998–2004, 2006–2007, 2010.

Errata

В 5-й книге «Русские евреи в Америке» на стр. 37, 286, 295 и 298 вместо **Эйстрах** следует читать **Эстрайх**. Издательство выражает сожаление по поводу допущенной ошибки.

Именной указатель

А

Абрикосов Д. 82
Аверченко А. Т. 94, 95
Адамович Г. В. 72, 73, 81, 145, 251
Адлер Августа (Adler Augusta) 106
Адлер Виктор (Adler Victor) 106
Адлер Селия 118
Адлер Томас 118
Адлер Фридрих (Adler Friedrich) 106
Адлер Якоб (Adler Jacob) 106
Азадовский К. 67, 80, 105, 110
Азов В. 112
Айзман Томас 273
Алданов (Ландау) Марк Александрович 16, 127–129, 131, 173
Алейхем Шолом 289
Александр II 105
Александр III 139
Александр Михайлович, вел. кн. 141
Алексеев М. П. 80, 105
Алинский Сол (Саул) (Alinsky Saul) 6, 32–45, 47–52
Аллегре Марк 207
Альперс Бенджамин и Николас 238
Альперс (урожд. Леонтьева) Светлана 226, 233, 238
Амфитеатров А. А. 84
Амфитеатров-Кудашев В. А. 84
Ананьич Б. В. 18
Андреев Л. 68, 69, 81, 109
Андреев, художник 199
Анисфельд Борис Израилевич (Бер Срулевич) 167, 186
Анненков Ю. 112, 303, 304
Анненский И. Ф. 18
Аптекарь Лейб 252
Аптекарь Моня 253
Арагон Луи 200
Арногт Джереми 297–300
Арнштам А. 76, 77, 82
Арнштам К. 77

Арони (Аарони) Самуэль (Aroni S.) 5, 252, 263
Арто Антонен 208
Архипенко Александр Порфирьевич 167, 186
Астор Джон Джейкоб 190
Астор Эмес-Мюриэль 185, 190
Ататюрк Кемаль 266
Аусубел Н. (Ausubel Nathan) 57, 63
Ауэр Л. С. 168
Ахад Маделин (Ahad Madeline) 6
Ахматова Анна 248

Б

Бабореко А. Н. 190
Базаров Валерий 289, 302
Бакст Леон (Лейб-Хаим Израилевич, он же Розенберг Лев Самойлович) 167, 179, 182, 183, 186, 191
Балакшин П. 145
Балиев Н. 95, 125, 127, 168
Банг Герман 109
Бар Г. (Bahr Hermann Anastas) 86, 87, 93
Баренбойм Л. 164
Барнет Б. 144
Барятинский Владимир Владимирович 138, 139
Батцер Билли 216
Батчев Петр 199
Бафсет Уоррен 272
Бах И.-С. 154, 155, 158, 159, 163
Бейкер Карл 291, 293
Беккер Злата Бенционовна — см. Леонтьева Евгения Борисовна.
Беккет Самюэль 216
Беко Жильбер 266
Беленсон Эли (Елизавета, псевдоним — Эльсон Эли) 188
Беляков Иван 197
Бёме Густав (Boehme Gustav) 98, 113
Бёме Эрих (Boehme Erich) 98, 122, 126

Бенуа (урожд. Кинд) Анна Карловна
178, 179, 189
Бенуа А. А. 189
Бенуа А. Н. 6, 165, 173–180, 183, 188–190
Бергман Ингрид 130, 215
Бергнер Элизабет 76, 83, 85–88, 90,
92, 99, 101, 103, 135, 134
Бёрджес (Burgess) 34
Бердяев Николай Александрович 188
Бердяева Лидия Юдифовна (урожд.
Трушнёва) 173, 188, 190
Бертенсон Сергей Львович 137, 138
Бехтерев Владимир Михайлович 195
Билибин Александр Иванович 144
Билибин И. Я. 143, 144
Билинский Борис 199
Биллингс 59
Битти Уоррен 215
Блюмин Сергей 219, 302, 303
Богарт Хэмфри 215
Бойер Жан 210
Бонч-Бруевич В. Д. 197
Бонч-Бруевич М. А. 304
Бор Нильс 241, 243
Боулт Дж. 190
Брайнин Реубен (Brainin Reuben) 62, 64
Брак Ж. 167, 186
Бранденбург Фридрих (Brandenburg
Friedrich) 97
Брандо Марлон 215
Брауэр (Brower) О. 145
Бретон Андре 200
Брешко-Брешковская Е. К. 142
Брешко-Брешковский Николай Нико-
лаевич 142
Буланже Надя 158, 164
Бунин И. А. 121, 122, 127, 128, 134,
135, 139, 140, 144, 145, 173, 174,
189, 190, 251
Бунюэль Луис 204
Бурлюк Давид Давидович 167, 186
Буров А. П. (Бурд-Восходов) (Burov A.)
5, 66, 67, 71–74, 79, 81–83, 85, 89,
91, 95–97, 99, 100, 104, 107–110,
114–118, 120, 121, 126, 131–134,
137, 140–145, 147, 148, 152
Бухарин Н. И. 272, 277

В
Вавилов Сергей 241, 245
Вагнер Р. (Wagner R.) 32, 89, 102
Вайгель Мелвин 268
Вальдау Густав (Waldau Gustav) 127
Варшавский В. С. 251
Вахтангов Е. Б. 84
Вебстер Николас 217
Вейлер Джек 256
Векслер М. 263
Венгеров Владимир 199
Верещагин Ю. 190
Вернадский Георгий 22, 242
Верник Питер (Wiernik Peter) 62, 64
Виго Жан 203–207, 218
Визе В. 18
Виленкин Абрам Маркович 9, 10
Виленкин Александр Абрамович 9, 19
Виленкин Григорий Абрамович (Wi-
lenkin G.) 9–18
Виленкин Кларенс 18
Виленкин Яков Абрамович 9
Виленина (в замужестве Waley)
Ольга 18
Виленина Рэчел 9
Вильсон Чарльз 258
Вильянуева 278
Винчи де Леонардо 212
Витте С. Ю. 9–16, 18, 109
Воинов Всеволод Владимирович 169,
187
Вокер (Walker) 48
Волков Александр 199
Вольф Аделаида (Wolff Adelaide (Ad-
die)) 187
Ворошилов К. Е. 198
Врангель П. Н. 21
Вреде Фриц (Wreede Fritz) 137, 138
Вудворд Джоан 215
Г
Гайдар Е. Т. 237
Гальперн 192
Гальперн Мария 194, 215
Ганелин Р. Ш. 18
Ганс Абель 199, 207
Гелферих 16

- Гендель Г. Ф. 154
Герра Р. 190
Герцль Т. 64
Гершвин Д. 164, 187
Герштейн Берта 118
Гессен Борис 272, 285
Гессен В. М. 31
Гессен Иосиф Владимирович 101
Гёте В.-И. 102, 248
Гидони Александр Иосифович 101, 102
Гительман Цви (Gitelman Zvi) 269, 270, 285
Глазычев Вячеслав 51
Глемп Йозеф 161
Гоголицын Ю. 190
Гоголь Н. В. 68, 102
Голдсмит Хайман 244
Голицын Андрей 200–201
Голлербах Эрих (Эрик) Федорович 172, 188
Голубкина Анна Семеновна 169, 187
Горбачев М. С. 271
Гордин Яков 77, 118
Горный Сергей (наст. имя Оцуп Александр Авдеевич) 111, 122, 125
Горький А. М. 84, 87, 102, 139, 165, 190
Горянский В. 112
Грабарь И. Э. 165, 167–171, 174, 183, 186, 187, 190, 211
Градус Иегуда 261
Граз-Гальперн Хая-Эстер Рахмилиевна — см. Кауфман Х.-Э. Р.
Гранберг А. Д. 238
Грановский Алексей Михайлович 75, 146–148
Грас Лучано 212
Грас Энрико 217
Гржебин Э. 114
Григорьев Борис Дмитриевич 167, 169, 173, 184, 186
Грирсон Джон (Grierson John) 211, 218
Гришковский Николай Осипович 168, 187
Гровс Лесли 242
Громыко Андрей Андреевич 174, 189
Грот Н. Я. 63
Грэхэм Л. (Graham Loren R.) 285
Гузевич Д. 191
Гумилев Николай 18
Гэлбрейт Джон 233, 238
- Д**
Давыдов А. В. 9, 11, 18
Давыдов Л. Ф. 11
Дайк ван Виллард 216
Дали Сальвадор 204
Дегейтер Пьер 212
Деникин А. И. 111
Дерябин Александр 218
Деслав Эжен (Славченко Евгений или Евген) 200, 218
Деспотули Владимир 72, 81, 117, 142
Диккенс Ч. 83, 84, 135
Дин Джеймс 215
Дитрих Марлен 91, 136
Днепра 96
Добужинский Мстислав Валерианович 173, 178, 189, 190
Дон Аминадо 112
Донат Роберт (Donat Robert) 145
Достоевский 23, 68, 106, 107, 127, 144
Дуван-Торцов Исаак Эзрович 148, 149
Дузе Элеонора 185
Дымов О. (Dymow Ossip) 5, 65–85, 87–89, 91, 93, 95–106, 108, 110, 111, 112, 114–130, 133–136, 138, 140, 141, 143–152
Дымова (Смирнова) А. Н. 84
Дымова Изадора 93
Дьяконов М. А. 20, 31
Дюбуффе Жан 255
Дюкис Пьер Жан 208
Дюлак Жермена 200
Дягилев С. П. 170, 186, 189
- Е**
Евреинов Николай Николаевич 97, 172, 188, 190
Елизавета Петровна, российская императрица 226
Елизавета, императрица Австрии 105
Еллинек Г. 20, 30
Ельцин Б. Н. 271
Ермольев И. Н. 199

Ж

Жежко Браун Ирина 32, 303

Жерлицын В. 191

Жигня К. 263

Жуаннон Лео 208

Журавлева Е. В. 190

З

Зайцев И. П. 30

Зайцев Иосиф 20

Зайцев Кирилл Иосифович (отец Константин, архимандрит Константин) 6, 20–27, 31

Зайцева С. А. 31

Зальцберг Эрнст (Zaltsberg Ernst) 5, 6, 53, 63, 80, 82, 153, 156–159, 160, 161, 164, 251, 303

Зангвилл И. 64

Занц 59

Зелигман Ирма 11

Зелигман Исаак 15

Зеньковский В. 23, 31

Зилоти А. И. 168

Зильберман Даниел и Сарра 294–296

Зильберман Катерина 295, 298

Зильберман (Соколов) Мирослав (Слава, Стив) 190, 191, 289–291, 294, 296, 297, 300, 301

Зильберман Борис 290

И

Ибер Ж. 164

Ибсен Г. 139

Иванов В. 81

Иванов Вячеслав 101

Илларионов А. Н. 237

Иоанн (Максимович) 24

Иоанн Златоуст 20

Иоффе Абрам 241, 245

Ипатьев В. Н. (Ipatieff V. N.) 239, 249, 278, 279, 287, 303

Итон Сайрус 245

К

Казан Элиа (Kazan Elia) 213, 214, 217, 218

Каледина С. А. 238

Калих Яков 118, 132

Каменка Александр 199

Каменский Василий Васильевич 172, 188, 190

Камышников Л. 122, 182

Кан (Кон) Отто Герман (Kahn (Cohn) Otto Hermann) 171, 182, 187, 188

Кан Маргарет Дороти Вольф (Kahn Margaret Dorothy ("Nil")) 182

Кан Мод Мариотт Эмили Вольф (Kahn Maud Mariott) 182

Кан Роджер Вольф (Kahn Roger Wolf) 187

Кандинский Василий Васильевич 186

Канторович Леонид 236

Капица П. Л. 240, 241

Капоне Аль 35

Карми Мария (Carmi Maria) 91

Карнеги Э. 124

Карон Пьер 209

Карпов Евтихий Павлович 86, 87

Карпович Михаил 241–242

Картожинский Оскар 125, 126

Кауфман Абайя 199, 201, 203, 210, 211, 213, 216–218

Кауфман Абель Кушелиович 192, 193, 195, 199

Кауфман Борис (Борух) 5–6, 192–195, 198–201, 203–207, 209–216, 218

Кауфман Давид (Вертов Дзига) 5, 192–211, 217, 218

Кауфман Михаил (Моисей) 192–198, 201, 202, 204–206, 208–211, 216–218

Кауфман Семен Абелевич 193

Кауфман Хая-Эстер Рахмилиевна 192, 193, 195

Кауфман Эндрию 212, 216, 218

Кахан А. 56

Кацир Эфраим 276

Кацнельсон Л. 63

Качалов В. И. 168

Кейнс Джон 226

Келлерман Бернгардт (Kellermann Bernhard) 138–140

Кеннеди Роберт 45

- Керенский Александр 173, 242
 Кесслер Давид (Kessler David) 118, 132
 Кинг Мартин Лютер 40, 41
 Кирсанов Дмитрий (Каплан Марк) 199, 207
 Китон Бастер 216
 Кленовский Дм. 18
 Клер Рене 200
 Клинтон Хиллари 32
 Клопфер Эуген (Klöpfer Eugen) 127
 Книппер-Чехова О. Л. 168
 Кованько Наталия 199
 Козырева Н. 190
 Кокарев И. В. 51
 Колесников Степан Федорович 169, 187
 Колин Николай 199
 Комиссаржевская В. Ф. 149
 Комиссаржевский Ф. Ф. 148, 149
 Компанец Жак 210
 Коненков Сергей 169
 Кони Анатолий Федорович 195
 Конрад Дода 156–158
 Кончаловский Петр Петрович 169, 174, 187
 Копланд А. 164
 Корнфельд М. 95, 112
 Коростелев О. А. 81
 Коростовец И. Я. 14, 18
 Костанди К. К. 185
 Кохут Александр (Kohut Alexander) 63, 64
 Кохут Ребека (Kohut Rebekah) 60, 64
 Кочетков А. 93
 Коэн Филип (Cowen Philip) 62, 64
 Кратц Г. 82, 105
 Краус Адольф (Kraus Adolf) 15, 16, 18
 Крейд В. 246, 249
 Кремер Иза Яковлевна (Креймер Лия) 124
 Кристиан-Жак 206
 Крупская Надежда 196
 Крымов Владимир Пименович 120, 122, 139, 145, 146, 151
 Ксения Александровна, вел. кн. 140, 141
 Кугель Александр Рафаилович (псевд. Homo Novus) 96, 97
 Кугель С. Я. 287
 Кудрин А. Л. 237
 Кузнец Саймон (Семен Абрамович) 236
 Кук Фиелдер 217
 Куксин Илья 226, 239, 249, 303
 Кун Томас 277, 287
 Куперен 154
 Кусевицкий С. 154
 Кускова (Кускова-Прокопович) Екатерина Дмитриевна 81, 89–90
 Кустодиев Борис Михайлович 183, 189
 Кушнир Александр 285
- Л**
- Лавринец П. 102
 Лавров А. 67, 80, 105, 110
 Ладумег Жюль 205
 Ландовская Ванда (Landowska Wanda) 5, 153–160, 163, 164
 Лауз Макс 240
 Лебедев Аарон 118
 Левашов 199
 Левинсон Адольф 15
 Левинсон-Левин (Левинсон-Левине) Леон Осипович 105, 119, 151
 Лергран М. 164
 Леже Фернан 200
 Лейзин Фред 261
 Лейкинд О. Л. 191
 Лени П. 136
 Ленин 89, 196, 197, 208, 276
 Лентулов Аристарх Васильевич 169, 187
 Леонидов В. 190
 Леонидов Леонид Давидович 110, 112
 Леонтович Е. 130
 Леонтьев Василий Васильевич (старший) 226, 227,
 Леонтьев Василий Васильевич (младший) 226–238, 303
 Леонтьев Иван 226
 Леонтьев Леонид 231
 Леонтьева Евгения Борисовна (урожд. Бекке Злата Бенционовна) 227, 228

Ли Вивьен (Хартли Вивьен Мэри) 183, 189
Либкнехт Карл 196
Лилиенблум М. 63
Лимож Камиль (Limoges Camille) 264–266, 285
Липати Д. 164
Лисенко Наталия 199
Литвинов Максим Максимович (Валлах Меир-Генох Моисеевич) 121, 122
Лодс Жан 200, 201, 205, 218
Лозински Элизабет 203
Лорансен Мари 167, 186
Лорен Софи 215
Лоуренс Аня 156
Лошаков М. М. 199
Лукач Д. 92
Лукьянов Валерий 27
Лью Генри 153, 154, 156
Льюис Джон (Lewis L. John) 36, 50
Людвиг II Баварский 105
Люксембург Роза 196
Люмет Сидней 214, 216–218
Лютер Артур Федорович 108, 125–127

М

Маар Дора 220
Мазепа Александр 219, 221, 223–225
Макиавелли Никколо 49
Маковский С. К. 73, 78, 80, 165, 190
Мальцева Л. 149
Мами Жан 205
Ман Рей 200, 220
Мандельштам Л. 54, 63
Маньяни Анна 215
Мао Цзэдун 24
Мапу Аврахам 53, 63
Маркевич И. 164
Маркс Карл 276
Маркс Эстелла 233, 238
Матисс А. 167
Махно Н. 167
Махров К. В. 191
Машков Илья Иванович 169, 187
Маяковский В. 95, 101, 197, 211
Мейерсон Анна (псевд. Морозова Анна) 241

Мейерхольд В. Э. 111
Мельник Осип (Иосиф) Соломонович 104, 105, 109
Менар 192
Менжулин Вадим 285
Менотти Д. 164
Менцель Адольф 105
Меньшиков М. О. 17
Меньшова И. А. 191
Миган Джозеф 36
Мид Герберт 33
Мийо Д. 160, 164
Мийо Мадлен 160
Микулинский С. 265
Миллер Артур 214
Минелли Лайза 215
Мирская Елена (Mirskaya E. Z.) 280, 281, 287
Митчелл У. 231
Митюрин Дмитрий 238
Михайлова (урожд. Сомова) Анна Андреевна 170, 187
Михоэлс Соломон 240, 249
Модильяни А. 167
Модо Поль 209
Мозжухин Иван 199
Монтан Ив 266
Монте П. 154
Морган, семья 172
Москвин И. М. 168
Моцарт В.-А. 155, 156
Мошковский Мориц 156
Мульченко З. М. 287
Мунштейн (Лоло) Леонид Григорьевич (Леон Гершкович) 95
Мурнау Ф. 136
Муссиак Леон 200, 204, 205, 218
Муссолини Б. 245
Мэддисон Ларри 216
Мямлин И. Г. 190

Н

Набоков Владимир 242
Назимова Алла 75, 123, 124
Налимов В. В. 287
Нарышкина Мария Константиновна 190

- Наумов А. Н. 31
 Нектарий (Чернобыль) 24
 Николай I 141
 Николай II 12, 140, 141
 Нилус Петр Александрович 172, 188, 191
 Нитти Франк 35
 Нордау М. 64
 Носик Б. 191
 Носсек Макс 212, 217
 Ньютон Хелмет 222
 Ньютон Исаак 226, 272, 285
- О**
- О'Брайен Дэйв 216
 Обама Барак 6, 32, 38, 47
 Оболенская Э.-М. 184, 185
 Оболенский Сергей Платонович 184, 185, 189
 Оболенский-Нелединский-Мелецкий Платон Сергеевич 190
 Обухова-Зелиньска И. 5, 6, 65, 80, 81, 84, 191, 303
 Ольга Федоровна, вел. кн. 141
 Оппенгеймер Р. 244
 Орвелл Д. 49
 Орлова 168
 Ортега Х. 49
 Островский А. 87
 Оцеп Ф. А. 143
 Оцуп Александр Авдеевич — см. Горный Сергей.
 Оцуп Н. 18
- П**
- Павлов Иван Петрович 195
 Павлова Анна 168, 169
 Павлова Н. Ю. 238
 Панова М. В. 305
 Папас Ирена 215
 Парло Дита 207
 Пархомовский М. А. 5, 6, 63, 164, 190, 191, 251, 303
 Пекье Морис 210
 Перельман Герман 127
 Перельман Иосиф 66
 Перлофф Харви 255, 257, 263
- Петров-Водкин Кузьма Сергеевич 183, 187
 Петшак Влодзимеж 161
 Пикабия Франциско 200
 Пемстер 205
 Пикассо П. 167, 186, 220
 Пикон Молли 118, 132
 Пильский Петр Моисеевич 119, 120, 144, 145
 Пинскер Л. 63, 77
 Пирс Жан 212
 Планк Макс 240
 Плейель 158
 Плещеев А. А. 83, 84, 152
 Плещеев А. М. 84
 Пойнтон Эд 298–301
 Полиньи Серж 210
 Поллок Джон 139
 Потемкин П. 95
 Потоцкая-Михоэлс Анастасия 249
 Прайс Дерек (Price Derek de Solla) 249, 264, 265, 277, 285
 Прегель С. Ю. 247, 251
 Преминджер О. 217
 Прессбургер Фред 217
 Протазанов Яков 199, 200
 Пружан И. Н. 182, 191
 Пудовкин В. 144
 Пуленк Ф. 154, 156
 Пунин Н. 18
 Путин В. В. 237
 Пушкин А.С. 68, 148, 149, 246, 248, 305
 Пэйн Томас 32, 39, 51
- Р**
- Рабинович Александр (Rabinowitch Alexander) 239, 240, 244, 249, 250
 Рабинович Евгений Исакович (Rabinowitch E.) 239–242, 244, 245, 246, 248, 249, 251
 Рабкин Яков (Rabkin Yakov) 5, 264, 265, 285–288, 304
 Радаков А. 95
 Радлов Э. Л. 229
 Разин 148
 Раич Евгений — см. Рабинович Евгений Исакович.

Райян Нин 187
Рассел 245, 250
Ратке Вэйд 46
Ратке Дэйл (Rathke Dale) 46
Ратов Григорий 66, 75, 76, 79, 129,
130, 139, 142, 145
Рахманинов С. В. 168, 172, 174, 186,
187
Рашед Рошди (Rashed Roshdie) 265,
285
Режани Серж 266
Резник Вильям 216
Рейган Дженни Феррар 183
Рейган Рональд 234, 237
Рейниц Бела (Reinitz Bela) 91, 92, 97
Рейнхардт (Reinhardt) Макс 66, 67,
71, 78, 79, 81, 91, 93, 97, 106, 113,
114, 117, 121, 122, 125, 127, 136, 147
Рембо Артур 203
Ре-ми (Ремизов-Васильев Н. В.) 95
Ремизов Алексей 251
Ренуар Клод 210
Ренуар Огюст 200
Репин И. Е. 185, 305
Рерих Н. К. 101, 172, 188
Ресто Денис (Restout Denise) 5, 153,
154, 156–164
Ридель 146
Ринглинг Джон 184, 189
Ринглинг Мэйбл Бартон 183, 189
Ритт Мартин 217
Робинсон Айра (Robinson I.) 275, 287
Робичек Курт (Robitschek Kurt) 111
Родакевич Хенвар 212, 216
Роджерс Генри Хаддлстон 189
Роджерс Мэри Бенджамин 183, 189
Родзинский Артур 156
Родченко Александр 198, 220
Розанов В. В. 106
Розен Роман Романович 15
Розенберг (Rosenberg) 154, 164
Розенталь Г. 53, 62
Рой Хилл Джордж 217
Романовы 11
Роом Абрам 195
Ротблат Джозеф (Rotblat Joseph) 242,
243, 245, 246, 248–250

Рофски Мэрилин 292, 294
Рощина-Инсарова Е. Н. 83, 84, 86,
94, 96, 134, 145, 246
Роянковский Федор 242
Руденко Владимир 200
Рузвельт Теодор 12
Рузвельт Франклин Делано (Roosevelt
Franklin Delano) 117–119, 127,
233, 234, 245, 272
Руманов Аркадий Вениаминович (Аб-
рам-Исаак Беньямин) 5, 65, 80,
83–85, 105, 119, 126, 133, 137, 140,
141, 145–148
Руманов Михаил 137
Руманова (урожд. Штембер) Евгения
(Женни) Лазаревна (Львовна)
84, 90, 91
Рылов Аркадий Александрович 169, 187

С

Саблин Евгений Васильевич 148, 149
Савинков Борис 19
Садек Владимир 262
Салес-Гомес П. Е. 218
Саломон Жан-Жак (Salomon Jean-
Jacques) 265, 269, 270, 285
Саломон Клер 265, 285
Сваровски Ганс (Swarowsky, Hans) 97
Свилова Елизавета 196, 202
Севастьянов И. И. 178, 189
Северюхин Д. 191
Сегал Алекс 217
Сегал Джордж 215
Седых Андрей (наст. имя Цвибак Яков
Моисеевич) 173, 189, 191
Селзник Д. 130
Семенов А. Ю. 18
Семенов Н. Н. 245
Силberman Чарльз (Silberman Charles)
43, 51
Симмонс Роджер 17, 19
Симон Хелен 34
Симпсон Генри 244
Синклер Эптон 36, 51
Скарлатти А. 154, 156
Сквирский 253, 263
Скрябин А. Н. 194

- Смирнов А. Е. 18
Смирнов Дмитрий Алексеевич 140, 148, 149
Смит Адам 226
Смоленский П. 63, 185, 187
Собинов Леонид Витальевич 142
Собчак Анатолий 237
Соколов Григорий Герасимович 289, 290
Соколов Мирослав — см. Зильберман Мирослав.
Соколова Анна 289, 290, 295, 298, 301
Соколовы-Зильберманы 290
Сола Мендес де Ф. (Sola Mendes de F.) 62, 64
Сологуб Ф. 79, 150
Сомов Евгений Иванович 187
Сомов К. А. 165, 167–170, 182, 183, 186, 187, 190
Сорин (Sorin) Савелий Абрамович 6, 165–185, 187, 189–191
Сорина А. С. 172, 173, 183
Сорокин Питирим 272
Сорос Джордж 47, 272
Спилберг Стивен 263
Стайгер Род 215
Сталин 74, 197, 198, 209, 212, 231
Сталмен Юлиус 256
Станиславский К. С. 124, 168
Старевич Владислав 199
Старр Сесил 216
Стен Анна (Sten Anna) 143, 144
Столыпин П. А. 24, 217
Стравинский И. Ф. 189
Стрижевский Владимир 199
Струве П. Б. 20–23, 31
Судейкин Сергей Юрьевич 167, 169, 173, 182, 186, 190
Судейкина В. А. 191
Судьбинин (Головастикив) С. Н. 167–169, 171, 186
Сулержицкий Л. 84
Сунь Цзы (Sun Tzu) 49, 51
Сутин Х. 167, 186
Сушкевич Б. 84
Сцилард Л. 240, 243, 244
Сытин И. Д. 84
- Т**
Татищев С. С. 10, 18
Телицын В. Л. 6, 20, 31, 304
Теллер Э. 244
Тимашов Николай 242
Тименчик Р. 102
Толстая А. Л. 173
Толстой А. В. 191
Толстой И. Л. 168
Толстой Лев 71, 105, 107, 139, 144, 153
Томашевский Б. 67, 122
Тоом Ольга 196
Тосканини Артуро 187, 212
Третьяков В. П. 174
Троц Адольф 76
Тулузакова Г. П. 191
Тургенев И. С. 102
Туржанский Вячеслав 199
Тухачевский 198
Тухольский Курт (Tucholsky Kurt) 90, 91, 94
Тыркова-Вильямс Ариадна Владимировна 148
Тэффи (Лохвицкая Надежда) 95, 251
- У**
Ульштейн Леопольд 101, 105
Ульянова Мария 196
Урбан Г. 153
Урбах Эфраим 276, 287
Урванцов Лев Николаевич 94, 95
Уэллс Орсон 130
- Ф**
Фалья де Мануэль 154, 156, 160
Федоров Георгий 242
Фёдоров М. М. 20, 30
Фейдт (Вейдт) Конрад (Veidt Conrad) 76, 136, 138, 139
Ферми Энрико 242
Фешин Николай Иванович 172, 188, 191
Филарет (митрополит) 27
Финкельштейн Кирилл 6, 9, 18, 112, 304
Фишберг Мариус (Fishberg Maurice) 62, 64

Флобер Гюстав 31
Фокин М. М. 70, 168, 176
Фольмёллер Карл (Vollmoeller Karl)
90, 91, 93
Фомин С. В. 31
Фонда Генри 215
Франк Джеймс 240–244
Франк Семен Людвигович 173, 189
Фрейдус Абрахам 53–63
Френке Евгений (Юджин) (Frenke
Eugen) 143, 144
Фреунд Мария 144, 164
Фрумкин А. А. 245
Фуко Мишель 268
Фурсенко Андрей 281

Х

Хабермас Юрген 268
Хайош Энест 209
Хакеншмидт А. — см. Хаммид А.
Хаммид Александр (наст. имя Хакен-
шмидт Александр) 212, 216, 217
Хансен Макс (Hansen Max) 111
Хатвани Людвиг Лайош (Hatvany Lud-
wig-Lajos) 95, 96
Хаттон Вулворт Барбара 183, 189
Хаусман Исроель 274
Хейфиц Яша 168
Хенаф ле Рене 210
Херман Джастин 212, 216
Ходес Роберт 216
Холмская Зинаида 97
Хорти Миклош 95
Хоуп Боб 215
Хоффман фон Николас (Hoffman von
Nicholas) 41, 49, 50, 52

Ц

Цанов 168
Цемах Нахум 148
Цетлин Мария Самойловна 173
Циммер Бернар 210
Циннер Пауль 76, 85, 87
Цукерман Харриет (Zuckerman H.)
272, 285
Цымбал Евгений 5, 192, 217

Ч

Чабан Е. 6
Чайковский П. И. 189
Чедвик Джеймс 242, 243, 250
Чемберс М. Я. 144
Черепов А. 149
Черкесов А. Ю. 189
Черкесов Юрий Юрьевич 176, 177,
189
Черкесова-Бенуа А. 175, 189
Чёрный Саша 95
Чехов А. 87, 139, 149, 168
Чехов Михаил Александрович 148,
149
Чубайс А. Б. 237
Чуковский К. И. 165, 191

Ш

Шалапин Ф. И. 75, 123, 142, 168,
174, 189
Шалыпина Дассия Фёдоровна 189
Шварц Морис 70, 118
Шейн Леонард 258
Шекспир У. 123, 154
Шёнберг А. 157
Шерф Зеев 256
Шеффер К. 230
Шефферс Вилли (Schaeffers Willi)
110, 111
Шилз Эдвард 270
Шило Александр Всеволодович 6,
165, 305
Шильдраут Рудольф 70
Шиндлер Ганс 111
Шифф Якоб (Джейкоб) (Schiff Jacob
Henry) 11, 14, 15, 18, 54, 61–63
Школьник Меер (Мертон Роберт) 272
Шнайдер Аллан 217
Шометт Анри 209
Шопен Ф. 102
Шоу (Show) Клиффорд 35–37
Шрёдер Брижит (Schroeder-Gudehus
Brigitte) 264, 265, 267, 285
Штайнзальц Адин 269, 279
Штейншнейдер 59
Штембер Е. Л. — см. Руманова Е. Л.
Штраус Оскар 15

Штюрк фон Карл (Stürgkh von Karl) 106
Шуберт Ли 130
Шумихин С. 67, 72, 81, 84, 117, 120, 128, 131, 134, 136, 143, 151
Шумяцкий Борис 209
Шустер Д. 191
Шухаев Василий Иванович 172, 183, 188, 191

Щ

Щедрин В. 66, 70, 80–82, 124
Щербакowa Г. Б. 191
Щербатский Ф. 18

Э

Эгиз Борис (Борух) Исаакович 172, 188
Эдуард VII 102
Эйзеншитц Бернар 201, 206, 218
Эйзенштейн Сергей 197, 200
Элвей М. 140
Эльбаз Шломо 275
Элюар Поль 200
Эммер Лучано 212, 217
Энгр Ж. 183, 184
Эпштейн Жан 200
Эпштейн М. Г. 192

Ю

Юргенс Виктор 217
Юрок Сол (Гурков Соломон Израилевич) 175, 176, 178–180, 189
Юшкевич Семен Соломонович 110, 111

Я

Яворская Лидия Борисовна 138, 139
Якоби Ирвинг 217
Яковлев Александр Евгеньевич 167, 169, 172, 184, 186, 188
Яковлева Е. 80
Янгиров Рашит 76, 82, 218
Яннингс Эмиль 136
Ярмолинский А. 53, 62

А

Adler Augusta — см. Адлер Августа.
Adler Friedrich — см. Адлер Фридрих.
Adler Jacob — см. Адлер Якоб.
Adler Victor — см. Адлер Виктор.
Ahad Madeline — см. Ахад Маделин.
Alinsky Saul — см. Алинский Сол.
Ameche Don 145
Aroni S. — см. Арони Самуэль.
Ausubel Nathan — см. Аулубел Н.

В

Bahr Hermann Anastas — см. Бар Г.
Bang Hermann — см. Банг Герман.
Barwig N. 161
Bergner Elizabeth (Ettel Elizabeth) — см. Бергнер Элизабет.
Berseneff-Ferry O. 287
Boehme Erich — см. Бёме Эрих.
Bolotin V. V. 263
Brainin Reuben — см. Брайнин Реубен.
Brandenburg Friedrich — см. Бранденбург Фридрих.
Brower O. — см. Брауэр О.
Bruckner 89

С

Carmi Maria — см. Карми Мария.
Chuo Koron 288
Cohan A. 63
Cohen Naomi Wiener 18
Collins Catherine 163
Cowen Philip — см. Коэн Филип.
Czinner Paul 83, 85, 86, 92, 94

Д

Delgado Gary 50
Doering Bernard 50
Donat Robert — см. Донат Роберт.
Drinkwater John 75, 123, 124, 129
Dymow Ossip — см. Дымов О.

Е

Eisemon Thomas 286
Eckelman 116, 117, 285

- F**
 Fishberg Maurice — *см.* Фишберг Ма-
 риус.
 Frantz Douglas 263
 Frenke Eugen — *см.* Френке Евгений.
- G**
 Gitelman Zvi — *см.* Гительман Цви.
 Glickman S. 164
 Graham Loren R. — *см.* Грэхэм Л.
 Grierson John — *см.* Гирсон Джон.
- H**
 Hansen Max — *см.* Хансен Макс.
 HatvanyLudwig-Lajos — *см.* Хатвани Л. Л.
 Hawkins Robert 163
 Hersholt Jean 145
 Hoffman von Nicholas — *см.* Хоффман
 фон Николас.
 Horwitt Sanford 51
- I**
 Inhaber Herbert 287
 Ipatieff V. N. — *см.* Ипатьев В. Н.
- J**
 Jacobs Jane 51
 Jannings Emil 135, 136
 Jungk Robert 249
- K**
 Kagansky 123, 124
 Kahane David 51
 Kahn (Cohn) Otto Hermann — *см.* Кан
 Отто Герман.
 Kahn Margaret Dorothy («Nin») — *см.*
 Кан Маргарет Дороти Вольф.
 Kahn Maud Mariott — *см.* Кан Мод Ма-
 риотт Эмили Вольф.
 Kahn Roger Wolf — *см.* Кан Роджер
 Вольф.
 Karenga Maulana Ron 51
 Kazan Elia — *см.* Казан Элиа.
 Kellermann Bernhard — *см.* Келлерман
 Бернгардт.
 Kessler David — *см.* Кесслер Давид.
 Klöpfer Eugen — *см.* Клопфер Эуген.
 Kohut Alexander — *см.* Кохут Александр.
 Kohut Rebekah — *см.* Кохут Ребека.
 Kraus Adolf — *см.* Краус Адольф.
 Kublin 132, 136
- L**
 Laffitte J.-J. 287
 Landowska Wanda — *см.* Ландовская
 Ванда.
 Lévi-Lloyd A. 286
 Lewis L. John — *см.* Льюис Джон.
 Limoges Camille — *см.* Лимож Камиль.
 Luther Arthur — *см.* Лютер Артур.
 Lydenberg H. M. 63
- M**
 Mead Herbert — *см.* Мид Герберт.
 Meegan Joseph — *см.* Миган Джозеф.
 Melnik Joseph — *см.* Мельник О. С.
 Merton Robert 285, 286
 Mirskaya E. Z. — *см.* Мирская Елена.
 Morgan Paul 110, 111
 Morris Peter 286
 Moscovitsh Maurice (Maaskov Morris)
 120
 Müller Wilhelm 287
- N**
 Nazimova Alla — *см.* Назимова Алла.
- O**
 Orr Marion 51
 Otzep Fyodor — *см.* Оцеп Ф. А.
- P**
 Picon Molly — *см.* Пикон Молли.
 Price Derek de Solla — *см.* Прайс Де-
 рек.
- R**
 Rabinowitch Alexander — *см.* Рабино-
 вич Александр.
 Rabinowitch E. — *см.* Рабинович Е. И.
 Rabkin Yakov M. — *см.* Рабкин Яков.
 Rashed Roshdie — *см.* Рашед Рошди.
 Rathke Dale — *см.* Ратке Дэйл.
 Ratoff Gregory — *см.* Ратов Григорий.

Reinitz Bela — *см.* Рейниц Бела.
Reinhardt — *см.* Рейнхардт Макс.
Restout Denise — *см.* Ресто Денис.
Robinson I. — *см.* Робинсон Айра.
Robitschek Kurt — *см.* Робичек Курт.
Roosevelt Franklin Delano — *см.* Руз-
вельт Ф. Д.
Rosenberg — *см.* Розенберг.
Rotblat Joseph — *см.* Ротблат Джозеф.

S

Salomon Jean-Jacques — *см.* Саломон
Ж.-Ж.
Salomon-Bayet Claire — *см.* Саломон
Клер.
Sanders Marion K. 51
Schaeffers Willi — *см.* Шефферс Вилли.
Schiff Jacob — *см.* Шифф Якоб.
Schleifer M. F. 164
Scholler 113, 114
Schollmeyer Josh 249
Schroeder-Gudehus Brigitte — *см.* Шрё-
дер Брижит.
Show — *см.* Шоу Клиффорд.
Silberman Charles — *см.* Силберман
Чарльз.
Sola Mendes de F. — *см.* Сола Мендес
де Ф.
Sorin — *см.* Сорин С. А.
Stein Ben 285
Stark Johannes 286
Sten Anna — *см.* Стен Анна.
Stracham Donald C. 115, 117
Stürgkh von Karl — *см.* Штюрк Карл фон.
Sun Tzu — *см.* Сунь Цзы.

Swarowsky Hans — *см.* Сваровски Ганс.

T

Talbot Rice Elizabeth 18
Talbot Rice Tamara 18, 19
Tocqueville de Alexis 51
Tuchman Maurice 263
Tucholsky Kurt (Tiger Theobald, Panter
Peter, Hauser Kaspar, Wrobel Ig-
naz) — *см.* Тухольский Курт.

V

Vadum Matthew 51
Veidt Conrad — *см.* Фейдт (Вейдт) Кон-
рад.
Vollmoeller Karl 90, 91, 93 — *см.* Фоль-
мёллер Карл.
Vries de W. 159, 160, 164

W

Wagner R. — *см.* Вагнер Р.
Waldau Gustav — *см.* Вальдау Густав.
Walker — *см.* Вокер.
Walker Mark 288
Wiernik Peter — *см.* Верник Питер.
Wilenskin G. — *см.* Виленкин Г. А.
Witte — *см.* Витте С. Ю.
Wolff Adelaide (Addie) — *см.* Вольф
Аделаида.
Wreede Fritz — *см.* Вреде Фриц.

Z

Zaltsberg E. — *см.* Зальцберг Эрнст.
Zuckerman H. — *см.* Цукерман Хар-
риет.

Содержание

Э. Зальцберг. Предисловие	5
---------------------------------	---

ИСТОРИЯ

К. Финкельштейн. Григорий Абрамович Виленкин (1864–1930)	9
В. Телицын. Двадцать пять лет и вся жизнь	20
И. Жежко Браун. Сол Алинский — профессиональный мятежник	32

ЛИТЕРАТУРА И БИБЛИОГРАФИЯ

Э. Зальцберг. Фрейдус, человек книги	53
И. Обухова-Зелиньска. Осип Дымов: путешествие сквозь социокультурные пространства	65

ИСКУССТВО

Ванда Ландовская и Денис Ресто в Америке (письма Д. Ресто, 2002–2004). Вступ. заметка, публ. и коммент. Э. Зальцберга	153
А. Шило. С. А. Сорин в Америке	165
Е. Цымбал. Борис Кауфман и его старшие братья	192
С. Блюмин. Капля в море	219

НАУКА

И. Куксин. Василий Васильевич Леонтьев	226
И. Куксин. Евгений Исаакович Рабинович	239
С. Арони. Судьба и профессия: мой опыт шести десятилетий	252
Я. Рабкин. О науке и жизни: от истории к истории	264

ВОЕННОЕ ДЕЛО

В. Базаров. Восхождение	289
Об авторах и редакторах	302
Именной указатель	306

РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ

Том 22

РУССКИЕ ЕВРЕИ
В АМЕРИКЕ

Книга 6

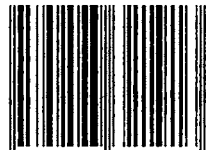

Редактор-составитель
Эрнст Зальцберг

Ответственный редактор *С. В. Смоляков*
Корректор *Н. М. Баталова*
Художник *П. П. Лосев*
Оригинал-макет *А. Б. Левкина*

Издательство «Гиперион»,
191180 Санкт-Петербург, Фонтанка, д. 78.
Тел./факс +7 (812) 315-4492, +7 (812) 591-2853
E-mail: hyp55@yandex.ru
www.hyperion.spb.ru
Интернет-магазин: www.hyperion-book.ru

ISBN 978-5-89332-191-3

9 785893 321913

Сдано в набор 15.02.2012. Подписано в печать 16.04.2012.
Усл. печ. л. 19,6. Формат 60×88¹/₁₆. Печать офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ № 073.

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.
Тел./факс (812) 766-05-66
E-mail: renome@comlink.spb.ru
www.renomesp.ru

